books2ebooks.eu

СЕМАШКО Н. А.

Великий вождь : худож.-лит. сборник / под ред. Н. А. Семашко

Москва : [б. и.]
1924

University Library of Tartu: 1VIII B-371

books2ebooks.eu

UNIVERSITY OF TARTU
LIBRARY

EOD - Millions of books just a mouseclick away! In more than 12 European countries!

Thank you for choosing EOD!
European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

■ Get the look and feel of the original book!
■ Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
■ *Search & Find:** Use the full-text search of individual terms
■ *Copy & Paste Text and Images:** Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)
*Not available in every eBook.

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book.
■ Terms and Conditions: https://books2ebooks.eu/csp/en/utl/en/agb.html

More eBooks

Already 40 libraries in over 12 European countries offer this service.
Search books available for this service: https://search.books2ebooks.eu
More information is available at https://books2ebooks.eu

ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ

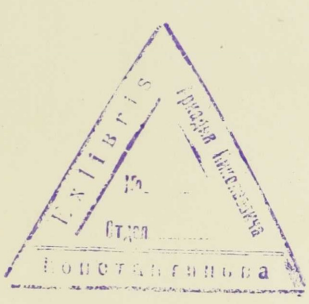
ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ

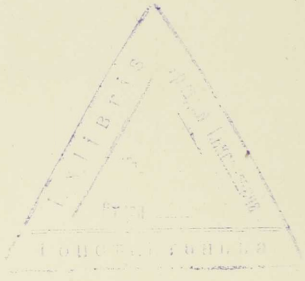
ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

под редакцией

Н. А. СЕМАШКО





Издательство Комиссии Помощи Детям при Президиуме Моссовета

МОСКВА

1924.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
221751

Гублит № 10.612 Тираж 10.000

6-я типо-литография „Транспечати“ НКПС. Москва, Б. Переяславская, 46.

Предисловие

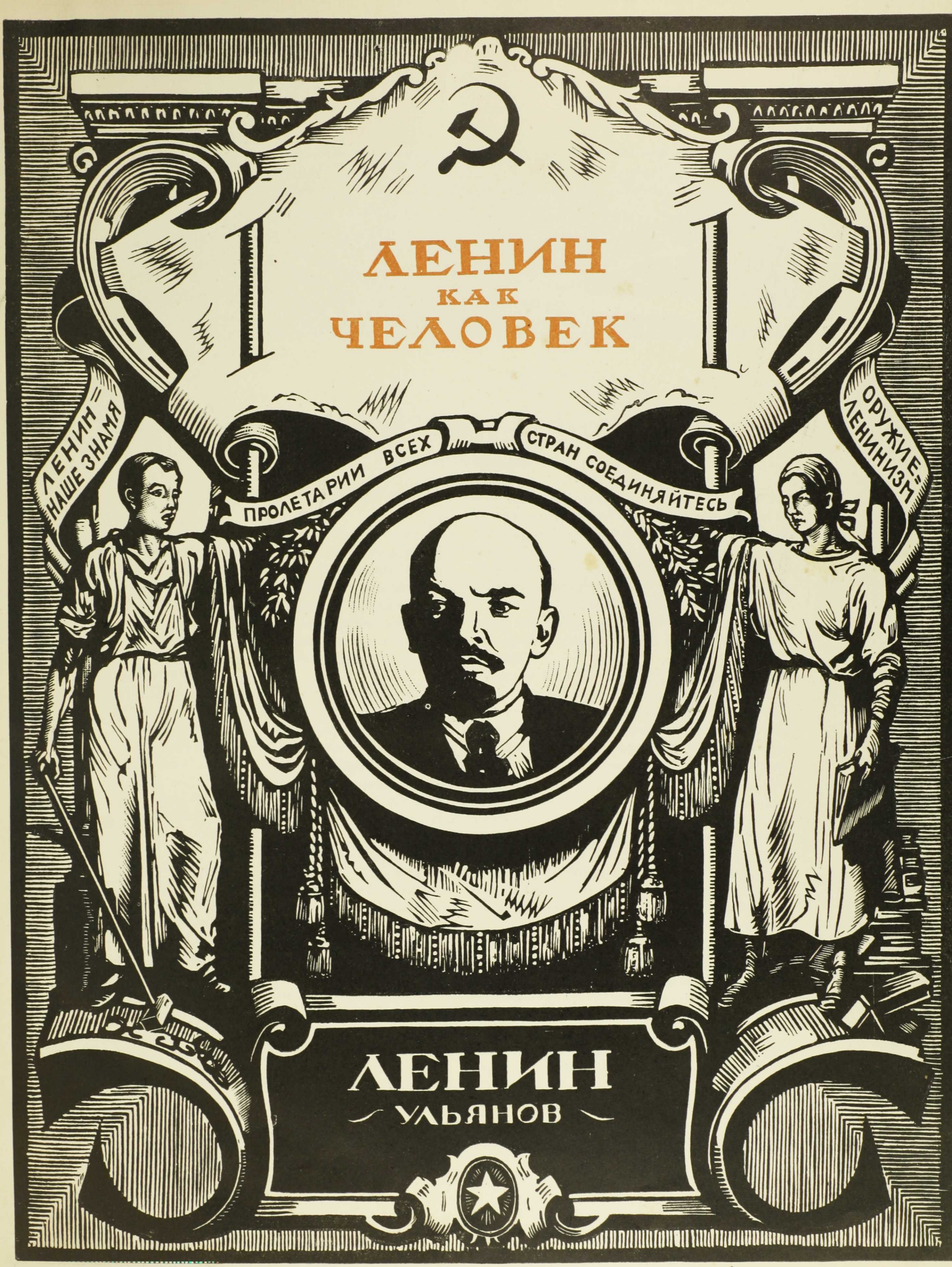
Московская Комиссия помощи детям, задумав издание этого сборника, поручила мне проредактировать его.

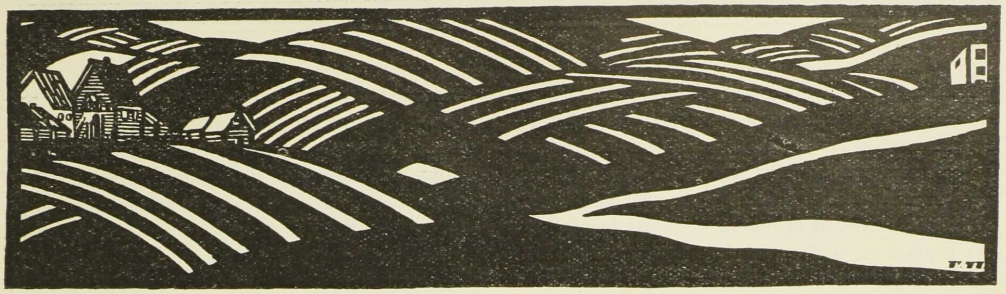
Приступив к этой работе я тотчас почувствовал, что редактировать сборник, посвященный т. ЛЕНИНУ иная работа, чем обычная редакционная обязанность. Сборник посвящен или воспоминаниям о т. ЛЕНИНЕ или оценке его деятельности. Мы сейчас изучаем ЛЕНИНА. И мне не хотелось насиловать мыслей авторов о нашем Великом Вожде: пусть один отметит и охарактеризует его одну черту, или его одно учение; другой пусть тот же вопрос осветит по-своему. Как настоящий портрет ЛЕНИНА будет создан, вероятнее всего, после того, как отдельные художники выявят свое понимание его личности, трактуя каждый по-своему, точно также и учение Вл. Ил. мы усвоим лучше всего, когда с разных точек зрения осветим те вопросы, которые он трактовал.

Вот почему редакторские обязанности в данном случае я понимал очень узко: не допускать лишь прямых ошибок.

Впрочем, все статьи, оценивающие разные стороны деятельности Вл. Ил., настолько значительны и написаны такими товарищами, что в моей редакции и не нуждались. Я лишь постарался возможно полнее собрать материал, характеризующий Великого Вождя. Думаю, что в таком виде сборник будет ценным вкладом в литературу об Ильиче и ценным пособием для всех, интересующихся его учением и руководящих ленинскими кружками.

27 мая 1924. **Н. Семашко.**


ЛЕНИН
КАК
ЧЕЛОВЕК
ЛЕНИН — НАШЕ ЗНАМЯ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ
ОРУЖИЕ — ЛЕНИНИЗМ
ЛЕНИН
УЛЬЯНОВ



Ленин, его жизнь и деятельность.

(Краткая биография)

Прорыв исторического фронта
(введение)

Жизнь Ленина сама по себе—великолепнейший образец того „ленинизма“, той „марксистской революционной диалектики“, которым мы все стремимся научиться от рано ушедшего вождя. Поэтому внимательное изучение его жизни чрезвычайно поучительно для всякого, кто хочет поработать по его следам над делом укрепления и дальнейшего развития пролетарской революции.

Жизнь Ленина с самого начала представляет собою нагляднейшее, живое противоречие—из числа тех исторических противоречий, которые сперва как будто бьют в лицо человеческому здравому смыслу, вопиют против нашей логики, кажутся каким-то нелепым чудом, и лишь потом заставляют вникнуть в глубину событий и научиться понимать действительно революционный их ход.

В самом деле. С какой стати, спрашивается, Ленин, первый победитель в вековой войне угнетателя-капитала с бунтовщиком—наемным трудом, появился—где же? в полудикой, отсталой России! Какая тут логика?

Казалось бы, даже с самой же марксистской точки зрения первое победоносное восстание наемного труда против капитала должно произойти там, где и капитал, и наемный труд, и их классовая борьба созрели выше всего, дошли до края—следовательно, в Англии, в Соед. Штатах, в Германии, но никак не в России! В России ведь промышленный капитал куда моложе Англии, Франции; он куда меньше, слабее; он даже захватил собою далеко еще не все народное производство—море крестьянского мелко-собственнического трудового, частью общинного хозяйства тому прямое доказательство. А наемный труд (рабочие) составляет едва 10—15% всего населения по сравнению опять-таки с тем же безбрежным морем крестьянства—тогда как в Англии рабочих до 85%, в Германии промышленным трудом живет до 66% населения.

Как же вышло, что „рассудку вопреки, наперекор стихиям“ наша недоразвитая еще до полного капитализма Россия стала первым театром победоносной рабочей революции, сбросив полудикими руками всемирного угнетателя—капитал? Каким образом первый великий вождь этого мирового события явился именно у нас?

Не значит ли это просто-на-просто, что сила личного гения Ленина оказалась на самом деле выше всяких гаданий и предвидений человеческих, а, следовательно, и вообще в истории всесильным двигателем является не что иное, как именно гениальная личность? Иными словами—что совершенно неправа теория Маркса (а, значит, и самого же Ленина, как верного ученика Маркса) о том, что двигателем является сказанная борьба классов, основанная на развитии общественных производительных сил и производственных отношений; личности же—лишь „движимое“ этими силами, а не двигатель. „Сознание определяется бытием, а не бытие сознанием“. Выходит же из примера России и Ленина, как будто эта истина марксизма и ленинизма прямиком опровергается жизнью?

Конечно, нет. Уже самая очевидная нелепость мнимого „опровержения“ учения Ленина, т.-е. его главного и сильнейшего оружия в победе,— его жизнью показывает, что данная историческая задача решается совсем иначе. А если к ней как следует приглядеться, то задача эта как раз и свидетельствует самым громким голосом в пользу учения Ленина и Маркса.

Ленин явился в России. Да, он и должен был именно тут „явиться“, т.-е. именно тут исторически имелось плодотворнейшее поле работы для такого именно гения рабочей революции. Кто сказал, будто марксистская теория непременно обязывает, чтобы первый прорыв фронта вековой борьбы труда и капитала случился в странах богатейших, цивилизованнейших и могущественнейших по развитию капитала? Этого никто не сказал. Наоборот, ближе поглядев на дело, мы увидим, почему именно рабочая революция не могла в западно-европейских странах подыматься по прямой линии, от успеха к успеху,—как это казалось многим недомысленным ученикам Маркса из числа западных социал-демократов. Они, конечно, думали, что раз первые пролетарские революции случились там, на западе (1848—1871 г.г.), и раз социалистический Интернационал опять-таки возник там же и развился в огромные, массовые рабочие партии Германии, Франции, Англии, Италии и проч.,— то, логически, дело именно там впервые возьмет верх.

И, вдруг, капитал одним ударом ноги—великолепным, кровавым театральным представлением мировой войны—сбил долой всю эту мудрую логику, и не будь у нас, в России, гораздо более надежных условий революции, фронт не только остался бы не прорван, но пролетарская революция оказалась бы подорвана на долгие и долгие годы. В том-то и дело, что мнимо мудрая логика западных социал-демократов совершенно ошибочно, с точки зрения марксизма, оценивала на Западе все условия исторической задачи.

Эта „логика“—вопреки Марксу—глядела на вещи лишь с узкой, местной, так-наз. „национальной“ точки зрения; она не брала всего положения капитализма в мире целиком. Это величайший грех против марксизма. С этой узкой точки зрения не видно совсем того, что капитал Запада живет, как гигантский паразит, на плечах всего прочего, „колониального“ мира. Что это могучее сосание пота и крови всех трудовых крестьян и всех рабов мира позволило западному капиталу „урегулировать“ ввести в более или менее „мирное“ русло классовую борьбу у себя дома. Все эти английские, особо привилегированные трэд-юнионы (профсоюзы „обученных рабочих“), германское государственное страхование рабочих и опять профсоюзы, французская лживая „демократия“, заманивающая всякого рабочего вождя социалиста в дешевую, золоченую клетку личных выгод, разгульной парижской жизни—все это процент с мирового сосания. Процент сам по себе жалкий, ничтожный, но зато—вся рабочая „аристократия“ куплена, рабочие низы остаются без головки. Машина устроена адски-хитро.

И наихудшая фактически хитрость—это—то самое „логическое“ понимание марксизма. Будто при открытом, наглом владычестве капитала возможно „мирно“, постепенно, шаг за шагом, увеличивать массовую партийную организацию до того, что в один прекрасный день—бац, у рабочих голосов большинство в стране, они берут власть и опять-таки мирным путем, „законно“ отменяют капитализм, вводят социализм.

Так Маркс никогда не думал, наоборот, он тысячу раз предупреждал рабочих, что все „мирные завоевания“ профсоюзов и парламентские—лишь временные уступки капитала. Пока власть у него в руках, он все их сумеет взять назад, чтобы еще горше закабалить рабочие массы. И мировая война была живым уроком этого, настоящего марксизма. Все почти „вожди“ западной социал-демократии показали здесь свою действительную гниль, подделку марксизма, банкротство.

Но у нас, в России, по счастью оказался—должен был оказаться—настоящий, живой марксизм—большевизм. Оказался Ленин.

Почему именно у нас?

Да потому, что как раз положение капитала в России было далеко не так для него благоприятно, а положение наемного труда—в революционном смысле—как раз гораздо благоприятнее, т.-е. классовая борьба ярче, обнаженнее, ничем не приглушена, не прикрыта.

Российский капитал пришел на историческую сцену позже всех европейских стран. Сосать чужих, колониальных народов ему почти ничего

не оставили. Попробовал через своего „благодетеля“ царя захватить Манчжурию и Корею—но от более, близкой к месту хищницы, Японии вот как досталось! Следовательно, для политики задаривания рабочих профсоюзов и аристократии—почти никаких возможностей. Вот почему и царь, и капитал по отношению к рабочим вели, должны были вести политику открытого запрета и хозяйственных, и политических организаций. Тем самым рабочему классу оставляли один путь—открытой революции. Естественно, что на этом пути и выдвинулся гений рабочей революции—Ленин. Понятно также, что такой гений не мог „явиться“ во внеевропейских, „колониальных“ странах, ибо в них или вовсе нет еще капитализма, или капитализм еще слишком мало развит—рабочий класс представляет слишком еще недостаточную массу. История словно нарочно „выбрала“ Россию и Ленина.

Так что „чудо“ и противоречие при более глубоком взгляде выясняются к полному торжеству теории марксизма. Наоборот, то, что казалось „логикой“, „здравым смыслом“, оказывается просто беспомощным ползанием по плоским схемам (чертежам) мнимой науки. Ползанием при том заинтересованным в непонимании подлинной теории.

Остается, однако, еще сомнение из области подобных же видимых „чудес“ и живых противоречий истории. Пускай, согласимся, Ленин должен был „явиться“ именно у нас, в отсталой сравнительно России. Но, спрашивается, почему же главный герой классовой борьбы пролетариата не взялся непосредственно, так сказать, из груди самого пролетариата, а пришел к нему как бы со стороны, из чужого стана—из интеллигенции, т.-е. из мелкой буржуазии? В самом деле Ленин—сын учителя, даже дослужившегося до сравнительно „высоких чинов“ (директора народных училищ), сам никогда рабочим не был, пошел сперва по адвокатской дороге, потом был литератором. Даже происходил вовсе не из промышленной местности, наоборот из самой сельско-хозяйственной. Город Симбирск, где он родился и учился до 17 лет, был самый захолустный губернский город, даже с ярко дворянским отпечатком (множество помещичьих усадеб, с огромными садами по крутым берегам Волги и Суры). Где тут решение загадки? Ведь были же и в детстве Ленина в числе героев еще народнической революции такие яркие самородки—пролетарии, как Халтурин, Обнорский, Тимофей Михайлов, Петр Алексеев. Почему „прямая линия“, почему „логика“ событий не шла именно от них—ко все более крупным вождям именно из пролетарской среды?

Опять противоречие? чудо?

Ничуть. Просто — опять живая диалектика истории „по Марксу“. Там, где рабочие, по крайней недоступности для них средств культуры, не в силах были выставить достаточно подготовленных к исторической роли вождей (хотя героев она дала революции сколько угодно), вождь их выставлен другим революционным слоем, близким по положению к лишенным собственности рабочим,—неимущей, трудовой интеллигенцией, у которой имелось как раз то, чего слишком не хватало рабочему,—политическая культурность.

Пусть общая масса этого слоя своим положением осуждена на мелкобуржуазные колебания, судороги, скачки и измены.

Но избранная часть его, способная понять до конца всю истинную логику классовой борьбы—особенно такой прирожденный острый ум, как Ленина, оказался „созвучен“ с исключительной задачей русского рабочего класса. Он обеими ногами, „со всем багажом и оружием“ встал на точку зрения „классовой“ революции пролетариата. Понял (по Плеханову), что революция в России вообще может быть только „рабочей революцией“, и сделал отсюда все необходимые логические, а затем и практические выводы.

Впрочем в действительности историческое „чудо“ в нашем случае нисколько не больше, чем во всей истории социализма вообще. Не только ведь первые „зачинатели“ современного социализма—великие утописты, как С. Симон, Фурье, Р. Овен, были не что иное, как мелкобуржуазные и даже крупно-буржуазные „интеллигенты“, но и Маркс и Энгельс, родители подлинного пролетарского коммунизма в теории и на практике, происходили тоже из средней и крупной буржуазии, сумев перейти с почвы буржуазно-демократической революции, на которой сперва стояли, к „Коммуни-

стическому манифесту", этому евангелию всех последующих рабочих революций.

В России же, с Лениным дело обстоит, если возможно выразиться, еще более „марксистски". Ведь наша интеллигенция была гораздо более революционным слоем в течение целых десятилетий, чем соответствующие слои на Западе. Она и по своему социальному положению—как особенно резко в России обособленная от капиталистической буржуазии группа чисто-трудовой, неимущей интеллигенции — стояла в общей массе много ближе к пролетариату, чем на Западе. Она задолго „подготовила", так сказать, Ленина целым рядом высоко-героических фигур, которым, может быть, только не хватало железно-последовательной теории Ленина, чтобы быть тоже законченными „пролетарскими" фигурами в революции. В этом смысле Ленин, через 10—12 лет после смерти Желябова на виселице явился как бы воскресшим Желябовым, воскресшим — для новой, более осознанной, более обоснованной, следовательно, и более успешной работы. Мы знаем в самом деле, что для Ленина Желябов всегда оставался идеалом действенного революционера. И мы знаем, как этот неустрашимый революционер близко, душа в душу, сходился на работе с пролетариями. Ему не хватало лишь отчетливого понимания „особенной исторической роли рабочего сословия" вообще (слова Лассаля).

Так что удивляться факту происхождения Ленина из данного, как бы предопределенного в России для революции слоя, не приходится. Можно еще лишь спорить о том, является ли Ленин типичным интеллигентом-революционером, или же он скорей, „изменил" своему слою, стал русским Марксом в разрез с общеинтеллигентской струей. Но такой спор вряд ли имеет реальный исторический смысл. Конечно, всю жизнь Ленин вел (даже внутри своей собственной партии) ожесточеннейшие бои в особенности именно с „интеллигентскими", мелкобуржуазными искажениями революционного марксизма. Их он даже считал самыми опасными врагами рабочей революции вообще: вспомним лишь его беспощадную борьбу с меньшевиками и эсерами. Верно также и то, что типичным интеллигентским революционаризмом надо, конечно считать те именно его разновидности, по своему гораздо вернее отражающие собственно-интеллигентские интересы, интересы мелких собственников (вроде ремесленников, но лишь с „духовными" орудиями производства).

И тем не менее даже отказ Ленина (и его единомышленников) от своего „классового", чисто-интеллигентского интереса в пользу пролетарского интереса,—даже этот отказ у него, интеллигента, прошел чисто специфически-интеллигентским путем: „из головы"—а не как-либо иначе. Даже и в этом он остается верным сыном интеллигентски-революционной среды. Ведь в этой среде и ранее его не мало было „кающихся дворян" и „кающихся буржуа", отказывавшихся на деле, а не на словах от всех выгод своего „сословия", жертвовавших всем своим достоянием и карьерой—в интересах трудящихся. Тут Ленин не сделал ничего принципиально нового. Нет, был „костью от кости" героических предшественников. Он в этом направлении сделал лишь, правда, больше всех: отдал лучшее, что у него было,—свою „интеллигентскую" собственность, свой разум, свою необыкновенную способность к идейной последовательности—рабочему классу.

Наконец, и с чисто личной стороны Ленин, можно сказать, был предуказан историей для своей роли. Ничего не значит, что он родился и вырос, повидимому, в наибольшей дали от современного промышленного капитализма и пролетариата. Да, но зато он живо был связан с интеллигентской революцией. Его брат Александр, герой покушения 1-го марта 1887 года, погибший на виселице, был несомненно его первым учителем не только в революции, но и—в марксизме. Общеизвестный факт, что народовольцы были хорошо знакомы с Марксом, хотя и не умели в России с ее преобладающим крестьянским укладом хозяйства и недостаточным развитием капитализма, сделать всех нужных практических выводов в революционном смысле. Но нам и прямиком известно о хорошем знании Маркса А. И. Ульяновым и о беседах его с меньшим братом. Замечателен однако же факт, сообщенный недавно о Ленине его сестрой М. И. Ульяновой, что после казни брата он выразился такими словами: „Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо итти". Ясно, что личный гений

пробивался уже тогда у 17-летнего мальчика, который безошибочным чутьем улавливал тогда необходимое историческое направление русской революции—из каких-то, едва только схваченных начатков научного коммунизма.

Следует сказать еще по поводу Симбирска. Город это, конечно, отменно-нереволюционный, особенно в те отдаленные уже времена. Но—Волга. Здесь исстари билась самая живая жила русской хозяйственной жизни, здесь же скопились исторические воспоминания двух старых крестьянских революций—увы, неудачных. Какими-то путями все это отзывалось очевидно на мирном семействе симбирского педагога: не даром все младшее его поколение семьи, начиная с казненного Александра, оказалось на службе революции. Конечно, о таких отзвуках прошедшего можно только гадать, возможно, что какие-то „предрасположения" перешли по наследству от предков: дед Ленина родом тоже с Волги, из Астрахани. Отец был не совсем обыкновенным чиновником „от ведомства просвещения"; по отзыву А. И. Ульяновой он был „мирным народником", старался по-своему служить делу просвещения крестьян, за что и пострадал в конце-концов, когда при Александре III пошли реакционные „реформы" народной школы—старик был отставлен от должности и через год умер. Что касается матери Ленина, то вот что сообщает о ее незаурядном мужестве перед властями т. М. Б. Смирнов в своих воспоминаниях (приведено у т. Ем. Ярославского в книге „Жизнь и работа В. И. Ленина"):

„Это было приблизительно в 1899 г. Я был арестован в связи с стачкой петербургских ткачей... Находился я в доме Предварит. заключения, свидания с женой мне, однако, давались не там, не в присутствии жандармов, а в департаменте полиции. В одно из таких свиданий я в приемной директора департамента полиции—если память мне не изменяет—Зволянского, увидел мать Влад. Ильича, которая приехала в Петербург хлопотать о переводе ее сына из Енисейской губ. за границу или, в крайнем случае, в Псков. Вышедший из кабинета директор департамента, забывший, что перед ним стоит мать, с цинизмом царского опричника, громко, на всю залу, обратился к матери В. И. со следующей речью:

— Можете гордиться своими детьми: одного повесили, а о другом также плачет веревка.

Трудно передать (для этого надо быть художником) фигуру и выражение лица матери Ильича в том момент, когда, поднявшись, полная достоинства, она произнесла в ответ на это:

— Да, я горжусь своими детьми.

Бунтарский дух, как видно, был таки всосан с молоком матери у этих обитателей реакционно-мирного Симбирска".

И вот все элементы собраны, чтобы сказать: по учению Маркса и самого Ленина, Ленин вполне, закономерно, можно сказать, чуть ли не роковым образом подходил к своей исторической роли. Противоречие, „чудо" здесь может видеть только тот, кто не ознакомлен с диалектически-революционным характером учения Маркса и Ленина, с одной стороны, кто, с другой стороны, не достаточно вник в конкретные (определенные, фактические) особенности нашей истории. Ленин в наших условиях конца XIX в. иначе не мог, как выйти из героической революционной интеллигенциии, а выйдя, прямиком натолкнулся на учение Маркса, как лучший выход из исторических ошибок предшествующего поколения революционной интеллигенции.

И вот вам—полная историческая закономерность наместо „чуда". Полное подчинение личности, „сознания"—„бытию". Но—с тем необходимым для марксиста—добавком, что на пути этого именно подчинения личность Ленина становится затем творцом нового бытия, победителем над упорствующим старым, капиталистическим бытием, освободителем всей массы трудовых „личностей" от целей бесчеловечного, рабского бытия.

Здесь—еще живой образец „ленинизма" и „марксизма" для поучения всех нас. Ибо, если уж говорить о „чудесах" в истории, так вот об этом именно торжестве человеческого разума, осознавшего впервые в истории подлинную сущность своих собственных стихийных общественных сил, впервые вполне сознательно им подчиняющегося и именно поэтому впервые же вполне планомерно ими пользующегося. Первым из таких могучих представителей, наконец, зрелого, наконец, решительно-победоносного человеческого разума явился Ленин—

образец будущего, закономерно, научно творящего свою жизнь человечества.

В высшей степени интересно и поучительно близкое зрелище именно того конкретного скачка „из области необходимости в область свободы", который на наших глазах и при нашем посильном участии совершил Ленин.

В самом деле в чем суть его подвига? В период, когда он приступал к своей задаче, положение во всем мире было таково. Капитал и наемный труд в главных промышленных странах были „на ноже". Но посреди высшего напряжения классовой борьбы—как сказано выше—капитал успел удачными стратегическими маневрами политических, хозяйственных и „социальных" уступок надолго оттянуть, даже обезглавить и охолостить революционный напор труда. Война была последним—и дьявольски-мастерским!—ударом по строптивому рабу-труду, ударом, который действительно загнал его по уши в железное ярмо. Капитал, империализм победил—кого же? Сильнейшие социалистические организации передовых стран. Теперь—кто же мог еще противиться его власти? „Царствию его не будет конца"—казалось самодовольным лидерам капитала.

И вдруг удар—еще сильнейший, чем война—удар рабочей революции раздался из России, страны, где для него была, казалось, самая минимальная почва. Из страны почти такой же колониальной, как Персия, Китай и Индия, где империализм привык хозяйничать, как на скотобойне. Как? что? в чем дело?

Да, это был скачок! Без сомнения условия для него в России были в общем крайне неблагоприятны. Сотня миллионов мелко-собственнического, ничуть не коммунистического крестьянства, казалось, наверняка затушат своей массой революционный огонь немногочисленного пролетариата. Так дело и рисовалось (да и посейчас рисуется) буржуазному „здравому смыслу". И вот как раз этот смешанный, полуколониальный тип страны, это, повидимому, „вредное обстоятельство наличия огромных крестьянских масс точный, научный разум Ленина и использовал обратно—как величайший, единственный в своем роде шанс (счастливое обстоятельство) рабочей революции.

В передовых, пере-индустриальных странах дело „заволынено"—ладно, вывезет союз двух порознь слабых сил—русского пролетариата с русским мужичком. Ибо у мужичка неутомимая жажда „земельки", и раз рабочий эту жажду утолит помещичьей землей—мужичка „ни в жисть" больше не оторвать от судеб рабочей, коммунистической революции.

Так и случилось.

„Смычка с крестьянином"—это великое творческое изобретение Ленина и большевиков—не давалось заранее и непосредственно учением Маркса. Оно вытекло из приложения открытых Марксом общих законов развития капитализма к особенным условиям русской полукапиталистической среды. Но открытие этого „прикладного" секрета, разрешение этой „местной" загадки—целиком принадлежит Ленину и большевизму. Вот почему этот прикладно-русский марксизм правильно получил отдельное название „ленинизм"—хотя он остается родным детищем Маркса. И его приходится изучать отдельно, в виде особой „дисциплины" притом самонужнейшей в нашей текущей работе.

И—не только нам, русским. Конечно ленинское прикладное открытие произошло у нас и нам в первую голову „пользительно". У нас находился загадочный тот замок, к которому Лениным найден ключ—„диктатура пролетариата и крестьянства". И ключ-то им найден как раз в том, что считалось чуть ли не гибельным для революции. Но ведь отпертый замок Российской социалистической революции становится в свой черед ключом, впервые на деле отмыкающим все замки всех пролетарских революций в мире. Что бы там ни говорили наши враги и просто сомневающиеся, неспособные видеть и слышать, но на западе революция зреет. Пусть с трудом пробивает она стены, нагороженные вокруг нее усилиями капитала—вопрос лишь во времени. Мы ясно слышим уже, как наши ключи, гремят, подбираясь и к их английским и американским замкам. И потому подвиг Ленина есть прорыв фронта капитализма и империализма не только у нас—прорыв фронта вообще. Тому наглядное организационное выражение и порука—Лениным же опять-таки основанный III-й Коммунистический Интернационал, у нас получивший себе первое пристанище.

И Ленин же ближе указал конкретные свой-

ства того ключа, который после нашей революции отомкнет все подвалы, где томятся рабы всего мира. Это—смычка нашей пролетарской революции с колониальным Востоком, т.-е. опять-таки „диктатура пролетариата и крестьянства“ всех отсталых сторон, в огромных, широчайших рамках. Если сейчас у западного пролетариата не хватает решимости взорвать у себя власть капитала, то разгорающиеся неудержимым пламенем, жаркие очаги революции восточных рабов толкнут его на исполнение своего исторического долга. Революция в колониях в значительной мере лишит западный капитал его слишком легкого источника сверхприбылей в колониях (если не вырвет вообще колоний из когтей „метрополии“) и побудит к более реакционной, фашистской политике, к жесточайшей эксплоатации своего пролетариата „у себя дома“. Естественно, что тогда „закупленные“ капиталом вожди профсоюзов и социал-демократических партий потеряют настроенную десятилетиями почву обмана и соглашательства, и на сцену классовой борьбы снизу выйдут иные, беспощадные бойцы, иные, „ленинообразные“ вожди, заряженные пламенной классовой ненавистью. Так Востоком, крестьянским и „отсталым“, подожжен будет Запад, промышленный и цивилизованный. И тогда задача ленинизма во всю величину будет исполнена.

Чрезвычайно остроумной комбинацией капиталистических особенностей развития России с видимыми жестокими тисками ее крепостнического наследия—в конечном счете:—Парижская Коммуна, „разиновщина“ или „пугачевщина“—Ленин дал совершенно непредвиденный исход делу предвиденного Марксом лишь в общих чертах нарождения социализма в мире. „Физиономия“ наступившего переворота оказалась совсем иной, чем мыслилось многим и многим „мудрецам“ и вождям. Но ведь гений тем и отличается, что имеет собственную, непредвиденную, резко особенную физиономию и такой же отпечаток кладет на все свое дело.

Соединение этой творческой индивидуальности с глубочайшим проникновением в общие законы природы и развития современного общества—таково „уравнение жизни“ Ленина. Продолжить нам его дело—значит выдвинуть такие силы, которые способны будут и к живому познанию его учения, и к оригинальному творчеству в пределах—впрочем, уже разгаданной им в общих чертах—задачи дальнейшего прорыва мирового фронта, вплоть до окончательного низвержения капитала рабочими.

I. „Годы учения“.

Как выше частью упоминались, родился Владимир Ильич Ульянов („Ленин“—это его славная революционная кличка) в Симбирске в семье педагога Ильи Николаевича Ульянова в 1870 году, 10 (23) апреля. Семья была большая—3 дочери и 3 сына—из них и сейчас живут и работают в партии и на советской работе трое: Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич.

Там же, в Симбирске, юный Ленин вместе со старшим братом Александром прошел и курс гимназии, при чем все время с выдающимся успехом—первым учеником. Так наз. „поведение“ оценивалось у него также высшею отметкой 5, при чем в общей харастеристике со стороны „педагогического совета“ гимназии имеются интереснейшее замечание об излишней замкнутости ученика Владимира Ульянова и чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, которые были красою школы (!), и вообще нелюдимости. („Пролет. Рев.“, № 2, 1921 г.).

Впрочем, товарищи Ленина по гимназии в своих воспоминаниях говорят совсем другое. Так т. Д. Бушуев пишет след.: „Повсюду, где только являлась возможность собраться—на гуляньях, в садах, в зимнее время на катках—мы собирались своим тесным кружком, где т. Ленин ставил вопросы о демократии, о крепостном праве, о тяжелом состоянии рабочего класса, которые подвергались оживленой дискуссии. Уже и тогда Ленин имел всегда за собой большинство, умея доказать остальным правоту своего взгляда... В этих кружках принимали участие молодежь—ученики всех сословий, все, кто попадал в поле зрения Володи Ульянова.

Вот первое видимое противеречие в биографии Ленина. Чем она объясняется? Очевидно—сильным уже в детстве революционным его настроением. То, что педагогу, поставленному, чтобы следить за „благонамеренным поведением“ учеников, представлялось, „нелюдимостью“, бы-

ло в действительности только чрезвычайной— и замечательной для столь юных лет—о с т о р о ж н о с т ь ю в товариществе, в общении. С теми, кто нравился чиновнику-педагогу, кто был даже, по его мнению, „красою школы", Ленин держался уже тогда крайне далеко: понятно— это были дети помещиков, высших чиновников, богатых буржуа. И совершенно иным, недоступным глазу „следопыта", общительным, даже организатором, вожаком был он в „тесном кругу" товарищей „всех сословий", т.-е. детей трудовой интеллигенции, детей крестьян, может быть, детей рабочих—словом определенно тех, кто гарантирован, как наследственный враг царствующих помещиков, чиновников и богачей. И эта черта ранней зрелости Ленина, как противника существующего строя и даже уже как вожака, несомненно, чрезвычайно для него характерна.

Не менее замечательна и отмечаемая уже в те ранние годы его необычайная трудоспособность и умение все подчинять одной цели—приобретению новых знаний. Его сестра, М. И. Ульянова, вспоминает о том, как он целыми часами любил заниматься в саду, окруженный книгами и тетрадками; как он методически и з у ч а л читаемые (конечно, не только школьные) книги, делая себе по ним сжатые заметки. О, это был совсем не типичный российский талантливый юноша интеллигент, безжалостно разбрасывающий свои блестящие природные дарованья то в той, то в другой области, бурно растрачивающий силы,— а позже „развихлянный", беспомощно неуравновешенный. Нет, юный Ленин уже хорошо „знал, чего хотел". Что-то совершенно противоположное известным из нашей литературы начиная с Пушкина, Лермонтова и Тургенева и кончая Чеховым—типом „лишних", „гамлетов" и „нытиков". Ленин вряд ли даже способен был понимать „надрывы" и борьбу. Он п р о с т о шел, куда указывала его идея. Но эта-то простота и цельность натуры и есть его совершенно исключительное свойство по сравнению с обоим уровнем интеллигенции. Она-то духовно и сравняла, и сроднила его с п р о с т о т о й, цельностью, прямотой, решительностью рабочего класса, она-то и разъединила его с вечноколеблющимися мелкобуржуазными (типично интеллигентскими) соглашателями.

В 1886 году умер его отец, а в апреле 1887 г. казнен за неудачное покушение на царя Александра III его брат—народоволец, с четырьмя другими смельчаками-товарищами. Конечно— это злодеяние царя было дополнительным толчком Ленину к революции. Не в смысле какой-то „кровной мести". С ним здесь было лишь в особо сильной степени то же, что и со всем его поколением революционных марксистов: п р и м е р бесстрашия, героизма на службе освобождения трудового народа, вот что „толкало" на подвиги народовольцев. Близкая, дружная связь с братом лишь усиливала до крайности у Ленина это влияние.

В том же 1887 году летом он окончил гимназию. Осторожное начальство разрешило ему, как брату казненного, поступить только в провинциальный Казанский университет. Но тогдашние университеты, даже провинциальные, несмотря на все принимавшиеся правительством меры к подавлению в учащейся молодежи маломальских проявлений не только революции, но даже простого товарищеского общения (реакционный университетский устав 1884 г.),—были настоящим бродильным чаном всяческого протеста. Не пробыл Ленин студентом-юристом и нескольких месяцев, как произошла одна из обычных для того времени „студенческих историй" против реакционных профессоров и порядков, и Ленин в числе других выброшен из университета с водворением на жительство в деревню Кокушкино, Казанской губ., под „гласный надзор" полиции.

17 лет от роду начал он таким образом свое практическое участие в революционной борьбе. И первое „наказание" со стороны крепостнического правительства нимало не остановило его, скорее укрепило—как укрепляло многих и многих из его сверстников. Слабых репрессии, конечно, устрашали, но сильным, подобным Ленину, они сообщали повышенное самочувствие героев, звали на подвиг.

Следующую зиму 1888—89 г.г. Ленину было разрешено провести в Казани, но об обратном приеме в университет запрещено и думать. Просьба выехать за границу для окончания образования тоже была отвергнута разгневанными прикащиками самодержавия. Пришлось Ленину в расчете на возможную перемену обстоятельств готовиться по юридическим наукам самому— дело, ему, впрочем, достаточно привычное. В то же время он усерднейшим образом готовит

себе по марксизму, находясь в сношениях со студенческими кружками, в частности, с замечательным кружком одного из наиболее ранних русских марксистов Федосеева.

В 1889 г. Ленин переехал на жительство в Самару. Оттуда он подавал прошение о сдаче экзаменов по юридическим наукам при каком-либо университете. Но и в этом ему снова отказано. В Самаре он неуклонно продолжает свои занятия по марксизму, ставши уже сам организатором тайных, „подпольных" кружков и пропагандистом среди молодежи. В высшей степени замечательна эта „прямая линия" на Маркса у менее, чем 20-летнего обитателя пограничных с Азией, мало промышленных областей России. Конечно, были тогда уже с десяток лет в России убежденные представители марксизма и „социал-демократии", как партии пролетариата, но это были или сравнительного старые, опытные революционеры, поработавшие немало среди рабочих масс Петербурга, Москва (Плеханов и др. члены. „Группы освобождения труда", основанной в 1883 г. за границей), или молодые, но жившие в промышленных центрах (группа Благоева в Петербурге, в середине 1880 годов). Но так угадать издали, так схватить „из воздуха" истину, оставаясь в обстановке шибко-торгового, но далеко не „европейского" Поволжья надобен был, конечно, гений.

Многие из сверстников Ленина стали затем тоже марксистами, но в подавляющем большинстве „идя сбоями к нему (выраж. Троцкого): обыкновенно через дебри революционного народничества, через ряд уклонений и противоречий. Из свидетелей же его тогдашней жизни никто не говорит о нем ничего подобного: он все так же „просто", не зная колебаний, шел марксистской дорогой, взятой „на заре туманной юности". А ведь марксизм с его диалектикой—дело далеко непростое само по себе, нет, чрезвычайно сложное и „запутанное", особенно для интеллигенции, воспитанной десятилетиями в школе мещанского „позитивизма" и логики „здравого смысла". Эта логика, как известно, приучает к легкому построению прямых, как прямая линия схем. Легкость, но это и есть сильнейшее препятствие в усвоении диалектики жизни, отнюдь не простой и не легкой. И этих препятствий видимой легкости и мнимой ясности как-то умудрился совсем не знать могучий ум Ленина.

Начиная с 1891 г. на самом деле впервые вкатился в России, во всем размере и на всех парах подлинный, могучий современный капитализм. Неурожай и голод 1891 г. среди всего крестьянского населения в „оскуделом центре" и в Поволжье показал, как бы обнаженное дно той чудовищной эксплоатации, какой без меры подвергал мужика „дикий барин"—самодержавие, вместе с недоразвитым, главным образом ростовщическим капиталом. Вместе с тем, тот же неурожай и голод, сразу разорив до тла миллионы крестьян, обеспечил для крупного капитала в городах неограниченный приток дешевых рабочих рук. Настала „широкая масляница" для капиталистов в России—и своих, и иностранных. Пошли огромные постройки железных заводов, развитие нефтяных промыслов, расцвет сахарных заводов, рост железных дорог (Симбирская, Ташкентская) расцвела эпоха министра финансов Витте. Тут только на самом деле—вместе с ускоренным, „американским" ростом рабочих масс в промышленности проявилась впервые действительная почва для широкого применения у нас идей марксизма. И еще раз замечательно, что этот критический, поворотный момент встречает необходимого ему вождя рабочих масс уже совершенно подготовленного к исторической роли. Ибо Ленин, сдавши, наконец, в 1891 г. свой экзамен при Питерском университете „экстерном" по юридическим наукам, в то же время начинает выступать в той же Самаре уже не учеником марксизма, а его учителем, вождем.

К 22—23 годам жизни вполне закончил свои „годы ученья" и созрел для подвига этот совершенно необычайный плод российского отсталого, варварского „бытия".

II. „Годы странствований".

Нет сомнения, что к 1893 году Ленин был уже серьезным, убежденным марксистом. Это доказывает, например, написанная тогда в Самаре его работа „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни", переписывавшаяся (печатать такую вещь было нельзя) для распространения по марксистским кружкам интеллигенции и найденная только сейчас в жандармских документах Моск.-историко-революционного архива.

Работа эта, на основании данных народнического статистика Постникова по Таврической, Екатеринославской и Херсонской губ., великолепным марксистким методом вскрывает глубочайшее проникновение разрушителя капитала в деревню и расслоение последней—точь-в-точь „по Марксу"—на богатеющих кулако-буржуа и на теряющих скот и землю сельских пролетариев, принужденных затем итти в батраки к тем же кулакам.

В работе 1893 г. (она частью вошла потом в более крупный труд Ленина „Развитие капитализма в России") уже виден мастер своего дела. И есть свидетельства, что целый ряд таких рукописных его произведений гулял тогда чуть ли не по всей России, способствуя на-ряду с брошюрами Плеханова и прочей подпольной марксистской литературой созреванию идей хотя немногих, но влиятельных тогда работников.

И самое содержание этих первых работ Ленина резко определяло собою линию, по которой началась тогда борьба в стане революционеров. Это—бой с устарелыми воззрениями „народников", тормозившими необходимое тогда дело пропаганды новых идей. Замечательно, как Ленин использовал именно труды самих же народников, чтобы показать, как они сами же не видят ясных выводов, на которые указывают их собственные факты.

Вооруженный такими знаниями и таким уменьем их применять к анализу русской действительности, Ленин в том же 1893 г. переезжает в Петербург. Он полон определенным намерением завязать связи с революционерами и через них войти в самую гущу рабочей массы питерских фабрик и заводов. В это время успели уже сказаться первые капиталистические плоды „Всероссийского разорения" (выражение Плеханова) 1891—92 годов—в виде лихорадочного подъема промышленности. С ним вместе пошла и первая, значительная волна рабочих забастовок и волнений в Юзовке и Лодзи, в Харькове, Ростове н/Дону и в Петергурге (1892 и 1893 г.). Приступать к действию как раз было пора. В это именно время появилась в марксистских кружках Северо-Запада брошюра „Об агитации", приглашавшая переходить от замкнутой пропаганды избранным одиночкам рабочим в тесных кружках—на широкую массовую работу среди стачечников. На Ленина с его определенным практическим, действенным уклоном эта брошюра оказала также свое влияние.

Вот почему мы и видим его уже в следующем 1894 году, по присоединении к „Центральной группе для руководства рабочим движением" Петербурга, берущим на себя ведение „Центрального рабочего кружка" в гавани. И здесь он специально заведует денежной помощью стачечникам, т.-е. прямиком идет со своею марксистской идеей в бой.

Но все же главной его работой в то время была „разделка" с народничеством. Не расчистив пути идейной почвы в среде тогдашней революционной интеллигенции, нельзя было рассчитывать и на широкий успех среди рабочих.

Ведь как никак народники были революционеры со славной боевой традицией. В их среде боролось и пало немало и славных рабочих борцов. А марксисты казались новыми, ничем не заявившими себя пришельцами, пожалуй, не понимающими „национальных особенностей" русской революции. По крайней мере так уверяли такие столпы народничества, как знаменитый тогда писатель Михайловский, редактор „Русского Богатства", а в прежнее время „Отечественных записок", друг великого сатирика Салтыкова и великого бытописаталя „Народной", т.-е. крестьянской жизни Глеба Успенского; как „социолог"—Южаков, как экономист—В. Воронцов (писавший под всевдонимом „В. В."). Они говорили с улыбкой презрения и жалости: эти „ученики" Маркса заучили без толку все книжки учителя и прилагают его формулы развития капитала к такой стране, как Россия, где капитал еще совсем не развит. Они, значит, изображали русских марксистов, как буквоедов-книжников, начетчиков, людей не видящих действительной жизни и ее особенностей в России,—а эти, мол „особенности" немалые: сто миллионное крестьянство с его, главным образом, о б щ и н н о й собственностью на землю, с переделами земли, словом, со всеми вековыми „устоями", которые—худо ли, хорошо ли—оберегают Россию от зол западного капитализма, не дают в ней образоваться кадрам неимущего городского, промышленного пролетариата. О б щ и н а—вот наше спасение, твердили народники; благодаря общине мы можем, не в пример западу, миновать злое царство капиталистической эксплоатации—надо только, чтобы „господствующие

классы" перестали теснить мужика и общину, дали ей свободу развиваться по ее естественному направлению. И она, как бы сама собой, приведет нас к социализму—к тому же, куда ведет Маркс, но другим, нашим, российским путем. Зачем нам Маркс? Зачем нам его „Капитал?" Узколобые руские ученики Маркса, желая быть последовательными, принуждены, мол — на нашей почве толкать прежде всего ко в в е д е н и ю капитализма со всеми его прелестями, т.-е. практически становятся сотрудниками отечественной буржуазии—„Разуваевых и Колупаевых" (насмешливые клички Салтыкова). И самое тогда лучшее для них—издевались народники— открывать кабаки, становиться деревенскими мироедами-ростовщиками—это ведь прямой способ „пролетаризировать" крестьян, „экспроприировать" их землю, без чего нельзя создать в земледельческой России достаточно пролетариата, а без него—нет революции „по Марксу".

Мы видим, что в этом историческом споре народники выступили не без своего рода логики, таланта и едкости. Беда лишь в том, что в России, после „освобождения крестьян" 1861, которое само было в действительности лишь замаскированной и колоссальнейшей „экспроприацией" и „пролетаризацией" крестьянства, говорить об отсутствии капитализма было нелепо и смешно. А в особенности—после голодовки 1891—92 г.г. Если кто не видел действительности,—так это сами гг. народники, которые проглядели и Донецкие угольные копи, и Бакинские нефтепромысла, и Криворожские рудники, и тысячи верст новых железных дорог, и, в особенности, стихийную классовую борьбу рабочих, почти на каждой фабрике, на каждом заводе. Община (и сама-то лишенная тени чего-либо социалистического) расщеплялась и таяла от многостороннего нажима капитала, как вешний снег; вчерашний крестьянин-рабочий мануфактурных и железных заводов подымал свой громкий голос против особо-тяжелой, особо-гнусной капиталистической эксплоатации в крестьянской, т.-е. забитой России,—а народник молился на общину и спорил против „искусственного насаждения" капитала...

Таков был тогда центральный, определяющий спор. На пороге перехода к проповеди массовой борьбы, марксисту сперва приходилось устранить э т о препятствие—хроническую болезнь народничества в русской революции. Этим и занялся в течение ряда следующих годов— на-ряду с Плехановым (который писал тогда под именем Белтова), Б. Гуревичем, Н. П. Скворцовым, Саниным и друг. и сильней всех — Ленин.

Это было не легкое дело—по крайней мере „легальные" более „мирные" народники, обвинявшие марксистов чуть ли не в прислужничестве капиталу и самодержавию, сами тем не менее пользовались довольно широкой возможностью излагать свои мнения в печати (правительство сквозь пальцы глядело на их беззубую, старомодную „революцию"). Между тем марксистам приходилось прятаться за псевдонимы и „эзоповскую" (иносказательную, намеками) речь, и журналов почти не было в их распоряжении. И Ленин сперва пользовался своим „самарским" способом, т.-е. распространяя свои возражения народникам в виде переписанных в десятке-другом экземпляров тетрадках. Так и появилась его, также только в наши дни напечатанная, работа 1894 г. „Кто такие друзья народа и как они воюют с соц.-демократами"— (против Михайловского, Южакова и Кривенко). Эти тетрадки нашли себе усердных переписчиков и распространителей в студенческих (т.-е. по тогдашнему—революционных) кружках не только в Петербурге и Москве, но и по всей России.

И уже в них сказалось, хотя еще лишь в общем, более или менее глухом виде, характернейшее отличие того приложения марксизма к России, какое давал Ленин, от всех прочих русских „учеников" Маркса. Оно заключалось именно в особенном подчеркивании у Ленина п е р е д о в о й р о л и п р о л е т а р и а т а в нашей революции, как „е д и н с т в е н н о г о и е с т е с т в е н н о г о п р е д с т а в и т е л я в с е г о т р у д я щ е г о с я и э к с п л о а т и р у е м о г о н а с е л е н и я России". Русский, сознательный рабочий, говорит он, „поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой политической борьбы к победоносной коммунистической революции".

Тут—почти вся программа будущей нашей революции на 30 лет ее развертывания. Прозорливость молодого вождя поистине поразительна.

Тем не менее здесь будущий „ключ“ русской революции появляется еще в мало определенной форме. Дальнейшие „годы странствования“ Ленина помимо странствований в прямом смысле—из тюрьмы в ссылку, из ссылки в эмиграцию—как раз в том и заключались, что данную слишком общую формулу он на пути все более глубокого изучения русской действительности, особенно аграрного (земельного) вопроса, он наполняет все более близким к жизни содержанием—вплоть до зрелой формулы „диктатуры пролетариата и крестьянства“.

Покамест на деле он применяет, главным образом, первую, более разработанную половину русского марксизма—поднятие пролетарских масс на прямое столкновение с капиталом и его политическим защитником—самодержавием. Ряд прокламаций, писанных Ильичом по поводу стачек у Торнтона и проч., являются прямым осуществлением лозунга „агитации“. В то же время он стремится резвернуть в более широком, боевом виде питерскую организацию социал-демократов, подготовляя ее превращение в первую ячейку подлинной революционной рабочей партии—в „Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса“. Над этой задачей работает он, вместе с ближайшими друзьями и сотрудниками, Н. К. Крупской (своей будущей женой), Г. М. Кржижановским, Запорожцем, З. Н. Невзоровой, Ю. О. Мартовым, А. И. Потресовым, Ванеевым, Старковым и питерскими рабочими Бабушкиным и Шелгуновым. Для придания заранее этой организации твердого, постоянного фундамента в виде „нелегальной“ социалистической литературы он нарочно съездил за границу, повидался там со всей группой „Освобождения труда“ (Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич) и договорился о печатании и транспорте—конечно, контрабандном—марксистских брошюр и листков из-за границы.

Эта кипучая работа не помешала ему заняться новой теоретической задачей: борьбой с вредными уклонами мысли в рядах самого же русского марксизма. Сравнительно легко было разделаться с устарелыми народниками, слишком уж наглядно опростоволосившимися в своем отрицании капиталистической действительности. Целые пласты учащейся интеллигенции отходили от народников и обращались к марксизму (нечего и говорить о быстром повороте к нему сознательных рабочих). Но мелко-буржуазная основа интеллигенции, будучи побита в старомодном „мужицком“ социализме, умудрялась найти себе новый выход—в искажении на мелко-буржуазный лад самого же марксизма. Один из наиболее активных представителей „легального“ марксизма (т.-е. писателей в легальной печати) П. Б. Струве, сперва друг и содействователь упомянутой группы „Союза борьбы“, выступил с книжкой „Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России“, где очень много и убежденно говорил о неизбежно-идущем развитии капитализма в России и очень мало—о росте пролетариата и в особенности о росте его классовой борьбы с капиталом.

Ленин почуял первый—как не раз потом делал в истории партии—опасность этого „уклона“. В большой статье „Экономическое содержание народничества и критика его в работе г. Струве“ он, еще раз ударив, вместе с Струве, по народничеству, вслед затем резко выступает против Струве, как слишком усердного для марксиста сторонника „объективного“ хода вещей, доходящего до прямых восхвалений по адресу неудержимо ворвавшегося в нашу страну капитала—в то время как наемный труд, его тоже ведь неизбежную классовую борьбу и обязанность для марксиста эту классовую борьбу—революцию—организовать г. Струве совсем позабывает. Ленин прямиком определяет здесь уклон Струве, как уклон буржуазный. Все мы теперь знаем, до чего прав был Ленин в своей критике, как скоро потом Струве прямиком вильнул в сторону самой „правой“ либеральной буржуазии. Но тогда надо было исключительную проницательность, точную ориентировку в теоретической области, чтобы так отчетливо дать верную „разведку“.

Надо, однако, заметить, что данная статья Ленина напечатана была в марксистском сборнике „Материалы нашего хозяйственного положения“ 1895 г., но сборник этот—увы!—не вышел еще из типографии, как был захвачен царскими „недреманными очами“ и сожжен. Но несколько экземпляров были спасены от казни сочувствующими и путешествуя подпольно по России, передаваясь из рук в руки, как величайшая редкость и драгоценность, оказали, конечно, тем большее действие в подготовленных, роволюционных кругах.

Вся эта напряженная работа Ленина была однако оборвана арестом в ночь с 8 на 9 дек. 1895 г. через несколько лишь дней по фактическом открытии „СПБ союза борьбы". Весь почти „Союз" был захвачен и Ленину побольше 1 года пришлось провести в „Предварилке".

Но он и здесь умудрился продолжать почти что тем же темпом свою практическую и теоретическую революционную работу. Пользуясь помощью в особенности сестры Анны Ильиничны, он окружил себя в тюрьме целой библиотекой экономических книг, статистических сборников по хозяйству России и затеял написать основной труд по „Развитию капитализма в России", в частности, в сельском хозяйстве. И, с своей железной волей, он исполнил этот план—хотя и закончил его лишь позже в сибирской ссылке. Книга эта опять-таки учитывает данные народнических же „Земских статистических обследований"—для полного ниспровержения народнических „розовых снов" о якобы самобытном пути развития России. Прибавив к этим данным еще и данные всероссийских военно-конских и фабрично-заводских переписей, он рисует яркую картину гигантскими шагами идущего расслоения „общинной" деревни под напором капитала. На одном полюсе этого массового расслоения осаждается „обезлошаденная" деревенская беднота, прямой источник промышленного и сельско-хозяйственного „отхожего" пролетариата; она же — и основа „внутреннего рынка" для промышленности, ибо мужик-то без собственнаго „натурального" хозяйства и есть [как это ни странно и смешно] наиболее верный покупатель продуктов промышленности в массе. А на другом полюсе остается обогатившийся на хребте бедноты кулак, вырастающий в купцы, в крупного капиталиста. Сюда же надо присоединить и тех из помещиков, кто успел „обуржуазиться", превратить свои имения в капиталистеческую экономию с машинами, многопольем и с.-хозяйственными рабочими.

Этим трудом занимался в тюрьме Ленин в промежутке между жандарскими допросами и свиданиями, через частую решетку, с сестрой. Практическую же революционную работу он вел—через посредство той же сестры, — посылая и получая оттуда множество записочек шифром, писанных молоком в тех самых книгах, которые передавались ему в тюрьму и обратно. Этой „скорой почтой" он умудрился передать целый ряд прокламаций для бастующих заводов и даже большой „проект программы с.-демократической партии", впрочем, тоже лишь теперь появившийся в печати.

Этот проект чрезвычайно ценен в том именно смысле, что точно указывает нам этап, на котором стоял в 1896 г. Ленин в своем „странствовании". По аграрному, крестьянскому вопросу мы не находим там не только будущего решительного требования взятия всей „господской" земли и передачи ее крестьянам, но нет вообще обращения к деревне, как к активной революционной силе. Верно, конечно, то, что среди крестьянства тогда была еще „вековая тишина". Тем не менее слишком недостаточным представляется требование в этой „программе минимума" д л я крестьянства лишь 1) отменены выкупных платежей и 2) возвращения отрезанных в 1896 г. земель („отрезков").

Р е ш а ю щ а я роль крестьянства в русской революции была, повидимому, тогда еще и Ленину не вполне ясна

Пока Ленин сидел в тюрьме и работал, его дело не стояло. В 1896 году в мае-июне, как известно, произошла та громадная стачка 30 тысяч питерских ткачей на 19 фабриках в связи с коронацией царя и с неоплаченными прогульными днями, которая для многих из нас была мощным толчком к революции. Ленин не принимал в ней ближайшего участия, но прежняя его работа по „Союзу борьбы", конечно, многим и многим ее подготовила.

В конце февраля 1897 г. Ленин отправлен в ссылку на 3 года в село Шушенское Енисейской губ. Там же „не по климату" горячая и неутомимая деятельность и теоретическая и практическая. Кроме окончания упомянутой книги „Развития капитализма", Ленин постоянно работает в журналах по экономическим вопросам России и заграницы. Вблизи с. Шушенского собралась целая колония членов питерского „Союза борьбы" и других с.-демократов —в том числе Н. К. Крупская, которая здесь стала его женой—и с нею вместе Ленин вскоре энергично отозвался на события в революционных кругах на родине.

Там—опять как бы прихотливое противоречие истории—после громкой питерской стачки ста-

ли завладевать с.-д. организациями ближайшие родичи по духу „легальных марксистов“ т. наз. „экономисты“. Вместо того, чтобы развивать порыв рабочих далее к политическому напору на самодержавие, они стали проповедовать им что, мол, стачки, вообще ближайшая („экономическая“) борьба за кусок и пятак—вот дело, а политика, революция—неделовая, „буржуазная“ мечта, ибо законодательная власть, политическая свобода нужна буржуазии, а с рабочих хватит пока что и хлеба. Из всей „политики“ им нужна-де лишь свобода союзов, печати, собраний. „Экономисты“ не указывали только одного, как это при самодержавии возможны и эти „малые свободы“ и стачечная борьба без прямого перехода в революционную борьбу.

Ленин с 17 товарищами ссыльными составили и послали за границу „Протест русских соц.-демократов“, где они в особенности громили вышедшую тогда памятку „Экономист“, прозванную „Credo“ („Символ веры“), призывая наоборот к самой яркой „политике“. Еще сильнее и обстоятельнее те же лозунги политической революции обоснованы в брошюре Ленина „Задачи русских социал-демократов“, пересланной им также за границу, где она и вышла с предисловием П. Б. Аксельрода. Это предисловие (1898 г.), где Аксельрод чрезвычайно высоко оценивает „теоретические и практические способности автора“ служит свидетельством того, насколько уже тогда Ленин успел проявить себя в работе.

Впрочем, тогда же дано было и другое свидетельство его большой популярности на 1-ом подпольном съезде русской соц.-демократической партии. 1—5 марта 1898 г. в Минске, Ленин, сидящий в дальней ссылке, в Сибири, единогласно избирается редактором центрального органа вновь учреждаемой Р. с-д. рабочей партии—„Рабочей Газеты“,—хотя срок его ссылки кончается еще лишь через 2 года. Ленину, конечно, не пришлось исполнять этой роли, тем более, что и все почти участники съезда были сейчас же арестованы, и вообще партия, как действительная работающая единая организация пролетарских революционеров точно тогда еще не осуществилась на деле.

Тем не менее, когда кончился срок ссылки (в феврале 1900 г.), и Ленину можно было наконец вернуться в Россию, первым его делом была попытка подпольного издания этой именно „Рабочей Газеты“. Но предприятие это также не могло быть осуществлено при тогдашнем „распыленном“ состоянии партийных связей и средств. Поэтому Ленин склонился к мысли эмигрировать за границу и издавать газету там—именно с главною целью прекратить, наконец, „распыление“ партии, ухудшаемое еще в особенности усилиями господствовавших „экономистов“, и вокруг газеты—„собрать, сорганизовать и мобилизовать постоянное войско“, т.-е. партию, как необходимейшую в данный момент точку опоры для революции.

После совещания во Пскове, где приняли участие, кроме Ленина, Мартов, Потресов, Радченко, а также „легальные марксисты“ Струве и Туган-Барановский, и где разработан был план заграничных изданий вообще и связи с Россией, Ленин 16 июля 1900 г. уехал за границу. Это случилось как раз накануне крутого подъема рабочих и крестьянских движений в России, закончившегося революцией 1905 г. Гениальное чутье вождя толкало Ленина ко всяческой спешке, чтобы к назревавшему прорыву массовой революционной энергии быть возможно больше во всеоружии организованных сил.

Пора „аванпостных“ стычек с самодержавием и капиталом, пора предварительной идейной разборки революционных течений вне и внутри русской социал-демократии, сменилась переходом к организованным, широким, „уличным“ массовым действиям.

3. Первая революционная кампания. Поражение.

В начале 1900 г. Ленин еще вкушал все „прелести“ сибирской ссылки, а в ноябре в Мюнхене выпускал уже „извещение об издании „Искры“, а затем и самую „Искру“, газету с.-д. партии, сыгравшую такую замечательную роль в осознании стихийных движений, предшествовавших 1905 г., в широком их оформлении и руководстве.

В редакцию „Искры“ входили Ленин, Мартов, Потресов и часть „Группы Освобождения труда“. Главная работа газеты—помимо, конечно, пря-

мых призывов к войне с самодержавием и решительной борьбе с капиталом—состояла в резком, отчетливом отграничении от мнимых революционеров из мелкобуржуазной интеллигенции. Это были, во-1-х, „авантюристы"—народники, слагавшиеся тогда впервые в свою заговорщицкую, террористическую (т.-е. действовавшую „на запугивание" правительства бомбами, единоличными покушениями) партию с громким названием „социалистов-революционеров". Во-2-х, это были старые знакомые „экономисты", захватившие фактически в то время в свои руки старый питерский „Союз борьбы" с его газетой „Рабочая Мысль" и имевшие немало своих сторонников и друзей за границей. Особенно группировались они (и их друзья) вокруг редакции заграничного журнала „Рабочее Дело". С ними Ленин воевал не только на страницах „Искры", но через и посредство основанной под его ближайшим влиянием в 1901 г. в Цюрихе „Заграничной лиги русских революционных социал-демократов".

Толкаемая сильной рукой Ленина „Искра" стала действительно быстро вытеснять „экономистов" и „рабочедельцев" из всех их позиций в российских комитетах и группах. Тем более, что робкая, укороченная тактика этих предшественников будущего меньшевизма быстро становилась в глазах всякого мало-мальски зрячего революционера вопиющим противоречием со всею окружающей жизнью. Ибо 1901—1904 годы представляли собой подлинное зрелище быстро-нарастающего стихийного возмущения масс. Стачки и демонстрации рабочих становились все крупнее, пока летом в 1903 г. все промышленные города Юга России оказались охвачены всеобщей стачкой, небывалой в царстве Романовых. Крестьяне центральных и украинских губерний тоже в 1902—1903 г.г. начали грозно шевелиться—впервые в таких размерах со времен Пугачева. Тут смешно было говорить об исключительно „экономической" борьбе – когда стихийно-восстающие массы стали неизменно требовать в первою голову: „долой самодержавие!" Правда, впрочем, и то, что всюду стихию направляли, главным образом, соц.-демократические комитеты в качестве вождей.

Ленин, все это предвидевший ранее и отчетливей других, теперь торопил изо всех сил партийную организацию. Под его главным опять-таки давлением был собран в июле-августе 1903 г. знаменитый 2-й съезд Р. С.-Д. Р. П. (так звалась тогда наша будущая РКП), причем съезду предшествовала брошюра Ленина „Что делать", ярко формулировавшая характер и основы будущей партии. В этой брошюре Ленин, по обычаю, ведет полемику с ограниченными защитниками других, отсталых, мелкобуржуазных точек зрения. Он громит сторонников так называемой „стихийности", показывая, что политическая партия революционного пролетариата должна вести за собой стихийно движущиеся массы, указывая им открытый научной теорией социализма, недоступный им иначе—верный путь. Он выступает против проповедников (главным образом, из тех же „экономистов") „трэд-юнионизма" (тактики английских профсоюзов), как мелкого, ограниченного, проникнутого чуждым, либерально-буржуазным духом учения, которое на самом деле—та же вредная для рабочей революции разновидность „стихийности". Он с организационной стороны зовет к преодолению косного, застывшего „кустарничества" местных комитетов и групп, которое только и ведет, что к разрыву связей и к вечным перерывам революционной преемственности вследствие „провалов" и проч. На место всего этого вздора и недомыслия он рисует очерк пролетарской партии широкой, массовой в одно и то же время—и „конспиративной", неуловимой, централизованной, как славные отряды народовольцев, благодаря железноспаянному ядру „профессиональных революционеров".

Здесь на самом деле Ленин разрешил—как много раз делал в своей работе—чрезвычайно противоречивую историческую задачу русской революции. По условиям борьбы с царизмом, борьбы необходимо „подпольной", боевая партия должна, не могла быть иначе, как строго замкнутой, скрытой от глаз полиции, организацией опытных, искусных, преданнейших революционеров. А между тем задача массовой классовой войны современного пролетариата требовала управления открытыми „уличными" боями настоящей армии рабочих (затем и крестьян). Ленин творчески подошел к делу, указав, что партия сама остается узкой, строго нелегальной, но на окружности своей целым

рядом передач сцепляется со все более широкими организациями пропагандистского, профсоюзного и т. д. типа и через них двигает массами.

Простоты и гениальности этого плана не могли понять многие и многие даже из числа вполне преданных делу рабочей революции работников. Поэтому многие продолжали путаться в „трех соснах" стихийности, трэд-юнионизма, кустарничества и различных промежуточных идеек между ними и слишком яркой для них платформой Ленина. И это сильнейшим образом отразилось на всем ходе 2-го съезда.

Он собрался в июле-августе 1903 г. сперва в Брюсселе, потом, прогнанный оттуда бельгийской полицией по требованию царского правительства,—в Лондоне. Он, как вся история нашей революции и как жизнь Ленина (см. введение), носит печать необычайной противоречивости. В одно и то же время это—съезд, положивший на практике первую прочную основу организации боевых пролетарских сил, и—съезд, впервые породивший или, по крайней мере, резко оформивший непримиримый организационный раскол в рядах руководителей того же борющегося пролетариата. Многих это ярчайшее противоречие смутило и напугало, как зловещее предсказание в начале затеваемой борьбы. Но не Ленина. Этот гений диалектики твердо знал, что всякое движение вперед, всякое действительно жизненное развитие совершается т о л ь к о путем внутренней борьбы элементов и потому его забота была лишь одна: взять верх в неизбежной борьбе. Вот почему он тут оказывается во главе „раскола", даже прямым его зачинщиком, раз ему безошибочное историческое чутье указывало, что разногласие со всеми, не отставшими от иллюзий „экономизма" и рабочедельчества", вовсе немаловажно; нет, оно чревато с их стороны опаснейшими изменами пролетариату, уклонами в сторону буржуазной демократии.

И ведь верно. Такими и оказались эти „меньшевики", т.-е. оказавшиеся по решающим практическим вопросам 2-го съезда в м е н ь ш и н с т в е („большевики"—в большинстве, хотя тогда и незначительном). Пусть исходное разногласие, вокруг которого вертелась борьба, само по себе было мало ярко—какой-то, повидимому, маловажный „пунтк 1-й" проекта Устава партии, определяющий, кто должен считаться ее членом (по Ленину—„всякий д е й с т в у ю щ и й под контролем ее организации", по Мартову—шире, т.-е. в действительности расплывчатей: и „всякий с о д е й с т в у ю щ и й"). Важно то, что эта хитро-спрятанная будущими „соглашателями" в сухих уставных формулах п р и н ц и п и а л ь н а я, организационная разница находилась в самом кричащем противоречии с творческим планом будущей нелегальной партии Ленина. В самом деле, как это „профессиональный революционер" будет только с о д е й с т в у ю щ и м. Ясно, что партия по Мартову предназначалась и для тех „эс-декствующих", „рабочелюбивых" элементов из числа интеллигентов, не желающих прямиком подставлять свою шкуру в борьбе, которыми в России тогда было хоть пруд пруди, и которые намерены были лишь на плечах рабочих выбраться к власти *).

Надо удивляться проницательности Ленина и его зоркой ненависти ко всем буржуазным „попутчикам", спекулирующим на горбе рабочего! Теперь мы ясно видим, как Ленин предохранил тогда революцию от оседлания ее политиками чуждого класса—случай, не раз повторявшийся в революциях Запада, не исключая даже Парижской Коммуны. Раскол на 2-м съезде был, без сомнения, благодетельнейшим моментом накануне двух революций, который предопределил организационную стройность всех движений пролетарской армии и привел к конечной победе. Армия эта именно и сложилась в этом расколе, отчетливо отграничилась от всего чужого, очистилась, выработала точные основы дисциплины, организации, стратегии и тактики. Без раскола все это было бы, конечно, гораздо смутнее. И тем выше роль Ленина, как неслыханно чуткого вождя.

Со 2-го съезда затем обе организации „большевиков" и „меньшевиков" так и оставались фактически разделенными с особыми „фракционными" центрами, лишь формально нося общее имя Р. С.-Д. Р. П. и внешне то „объединяясь", то снова разделяясь. В действительности меньшевики, начав с „организационного оппортунизма" (выражение Ленина в его тогдашней

*) У которых выходило: „Пролетариат нужен д л я революции, а не революция д л я пролетариата (по позднейшему выражению Плеханова).

брошюре 1904 года „Шаг вперед, два шага назад"), пошли вскоре дальше к определенному „тактическому оппортунизму", т.-е. к проповеди соглашения с буржуазной оппозицией, поддержки всех ее выступлений в ее трусливой и в свою очередь гнусно-соглашательской—борьбе за власть с царизмом. А Ленин очень быстро после этого выработал окончательно тот „ключ" всероссийской (через нее и мировой) революции, о котором мы говорили—т.-е. смычку пролетариата с трудовым крестьянством в общем деле революции—против царя и буржуазии. Следовательно, угол расхождения с соглашателями все шире и открытее.

Помогли Ленину в открытии сказанного „ключа" крестьянские восстания, принявшие стихийно-заразный характер. Ленин всегда умел учиться от масс. Тут он увидал ясно, что „отрезки" и прочая „ликвидация остатков крепостничества", стоявшие в нашей программе с легкой руки, в частности, Ленина, мужичка отнюдь не удовлетворят. Что долго „сосавши лапу" (тоже Ленинское выражение—см. воспом. Адоратского в № 3 „Пролет. Революции" 1924 г.), мужик, наконец, принялся за помещичьи усадьбы и не остановится, пока не „оберет" себе всю помещичью земельку. Что он—великолепнейший практический революционер,—при условии, если только привлечь его достаточно решительным и полным аграрным лозунгом. И вот Ленин, разделываясь с меньшевиками в горячей полемике и организационной борьбе за границей и в России, в то же время спешит созвать собственный, большевицкий съезд в 1905 г.—когда уже „кровавое воскресенье" 22-го (9-го) января прогремело передовым взрывом революции и крайнее ослабление врага-царизма в Японской войне требовало немедленных действий.

Газета большевиков „Вперед" подготовляет съезд вместе с создавшимся в России „Бюро комитетов большинства" и несмотря на сопротивление комитетов меньшинства, 3-й съезд партии собирается в мае 1905 г. в Лондоне (при чем отделившиеся делегаты меньшинства собрали отдельную конференцию меньшинства в Женеве) и принимает ярко революционную, „ленинскую" платформу: строго централизованный строй партии, подготовка вооруженного восстания, требование временного революционного правительства революционно-демократических элементов, наконец—диктатуру пролетариата и крестьянства.

С этого именно съезда и надо считать появление на историческую сцену „ленинизма", как победоносного, конкретного воплощения марксизма.

Центральным органом партии была объявлена большевистская газета „Пролетарий", где с этих пор появляется ряд статей Ленина, толкающих рабочие и крестьянские массы к решительному наступлению. И когда перечитываешь теперь эти статьи, то просто поражаешься, как последовательно и „послушно" развертывала на деле революция 1905—6 г. всю указывавшуюся Лениным программу действий—несмотря даже на то, что далеко не всюду в ней и не всегда стояли во главе общего движения большевики и сам Ленин. Самая характерная может быть вещь, что Питерский Совет Рабочих депутатов впервые образовавшийся в октябре 1905 г., как стихийный, массовый центр революции, в беге событий принимал одну за другой чисто большевистские меры: захват типографий, „явочное" провозглашение свободы печати, собраний, и вплоть до „подготовки вооруженного восстания" Между тем официально руководили им меньшевики (во главе с Троцким—тогда еще меньшевиком) и „беспартийные". Прокатившиеся по всей стране военные восстания и крестьянские погромы помещичьих имений тоже большей частью были не „большевистские", совершались часто вопреки вождям-меньшевикам, даже кадетам (лейтенант Шмидт, глава Севастопольского восстания), но самый уже факт их появления был ярко-ленинский. Нечего уж и говорить о Московском вооруженном восстании в декабре 1905 г., под прямой командой большевиков, так же, как о восстаниях флота и войск в Свеаборге и Кронштадте. Ясно, что Ленин угадал „жилу" массового напора. И если тогда же не победил, то—вся суть была в несвоевременном подтягивании к полю борьбы тяжкодумного и неорганизованного крестьянства. Громить дворян „по Ленину", т.-е. по всей России сразу они принялись уже лишь после 1905 г.—уже в 1907 г., а ранее лишь частично поддерживали борющийся пролетариат и слишком часто—в серых шинелях солдаты—по приказу царя,—все еще били братьев-рабочих.

Ленин, в решительный момент борьбы, в начале ноября 1905 г. прибывший в Петербург, самым лихорадочным образом ведет агитацию в печати, в партийных организациях, в массовых собраниях (поскольку позволяли тогдашние условия, далеко еще не дававшие полной возможности работать открыто)—всегда и неизменно в сторону рабоче-крестьянской революции. Но время побед еще не настало. Русская революция еще только у ч и л а с ь биться, на опыте своих боков, еще только приобретала б о е в о й з а к а л, которого нигде иначе не найдешь, и поражение, понесенное ею от здорово перетрухнувшего сперва самодержавия было в конце-концов для нее все же превосходным уроком.

Особенно правильным оказалось в ней предвидение Ленина насчет подлой, предательской роли русской „оппозиционной" буржуазии, к союзу с которой звали все время меньшевики.

Измена буржуазии, тайно вступившей в сделку с царем за ничтожную подачку совершенно бесправной, лишенной каких бы то ни было реальных законодательных прав, ничтожной „Государственной Думы"—эта измена без всякого сомнения ускорила, облегчила „работу" царским палачам по усмирению рабоче-мужицкой революции. Притом гг. кадеты, главные виновники и руководители этой измены, играли все время гнусную роль словесных защитников „народной свободы" и „прав народного представительства"—в то время, как за спиной торговались с царем о цене рабочей шкуры. И замечательно, как метко, как верно Ленин всю эту измену и всю эту торговлю рисовал в своих статьях, брошюрах, речах. Все это, несомненно, и находило отклик в простых трудовых сердцах и умах, что и выражалось в „крайних" формах общей борьбы. Но—одно дело—формы борьбы, а другое—„формы" победы. Враг был веками организован, а мы едва еще лишь строились в момент битвы.

Отсюда—поражение, несмотря даже на наличие великолепнейшего, единственного в истории полководца гражданской войны. Но выигрыш—по словам самого Ленина—все же был и немалый: неоценен был сам по себе факт поднятия всей, вчера еще „крепостнически-порабощенной, смирной" России на высшую ступень массовой революции. Ленин верно учел, что рабочий и крестьянин, однажды вышедший на открытый бой с классовым врагом, уже не может забыть этого драгоценного опыта. Придет новый срок—он себя покажет, но уж со всем „военным" уменьем, какое приобрел в славном пятом году.

И так оно и случилось через дюжину лет.

4. Вторая кампания. Победа.

Ленин далеко не сразу примирился с фактом поражения революции 1905 г. Видя живые силы ее—пролетариат и крестьянство—все еще в состоянии сильнейшего брожения, он упорно стремился снова и снова использовать революционную „ситуацию" (положение), разжечь классовую войну, подорвать силу врага, бросить массы на врага. Вместо закрытой „легальной" газеты „Новая Жизнь" он создает целый ряд других. Весь еще почти 1906 и 1907 год он, прячась, впрочем, в близкой от Петербурга Финляндии (работать в Петербурге уже было невозможно из-за преследований полиции), пытается „наладить" дело революции. Провозглашает сперва бойкот бесправной Гос. Думы—стремясь в н е ее шатких стен прямиком вызвать массовый напор,—направляет последние вооруженные восстания в Свеаборге и Кронштадте, наконец вырабатывает и защищает на 4-ом (т.-наз. „Объединительном") съезде Р. С.-Д. Р. П в Стокгольме в апреле 1906 г. революционную аграрную программу—конфискация помещичьих, удельных, церковных и проч. земель, их национализация (обращение в государственную собственность), „диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства в демократической революции".

Но по указанным выше причинам революция шла на убыль. Пролетариат истощен и обескровлен, крестьянство только из революции выносило для б у д у щ е г о необходимые уроки. А враги—помещики и буржуазия—не дремали. Бешеные „карательные экспедиции" вершили кровавую работу в наиболее „бунтарских" местах (Латвия, Сибирская дорога, Москва с окрестностями, Кавказ); сотни тысяч рабочих и крестьян загнаны на Север и в Сибирь в ссылку. Волна падала. И на Стокгольмском съезде Р. С.-Д. Р. П. одержала верх соглашательская, меньшевистская линия.

Тогда только Ленин, наконец, „снялся с позиции" и снова отправился на десяток лет в

изгнание (конец 1907 г., Женева). И здесь сейчас же принимается за работу критики полученного—пусть жестокого, но драгоценного—опыта и подготовку новой, неизбежной по его убеждению „кампании".

В обстановке отступления и упадка энергии это было дело необычайной трудности. Не только между меньшевиками и народниками распространились „ликвидационные" настроения—т.-е. в сторону ликвидации старых, подпольных партийных организаций, доказавших-де свою непригодность к делу (или исчерпавших-де свою задачу при наличии новых... „свобод"!). Но и в более, казалось бы, испытанных, собственных большевистских рядах пошел немалый разброд и развал. Менее стойкие элементы большевизма, исходя из тактики бойкота Гос. Думы (уже оставленной Лениным) и отозвания членов партии из Думы и других легальных учреждений, возводили „бойкотизм" и „отзовизм" в определяющий лозунг. И когда Ленин неопровержимо показал все противоречие революционному марксизму в тот „отливный" момент этой тактики бегства от масс; когда он противопоставил ей, наоборот, тактику соединения по-старому нелегальной партии с новым „использованием всех легальных возможностей" (Думы, профсоюзов, съездов, страхасс—всех пунктов, где лишь революционер связывается с живой массой, как бы ни были узки, трудны эти возможности),—„отзовисты" не остановились и перед стесняющим их марксизмом. Они объявили пересмотр по всей линии научного багажа марксизма, начиная с его философии, которую они предлагали заменить „позитивной" философией модного буржуазного ученого Маха („эмпириокритицизм").

Ленин, конечно, повел ожесточеннейшую войну с „ликвидаторством справа и слева". И в том, и в другом он клеймил позорнейшую измену пролетарско-крестьянской революции со стороны непрочных, мелкобуржуазных, по существу дела, элементов партии. Нечего и говорить, что в меньшевиках-ликвидаторах он видел прямых прислужников либеральной буржуазии, которые стремились оторвать рабочий класс от единственно верной его опоры—нелегальной партии, прельстить его мнимой „положительной работой" по законодательству в Гос. Думе, лишенной тени реальных законодательных прав. Еще менее реальна „деловая работа" во всех других „легальных" учреждениях. Ленин же звал рабочий класс пользоваться всеми ими исключительно в революционных целях, как кафедрами широкой, публичной пропаганды, как организационными узлами для собирания масс вокруг партии. В „отзовистах" и „эмпириокритиках" он видел интеллигентское недомыслие в основных вопросах марксистского мышления и стратегии, готовность слишком легко отделяться от этого драгоценнейшего идейного оружия рабочего класса в его классовой войне—чтобы без критики удариться в первую попавшуюся буржуазную шумиху. Против них Ленин выпустил большую книгу „Марксизм и эмпириокритицизм".

Живя в Женеве и Париже, Ленин работает в партийных газетах („Пролетарий", „Соц.-демократ"), читает доклады, проводит конференции, где систематически воюет с указанными направлениями. Участвует в 5-ом, Лондонском съезде РС.-ДРП в 1907 г., где снова некоторый перевес склоняется на сторону большевиков. Руководит издали работой большевистских депутатов в Гос. Думе по разоблачению всего наглого надувательства и со стороны правительства и со стороны пособников последнего—„кадетов". И, хотя поражение 1905 г. отзывалось все большим упадком массового движения и партийной организации, он не устает готовить партию к неминуемому новому подъему.

И как ни издевались приспособившиеся к буржуазной „легальности" меньшевики над „нелегальной кружковщиной" Ленина, он оказался снова и снова прав. Уже с 1910 г. пошли признаки приближения новой революционной войны—участившиеся стачки, сперва мелкие и чисто экономические, потом все более широкие и со все более яркой политической окраской.

Ленин не дремал. Чуть заметив давно жданные признаки оживления, он стал принимать ряд мер к его использованию. По его настоянию с конца 1910 года затевается в Питере еженедельная газета „Звезда", перешедшая позже в широко-массовую, ежедневную рабочую газету—знаменитую „Правду" (с мая 1912 г.). Сам Ленин с 1912 г. (летом) перебирается из Парижа поближе к русскому „театру бедствий"—в Галицию, близ Кракова, откуда и руководит затем, как из главной квартиры, всеми дей-

ствиями большевистских работников, и откуда шлет в „Правду“ свои статьи. Ибо немедленно же после Ленских событий—расстрела забастовщиков на золотых приисках дальней Лены в апреле 1912 г.,—событий, поднявших на ноги целое огромное отраженное движение масс по всей России, снова вполне с определенными политическими требованиями, Ленин понял, что идет снова 9-й вал революции. И в то время, как надменный и глупый царский министр внутр. дел Макаров, в ответ на социал-демократический запрос в Думе по поводу Ленских событий изрек свое пресловутое: „так было—так будет“ (т.-е. всегда мол пролетариев будем гнуть в бараний рог), Ленин думал совсем иначе: „4-й Думе придется работать на фоне развивающейся революции“ сказал он на своем докладе 9 мая 1912 г. в Парижской секции большевиков. Избирательной кампанией в 4-ую Думу он руководил также из своего галицийского уединения, собирая для этого совещания, тайком приезжавших к нему выдающихся рабочих-большевиков. В тех же видах руководства готовящейся революции, Ленин собрал в январе 1912 г. конференцию партии в Праге, где провел окончательный разрыв с „ликвидаторами“ справа и слева—чтобы тесным строем большевики выступили в надвигающихся событиях. Большевистская партия была здесь провозглашена единственной Р. С.-Д. Р. П.

В 1913—14 г.г. дело, под энергичным нажимом Ленина действительно шло, все расшияясь и ускоряясь, к новой революции. Меньшевики были совершенно оттиснуты даже с тех легальных позиций, которые они старались захватить в свое исключительное владение. Все почти стачки принимали боевой характер, направленный прямиком против центрального врага—самодержавия. К лету 1914 г. в разных местах России дело дошло до открытых массовых схваток с полицией и войсками на улицах. Наставал снова несомненнейший „Ленинский“ момент. Внезапно всемирная война отсрочила—но и обострила во много раз—развязку. Через 3 года Ленин все равно победил—и тем более решительно победил.

Но покамест стихия войны, эпидемия „защиты отечества“ сразу оборвала работу Ленина. Сам он страшнейший враг царя, попал—смешно сказать—в качестве подозреваемого в шпионстве для царя—в австрийскую „кутузку“ в Галиции. И лишь по ходатайству (тоже довольно смешно) австрийских социал-демократов-патриотов, только что голосовавших за кредиты для войны, был через 2 недели выпущен и отправился в Швейцарию. Здесь томился он, запертый со всех сторон „непроезжими“ странами дерущихся патриотов вплоть до момента, когда русская февральская революция властно позвала к себе.

Но он так затратил эти годы вынужденной неподвижности, как только мог всегда боевой Ленин. В затхлой „нейтральной Швейцарии“ он использовал самую ее (впрочем высоко-лицемерную!) нейтральность, чтобы во всех воюющих странах спаять снова разбитое повидимому войной международное революционное объединение рабочих, и спаять, понятно, снова на революции против воюющей буржуазии каждой страны.

Пусть 2-й Интернационал „сдал“, распавшись на враждебные друг другу, целиком, рабски поддерживающие свою буржуазию (свое „отечество“) отряды—тем более зовет Ленин на „войну войне“ всемирный пролетариат путем гражданской войны.„ Измена!“—бросил он, почти одинокий вначале, свой клич в лицо 2-му „социал-патриотическому Интернационалу. И его толчком в первую очередь были созданы 2 знаменитые, подпольные (потому что приходилось прятаться даже от „нейтральных“ швейцарцев) международные конференции в Циммервальде и в Кинтале, двух укромных деревушках швейцарских Альп. И хотя даже на этих особо-избранных совещаниях „интернационалистов“ русских, швейцарских, германских, французских, итальянских, английских, шведских и др. Ленину все же не пришлось в те дикие, кровавые годы склонить целиком товарищей на сторону своей решительной линии борьбы, обе конференции все же сыграли свою роль—первой боевой трубы грядущих революций. Сам же Ленин на них внезапно вырос в ту колоссальную, мировую—а не только русскую—фигуру, какою он является теперь в наших глазах. Организовав тогда, вопреки большинству непоследовательных „интернационалистов“, свое „бюро Циммервальдской левой“ вместе с Зиновьевым, Радеком, К. Либкнехтом, Розой Люксембург и другими немногими товарищами, он

звал к резкому разрыву со 2-ым Интернационалом и к образованию нового, настоящего боевого 3-го; провозглашал, как немедленный лозунг действия—гражданскую войну вместо и для ликвидации всемирной бойни; целью действии ставил непосредственную борьбу за социализм.

Надо оговориться, что вся эта замечательная работа Ленина была лишь логическим продолжением того, что и ранее, начинал с 1907 года, он на съездах 2-го Интернационала, в качестве представителя большевиков в русской секции, всеми силами всегда старался провести в резолюциях о войне. И ему даже удалось соответствующие „поправки" внести в более или менее расплывчатые формулы Штутгартского (1907), Копенгагенского (1910) и Базельского (1912) съездов. Но тогда это оставалось, мало заметно в общей массе „солидной", „осторожной"—а на самом деле уже тогда глубоко-соглашательской политики этих съездов. Другое дело теперь. Несмотря на весьма, казалось, узкий объем этих полу-спрятанных конференций Циммервальда и Кинталя, их голос в общем угнетающем потоке человеконенавистничества и дикой бойни, звучал замечательно—громко. И голос Ленина—тем более, как самый решительный и неподдельно международно-революционный. И нет сомнения, что он проникал глубоко до окопов всех воюющих стран, „смущая" умы пролетариев—солдат.

Ленин не ограничился только агитацией путем своих „последовательно-интернационалистских" лозунгов. Нет, как всегда ранее, он постарался подвести под них и прочный теоретический марксистский фундамент, написав небольшую, но крупнейшую по значению со времени Маркса и Энгельса книжку „Империализм, как новейший этап капитализма", где в сжатых, ярких, резких, истинно-марксовских чертах дает точнейшее определение империализма и вскрывает всю внутреннюю „механику" развития власти капитала в наши дни, все его хищные стремления—и следовательно, необходимые пути борьбы с ним (книжка правда опубликована лишь позднее). Здесь он выступает, как прямой продолжатель Маркса, дополнитель того, чего Маркс в свое время учесть еще не имел возможности.

Понятно после всей этой работы Ленина, что когда в результате гигантского истощения войной русского империализма—как первого, наиболее слабого капиталистически, из рвущих друг друга хищников,—вспыхнула задержанная войной русская революция, Ленин предпринял все „возможное и невозможное", чтобы прорваться в Россию. Германский империализм—конечно в хитром (увы, слишком для него хитром!) расчете на обострение гражданской войны в России с приездом такого ярого борца ее, как Ленин—дал ему и его спутникам-большевикам желанное право проезда. В дороге через Германию и Швецию (конец марта и нач. апреля 1917 г.) Ленин все время учитывал возможность немедленного своего ареста империалистским правительством кадета Милюкова и октябриста (т.-е. верного монархиста) Гучкова, успевшим забрать власть—хотя бы и с участием „представителя Совета рабочих депутатов" и мнимого социалиста Керенского. Но с момента приезда арест оказался немыслим, благодаря небывало-восторженному приему Ленина и его друзей колоссальными массами питерского пролетариата на самом еще финляндском вокзале.

Ленин, этот воистину железный человек, не хотел терять ни минуты по приезде. 3-го апреля он прибыл, а уже 7-го в „Правде" появились его „тезисы", звавшие рабочий класс и крестьянство на расправу с новыми империалистами-буржуа, не хуже царя жаждущими толкнуть трудовой народ на дальнейшую бойню за прибыль все тех же „союзников"—английских, американских, французских банкиров и трестов. Он объявляет ближайшей задачей революции—„всю власть Советам", этой замечательнейшей форме организации трудовых масс, созданной самими же массами в процессе своей борьбы на улицах против царизма и капитализма—за социализм.

Голос Ленина, хорошо уже знакомый тогда всему миру, раздавался и здесь необычайно громко. Под прямым руководством Ленина большевистская партия проделала в ближайшие затем месяцы труднейшую работу по просвещению, на деле, в процессе боя, голов миллионов рабочих и солдат-крестьян, которые имели уже в руках такое драгоценное и тяжеловесное оружие в борьбе за власть и счастье, как—советы, и увы, далеко еще не понимало, как им пользоваться. Меньшевики и эсеры все еще ока-

зывались в Советах вдохновителями и владыками, а меньшевики и эсеры замечательно „насобачились“ в искусстве притворства и надувательства масс. Нет ничего поразительнее, может быть, в истории текущей революции, как то тонкое и подлое искусство, с которым все эти Церетелли и Черновы, по существу прямые исполнители и слуги хищного империализма, разыгрывали комедию „интернационализма“ и мнимой борьбы за „мир без аннексий и контрибуций“ (т.-е. без захвата чужих земель и без военного вознаграждения). Ежедневно мороча головы, слишком еще неопытных в политических изворотах пролетариев, своими „социалистическими“ речами в Советах, они тут же, за кулисами власти, вели бесстыдный торг с буржуазией о действительном продолжении войны „до победного конца“, об усмирении рабочих, требующих рабочего контроля над фабрикантами и об усмирении крестьян, требующих земли.

Надо было, в свою очередь, все острое искусство Ленина, его многолетний опыт в срывании самых искусных масок, чтобы так сравнительно быстро, шаг за шагом просветить мозги пролетариата светом полного революционного сознания и двинуть его на бой со всеми захватчиками—буржуями и крупными (кадетами), и мелкими (Церетелли и Керенский), явными и скрытыми. Это и произошло в течение лета и осени 1917 г., произошло, конечно, с великими трудностями и опасностями для Ленина и его ближайших сотрудников, произошло не сразу, а—так сказать скачками.

В первый раз, в мае месяце хлынула на улицы волна демонстрации в Петербурге, руководимая большевиками, против слишком уж нахально-лицемерной, империалистской политики министра иностранных дел Милюкова: волна слизала Милюкова и Гучкова, как министров, слишком уж открыто враждебных пролетариату. Вторая волна, в июле, против уже „коалиционного“ правительства и кадетов прошла слишком стихийно, даже в о п р е к и Ц. К. большевиков и едва не стоила свободы, а может быть и жизни Ленину: его и Зиновьева головы были оценены по 200.000 руб., и им пришлось прятаться у рабочих на покосе, на болотах, в окрестностях Питера, потом в Финляндии. *) Третья волна—волна борьбы всего Питерского пролетариата, с участием уже гарнизона (т.-е. большей частью крестьян) против наступления буржуазного диктатора ген. Корнилова на Петроград, и стала решительным поворотным моментом в сторону большинства голосов у большевиков и в Питере, в совете, и в Москве, в совете и в городской думе, и на фронте, в бесчисленных солдатских советах, да и почти всюду по России.

Ленин тут играл колоссальную, определяющую роль, на которой прямо можно изучать то огромное значение классово-сознательной, неумолимо последовательной личности, какое марксистская теория—эта повидимому столь враждебная влиянию отдельного индивидуума в истории теория—оставляет ему на самом деле. Надо только, чтобы эта личность была действительно исторической, т.-е. ясно и глубоко з н а л а живые законы развертывающейся истории и потому у м е л а бы своей волей совладать с их общим стремлением. Тогда она может быть виртуозно-тонким и ловким мастером в их ближайших, конкретных комбинациях, а это значит—в известных, ограниченных, но и не слишком узких пределах—мочь „изменять ход истории“. Или по крайней мере—влиять на него так ощутительно (особенно, конечно, в поворотные, стихийно бродящие моменты), что потом мы принуждены говорить: „это Ленин сделал“, „это—характерно Ленинский отпечаток на событиях“.

В этом смысле революция Октября, совершенная, конечно, трудами всего русского пролетариата в союзе с наиболее политически подготовленной частью трудового крестьянства—прежде всего с армией—вполне в то же время заслуживает имени Л е н и н с к о й р е в о л ю ц и и.

Ибо Ленин ее задолго (и чуть не один) предсказывал, Ленин дал ей громкий, уверенный голос и определяющие лозунги, Ленин заранее предсказывал каждый ее шаг—еще в то время,

*) В этой архи-неудобной, военно-тревожной обстановке Ленин успел написать едва ли не величайший свой теоретический труд „Государство и революция“, где восстановил по первоисточникам подлинный, боевой смысл марксовой „диктатуры пролетариата“ и на основе опыта Парижской коммуны строит идею нового рабочего государства, идущего к коммунизму.

как большинство ее прямого носителя, революционного рабочего класса, часто высказывалось не за Ленина, даже иногда прямиком против. Ленин вел всю партию к этому исходу, вел, надо сказать, далеко не всегда без затруднения—наоборот, были-таки „разногласицы", и довольно серьезные (преимущественно—в сторону необходимости союза „всех социалистических партий"). Ленин, наконец, кликнул из своего финляндского „подполья" богатырский клич рабочим в сентябре: „немедленно берите власть, не то будет поздно". И когда снова встретил значительные колебания в партийных рядах, даже сопротивление,—ринулся из „подполья" в Петроград, несмотря на смертельную личную опасность, и лично, сильным толчком двинул партию и с ней весь пролетариат в бой.

Он имел, конечно, и великолепный партийный штаб и организацию, имел и великих боевых исполнителей (как т. Троцкий), но вся заслуга дальновиднейшей политической зоркости, безошибочной ориентировки в потоке сложных и грозных событий, выбор момента, планировки широкого маневра, неодолимого волевого „нажима"—за одним несравненным гением его Ленина.

Сила „ежедневной" критики его ума необычайно, шаг за шагом—прояснила для русского пролетариата весь ход борьбы и была не последней причиной того, что переворот Октября совершился в общем так сплоченно, так полно—в пользу трудовых классов России.

Величайшее счастье было суждено Ленину—воплотить во всем объеме освободительную идею, возникшую в его мозгу еще почти в ребячьи годы, но и тогда уже выражавшуюся им в реально-научных формах. Октябрь—это татое же торжество научного материализма и его диалектики, как и самого Ленина, и нашего несравненного, боевого пролетариата.

5. А затем—к социализму...

„А затем—к социализму, который один даст измученным народам мир, хлеб и свободу". („Письмо издалека." Ленина.—„Правда" 21—22/III 1907 г.).

Октябрьская победа была достигнута благодаря неуклонному проведению партией большевиков всей программы „ленинизма", т.-е. в первую голову союза рабочих и крестьян на почве полной земельной революции в пользу крестьян. Этой земельной революцией обеспечивалась затем полная развязка рук для рабочих в деле установления в России социалистического строя.

Ленин теперь и повел трудовые массы города и деревни в заданном направлении—к социализму. Ставши из подпольного вождя гонимой рабочей партии председателем „Совета народных комиссаров" многомиллионной новорожденной республики рабочих и крестьян, он всеми средствами революционной государственной власти, сосредоточенной в его руках, утверждает переворот. Декреты о национализации помещичьей земли и передачи ее в пользование крестьян, о национализации банков, о рабочем контроле над производством, о 8 часовом рабочем дне, о раскрепощении угнетенных национальностей и проч. и проч. звонят похоронным звоном над головами разбитой буржуазии и помещиков. Немедленным предложением всеобщего мира по адресу всех воюющих держав делается решительный первый шаг к ликвидации фронтов, этого 3-х-летнего бедствия, губящего цвет трудового населения всего цивилизованного мира и разрушившего все мировое хозяйство. А когда предложение мира встречает отовсюду лишь злобный отпор, Ленин, как Предсовнарком, входит в переговоры об отдельном хотя бы мире с Германией.

Мы знаем, как германские империалисты бесстыдно использовали наше разорение и распад армии под неизбежным влиянием стремящейся к немедленному миру революции. Все помнят тяжелые дни Брестского мира, когда нам пришлось пойти на все ростовщические условия кайзера. Все помнят, до чего тяжело было партии большевиков решиться на этот „похабный мир"—так что понадобился опять-таки весь огромный вес личного авторитета Ленина, чтобы мир был все же заключен, чтобы не была сделана безнадежная попытка защищаться без оружия и солдат, против пушек, танков и аэропланов миллионной германо-австрийской армии.

Не менее тяжка, чем это добывание „передышки" от военных действий, была и внутренняя борьба из-за Учредительного собрания. Ведь

в предыдущий этап революции, до Октября борьба шла с буржуазией и соглашателями, как раз в первую очередь, из-за несозыва их властью Учредительного собрания (они боялись на нем требования крестьянами немедленного захвата помещичьих земель). А теперь собранное ими в январе 1918 года Учредительное собрание оказалось в подавляющем большинстве из тех же соглашателей—меньшевиков и эсеров. Понятно, впрочем оно выбиралось по избирательным спискам, составленным еще буржуазной властью. Возникал опять-таки острый и больной вопрос: работать Советской власти с этой явно контрреволюционной „демократией", или же ее распустить, разогнать? Немало товарищей опять-таки были смущены остротой постановки вопроса. Но не Ленин. Он ясно видел, что крестьянин и без „Учредилки" получает из рук Советской власти землю—без сомнения скорей, проще и полнее, чем это может быть от Учредилки Чернова—Мартова. О рабочем—нечего и говорить: он сам в Советах брал почин в решительном „прижиме" буржуазии. Следовательно—долой Учредилку, ни к чему ненужную трудящимся, раз она идет в разрез с Советской властью—Учредилка—была разогнана, и ее приверженцам не удалось поднять ни одного штыка солдатского—т.-е. рабочего или крестьянского—на ее защиту.

Когда эти первые и худшие препятствия были расчищены, Ленину можно было приступить к решению задачи о хлебе—т.-е. задачи о социализме. Происходило это впрочем, не в мирной обстановке „органических" времен истории, нет—в дыму и крови гражданской войны. Не стану перечислять здесь лишний раз все военные фронты и всех генералов-белогвардейцев и империалистов, с которыми пришлось иметь нам дело на севере и на юге, на западе и на востоке. Красная армия—могучее оружие Советской власти, могшее создаться в такие изумительно краткие сроки, при таких дьявольски трудных условиях лишь благодаря могучему, единодушному порыву трудовых масс,—Красная армия успела отбить все покушения на всех фронтах. Но именно колоссальные военные потребности 3-х-миллионной Красной армии потребовали от Советской власти такого крутого поворота в сторону „военно-социалистической" организации всего хозяйства, который мог правда быть выдержан героическим трудовым народом, попавшим словно в осажденную крепость, но который в конец истощил нашего главного союзника в революции—трудовое крестьянство. И как только кончилась с победой над помещичьим „последышем"—генералом Врангелем в Крыму военная страда, страшный сельско-хозяйственный (а с ним и промышленный) кризис потряс всю страну.

Ленин, конечно, видел и неизбежность этого кризиса в момент такой колоссальнейшей в истории социальной революции, и то, что все же лишь этой ценой можно было в данных условиях, купить победу. Поэтому он бестрепетной рукой проводил все военно-суровые меры по изъятию у крестьян рабочими „продотрядами" всех излишков хлеба против потребления (так наз. продразверстка). Он декретировал в то же время и все необходимые меры по удержанию производства в промышленных центрах на мало-мальски необходимой высоте: начиная с полной национализации всей промышленности и торговли в конце 1918 г., продолжая всеми мерами „военного социализма" по добыче и подвозу продовольствия, сырья и топлива к центрам и фронту, по „карточному", „классовому" пайку в городах и проч. и проч.

Подо всеми этими декретами и распоряжениями без сомнения стояла подпись: „В. Ульянов (Ленин)". Но это отнюдь не значит, чтобы Ленин и здесь снова не видел вопиющего противоречия между крайне высокими требованиями Советского государства, предъявляемыми в этот „военный" период к трудовым, особенно крестьянским массам—и между действительной возможностью для этих крайне некультурных, обнищалых, обескровленных, в конец разоренных царской и гражданской войной масс, выполнять эти безмерно-тяжелые требования. Лучше всех Ленин разумел, что успехи „военного коммунизма" имеют свои, очень неширокие пределы, и что эти пределы вот-вот уже будут достигнуты. Вот почему Ленин еще ранее, в самом начале революции, в своих брошюрах „Главная задача наших дней" и др. определенно писал о том, что „государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике"—как верная дорога к упрочению затем социализма. Ленин знал тогда еще, что при наличии

огромных масс мелко-собственнического, единолично-хозяйствующего крестьянства нам не обойтись без промежуточной ступени государственного капитализма—того самого, который у нас сейчас действует под флагом НЭП'а. И никогда не повторял ошибочного преувеличения тех товарищей, кто воображал, что по нужде установившийся у нас в 1919—20 г.г. „военный коммунизм" и есть самонастоящий, достигнутый уже социализм, требующий разве лишь дальнейшего удовлетворения и развития.

Ленин все это знал и зорко следил за опасными признаками самоистощения „военного коммунизма" и успел поэтому ранее кого бы то ни было другого в самый критический момент сделать необходимый, крутой поворот. Как раз во время! Ибо в марте 1920 года восстание крестьян-матросов Кронштадта ясно показало, что крестьянин дошел до краю. Еще шаг—и он пойдет против Советской власти, и тогда конец самому фундаменту нашей революции—„диктатуре пролетариата и крестьянства". Бунт Кронштадта, конечно, был подавлен военной силой, но Советская власть, по указанию Ленина, тут же сделала решительную уступку своему союзнику-крестьянству—уничтожила слишком непереносную для крестьянства „военно-коммунистическую" продразверстку и заменила ее, сравнительно, легким продналогом, а с ним вместе—предоставила свободу каждому единоличному хозяину-крестьянину продавать самому на рынке остающиеся у него излишки. А с этим вместе Советская власть сама должна была перейти от полной национализации промышленности на государственно-капиталистическое производство лишь на главных, основных отраслях производства (железные дороги, рудники, залежи, главные заводы металло и текстиль-промышленности и проч.). Овладение рынком в умелой конкуренции с допущенным снова к „работе" в узких пределах частным капиталом—вот теперь задача нашей госторговли, на место прежнего насильственного исключения нами частного капитала.

Со времени этого мощного поворота советского руля Лениным мы и живем в периоде Новой Экономич. Политики (НЭП'а), и каждый день убеждаемся, какой богатый источник восстановления всего народного хозяйства она представляет. Нет больше спора, вся Россия ожила, оживает все дальше и шире, шевелится, работает и скоро поставим себе задачу шагнуть дальше царской России и в развитии производства, и в общем подъеме благосостояния загнанных царизмом трудовых масс. Это—Ленина работа. Ни на одну минуту Ленин не забывал, что революция держится, живет и развивается лишь тем, что крепок ее основной камень—смычка рабочих и крестьян. Бывает, конечно, как в „военном коммунизме", что проклятые нсобходимости трудного дела жмут слишком уж чувствительно ту или другую сторону этого основного союза. Но всегдашняя память о нем позволяет выправить равновесие раньше, чем дело дошло не то, что до разрыва смычки,—до серьезного ее колебания.

Так научила нас политическая мудрость Ленина. Что касается его самаго, то он все эти 6 последних лет почти безвыходно прожил в Москве в Кремле и каждая минута его жизни была посвящена работе по утверждению рабоче-крестьянской революции. Мы знаем, как, не щадя себя, он истратил на это дело последние силы. Помним, как вытесненные им с поля истории „соглашатели" в виде мести подослали к нему убийц (покушение эсерки Каплан, авг. 1918 г.), но, к счастью, он еще на 5 лет остался жить. Кроме ежедневной, черной, тяжкой законодательной работы он беспрестанно вел широкую агитацию личными выступлениями на Всероссийских Съездах и митингах, и каждое такое выступление было настоящим праздником для трудящихся. Каждый, слышавший его, получал на веки драгоценный запас революционной мысли и подъема—лучшая порука за то, что наша революция не будет никогда побеждена тупостью и злобой буржуазии.

Еще дело особо близкое сердцу Ленина, которое он успел осуществить в эти годы—создание Коммунистического Интернационала. Мы видели, как мощно он успел поработать в качестве мирового вождя еще в лихолетье империалистической войны 1914—1917 г.г. Одной из первых его забот в России по мало-мальском укоренении Сов. власти, был созыв в Москве III Интернационала (март 1919 г.) С тех пор на 4-х его съездах, он успел заложить основы и его непримиримой революционной политики и программы, и его могучей, железной, централизованной, „большевистской" организации. Ко-

нечно и здесь Ленину пришлось преодолеть немалые сопротивления, разрешить немало противоречий, разбить немало предрассудков. Особенно сильна оказалась косность национальной обособленности, даже в боевых коммунистических партиях. То итальянцы, то французы, то норвежцы и проч., под давлением этого узкого предрассудка обнаруживали протестантские настроения против мнимой „диктатуры Москвы". Ленину, начиная с его брошюры „Ренегат Каутский" и продолжая брошюрой „Детская болезнь левизны" и др., пришлось вытравливать отрыжки буржуазного демократизма—и его противоположности, революционного полу-анархизма. И сейчас уже в значительной степени III Коминтерн образует организацию, почти также способную к стройному управлению планомерно движущимися мировыми массами рабочих и трудовых крестьян, как это имеется в ее прообразе—РКП (б). Конечно, задача эта, во много раз труднее, чем в нашей сравнительно узкой партии, но она развивается в том же стиле, стоит на верном пути.

И вот мы—при конце жизненного подвига Ленина. Колоссальный заряд исторической энергии в безостановочной 30-летней работе истрачен был до конца. Чем выше, небывалее его великий гений, тем нам тяжелее, что он вырван у нас преждевременной смертью 21 января 1924 г. Мы знаем, что еще не раз наша революция будет проходить через опаснейшие ущелья сгущенных исторических противоречий, что трудности задач без Ленина будут быть может чрезвычайно обострятся. Этого не избудешь, конечно, никакими средствами.

Но есть тут и верная все же порука разрешения и этой трудной задачи, выхода и из этого противоречия: сам опять-таки Ленин. Ведь он был не просто гений, совершивший такой-то сверх-человеческий подвиг, на который двинула его история. Он был больше этого—гениальный человек-школа.

Ведь его метод, его стратегия, его политика не представляют сами по себе чего-либо чисто личного или какого-либо тайного учения, ушедшего с ним в могилу. Совсем напротив, ведь это все тот же научный коммунизм Маркса, развитой и дополненный сообразно новым обстоятельствам, — следовательно ясная и точная наука о строе и развитии данного общества в данный период уже по этому одному превосходно приспособленная именно для передачи, для учения. Если к этому прибавить, что Ленин за всю свою 30-летнюю работу на первом месте именно и старался о том, чтобы как можно лучше передать и свое учение, и самый способ его критического и аналитического приложения к жизни, к классовой борьбе капитала с трудом, то отсюда уже видно, как много дала его сотрудникам и пролетарскому потомству его школа. Его многочисленные сочинения остаются тоже навсегда чистейшим источником живой воды—если только будут изучаться нами так, как он сам „изучал" Маркса, т.-е. всегда в теснейшей связи с живой конкретной обстановкой, породившей у него то или другое сочинение, вызвавшее ту или другую речь. Отсюда видно опять-таки какое громадное значение получает для каждого его ученика его биография, как еще один источник живого учения. Наконец, ведь Ленин своими руками создал и долго „вел" такое „педагогическое" учреждение по непосредственному осуществлению революции, как Коммунистическую партию. Эта „школа"—наилучшая часть самого Ленина, оставшаяся после его смерти. Да и вся Советская власть—его детище, работа здесь поставлена им же.

Так что продолжение дела „по Ленину" обеспечено всем его научным и практическим наследством. Если же могут возразить, что „школа", гениального вождя еще не ручается за то что каждый данный ее шаг, особенно же шаг решительный, критический, т.-е. самый важный, будет сделан с таким же глубоким историческим чутьем и прозорливостью, как было при жизни Ленина, то на это ответ ясен.

Надобны были, скажем, гениальные инженеры, чтобы изобрести и построить первые современные, гигантские железные мосты на кессонах и фермах, но теперешняя „школа" тех первых изобретателей — пусть состоящая из гораздо меньших величин—строит мосты вполне удовлетворительные, благодаря хорошему усвоению точных принципов их науки. Или еще сравним Ленина с первым открывателем пути к Северному полюсу: полюс теперь открыт, и дальнейшее исследование его „тайн" требует скорее уже систематической, упорной научной работы, чем „первозданного" гения. Так

и с пролетарской революцией: ключ к ней—диктатура пролетариата и крестьянства в полуколониальной России—открыт и применен. От партии требуется лишь упорная, систематическая, научная и боевая разработка этой задачи до конца. Прибавив сюда ее дальнейшее расширение, данное тоже Лениным,—в виде союза русской пролетарской революции с национальными, анти-империалистическими и в огромной мере крестьянскими революциями Востока, то общие рамки гигантского дела целиком уже даны умершим мировым лидером, и остается все же гораздо менее трудная принципиально работа в этих, данных им рамках.

Словом, насколько может судит человеческий разум, вооруженный испытанной теорией Маркса и Ленина,—дело Ленина не будет, не может быть „сорвано" никакими усилиями буржуазии, класса безвозвратно уходящего в прошлое и стоящего неизменимо в понимании путей общественнаго развития. Наоборот, последующие года будут годами беспрерывнаго подъема нашей революции и развертывания ее на широчайшей исторической сцене.

Крайне интересно отметить, в виде заключительного аккорда светлой Ленинской биографии, что по существу дела Ленин, будучи вернейшим в свою очередь учеником Маркса, в то же время может считаться фактически и прямым продолжателем, если угодно, учеником и осуществителем лучших заветов своего давнего противника народничества. Как это ни несообразно может показаться на первый взгляд, но это несомненно так: Ленин — в новых условиях „американскаго" роста капитализма и империализма в России поставил, развил и достиг осуществления той самой задачи и поднятия „народа" к борьбе и победе, которую ставили себе напр. Желябов и собственный, погибший брат Ленина. Ведь он, в конце-концов, двинул в бой миллионы того самого мужика, к которому те обращались, как к массовой силе. Если он его двинул через посредство рабочего—это другой разговор, это преимущество нового периода и новаго метода (в этом те, конечно, отметили). Но он его двинул, мало того, именно Ленин, а не кто другой повернул лицом к мужику весь марксизм, слишком сосредоточившийся на исключительной роли пролетариата в революции. Именно Ленин доказал на деле, что без мужика-революционера победы революции не будет. И только этим путем роль пролетариата в России, как „гегемона", как Вождя, впервые возвысилась до степени реальной действенности. Другие идеологи нашей революции, не исключая умнейшего—Плеханова, все проглядели эту существующую ценность мужика (Плеханов даже определенно его боялся, как контр-революционера, как возможного—после удовлетворения „земляного" голода — орудия царско-помещичьей „реставрации".)

„Ленинизм" ведь и означает в первую очередь — смыку рабочей революции с революцией деревенской бедноты. Интересы мужика, и не только даже пролетаризированного мужика, а самонастоящего „народническаго", успенскаго и златовратскаго мужичка-середнячка (т. - е. единоличного и в то же время обиженного мелкого хозяина-земледельца) твердой рукой Ленина, выдвинуты на первый план в данный „подходный" период коммунистической революции. Навстречу этим мужицким интересам—на первый взгляд вовсе не коммунистическим—Советская власть сделала немало тактических, „компромиссных" шагов. Правда—только потому, что эти именно шаги и являются единственно реальными в деле приближения социализма.

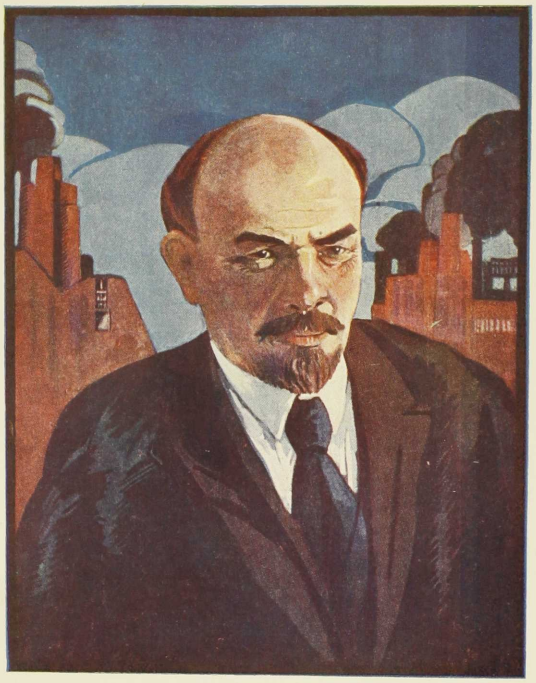
Таким образом, Желябов наверное примкнул бы к результатам Ленинскаго подвига (если бы и разошелся вначале в непонятных ему путях и методах). Другое дело—те, кто является видимым историческим продолжателем дела Желябовых—новейшие т. наз. „народники", разных мастей. Сделавшись по свержении царизма вульгарнейшими подголосками новых, буржуазных владык, они в лучшем виде продали последним самые кровные интересы „народа" мужика, и в этой продаже, кажется, видят свое высшее право на титул „народников".

Повторяю, истинным „народником" в смысле Чернышевскаго и Добролюбова народ-мужик назовет только Ленина. И это в высшей степени замечательно, как в истории ступень „синтеза" сближается с исходной ступенью „тезиса", пройдя через „антитезис". Нет сомнения, что в старом народничестве на-ряду с его ошибками имелись элементы какого-то предчувствия „Ленинскаго" пути осуществления социализма—первого (след. и единственного) в реальной действительности пути.

Ленин, хотя и умерший, остается, как указующая стрела на промежутки исторических дорог революции.

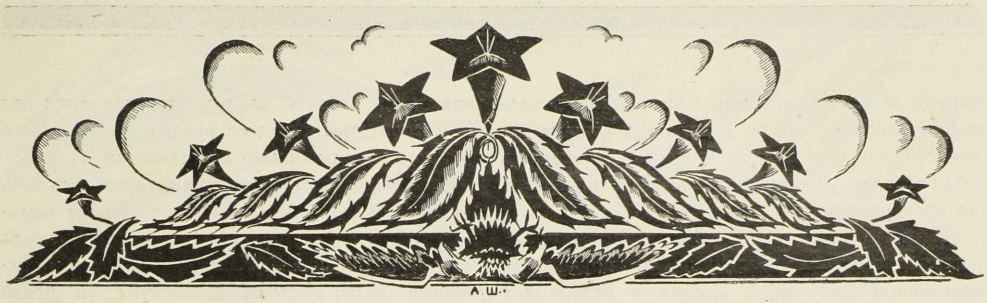
История его личной жизни драгоценна нам, как захватывающая повесть о тех средствах, какими порабощенное стихийными силами собственного своего развития человечество впервые успело, наконец, прорваться на широкую дорогу действительного своего освобождения.

Дивильковский.



Художн. Н. А. Шевердяев.

В. И. Ленин.



Великий вождь и великий человек

Владимир Ильич вошел в историю, как общепризнанный вождь. А вожди познаются прежде всего в трудные моменты: кто в тумане окружающей обстановки умеет указать правильный путь; кто находит выход между Сциллой и Харибдой опасностей, препятствий и затруднений; кто умеет твердо держать руль на крутых поворотах,—тот действительно достоин названия вождя.

Еще на заре рабочего движения, когда только-только складывалась наша партия, Владимир Ильич прозорливо указал ясные формы организации. На 2-м съезде, когда м-ки отстаивали расплывчатый принцип „сочувствия программе партии", как базу для партийной организации, Владимир Ильич еще тогда ясно предвидел, что эта расплывчатая база—прямой путь для разложения партии оппортунистами. И на вопрос м-ков, чем же должна быть партийная организация, показал крепко сжатый кулак. Таким крепким кулаком он и создал свою большевистскую партию, которая только благодаря крепости, спаянности, единству (этого не надо бы забывать и теперь), могла одерживать блестящие победы над врагами.

Рабочее движение развертывается. Наступает 1905 год. Весной, на III съезде партии, Владимир Ильич уже формулирует с полной отчетливостью задачу партии и пути революции: подготовка вооруженного восстания, союз с крестьянством против самодержавия и предательской буржуазии. Как жалки теперь кажутся контр-мысленки м-ков и как ясна позиция Ильича! Но это было почти 20 лет назад: тогда были намечены вехи развивающейся революции, и история эти предсказания блестяще оправдала.

Восстание 1905 г. подавлено. Наступают 1906—1907 г.г., время жесточайшей реакции. Плеханов произносит свою нашумевшую фразу: „не надо было браться за оружие". Реакция свирепствует. Кругом в интеллигентских кругах ренегатство и уныние. М-ки держат курс на столыпинскую „легальность". Владимир Ильич, окруженный небольшой группой стойких революционеров и остатками разбитых российских организаций, поднимает бешеную атаку против „столыпинцев"—меньшевиков, за неурезанные революционные лозунги, за нелегальную партию, за подготовку нового восстания. Начинает эту борьбу чуть не один, а с каждым годом все большее и большее число революционных рабочих сплачивается вокруг него. Революционная партия вышла из испытаний еще более закаленной. Оппортунизм и зачатки анархизма вытравлены каленым железом. А вместе с партией спасена и революция.

Наступает война. Европа и Россия превращаются в сумасшедший дом. Всеобщее патриотическое опьянение и клики: „война до победного конца". Ильич громко, под всеобщий вой и улюлюканья, бросает лозунг: „Война войне! Поражение собственному правительству!" Даже интернационалисты и то не выдержали этого лозунга и смягчили его требованием: „ни поражение, ни победа". Ильич смеется над компромиссом слабонервных, громит шовинизм, предательство. И опять—сначала почти один, а затем потянулось к нему все, что было революционного в России и в Европе. Война кончилась революцией.

1917-й год. Самодержавие свергнуто. „Гражданский мир" и „всеобщее упоение". Но власть—в руках буржуазии. Ильич бросает лозунг—

борьба за власть советов. Опять травят, клевещут, загоняют вождя в шалаш в Финляндии поносят, как германского шпиона. А степенные люди говорят: „преждевременно затеяли; играете на руку реакции".

А вышло так, что через три месяца после изгнания, в шалаше, Владимир Ильич руководит восстанием рабочих и солдат и утверждает власть советов.

1918 г. Немцы напирают. Наша армия не хочет воевать. Левые с.-р. и даже некоторые б-ки кричат: война против немцев во что бы то ни стало. Т. Троцкий предлагает „ни мир, ни война". Владимир Ильич пишет: „ясно для всех (кроме разве совсем опьяненных фразой), что итти на серьезное повстанческое или военное столкновение заведомо без сил, заведомо без армии есть авантюра...

... Если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его обязательно принять в интересах социалистической революции".

„Архиневыгодный" Брестский мир был заключен, а через год оказался лоскутком бумажки. Германская революция разразилась. „Социалистическая революция" выиграла.

Наступает 1921 год. Война кончена. Перевертывается страница военного коммунизма. История делает крутой поворот. Владимир Ильич зорко присматривается в даль и предлагает: „В первую голову улучшить положение крестьян. Средство: продналог, развитие оборота земледелия с промышленностью, развитие мелкой промышленности". А в 1923 году, уже больной, повторяет: „мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства".

Едва ли найдется в истории другой человек, который обладал бы таким прозорливым взглядом, чтобы видеть на десятки лет вперед через мглу истории, чтобы разглядывать глубоко подводные скалы, рифы и мели, чтобы так твердо держать руль на поворотах.

Таков Ильич, как вождь. В качестве вождя он ясно обрисован развитием исторических событий, запечатлен в его произведениях.

Но он был и великий человек. И обязанность наша, всех, кто имел счастье быть его современниками, помочь описанию его многогранной личности. С Ильичом сталкивались многие: крестьяне и рабочие; обыватели и партийцы; ученые и литераторы. Свидания с ним и разговоры были не официальными приемами главы правительства с шаблонными лаконическими фразами. Каждый уходил, унося с собой совет, поучение, замечание, содействие, помощь со стороны Владимира Ильича. Все мы, современники, должны поделиться с историей и потомством этими воспоминаниями. Ибо Ильич был гроза для врагов, опора и помощь для друзей и для всех, приходящих к нему. Ибо у него не было личной жизни, каждую минуту он отдавал общественной работе. Пусть скромны будут наши отдельные клочки воспоминаний. Не беда. Только из таких лоскутков мы и можем создать целостный облик этого гиганта. Это—прямая обязанность нас, современников, перед потомством и историей.

Н. Семашко.

Из памятной книжки о Ленине

После 8 час. веч. в тюрьме наступала тишина. Так как эти часы мы использовали для занятий и добились у администрации разрешения сидеть до полночи, то это время называлось у нас конституцией. Из всей камеры не занимался чтением, но зато любил поспать лишь один товарищ, по профессии булочник.

Каждый день ровно в восемь часов он возглашал:

— Как обычно, я ложусь спать и объявляю конституцию. Наступала конституция, т.-е. тишина.

Однажды, во время обычной тишины, в углу камеры на нарах послышались спорящие голоса. Спор разгорался все больше и больше; спор захватил всю камеру. Все чаще, все настойчивее повторялись имена „Плеханов"—„Ленин".

— Ну, что такое Ленин?—выразительно говорил человек, поросший бородой, в очках. В жестах его было много пренебрежения.—Что Ленин? Он ли основал партию? Трактовал ли он особенно углубленно марксизм для русских социалистов? Что он сделал крупного в области теории, чтобы противопоставить нас, марксистов, народникам?

— А что же Плеханов ваш?—вопрошал вместо ответа щупленький, маленький человек, выворачивая перед своим собеседником ладони, как бы спрашивая этим жестом: что есть истина?

— Плеханов?—Что такое Плеханов?—раздался громкий хохот многих голосов,—постыдитесь, товарищ, так спрашивать о человеке, создавшем Р. С.-Д. Р. П. и сделавшемся первым и самым образованным русским марксистом и ставшим едва ли не самым образованным человеком современности?

Щупленький человек складывал руки на своей груди и отвечал:

— Ну, а дальше что, а дальше что? А революционная практика где? Где ответ хотя бы на один политический практический вопрос? У Плеханова есть литература по вопросу, а ответы, ответы на вопросы?

Я был много моложе спорщиков, но и мне хотелось ввязаться в спор. Ленина я знал по брошюре „Что делать ?" и „Лицемерие 31 меньшевика". Плеханов—он был перечитан почти весь, что тогда было легального в России. Плеханов—это уже и тогда—огромная и серьезная литература.

Живыми я тогда еще не видал ни Плеханова, ни Ленина. Но всякий раз, когда я произносил имя Плеханов — мне рисовался высокий, тонкий человек, какими бывают саратовские немцы. Он очень чист. У него орлиный нос. Он в очках. Ходит прямо и очень любит жестикулировать. Таким рисовался мне человек, которого я никогда не видал и называл Плехановым.

Ленин—Ленин тоже рисовался (вообще, видимо, трудно произносить какое-либо человеческое имя, без того, чтобы сейчас же воображение не рисовало кого-нибудь), но по другому: будто стоит этакий серый, невысокий человек, очень веселый и, как большинство веселых—очень деловой. Волосы русые. Косой пробор на голове. Стоит этакий человек, держит собеседника за петельку и все ему объясняет, да объясняет. А в иных местах указательным пальцем строго, строго назидает. Никак я не мог вообразить лица Ленина. Зато уже никак не мог его представить в одиночку: всегда с ка-

ким-нибудь собеседником, которого непременно он держит за петельку и все объясняет.

Так мы часто спорили о Плеханове и Ленине в тюрьме и в ссылке и на работе... Плеханов и Ленин. На работе, на практике все больше и больше давал знать себя Ленин.

На работе частенько сообщалось: „Вчера получено письмо от Ленина", или:—„А знаете, что Владимир Ильич сообщил в Питер по поводу последней стачки?" или: „Приходите сегодня будет делать доклад т. Х., приехавший от Ленина".

А после работы опять тюрьма и опять ссылка. Но ни на минуту не покидает сознание, что где-то там, на воле по прежнему, упорно: „Ленин пишет", „От Ленина приехали", „Ленин высказывается по поводу последней стачки"... И может быть от этого, от того, что где-то все-таки делает свое дело неугасимый огонь, дни тюремные не считаешь потерянными.

— Вы большевик или меньшевик?

— Большевик.

— Вот как: к ленинским молодцам относите себя?—спрашивает кто-нибудь с очень умным лбом и совсем безвольным выражением глаз.

— А знаете,—не раз обращался такой товарищ к своему соседу,—мне кажется, что большевики, это—не просто сторонники несколько другой теории, но определенный психологический тип.

— О да, да.

И я сам начинаю казаться себе большевистским типом.

Однако странно: им как будто удовольствие доставляет назвать нас замаскированно болванами ленинскими („молодцами"), а нам что-то не обидно, словно мы в другой плоскости воспринимаем издевательство над нами; воспринимаем его только ухом.

Потом е г о, а вслед за ним и нас стали звать твердокаменными.

В Париже на одном собрании так и спросили меня:—Вы за твердокаменных?

— О да, да.

А *его,* самого твердокаменного я все не видел.

Как-то раз перед отъездом в Россию мне сказали, чтоб я по пути захватил с собой транспорт литературы. А после того, как я согласился, меня повели к кому-то (к кому—не сказали). При этом заметили, что надо торопиться, так как *он,* куда-то уйдет.

Дверь нам открыл небольшого роста приземистый человек в шляпе (панаме). Человек этот как-то странно с одной стороны приветствовал нас обычно, с другой—в первый момент будто и не обратил внимания на наш приход. Введя нас в небольшую комнатку, сел на краешек кресла и склонился немного на левый бок, опираясь локтем о коленку. Шляпу не снял, а только сдвинул слегка на затылок, не давая нам забыть, что он торопится. Спросил меня, куда я еду. Где и с кем мне предстоит работать. Знаю ли я твердо, кому как передать транспорт. При этом он взглядывал на меня несколько раз как-то снизу вверх. А потом, когда встали, он в дверях взял меня за петельку и еще раз спросил, когда я еду и какой границей. По его пальцам и по прикосновению к моей петличке, я почувствовал в нем необыкновенно доброго человека. Мне даже стало грустно, что он торопится, что я должен уйти, что не знаю кто он, и что может быть его больше не увижу. Спускались мы по лестнице втроем и он как-то мягко, но вместе с тем неожиданно сказал что-то шутливое и сам рассмеялся не громко, но весело. Оглянувшись на него, я немного споткнулся, а он поддержал меня за плечо и я ощутил теплую и сильную руку.

Весело расстались.

За высокими серыми домами в пыльной дымке, как в тумане, садилось солнце где-то за Парижем в Паде-Калэ-Ламанш и на лица прохожих бросало розовый отблеск. Мой товарищ как-то очень поспешно стал говорить о том, что Эйфелева башня очень красива на закате солнца, что она бывает похожа тогда на капризную женщину. Мой спутник, видимо, сворачивал меня в сторону от могущих последовать расспросов о том, с кем мы расстались.

В России опять, в Москве, в Питере, я слышал: „Ленин написал недавно"... или „Владимир Ильич здорово по этому поводу ругался"... „Ленин сказал..." и т. д.

Не долго продолжалось, однако, мое нелегальное житье.

Вскоре опять меня вместе с другими „прогоняли" через Бутырки, где царствует тишина и кандальный звон и запах карболки и, по вечерам, „конституция".

Так прожил я во вторую ссылку.

Раз как-то получаю шифрованное письмо о том, что надо ехать по делу.

И вот опять, с привычной оглядкой на шпиков,—я нелегальный.

Совещание на острове, на Волге, под Саратовом. Приехал товарищ, что был „там", у *него*.

Товарищ докладывал о том, что *он* настаивает на немедленном издании своей легальной газеты, что виден сдвиг в настроении русского пролетариата, что сейчас газета в России как нельзя лучше будет сплачивать рабочие массы вокруг себя и что надо шире привлечь к писанию в ней рабочих, но что увлекаться этим чересчур не надо, не надо сводить всю работу к этому: нелегальные организации должны работать с удвоенной, утроенной энергией.

На совещании нас было немного и все мы великолепно знали друг друга.

Наш докладчик, который видел *его* самого, говорил с *ним*, ходил с *ним* в горы,—казался нам особенным. И не чувствуя никаких разногласий с основной мыслью о необходимости начать новое дело: легальную газету, мы стали спрашивать товарища, как смотрит *он* на такой-то вопрос и на такой-то вопрос. Разбредаясь так в стороны разных вопросов, внимание наше вызывали не столько эти вопросы, сколько е г о разрешение вопросов. Так, незаметно, мало-по-малу, когда уже кончилась официальная часть собрания, разговор перешел на тему о *нем*. Как он живет, каков из себя и пр. Доходили до мелочей: курит ли, ходит ли в театр и т. п.

— Он очень теплый человек, — заключил свои раздробленные рассказы докладчик.—И еще как бы это сказать... Ну, догадливый, что ли... То-есть, так: вот я, например, приехал и, конечно, начал с ним говорить о делах. А он послушал, послушал, спросил кое о чем, а потом вдруг:

— А у вас ночевать есть где? Если нет—я вас к т. Г.

Я сначала растерялся и подумал, что, может быть, я неинтересно о делах рассказывал. А он тем временем на небольшом клочке бумаги черкнул адрес для меня и как-то подмяв под себя стул, глазами серьезными, лукавыми, веселыми, полными мысли—заставил меня продолжать рассказывать о делах.

А вообще, они с Надеждой Константиновной живут какой-то особенной, трогательной тишиной.

И уже совсем поздно ночью, когда мы вдвоем гуляли с товарищем, он сознавался мне:

— Знаешь, странное впечатление. Я смотрел на него и вдруг сравнил его с чем? можешь ли отгадать с чем? С морем. Не удивляйся. Может быть сравнение слишком субъективное, но я сейчас попытаюсь изложить тебе в чем его суть. Когда я видел море на картине или слышал из разговоров и рассказов, или читал о нем—мне казалось море! море! Это что-то бесконечно величественное, при виде чего человек сам преображается. А когда я увидел настоящее море—это было за границей, в Марселе, я смотрел на него с горы, где золотая Notre Dame смотрит на африканский берег—когда я увидел море—разочаровался. Ничего особенного, точь в точь как наша Волга. И как-то странно, неестественно стало от сознания того, что так много пишут и говорят о море и как-то жаль стало своей веры в то мощное, безграничное море, которое создало мое впечатление от рассказов, картин и книг. Прошел день, два. Утром я пошел в пекарню за хлебом и посмотрел в сторону моря и остановился как вкопанный: я почувствовал, что море живое и что оно смотрит на меня своими большими синими глазами. Дома, в отеле, меня ждал товарищ, мы должны были ехать на север, в Париж. Я забыл про все. Устремился на ту высокую гору, с которой мне море так не понравилось и с этой горы посмотрел на море. Почувствовал что-то вроде большой, большой любви, для которой мало человеческое сердце. С горы я бегом устремился к самой соленой воде. С тех пор на все картины о море я смотрю с сожалением; с душевной болью читаю описания моря—потому что все это не то. И неужели так и не найдется кто-нибудь, кто мог бы дать настоящее представление о море?

Ну вот: все тоже самое я перечувствовал, когда видел Ленина.

Короче говоря—знаешь, кто Ленин?—Он человеческий магнит: он людей притягивает к себе.

После этого свидания мы надолго расстались с товарищем.

Широкая, необъятная наша страна. А мы, работая, скитаясь, тлея за тюремной решеткой,

погибая в тундрах, пытались все время ее широкую и необъятную объять и подвинуть. И больше, пламеннее всех из нас, хотел этого *он*.

Наша московская делегация на апрельскую конференцию 1917 г. приехала во дворец Кшесинской. Когда я поднимался по лестнице, навстречу мне спускалась Мария Ильинична, которую я встречал в нелегальное время. А за ней плотный человек, который слегка картавым голосом, все спускаясь по лестнице, оборачивался несколько раз назад, вверх и доканчивал какой-то разговор с кем-то. А потом, по заграничному приветственно прощально взмахнул толстой рукой тому, кто стоял и говорил с ним сверху и заторопился догнать Марию Ильиничну. На лице его таяла лукавая улыбка, растекаясь лучами по морщинам. Улыбка Пана.

Тогда я не остановил на встретившемся человеке внимания. Слишком много было встреч, слишком они были неожиданны, слишком необычна была обстановка.

Мы бродили по дворцу Кшесинской, довольно беспутно толкаясь из угла в угол.

Один из матросов все время подходил ко мне и осведомлялся:

— А где же у них центральная комната была?

— Какая?

— Ну, где „*она*“ плясала?

А дворец, где „она плясала“ все больше и больше наполнялся действительностью и захватывался революционным народом, как пламенем.

Никто не мог сказать, где конференция будет.

Поздно вечером, уставший, разбитый после митинга в Волынском полку сидел я в диванной комнате и курил оттого, что была бессонница. Везде на диванах лежали вооруженные матросы и, как я заметил, тоже не спали.

В дальнем темном углу на ворохе каких-то бумаг сидело двое матросов. Разговаривали.

— Вот теперь пойдет дело—говорил один.

— Почему?

— Как почему? Приехал Ленин.

— Ну так что?

— Вот тебе и што. Луначарского слыхал, как говорит? Троцкого слыхал? Подвойского слыхал?—Так вот: а Ленин всех их покроет. Он сильнее всех.

— Почему?

— Опять ты „почему“. Да потому, что он л и д е р.

— Гм. Гм.....

Вопрошающий замолчал. Долго, долго не вынимал изо рта козью ножку, затянулся махоркой.

— Не то—возразил решительно тот, кто задавал вопросы—не то, братишка, ты говоришь. „Литер“. Какой там литер! Тут просто: если Ленин скажет мужику—бери землю.—Понимаешь, просто скажет—не напишет, не будет спорить—а скажет. Кончено: тогда никакая сила в мире против него не устоит.

— Вот чудак: да он уж давно сказал это.

— Сказал—ну, стало-быть, бьет наверняка. А кто он такой Ленин?

— У-у-брат!..—Это тебе долго объяснять. Да к тому же я и не знаю. А один тут верный человечек пояснил мне, что всех наиболее изучил он земельный вопрос.

До рассвета рассуждали так матросы. Было тихо. Я курил, слушал. И, казалось, совсем никакой революции не было и в Волынском полку напрасно кричали. Просто пришел сильный, справедливый человек и сказал самое правдивое и простое слово.

И потом много, много солдатских, крестьянских бесед я слышал о *нем*. И всегда было странным, что среди самых принципиальных споров и разговоров непременно говорили о *нем*, как о человеке. Не только как оратор, вождь, как политический противник волновал *он*, но и как человек.

Прошатавшись несколько дней по митингам я очутился на совещании в белом зале во дворце Кшесинской.

Свердлов голосом разламывал стены. Не без опаски посматривал я на люстры, которые дрожали своими хрусталиками. Голос Свердлова—царствовал.

Я сидел за столом. По бокам стояли товарищи. Кто-то, пробираясь сквозь толпу стоявших сзади меня, слегка тронул меня за плечи теплыми руками. Я хотел было оглянуться, но голос Свердлова сделал перелом в своей речи и предложил приветствовать Ленина, находившегося среди нас.

Горячие рукоплескания заглушили даже голос Свердлова и многие обернулись в мою сторону. Оглянулся я: несколько наискось от меня стоял тот, который пробирался. Его остановили приветствиями, видимо, на полдороге.

Не теряя времени он доставал из боковых карманов песочного пиджака газеты и листочки. Два раза провел по лысине и по лицу рукой, словно умылся, Этот жест как-то сразу показался мне похожим на жест татар, когда они молятся богу на вечерней заре.

Улучив удобную минутку, когда слегка поредели аплодисменты, он вдруг заговорил быстро и так что каждому показалось, будто он лично с ним продолжает, чем-то прерванную, беседу. Во время речи он еще несколько раз по-мусульмански „умылся". Глаза светились переливчатым огненным светом.

Может быть оттого была проста речь и казалась отрывком прерванной беседы, что это была собственно не речь, а размышления вслух. При этом было ясно, что это размышление было звеном непрерывной цепи размышлений... Казалось до прихода сюда он размышлял, здесь размышляет (вслух). Кончит, уйдет отсюда опять будет размышлять. Потому-то и слова казались слитками, а фразы кусками. Была и законченность в его речи, но как будто и не было законченности.

Совершенно таким же *он* был, когда приходилось с *ним* говорить *с глазу* на глаз.

Потом был *он* председателем Совета Народных Комиссаров. Приехал говорить речь первым кадрам организующейся Красной армии.

— Э-э, батенька, — говорил он мне, когда я еще не успел подняться по лестнице,— наказать, наказать, вас надо!—продолжал он, здороваясь и теребя меня слегка за ремень гимнастерки.

— За что же Владимир Ильич?

— А где же артиллеристы, артиллеристы с Ходынки?

Муралов вступился за меня и объяснил, что не по моей вине опоздали на митинг артиллеристы.

Ленин не совсем удовлетворился объяснениями Муралова и, хитро смеясь, прищурил один глаз, покачал укоризненно головой в его сторону.

Накинув на плечи пальто и слегка обнимая сзади меня и Муралова, он направился с нами вниз, в манеж Алексеевского Училища, куда как раз в это время подоспели уже и артиллеристы и пехотинцы.

Утром на другой день я был у Владимира Ильича в кабинете. Он долго и обстоятельно беседовал по поводу одной операции. Спросил об именах товарищей, занятых в этом деле. Записал все мои телефоны.

Текли недели, месяцы.

А потом смерть чуть-чуть дунула в его бесстрашное лицо. В Москве на улице в автомобиль его вскочили бандиты. Потребовали отдать автомобиль, отдал, но заметил бандитам негромко: „Я—Ленин".

Те не расслышали и грубо бросили:

— А нам наплевать, что ты Левин, давай, что спрашивают.

Бандиты торопились. Машина загудела и помчалось в переулок.

Не оглянувшись, руки в карманы, быстро зашагал Владимир Ильич к Кремлю.

И еще раз, уже но серьезнее смерть заглянула ему в глаза: когда Каплан захотела превратить его в прах.

И смело, вдвинув всю свою тщедушную мысль в дуло револьвера, она сказала свое свинцовое слово.

Падая, взглянув на нее, он понял, что она, смерть его, была за плечами.

Сердце, кровь, мозг, начали отчаянную борьбу с ней, со смертью.

И победили ее, потому что в нем, согретом теплой русской землей, было много жара. Преодолел смерть и на этот раз.

Потом не бандитским ножом, не пулей свинцовой, не снаружи—а изнутри стала стучаться смерть в горячий живой мозг его.

И несколько раз потоки хлынувшей вверх горячей крови пытались затопить его мозг...

Опять протекли дни и месяцы, пришла страшная весть: безглазая смерть ворвалась и поместилась в дорогом великом черепе.

Тупой, нелепый, оборванный конец. Такой всегда бывает конец жизни.

А. Аросев.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

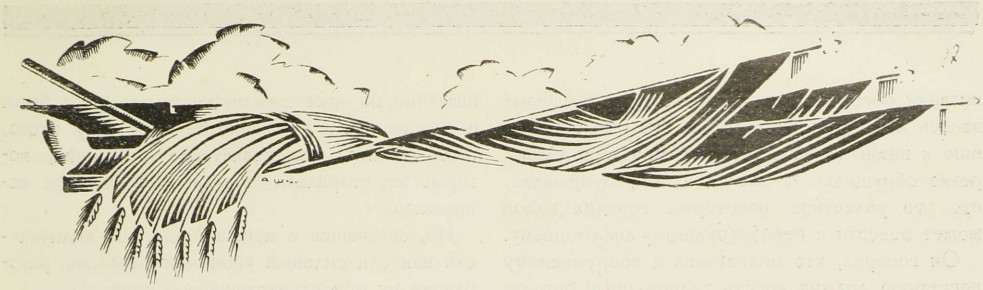
11 XI 1920
№

Товарищам Ленам
РКП
и товарищам работающим
во всех советских
учреждениях

Рекомендую товарища, французского коммуниста, тов. Гильбо (Guilbeaux), который немного говорит по русски. Прошу оказывать ему всякое знакомить его подробно с делами и пр.

Пр. С.Н.К. Ульянов (Ленин)

Автограф В. И. Ленина.



Мои воспоминания о Владимире Ильиче

Впервые имя т. Ленина стало для меня известным в 1903 году. Будучи еще в Архангельской ссылке, я состоял в переписке с моим старым товарищем, Матвеем Александровичем Фишером,— рабочим-механиком, который был выслан самодержавным правительством за участие в социал-демократических кружках, по отбытии ссылки и тюрьмы за границу.

Тов. Фишер жил в Англии и, общаясь с эмигрантами-революционерами, в своих письмах очень подробно информировал меня о происходившем в то время расколе на втором партийном съезде.

Говоря о борьбе между большинством и меньшинством, он часто упоминал имя В. И. Ленина, как лидера большинства, защитника централистического плана организации партии, впервые выдвинувшего идею создания в качестве основного ядра партии профессиональных революционеров, которые были бы, как он выражается, „революционных дел мастерами".

Как относилась к этому наша немногочисленная колония политических ссыльных в одном из глухих углов Архангельской губернии, я уже сейчас не помню. Впоследствии, вернувшись из ссылки в конце 1904 года, сначала в Саратове, а затем в Москве, я прочитал сам „Что делать?" и „Шаг вперед—два шага назад" и, ознакомившись с этими книжками т. Ленина, стал горячим сторонником ленинского плана, и, по предложению Алексея Ивановича Рыкова, сам сделался профессиональным революционером. С тех пор имя т. Ленина стало для меня символом вождя большевизма.

Впервые я увидел В. И. Ленина в конце 1905 года, во время „дней свобод", на заседании Питерского Комитета, куда он явился по приезде из-за границы.

Насколько мне память не изменяет, на этом заседании обсуждался вопрос об участии нашей социал-демократии в Питерском Совете Рабочих Депутатов.

Некоторые из членов нашего большевистского Комитета высказывали ту мысль, что участвовать в этом Совете нет необходимости, ибо это уменьшит влияние партии на рабочие массы и центр внимания рабочих перенесет на беспартийный Совет. В. И. долго слушал наши прения и, только когда высказалось значительное число членов П. К., он взял себе слово и в очень убедительной, краткой речи, нарисовал перед нами картину значения массовых рабочих организаций и возможную роль Совета Рабочих Депутатов, в случае развития революции дальше, как зародыша органа власти. Однако, доводы Владимира Ильича не могли убедить некоторых членов П. К., они пробовали ему возражать, говоря, что нам нужно усиливать влияние нашей партии и стремиться к тому, чтобы поставить ее во главе революционного движения, а между тем, Совет Рабочих Депутатов явится конкурентом партийной организации. Несмотря на эти возражения, подавляющим большинством голосов, было принято предложение Владимира Ильича участвовать в Совете Рабочих Депутатов и стремиться подчинить его влиянию и руководству партии.

На этом же заседании П. К., после официальной части, мы, обступив Владимира Ильича, долго и горячо спорили с ним по вопросу о подготовке вооруженного восстания. Помнится, на первый план выдвигали необходимость орга-

низации боевых дружин, а некоторые высказывались и за террористические акты по отношению к видным черносотенцам. Владимир Ильич резко обрушился на последних и предупреждал, что это увлечение некоторых горячих голов может повести к революционному авантюризму.

Он говорил, что подготовка к вооруженному восстанию должна носить планомерный организованный характер и что боевые дружины следует, главным образом, организовывать среди рабочих, членов партии, привлекая к участию в них и беспартийных рабочих.

После этого заседания, для меня авторитет Владимира Ильича, не только как теоретика, с которым я уже был знаком по книгам и статьям в нелегальных газетах, но и как политического вождя партии, не подлежал никакому сомнению.

Вплоть до января месяца 1906 года, мне приходилось, как члену П. К., встречаться с тов. Лениным на заседаниях, а также и на различных рабочих собраниях, где он выступал с блестящими политическими докладами, в которых очень умело и глубоко схватывал, стоящие на очереди дня, политические вопросы. Особенно вырастала его могучая фигура, когда он выступал на том или ином большом собрании, в борьбе с меньшевистским оппортунизмом. Он громил, уничтожал, высмеивал своих противников и, если иногда и не перетягивал большинства на свою сторону там, где большевики были сильны, то все же они в частной беседе вынуждены были признать его способность и умение подчинять силой железной логики и убеждения, даже враждебно настроенных к большевикам слушателей.

Один мой старый приятель, очень влиятельный, в то время, рабочий меньшевик, делясь со мной впечатлениями о том знаменитом собрании, о котором тов. Ленин написал брошюру „Лицемерие 31 меньшевика", говорил мне: „Ваш Ленин дрался с нами как лев. Несмотря на все бурные атаки наших меньшевистских лидеров, он был тверд как скала и бил наших как молотом. Я, как меньшевик, с вами во многом не согласен, но такого сильного человека, как Ленин, среди наших меньшевиков—нет".

Следующая моя встреча с тов. Лениным у меня была в 1906 году, на Стокгольмском съезде, где я являлся делегатом от Урала. Как известно, на этом съезде, мы, большевики, были представлены в меньшинстве и, в силу этого, были приняты меньшевистские резолюции, которые мы старались обезвредить нашими поправками.

Но, оставшись в меньшинстве, мы политически нанесли сильный урон меньшевикам, разоблачив их оппортунистическую природу.

Когда выяснилось, что меньшевики будут в большинстве, перед нами стал вопрос о подчинении постановлениям съезда. Мы устроили ряд фракционных совещаний, на которых часть наших, более непримиримо настроенных делегатов, поднимала вопрос об уходе со съезда и о неподчинении его решениям. Тов. Ленин, тогда, со свойственной ему убедительностью, стал доказывать нам необходимость подчинения постановлениям этого съезда, говоря, что подчинившись им, мы тем самым покажем пример дисциплинированности и наше теперешнее поражение, побудит нас повести более энергичную работу в рабочих массах и на будущий съезд мы, несомненно, явимся в большинстве, ибо меньшевистские резолюции являются нежизненными и не могут удовлетворить рабочих.

Наиболее ярким и сильным местом съезда, был поединок между Плехановым и Лениным по аграрному вопросу. Как известно, тов. Ленин на этом съезде выдвигал вопрос о национализации земли. Выступление Плеханова было блестящим и остроумным. Он пересыпал свою речь насмешками, анекдотами, остроумными сравнениями, но все это скользило только по поверхности вопроса.

Иной характер носило выступление тов. Ленина. Сделав вначале несколько едких замечаний по поводу „колбасных" анекдотов Плеханова, он обрушился с резкой критикой на меньшевистскую программу муниципализации земли, приспособленную не к победоносной грядущей революции, а рассчитанную на „конституционный выкидыш". С удивительной глубиной и ясностью он вскрыл истинную природу самодержавно-помещичьего государства и ненасытный земельный голод русского крестьянства, который явится надежным союзником пролетариата в борьбе за помещичьи земли.

Его речь произвела настолько сильное впечатление на членов съезда, что даже сами меньшевики это почувствовали.

Этого обстоятельства не мог не отметить Плеханов и в своей речи сказал, обращаясь к Ленину: „Из вас, Владимир Ильич, вышел бы хороший адвокат, но вы адвокат проигранного дела".

История показала неправду Плеханова, ибо адвокатом проигранного дела оказался он сам.

Стокгольмский съезд затянулся довольно долго и мы пробыли там около месяца. За это время у меня было несколько личных встреч и разговоров с Владимиром Ильичом.

Урал тогда был опорой большевиков и Владимир Ильич очень интересовался положением дел на Урале. Однажды, во время перерыва работ съезда, при встрече со мной в кулуарах, Владимир Ильич спросил меня.

„Каково настроение Уральских рабочих?" Я ответил—боевое!, но заметил, что предложенная им аграрная программа, пожалуй, не встретит, сочувствия уральских рабочих и, выдвигая ее, будет трудно вести борьбу с эс-эсерами, которые в некоторых местах Урала пользовались большим влиянием в рабочих кругах. Я напомнил еще ему о существовании на Урале посессионных рабочих, своеобразных остатков крепостничества.

На это он мне ответил, что необходимо уметь связывать отдельные местные интересы с общей борьбой рабочего класса, что самое важное—подорвать материальную основу господства класса помещиков.

В то время наша большевистская фракция вела усиленную работу на местах, по подготовке к вооруженному восстанию: организовывала боевые дружины, вела революционную работу в войсках, старалась добывать оружие и предлагала обучаться стрельбе и умению владеть оружием.

Приехав в Стокгольм, мы увидели там на некоторых улицах тиры, где шведы упражнялись в стрельбе в цель, из автоматических ружей. Наша большевистская делегация, в свободное время, усиленно начала посещать эти тиры. Идя, однажды, по улице целой группой, мы встретили тов. Ленина. Он спросил нас, куда мы направляемся. Мы ответили: „в тир" и предложили ему пойти вместе с нами. Он охотно согласился и очень одобрительно отнесся к нашим упражнениям. В тире он долгое время и, с большим увлечением, состязался с нами в стрельбе в цель. После первого опыта он неоднократно посещал тир и в разговорах с нами, очень гордился своими успехами.

По окончании съезда, наша большевистская делегация решила отпраздновать свое поражение.

Мы собрались в одном ресторане, заказали ужин, к которому нам дали немного вина. Настроение у всех было оживленное, Владимир Ильич был вместе с нами. Во время ужина, мы продолжали вести „послесъездовские" споры. Владимир Ильич, очень весело настроенный, предложил всем спеть хором. Мы пели революционные песни, под аккомпанемент рояля и Владимир Ильич, принимая во всем живейшее участие, шутил, острил по поводу нашего „поражения" и был, что называется, „душой общества".

По возвращении со Стокгольмского съезда Владимир Ильич в Питере, на одном из многолюдных собраний, сделал блестящий отчетный доклад, обрисовав картину съезда и происходившую на нем борьбу двух основных течений—правого и левого крыла партии, по боевым вопросам текущего момента.

Этот его доклад, весьма умело выделявший наиболее слабые стороны наших противников—меньшевиков, настолько воодушевил и укрепил нас, что нам, делегатам, разъехавшимся по местам, было очень легко, руководствуясь им, делать в свою очередь отчетные доклады местным партийным организациям.

Имя Владимира Ильича уже и в то время, не только в наших партийных кругах, но далеко и за пределами этого круга, в рабочей среде пользовалось большим обаянием.

В годы реакции, находясь на партийной работе, мы всегда чутко прислушивались к тому, что скажет, по тому или иному волнующему нас вопросу, Владимир Ильич. Мы всегда с нетерпением ждали появления его статьи в легальной газете, или журнале, с нетерпением ожидали получения нелегальной литературы из-за границы, в которой мы всегда находили ясные и точные лозунги, директивы и указания, по тому или иному злободневному вопросу революционного движения.

Особенно ценны были его указания и ободряющие статьи, зовущие к созиданию и восстановлению нелегальной партийной организации.

Эпоха реакции породила разброд и шатание даже и в нашей большевистской среде. Под напором различных „исканий", в так-называемом „культурном обществе" стали появляться таковые и в нашей среде. Отдельные группы товарищей, не хотевшие примириться с поражением революции, начали говорить о необходимости в ближайшем будущем готовиться к новому подъему революционной волны и в первую очередь—организовать боевые дружины, доставить оружие, обучаться стрельбе и т. д. А работу в легальных рабочих организациях и в думской фракции, они стали считать изменой делу революции. В среде этих же товарищей появилась усиленная тяга к изучению эмпириомонистической философии Богданова, философии Маха и Авенариуса. С этими философскими системами, некоторые пропагандисты даже стали знакомить рабочих в подпольных пропагандистских кружках. Появление в легальной печати статей и целых сборников, пытавшихся сочетать религиозные „искания" с марксизмом, или дополнить Маха и Авенариуса—Марксом и Энгельсом, за подписью наших видных литераторов—вносило большую сумятицу и идейный разброд в наши ряды. Мы, рядовые подпольные работники, оставшиеся на местах, тяжело и больно переживали все это, смутно чувствуя всю неправоту и вред этих увлечений, но были бессильны что-либо сделать.

Но вот мало-по-малу стали появляться отдельные статьи в легальной и нелегальной печати, направленные против „богоискательства" и „богостроительства". А затем стали появляться статьи в нашей нелегальной печати, направленные против „отзовизма" и „богоискательства", а также и о необходимости работы в легальных организациях и о том, как сочетать легальную работу с нелегальной. Кроме того, стали получаться личные письма некоторыми товарищами из-за границы от Владимира Ильича, в которых он давал оценку момента и указания, как вести работу в новых условиях.

В 1909 году вышла книга т. Ленина—„Материализм и эмпириокритицизм".

Эта книга составила целую эпоху в области идеологии революционного марксизма того времени.

К тому времени я прочитал много книг по основным философским вопросам марксизма, и, все-таки, эти вопросы для меня были весьма неясны. Книга же тов. Ленина так отчетливо и ясно ставила вопросы о сущности идеализма и материализма, что я сразу же почувствовал в этих вопросах твердую почву под ногами.

С этого времени мне стало легко вести борьбу с эмпириомонизмом и махизмом, которые было прочно угнездились в рядах большевиков.

II.

Следующая моя встреча с Владимиром Ильичом была в конце 1918 г.. в самое тяжелое для нашей революции время. Пробыв долгие годы в тюрьме и ссылке на поселении, первый период революции я провел в Сибири, так как местная партийная организация долгое время меня не хотела отпускать. И только, когда покойный Яков Михайлович Свердлов срочной телеграммой вызвал меня в Москву, только тогда я смог выехать.

В Москве я стал работать в Комиссариате Внутренних Дел и по положению члена Коллегии, мне почти каждую неделю приходилось бывать на заседаниях Совета Народных Комиссаров, где Вл. Ильич председательствовал. С 1906 года, с момента последней моей встречи, я нашел Вл. Ильича значительно постаревшим, но он работал попрежнему с невероятной энергией. После усиленной дневной работы, он бодрый, веселый, приходил часов в 8—9 вечера на заседание Совнаркома и с неослабной энергией руководил заседанием, на котором сплошь и рядом поднимались горячие прения. Это был самый тяжелый период Советской власти, когда население городов сидело на голодном пайке, а с юга и из Сибири на нас наступали белогвардейские армии. Заседания Совнаркома затягивались почти всегда до 2-х час. ночи, а бывали случаи, что и до 3-х.

Владимир Ильич очень энергично и умело все время руководил заседаниями, живо интересовался и вникал в каждый вопрос, всегда внимательно прислушивался к тому, что говорили работники-практики и, в особенности, приезжавшие с мест.

В то время, когда заседал Совнарком, в кулуарах почти всегда ожидали Вл. Ильича несколько приехавших с мест из провинции товарищей, ожидавших окончания заседания, дабы

поделиться с В. И. всем тем, что делается на местах и получить в свою очередь у него совета. Я всегда удивлялся, как еще В. И. после такой нервно-напряженной работы и после 2—3-х час. ночи мог еще вести какие-либо разговоры.

Когда после беседы с В. И. я встречал приехавших издалека товарищей, они всегда, вдохновленные разговором с ним, с восторгом рассказывали о В. И. и бодрые, уверенные уезжали к себе на места и беззаветно бросались, не щадя своей жизни, в волны бушующей революции.

Вскоре после моего приезда в Москву, В. И., узнав, что я работал в Перми, вызвал меня к себе.—Не зная в чем дело, являюсь в Кремль, прохожу к нему в кабинет. Ожидать пришлось недолго.

— Вы работали в Перми?—начал он с места в карьер, после того, как мы обменялись приветствиями.

— Работал.—„Почему вы допустили там разгромить кооперацию?“—Я подробно рассказал ему, как в Перми обстояло дело с местной кооперацией. Выслушав меня внимательно, В. И. уже совсем добродушно сказал:

— Ну, да, конечно, если в кооперации сидели в правлении эс-эры и белогвардейцы, которые хотели использовать ее в контр-революционных целях, их, конечно, нужно посадить в ЧЕКА, но зачем же вам нужно было национализировать кооперативное имущество—дома и т. д.?

Я объяснил, что в пермской кооперации сплошь сидели контр-революционеры, опереться нам было не на кого, а своих работников-кооператоров у нас не было. Поэтому, для нас не было иного выхода.

— Нет, Пермский Исполком и Губком были неправы,—решительно заявил В. И.—Кооперацию нельзя разрушать—ее нужно во что бы то ни стало сохранять. Без кооперации мы ведь никакого социализма не построим...—А как вы думаете, можно еще это дело поправить?—обратился В. И. ко мне.

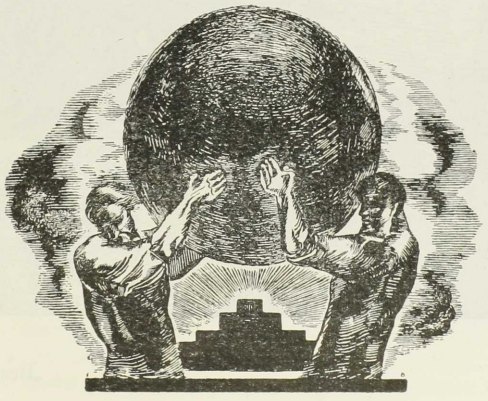
Я выразил сомнение.—„А я все-таки пошлю телеграмму в Пермь“,—решительно заявил В. И.—На этом наш разговор и закончился.

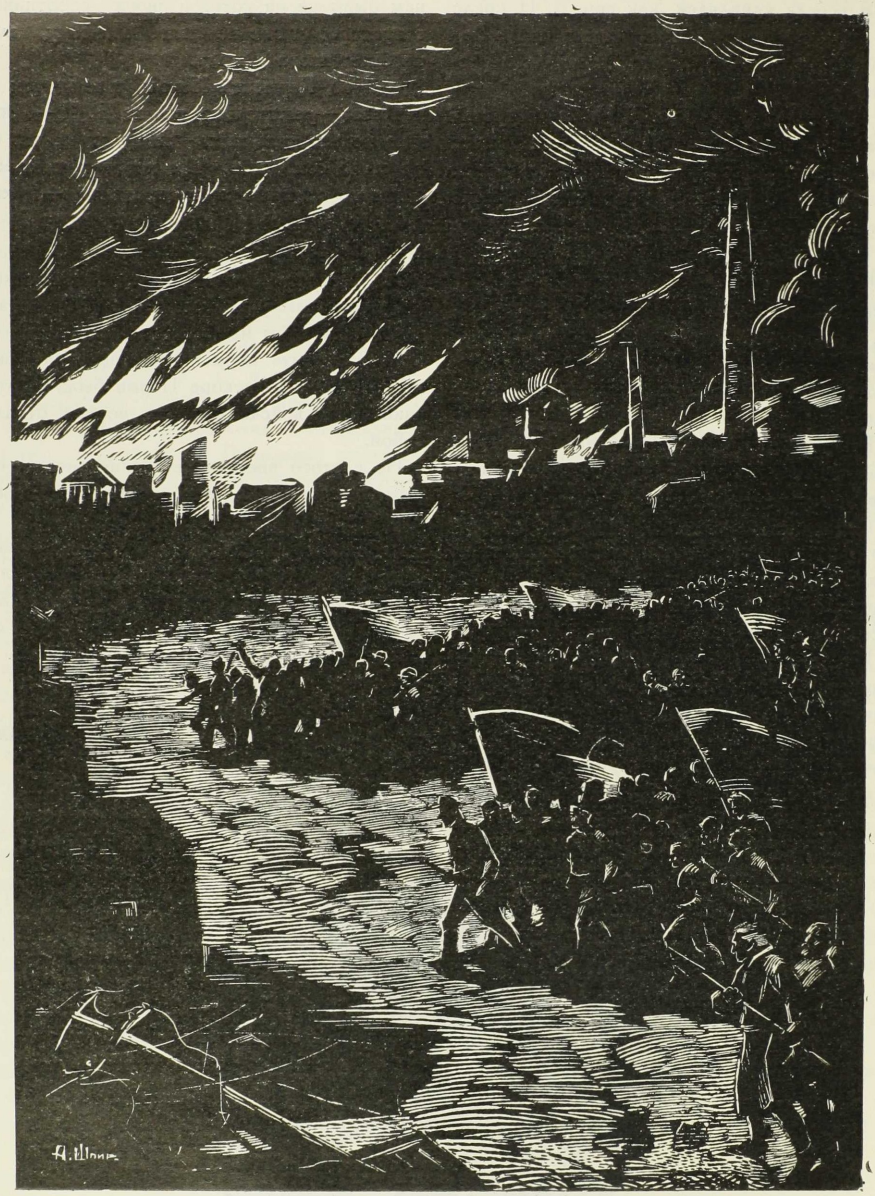
Восстановить пермскую кооперацию, конечно, не удалось, ибо вскоре Пермь была взята колчаковскими войсками и этот вопрос отпал сам собой.

Но с этого времени для меня стало понятным, почему В. И. так бережно относился к кооперации.

И в особенности, когда он, уже будучи болен, написал две статьи по кооперации, для меня было очевидным, какое огромное значение придавал Владимир Ильич кооперации в системе нашего хозяйственного строительства.

С. Канатчиков.





А. Шпир. „Вся власть Советам“.

Ленин—друг детей

(Посвящается юным пионерам).

Все наше молодое поколение должно знать, каким другом детей был Владимир Ильич и должно твердо выполнять его заветы.

Как хорошо относится Владимир Ильич к детям, это я заметил тотчас, как только ближе познакомился с ним. В 1911—12 г. он одно время жил под Парижем, недалеко от меня. Часто он навещал меня по разным делам и, переговорив о делах, сейчас же отправлялся к моим детям и долго занимался с ними. Моей старшей девочке Гале тогда было лет двенадцать, мальчику Сереже—лет девять. С Галей он читал книжки, объяснял ей прочитанное, рисовал. А с Сережей, который был тогда порядочным хулиганом и драчуном, он „дрался на кулачки"; Сережа к этому так и привык: как только, бывало, увидит Владимира Ильича, так сейчас же засучивал рукава и говорил: „давай драться". Владимир Ильич тогда от души хохотал и говорил: „ну этот будет боец, в обиду себя не даст".

Я помню в 1911 году такой случай: заезжает ко мне Владимир Ильич и предлагает прокатиться на велосипедах; выбрали одно местечко под Парижем—верстах в 15—18 от нас, где имеется большое возвышение и оттуда весь Париж виден, как на ладони: очень красивое зрелище. Собрались ехать, как вдруг узнала об этом Галя и бросилась в слезы: просится ехать вместе с нами (а она умела ездить и имелся велосипед). Я было не хотел брать, но Владимир Ильич настоял, чтобы она ехала: „зачем огорчать девочку? Возьмемте и поедем потише; надо доставить удовольствие". Я согласился, поехали втроем. Дорога оказалась на редкость трудная: с горы на гору; проехали верст 10 и моя Галя приустала, да и мы согрелись от езды порядочно. Отдохнули, поехали дальше. Опять с горы на гору. Владимир Ильич все беспокоился, что Галя устала и все помогал ей. Надо было видеть, как он, сам обливаясь потом и таща в гору в одной руке свой велосипед, другой рукой тащил велосипед с сидящей на нем Галей, не давая ей итти пешком в гору, чтобы не устала. Галя была сильная девочка, спортсменка, прекрасно ездила на велосипеде и делала гимнастику. Я смеялся над Вл. Ил. и говорил ему: „бросьте, Владимир Ильич; она еще нас с вами заткнет за пояс. Сильная девочка; приустала—ну, какая беда? Сама же просилась поехать. Пусть умеет и „саночки возить". Но Вл. Ил. сердился на меня и говорил: „ну и родитель. От таких родителей детей надо отбирать и передавать государству на воспитание".

Сколько я ни вспоминаю Владимира Ильича в детском обществе, всегда он чувствовал себя среди них прекрасно, с любовью вникая в их нужды. Один раз поехал он под Москвой, заехал в одну деревню; собрались вокруг него крестьяне с ребятишками; Владимир Ильич снялся с ними на фотографии, но ребят придвинул к себе поближе, обнял их и так и вышел на карточке, окруженный ребятами, улыбающийся.

Всего за несколько недель до смерти Вл. Ил. устраивает в своем доме елку для крестьянских детей. Тогда у него уже начались головные боли и недомогание. Каждый больной обыкновенно избегает шума, особенно когда болит голова. А Вл. Ил. собрал детей, сидел среди них; крестьянские ребятишки развеселились при блеске елки, стали бегать, плясать, кричать. Родные Вл. Ил. пробовали было сдерживать детей, но Вл. Ил. просил не стеснять детей и дать им веселиться и шуметь вволю. А уж в это время смерть подкрадывалась к нему.

Когда нашу страну окружали враги,—белогвардейцы, приходилось нашей Красной армии сражаться на четыре стороны, жизнь у нас была тяжелая: продовольствия было мало—почти весь хлеб надо было отправлять на фронт; приходилось голодать. В те тяжелые времена глава нашего правительства, т. Ленин, постоянно обращал внимание на детей: „лучше сами поголодаем, а детей подкормим“, говорил он. Тогда по карточкам детям продовольствие выдавалось бесплатно и в первую очередь; все, особенно питательное,—яйца, молоко, сахар выдавались почти исключительно детям и больным. Иваново-Вознесенский рабочий, т. Королев, в своих напечатанных воспоминаниях о В. И., сообщает, что в каждый приезд его в Москву В. И. спрашивал: „а как поживают у вас дети?“ Владимир Ильич сделал тогда все, чтобы в эти тяжелые годы как можно меньше пострадали дети.

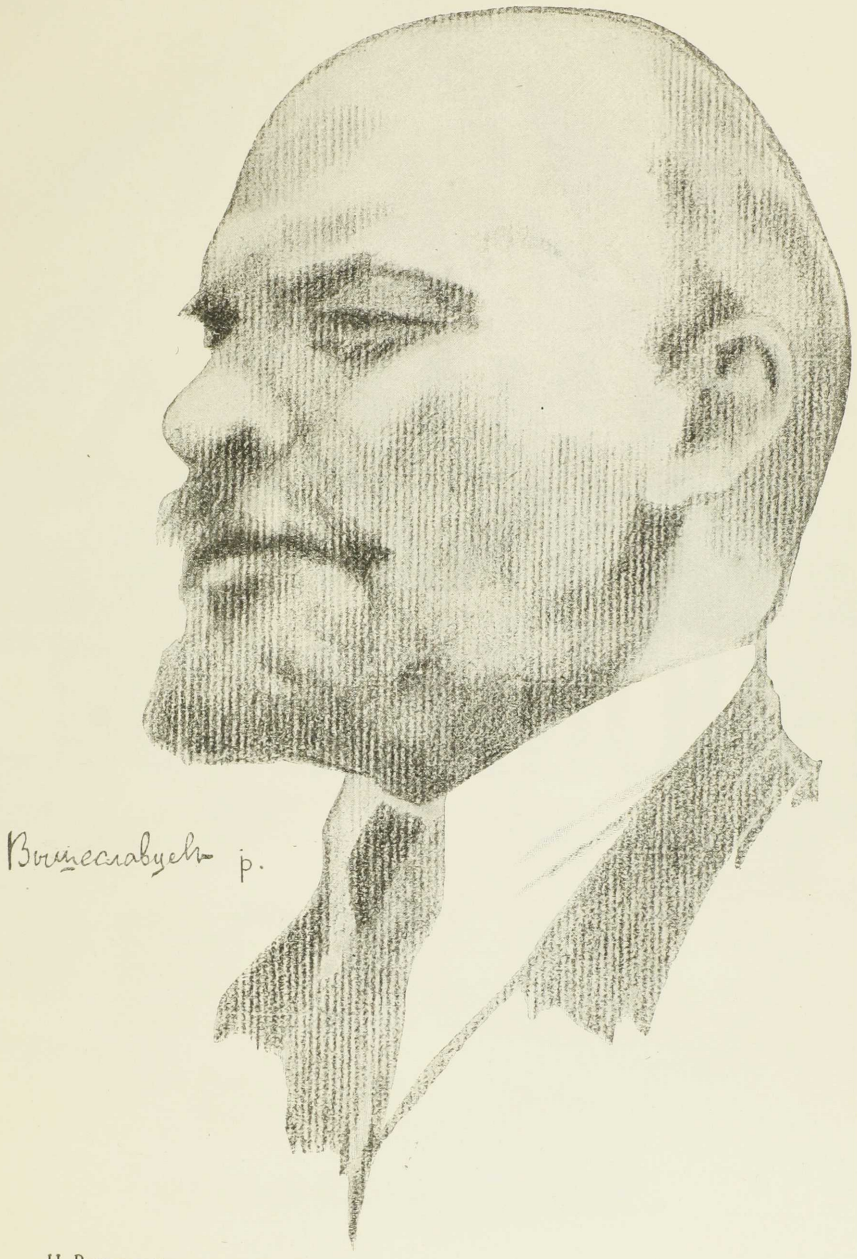
Наша страна славится такой заботливостью о детях, которой нет во всех государствах мира. В буржуазных государствах о детях заботятся богатые благотворители: дети бедных родителей или сироты питаются там крохами, которые падают со стола богатых. А у нас само советское государство заботится о детях: устраивает детские дома, ясли; даже заботится об „испорченных“ (ненормальных), о бесприютных детях, помещая их в колонии. Сколько тысяч домов по нашей стране, в которых прежде пировала буржуазия, теперь заняты детскими учреждениями!

Все это законодательство о детях проведено было под непосредственным руководством Вл. Ил. Многие самые трудные законы (как, наприм., закон о несовершеннолетних, совершивших тот или другой проступок; их у нас не сажают в тюрьмы, как в буржуазных государствах, а направляют на перевоспитание) прошли только благодаря поддержке Вл. Ил.

Т. Ленин и как человек, и как законодатель был всю свою жизнь другом детей Недаром один мальчик, 13 лет, в стенной газете после смерти Вл. Ил. написал: „у мира отрезали голову“, а больная девочка Люся Шлезберг (из Житомира) трогательно умоляет меня „сохранить косточки Владимира Ильича“.

Подрастающее наше молодое поколение должно хорошо изучить, чему учил при жизни Вл. Ил., и твердо, неуклонно следовать его учению с тем, чтобы, подросши, крепко взять в свои руки то красное знамя, которое оставил нам Владимир Ильич.

Н. Семашко.



Н. Вышеславцев.

В. И. Ленин

ЛЕНИН
КАК
РЕВОЛЮЦИОНЕР
И
ВОЖДЬ
Р. К. П.

Ленин, как основатель Р. К. П. и ее вождь

Российская Коммунистическая Партия (большевиков) могла победоносно руководить величайшей в мире революцией только потому, что она в решительный момент оказалась партией единомыслящей и единодействующей. В этом отношении нет еще в мире другой такой партии. Были партии гораздо более многочисленные, чем наша. Например, старая германская социал-демократическая партия, которая миллионами считала своих сторонников. Но у них не было тех основных свойств, которые делали и делают нашу партию самой мощной, самой дееспособной. Конечно, наша партия выросла бы и без Ленина. Она создавалась самим ходом развития наших общественных отношений. Но мы можем смело сказать, что именно Ленину наша партия обзана тем, что развитие ее не пошло тем же путем, по которому шло развитие германской, французской, английской и пр. с.-д рабочих партий. Именно Ленин с самого начала своей сознательной работы, которая совпала с моментом фактического зарождения партии, стал выковывать ее единомыслие и единодействие. В первых, организуемых им, кружках рабочих, в первом, основанном им Союзе борьбы за освобождение рабочего класса, в первых своих литературных работах, Ильич отчеканивал мысль, что слово без дела мертво есть, что научный социализм, внедренный в головы рабочих, есть прежде всего орудие борьбы этих рабочих. И Ильич, с первых же шагов своей деятельности, вколачивая идеи научного социализма, в то же время учил, как пользоваться этими идеями для немедленного претворения их в жизнь. И не просто в жизнь, а в нашу современную русскую изнь, так мало похожую по внешнему виду, на жизнь передовых капиталистичесиих народов.

Темная, серая рабочая масса, еще более темная, еще более забитая, полунищенская крестьянская масса, хищнически жадный капитал, полуфеодальное кабальное помещичье хозяйство и ничем не ограниченный произвол самодержавной власти, опирающейся на мощный государственный аппарат, вот та обстановка, в которой Ильич начал в 90-х годах строить партию. И в этой обстановке он дерзко наметил вехи, по которым должна будет развиваться российская революция, которую совершит вот эта темная, забитая, серая масса. Всюду и всегда революцию совершал замученный, доведенный до отчаяния, народ. Но всюду и всегда, совершив революцию, „народ“, сбрасывая одну форму угнетения, немедленно же давал оседлать себя новому владыке. Ту же участь предстояло пережить и российскому народу. От этой участи спасло российских рабочих то, что к началу революции уже создалась в России рабочая революционная партия, закаленная в боях, объединенная единой, строго выдержанной, насквозь проникнутой классовым духом программой, руководимая единой, ясно выраженной волей. Наверное, партия создалась бы и без Ленина, но без него она росла бы стихийно, как стихийно росло само рабочее движение. Ленин с первых же шагов своей деятельности четко наметил контуры, по которым должна развиваться наша партия и он тут же ясно набросал план, как сознательно строить эту партию, не дожидаясь ее стихийного неизбежного развития.

Чем должна быть пролетарская революционная партия? Ильич ответил на этот вопрос— „сознательным авангардом рабочего класса“. Она должна сознательно прокладывать путь по которому пойдет рабочее движение, а не

итти в хвосте, стихийно развивающегося движения. Поэтому только тот может войти в эту партию, кто в состоянии итти в авангарде масс, кто ясно сознает, куда он идет. Предстоящий путь извилист, много, очень много предстоит взять препятствий, кое-где во время отступить, найти обходную дорогу, кое-где итти напролом лобовой атакой, всюду трясины, которые так и манят к себе. Авангард легко может сбиться с пути, зря растратить свои силы, погрязнуть в болоте, из которого нет выхода. Нужно, чтобы перед каждым ярко маячила конечная цель, чтобы он ясно видел ту путеводную звезду, которая ведет к этой цели. Ильич зажег „Искру". Она осветила весь путь. Ильич дал „Зарю". Она вскрыла весь далекий горизонт, ясно показала конечную цель. Эта конечная цель не далекая мечта, не чудный сон,—а вот она вся перед нами, каждый шаг нашего движения вперед приближает нас к ней. Если не собьемся с пути, мы обязательно достигнем ее.

Маленькая кучка борцов пошла вначале за ленинской „Искрой". В темном глубоком подполье самодержавной царской России, они, как кроты, тихой сапой прокладывали путь для все более бурлящего революционного потока. Ильич учил: „Нас мало—это ничего, так и должно быть, рожденный ползать летать не сможет, он за нами не пойдет. Нас мало, но мы будем непобедимы, если мы, идя впереди рабочей массы, сумем тонкими нитями связаться с ней, если сумеем чутко прислушиваться к ее жизни, научимся вести ее за собой. Мы—авангард рабочей массы, но будем жалкими фантазерами, если, хоть на минуту, оторвемся от массы, потеряем контакт с ней. Каждый шаг должен быть понятен всей массе". И действительно, следуя советам Ильича, маленькая кучка искровцев переставала быть маленькой кучкой, целые отряды выделялись массой. Эти отряды торопились догонять свой авангард, пополнять его ряды.

Чем больше ширилось рабочее движение, тем больше втягивало оно в себя попутчиков из других слоев населения. Все они признали силу и мощь российского пробуждающегося пролетариата. Но зачем он так стремительно идет такой крутой опасной дорогой. Ведь вот сколько других путей, почему не итти по ним. По ним найдет рабочий класс больше попутчиков, здесь меньше жертв, меньше будет пролито крови. Объединимся все вместе и пойдем по наименее опасной дороге. Этот безумец Ленин обрекает вас на гибель, разве можно итти за ним. Ильич учил: „Прежде чем объединяться и для того, чтобы объединиться, надо решительно размежеваться". Не по пути нам с теми, кто боится моря крови. Их цель не наша цель. И жесткой, неумолимой критикой разоблачал он истинную сущность попутчиков. Вот ты кричишь о героизме личности, ты называешь себя социалистом, называешь себя революционером. Но ты презираешь и боишься толпы, боишься ее самодеятельности, ее сознательности. Руки прочь от рабочего движения! За тобой пойдут кулаки и мироеды. В твоей революционной фразе слышится ясно их голос, их стремления. Вот кучка ученых, „истинных" марксистов. Ваш марксизм—не наш марксизм. Вы вашим марксистским языком хотите навязать рабочему классу отказ от классовой борьбы, отказ от конечной цели, нам не по пути, хотя вы и дали Аннибалову клятву борьбы с самодержавием. Мы знаем цену этой клятвы. За нашей спиной и за счет рабочего класса вы сейчас готовы за маленькую уступочку предать революцию. Нам не по пути с вами. Вы называете себя настоящими представителями рабочей мысли. Вы хотите отражать действительное настроение рабочей массы. Вы жалкие хвостисты, которые тянут рабочий класс в болото. Нам не по пути.

Ильич зорко следил за малейшей попыткой отклонить рабочее движение от намеченного пути. И все ясней и ясней становился массе этот путь. Она решительно шла за своим авангардом, все более и более выделяла резервы для пополнения этого авангарда. Уже не отдельная кучка профессионалов-революционеров составляла ряды партии. Целая сложная организационная сеть непосредственно связывала руководящую головку партии с рабочей массой.

Все вперед и вперед вел Ильич свою партию и за ней всю массу. В бурный 1905 год все слои русского общества признали за рабочим классом право на руководство революцией. Все буржуазные и мелкобуржуазные партии поют хвалу его величеству, пролетариату всероссийскому. Он своей организованной политической стачкой вырвал у самодержавия конституцию. Это великая победа. Надо теперь остановиться, сплотиться тесней всем оппозиционным силам.

Ильич учит: победы еще нет. Государственный аппарат в руках кровавого царя. Пока не вырвем этой власти, не сокрушим ее, революция не может кончиться. Не может кончиться революция, пока не удовлетворится крестьянская масса. 30.000 помещиков сидят по имениям, они душат крестьян полу-феодальной кабалой. Задача партии, задача рабочего класса втянуть в революцию крестьянскую массу. Пролетарско-крестьянская диктатура, национализация всей земли—вот ближайшая цель, организовать технически подготовленное вооруженное восстание—вот тот единственный способ борьбы, чтобы достичь этой цели.

И партия ведет массу на вооруженное восстание, на всероссийскую партизанскую войну. Под руководством Ильича партия ловко лавирует, сегодня стоит за бойкот 1-й Думы, а завтра использует выборы во 2-ю Думу для организации революционных сил, после идет в 3-ю Думу, чтобы там использовать ее, как одну из многих легальных возможностей влиять на массу. Никто не умел так четко, как Ильич, определять текущий момент, давать сигнал к повороту, к изменению тактики, в зависимости от изменения отношения сил. Как часто даже ближайшие его соратники не понимали его гениального руководства на поворотах. Ильич не колебался никогда. Вчерашний друг и соратник, — сегодня делался врагом, которого надо было бичевать за его ошибки, за его нерешительность, за отсутствие гибкости. Ильич не боялся оставаться один, плыть против течения. Он это доказал, когда в угаре империалистической войны ему пришлось выступить уже не только против жалких болтающих наших доморощенных могильщиков революции—ликвидаторов и прочих Либерданов, а когда ему пришлось выступить против всего II-го Интернационала, он не побоялся бросить клич: „Гражданская война, чтобы задушить империалистическую войну". И он осуществил, претворил этот лозунг в жизнь. Он задушил империалистическую войну гражданской войной. При помощи своей, созданной и им воспитанной партии, он на одной шестой всего земного шара начал претворять в жизнь то, о чем столько десятилетий мечтал, как о чудном несбыточном сне, пролетариат всего мира. Ильич сделал свою партию — партией управляющей, он осуществил диктатуру пролетариата, опирающегося на крестьянство. А наряду с этим Ильич осуществил и другую великую задачу. На смену полусгнившему, разваливающемуся II-му Интернационалу, в своей предсмертной агонии цепляющемуся за империализм, Ленин воздвиг, по образу и подобию Р.К.П., мощное здание единодействующей и единомыслящей международной организации пролетариата—Коминтерн, этого вождя все более выявляющейся окончательной схватки мирового пролетариата с мировым капиталом. Все угнетенные народы уже видят в Коминтерне своего избавителя, все они своей многомиллионной массой спешат по следам этого своего боевого авангарда.

И долго еще в отдельных странах по лозунгам великого строителя будут воздвигаться боевые классово-выдержанные массовые партии, которые призваны в мировом масштабе совершить то, что сделала наша партия под руководством Ильича в громадной, нищей, забитой крестьянской России. Окончательное претворение мечты Маркса в жизнь в мировом объеме—вот тот нерукотворный памятник, который воздвиг себе Ильич своей тридцатилетней работой.

25 апреля 1924 г.

М. Лядов.

В.И.ЛЕНИН НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА В 1920 ГОДУ.

Т. Верейский.

ЛИТ. ГОС. ХУД.-ПРОМ. ТЕХНИКУМА, ДЕТИЗДАТ

Ленин и мировая война

До империалистической войны 1914 — 17 г.г. деятельность В. И. Ленина ограничивалась рамками Р.С.-Д.Р.П. В течение десятилетий систематически, непрерывно, настойчиво и упорно он работал над ее созданием и руководил ею, наложив неизгладимую печать на каждый период партийной жизни, беспощадно борясь против оппортунистических течений и веяний, проводя революционно-марксистскую линию. До войны самой влиятельной партией в Интернационале была германская социалдемократия, вожди которой играли в нем руководящую роль. Война и Российская революция выводят Ленина на широкий простор международного рабочего движения. Он становится в центре его, как вождь мировой пролетарской борьбы за социалистическую революцию, за коммунизм.

Для освещения некоторых моментов его деятельности за этот период (1914—16 г.г.) необходимо оглянуться назад, восстановить историческую обстановку начала войны, тем более, что вопросы, поднятые тогда, тесно связаны с очередными политическими задачами наших дней и не утратили своего злободневного характера.

Мировая империалистическая война, разразившаяся в 1914 году, подготовлялась всеми капиталистическими державами в течение десятилетий.

За мирную эпоху промышленного капитализма развитие производительных сил сделало громадный скачок вверх. Все великие державы вели колониальную политику, властно диктуемую интересами финансового капитала. Крайне обострялась борьба между ними из-за рынков сбыта, источников сырья; из-за сфер приложения накопленных капиталов, за расширение хозяйственно-государственной территории. Разрешить эти задачи они могли только при помощи насильственных методов — путем войны. Вот почему капиталистические страны лихорадочно вооружались, увеличивая свои армии, флот. Эта подготовка совершалась и в военно-техническом, и в политическом и идейном направлениях. Ни одна отрасль промышленности не развивалась с таким успехом, как военная техника. Наиболее талантливые специалисты работали над усовершенствованием подводных лодок, дальнебойных орудий и других средств истребления человечества и разрушения производительных сил.

Создавались военно-политические союзы. Так в 1882 году был заключен тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией, а в 1893 году франко-русский союз, превратившийся потом в Тройственное согласие (к нему примкнула Англия). Конец XIX и начала XX века ознаменованы рядом империалистических войн. Эру их открывает японско-китайская война 1895 года, за ней следует америко-испанская в 1898 году, англо-бурская в 99—900 г.г. и европейско-китайская. Затем в 1904—05 г.г. вспыхнула русско-японская война а в 1910 — 10 г.г. турецко-итальянская. Все эти войны отличались резко выраженным империалистическим характером, это были войны из-за колоний, захвата чужих земель. Колониальные конфликты между Германией и Францией, между Англией и Германией так обострялись, что порой казалось: европейский мир висит на волоске. Две империалистические коалиции в Европе, вооруженные с головы до ног, были готовы броситься одна на другую в любой момент. Европа пред-

ставляла собой пороховой погреб, и маленькая искра, залетевшая туда, могла его взорвать. Завоевательные стремления, шовинизм, узкий национализм находили себе отражение и в художественной литературе. Европейская война надвигалась; опасность ее с каждым годом чувствовалась острее. Война прежде всего и всей своей тяжестью должна была обрушиться на рабочий класс, и не только в смысле его физического истребления и материальных лишений. Война нанесла бы тяжелый удар международному рабочему движению, разрушив его интернациональные связи.

Как же Интернационал относился к вопросу о войне? Какую позицию он занимал по отношению к ней? И первый и второй Интернационалы уделяли достаточно внимания этому вопросу. Старый Интернационал обсуждал вопрос о войне в 1867 году на двух конгрессах в Лозанне и Брюсселе и вынес антимилитаристские резолюции. Брюссельский конгресс рекомендует рабочим прекращение работ на случай возникновения войны в их стране. Вопрос о войне обсуждался II Интернационалом на 8 международных социалистических конгрессах, и было вынесено 8 резолюций. Особенно оживленные прения он вызвал на Цюрихском конгрессе в 1894 году*) и на Штутгардтском в 1907 году. В Цюрихской резолюции говорится: „Международная революционная социалдемократия всех стран должна со всей энергией восстать против шовинистических вожделений правящих классов. Представители рабочих партий обязаны отвергать все кредиты на военные надобности и протестовать против постоянных армий". А вот и основные положения резолюции, принятой в Штутгардте и дополненной в Копенгагене (в 1910 году): „Если война грозит разразиться, то в соответствующих странах рабочий класс и его парламентские представители обязаны сделать, при поддержке объединяющей деятельности Международного Социалистического Бюро, все, что только могут, чтобы применяя те средства, которые они находят самыми действительными, воспрепятствовать наступлению войны, при чем самые эти средства, конечно, различны, смотря по степени обострения классовой борьбы и общей политической ситуации".

„В случае, если война все-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего прекращения ее и всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение господства капитала".

В 1912 году вспыхнула балканская война, встревожившая рабочих всего мира. В конце ноября 1912 года был созван экстренный конгресс в Базеле. Манифест Базельского конгресса предлагает „рабочим всех стран противопоставить капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата. Пусть правительства не забывают, что за франзузско-немецкой войной последовала Коммуна, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов Российской Империи... Пролетариат считает преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий..." „Конгресс поручает поэтому Международному Социалистическому Бюро все внимательнее следить за событиями, и, чтобы ни случилось, поддерживать и укреплять связь между пролетарскими партиями..."

В этот момент пролетариат сознает собя носителем всей будущности человечества. Чтобы воспрепятствовать уничтожению цвета всех народов, которому угрожают все ужасы массового убийства, голода и эпидемий, пролетариат пустит в ход всю свою энергию...

Такова была позиция II Интернационала по отношению к надвигающейся мировой войне, таковы были его решения. Интернационал звал на борьбу против грядущей войны, указывал, как бороться против нее: голосовать против кредитов на военные надобности, поднимать рабочих против господства капитала. Ни в одной из резолюций нет указаний на обязанность социал-демократа защищать свое отечество в оборонительной войне.

Интересно отметить взгляды на характер эпохи и грядущей войны авторитетного теоретика II Интернационала К. Каутского. „Соц-

*) В 1893 году окончательно оформился франко-русский союз, направленный против Тройственного Союза. Это событие чрезвычайно встревожило германских социал-демократов, считавшию царскую Россию опорой европейской реакции и злейшим врагом демократии Между прочим, на этом конгрессе докладчиком по вопросу о войне выступал Плеханов, стоявший тогда на пораженческой позиции и разделявший все опасения германских соц.-демократов на счет русской опасности.

демократия—революциннная партия, писал Каутский в своей брошюре „Путь к власти“ в 1909 г., не только в том смысле, в каком революционно-паровая машина, но еще в другом смысле. Она стремится к завоеванию политической власти пролетариатом, к диктатуре пролетариата...“ „Революция в связи с войной возможна и во время войны и после нее. Когда именно обострение классовых противоречий приведет к революции? Определить невозможно, но я могу совершенно определенно утверждать, что революция, которую несет с собою война, разразится или во время войны или непосредственно после нее...“ „Всемирная война становится угрожающе близкой, а война означает также революцию... Все дело в том, чтобы соц.-демократия оставалась непоколебимой, последовательной, непримиримой. Несомненно, что мы вступили в революционный период“.

В 1907 году Каутский писал: „При данной всемирно политической ситуации, нельзя и представить себе такой войны, при которой можно было бы допустить, чтобы пролетариат или демократия были заинтересованы в защите или нападений... Нигде теперь не угрожает опасность самостоятельности тех больших наций, которые, надо принимать в расчет при войне. Единственная опасность войны угрожает теперь со стороны колониальной мировой политики, по отношению к которой пролетариат с самого начала занимает резко отрицательную позицию“.

Французские социалисты в своем манифесте, изданном за 3 дня до объявления войны и подписанном Жоресом, Гэдом Реноделем, Эрве и другими, подтверждали империалистический характер войны. „Колониальные соревнования, заявлял манифест, интриги и насилия империализма, политика грабежа у одних, политика амбиций и поддержание престижа у других— все это вот уже 10 лет, как создало во всей Европе перманентное напряжение, постоянную и возрастающую опасность войны“.

Война объявлена. Картина мира изменилась за одну ночь. Как же реагирует на объявление войны Интернационал, соц.-демократические партии втянутых в войну стран. 4-го августа германская соц.-демократическая парламентская фракция, согласно директивам своего Центрального Комитета, голосует за военные кредиты. Вчерашние ортодоксальные французские марксисты входят в буржуазное правительство, чтобы работать с ним для обороны страны. Бурно поднявшийся поток шовинизма и национализма захлестывает и социалистов. Социалисты каждой воюющей страны объявляют себя в состоянии необходимой обороны, защищают, якобы, самые священные блага свои: очаг, родину. Плеханов доказывает, что интересы экономического развития России требуют разгрома германского милитаризма и благословляет русских волонтеров, отправляющихся на французский фронт. В то же время Каутский пишет: „Практический вопрос теперь: победа или поражение собственной страны?“ Соглашение между партиями в воюющих странах о действии против войны? „Практически что-либо подобное никогда еще не было испытано.... Социал-демократы всех стран имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества: ни одна нация не должна упрекать за это другую...“ „Неповиновение законам военного времени повело бы просто к запрещению нашей прессы...“ Позиция, занятая соц.-демократическими партиями воюющих стран (немцев, французов, бельгийцев, частью русских), являлась прямым, вопиющим нарушением постановлений международных конгрессов. В этот решительный момент они были забыты. Оппортунисты, фактически составлявшие большинство в социал-демократических партиях, одержали победу. Отрицавшие диктатуру пролетариата, социалистическую революцию, сочувствовавшие колониальной политике, давно мечтавшие о сотрудничестве с буржуазией, они теперь заключили с ней союз. Война только вскрыла их действительное содержание, сорвала покровы революционной фразы. Официальные соц.-демократические партии всех воюющих стран сразу сдали свои позиции, без всякой борьбы и сопротивления, изменив социализму и пролетариату, отрекшись от классовой борьбы, провозгласив гражданский мир на время войны. Они бросили пролетарские организации—профессиональные и партийные на службу империализму. II Интернационал позорно пал.

В черные дни торжества империализма, общей растерянности, смятения, предательства и измен в рядах социалистов, громко и смело прозвучал голос Центрального Комитета Р. С.-

Д. Р. П. (большевиков). Воззвание *) Центрального Комитета, подчеркивая империалистический характер войны, констатируя крах II Интернационала, намечает боевую марксистскую линию, выдвигая, как ближайшую очередную задачу, борьбу с социал-шовинистами, разрыв с оппортунистами, создание нового Интернационала и превращение империалистической войны в гражданскую войну. „Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет, заявляет воззвание: „Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунистов недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительства и буржуазии каждой страны".

„Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающей из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы велики ни казались трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом".

„Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран. Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма". Так заканчивается воззвание.

Тов. Ленин с первых дней войны подчеркивал, что мировая ситуация революционна. Капитализм переживает высшую, но и последнюю стадию своего развития. Империализм есть паразитический, умирающий капитализм. Прогрессивная организующая роль его в истории закончилась. Гибель его неизбежна. Объективные условия для социалистической революции назрели. "Революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы—писал т. Ленин—налицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось вполне. Отрицать эту истину прямо или косвенно, или замалчивать ее, как делают Кунов, Плеханов, Каутский и Комп., значит говорить величайшую неправду, обманывать рабочий класс и услуживать буржуазии".

„Долго ли продержится и насколько еще обострится эта, ситуация?"

Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса,—пролетариата.... Далее тов. Ленин доказывает, что революционная ситуация налагает на социалиста определенные обязанности. Тут речь идет о самой бесспорной и основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание в революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении *).

„Никогда ни один влиятельный и ответственный социалист не смел усомниться в том, что такова именно обязанность социалистических партий, и Базельский манифест об этой обязанности социалистов говорит: „возбуждать, встряхивать народ (а не усыплять его шовинизмом, как делают Плеханов, Аксельрод, Каутский), использовать кризис для ускорения краха капитализма, руководствоваться примерами Коммуны и октября—декабря 1905 года. Неисполнение современными партиями этой своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей воли, их переход на сторону буржуазии".

А правые соц.-демократы откровенно заявляли: „раз империализм необходим, нам надо быть империалистами". Социал-демократические партии, изменив социализму, стремились затушевать, прикрыть свое предательство, делали вид, что в Интернационале все обстоит благополучно, никакого краха не произошло. „С различных сторон, даже со стороны отдельных товарищей приходится слышать утверждения, писал Каутский **), будто социал-демократия в нынешней войне потерпела тяжелое поражение.

*) 33 № „Социалдемократа" Ц. О. Р. С.-Д. Р. П. от 1 ноября 1914 года.

*) „Коммунист" № 1—2.

**) „Интернациональность и война" Каутский.

Это преувеличение. Поистине мы не видим никаких причин, в силу которых нашей партии нужна была бы новая ориентировка. „Взаимное истребление рабочих разных стран на полях битв, сотрудничество социалистов с своей буржуазией и генеральными штабами, отказ от классовой борьбы и голосование за военные кредиты, кажется Каутскому вполне естественным законным, обычным. Плеханов, Каутский и другие видные теоретики II Интернационала, стремились дать теоретическое обоснование позиции соц.-демократии, научно оправдать предательство социалистов ссылками на Маркса и Энгельса, извращая, фальсифицируя марксизм. Каутский примирял социал-шовинистов всех стран, доказывая, что все они имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества. Каутский, для оправдания оппортунистов, изобрел хитросплетенную теорию ультраимпериализма, доказывая возможность возрождения капитализма после войны с продолжительным миром и демократическими свободами. „Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке... наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала, пишет Каутский, все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистическая политика быть вытеснена новою, ультраимпериалистической, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплоатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима“... Каутский старается примирить не только социал-патриотов воюющих стран, но и мировых хищников, убеждая их, что им выгоднее полюбовно, путем соглашения разделить между собою мир для эксплоатации, чем вести вооруженную борьбу.

В первые же месяцы войны наметились и определились в международном социализме три основных течения: социал-шовинистическое, революционно-марксистское и центр. Последовательные социал-шовинисты, проводившие политику оппортунистов, открыто признавали обязанностью социалиста защищать свое отечество во всякой войне, раз война стала фактом, независимо от характера и целей ее.

„Каковы бы ни ни были причины войны, как бы ни оценивали мы историю подготовки войны... в одном не может быть сомнения, говорил Виктор Адлер на партийной конференции: наш высший долг заключается в том, чтобы защищать отечество“. Другие социал-шовинисты, прикрывались более возвышенными мотивами, как защита культуры, демократии, слабых наций и т. п. Третье течение—революционные марксисты, последовательные враги оппортунизма, призывающие рабочих воюющих стран, к борьбе с буржуазией своей страны, к низвержению ее господства. Ленин являлся самым ярким и самым решительным представителем этого течения.

Он с первых дней войны повел беспощадную борьбу с социал-шовинизмом и оппортунизмом где бы и в каких бы формах они не проявлялись и со всею глубиной вскрыл причины краха Интернационала, заклеймив предательство и измену вождей его. Он доказывал, что нельзя рассматривать крах Интернационала только с формальной точки зрения, как перерыв интернациональной связи между социалистическими партиями воюющих стран, невозможность собрать ни международной конференции, ни международного социалистического бюро. Он оценивал падение Интернационала, как событие всемирно-исторической важности. „Для сознательных рабочих*), писал Ленин, социализм—серьезное убеждение, а неудобное прикрытие мещанско-примирительных и националистически-оппозиционных стремлений. Под крахом Интернационала они разумеют вопиющую измену большинства официальных представителей соц.-дем. партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям о речах на Штутгартском и Базельском международных конгрессах и т. д. Не видеть этой измены могут только те, кто не хочет видет ее, кому это невыгодно. Формулируя это научным образом, т.-е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство соц.-дем. партий и во главе их, в первую очередь самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против

*) „Коммунист“ № 1.

пролетариата. Это—событие всемирно-исторической важности, и на возможно более всестороннем анализе его нельзя не остановиться. Давно признано, что войны при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях... Европейская война 1914—15 г. показала передовому пролетариату цивилизованных стран, что в его партиях назрел какой-то отвратительный гнойный нарыв и несется оттуда нестерпимый трупный запах*). Ленин прямо взглянул на вещи, называя их своими именами, в то время, когда зараза лицемерия, лжи и софистики захватили, за небольшими исключениями, авторитетных вождей II Интернационала.

Основной причиной краха Интернационала Ленин считал фактическое преобладание оппортунизма во всех соц.-демократических партиях и, в особенности, среди вождей парламентских, профессиональных, журналистских и т. д., указывая, что на пороге XX века революционный класс имел свою Жиронду и Гору.

Он дает блестящий анализ исторического происхождения оппортунизма и его тесной непосредственной связи с социал-шовинизмом выясняя три вопроса: 1) откуда взялся социал-шовинизм, 2) что дало ему силу и 3) как с ним бороться.

„Для ответа на первый вопрос, писал Ленин, надо рассмотреть во-1-х, не стоит ли идейно-политическое содержание социал-шовинизма в связи с каким-либо прежним течением в социализме, во-вторых, в каком отношении находится с точки зрения фактических политических делений теперешнее деление социалистов на противников и защитников социал-шовинизма, к прежним исторически предшествующим делениям. Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистической войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительством своих стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарско-революционных действий против своей буржуазии. Совершенно очевидно, что основное идейное политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это одно и то же течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—1915 г.г. и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием; это обстоятельство естественно увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переход многих вчерашних радикалов в этот лагерь. Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного количества рабочих коренных интересов массы, или иначе союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата.

Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такого развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих обуржуазило их, давало им крохи от прибылей своего национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разорений и нищей массы. Империалистическая война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за привилегии великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение „высшего слоя мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса“ вот естественное продолжение мелко-буржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны,—вот экономическая основа социал-империализма наших дней. И, разумеется, сила привычки, рутина сравнительно мирной эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них—все это играло роль добавочных обстоятельств и лицемерное трусливое примирение, якобы, только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую степень... Экономическая основа шовинизма и оппортунизма в рабочем движении одна и та же: союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегии своего национального капитала против

массы пролетариев, массы трудящихся угнетенных вообще. Во-2-х, идейно-политическое содержание обоих течений одно и то же. В 3-х, в общем и целом строе, свойственное эпохе II Интернационала деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное соответствует новому делению на шовинистов и интернационалистов. В общем и целом, если брать течения и направления, нельзя не признать, что именно оппортунистическое крыло европейского социализма предало социализм и ушло в шовинизм".

Оппортунисты, несмотря на свою формальную принадлежность к рабочим партиям, объективно оказались политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении. Союз с буржуазией придал им силу, они стали играть доминирующую роль в партии в Ц. Ц. К. в Ц. О.

Переходя к вопросу, как бороться с социал-шовинизмом, Ленин подчеркивает, что необходимость полного разрыва с ним и изгнания его из рабочих партий давно уже назрела. „Социал-шовинизм, пишет он, есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепший и обнаглевший за данную эпоху сравнительно мирного капитализма, настолько определившийся идейно-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что нельзя мириться с нахождением такого течения внутри соц.-дем. рабочих партий..." „Социализм вошел с 1914—1915 г.г. войной в стадию революционных действий... Отсюда вытекает необходимость ясно сознавать, что такое отделение неизбежно, и именно под этим углом зрения направлять свою политику рабочего класса". Ленин предвидел, что борьба с оппортунизмом, пустившим глубокие корни, будет нелегкая и подчеркивал, что из новых задач эпохи еще непосредственно не вытекает с какой именно быстротой и в каких именно формах пойдет в отдельных странах процесс отделения рабочих революционных социал-демократических партий от мелко-буржуазно-оппортунистических.

Затем он выдвигает перед пролетариатом организационную задачу. Старые нелегальные организации не соответствуют новой ситуации, неспособны во время войны организовать революционные выступления масс: необходим переход к нелегальным организациям. Следует отметить, что за последние 20 лет перед войной историческая обстановка радикально изменилась. Эпоха промышленного капитала сменилась эпохой финансового капитала. Произошли глубокие изменения в экономической и политической жизни в европейских и других странах. Сообразно с этим должны были измениться и формы классовой борьбы. Перед пролетариатом и социалистическими партиями — ход событий выдвигал новые боевые задачи. Для разрешения их требовались новые организационные формы и новые методы борьбы. Между тем, социал-демократия, особенно германская, крепко стояла за свою испытанную тактику и воздерживалась от массовых выступлений. Эта организационная и тактическая косность также обессиливали Интернационал и лишали его возможности в решительные моменты быстро мобилизовать рабочие массы.

Во время войны вожди германской социал-демократии больше всего берегли свои легальные организации. Переход к революционным действиям означал бы роспуск их. Партия предпочла принести в жертву революционные цели пролетариата сохранению своих легальных организаций, приспособив их к законам военного времени. В конечном счете оказалось, что она помогла своей буржуазии и своему правительству вести захватническую войну. Вот как оценивают роль пролетарских организаций во время войны группы левых немецких социал-демократов. „Вся организованная сила германской социал-демократической партии и профсоюзы, заявляет группа левых немецких социал-демократов, встала на сторону ведущего войну правительства, вся эта сила была употреблена в целях подавления революционной энергии масс".

„Голосование с.-д. фракции 4-го августа означало, что другой взгляд даже если бы он глубоко коренился в массах, мог бы проложить себе дорогу только не под руководством испытанной партии, а лишь против воли партийных инстанций, лишь под условием продолжения сопротивления партии и профсоюзов..."

В своей полемике с Каутским, утверждающим, что переход к нелегальной работе и организации, означает разрыв с массами, Ленин подчеркивает, что „вопрос не столько в числе членов организации, сколько в реальном объектив

ном значении ее политики: массы ли представляет эта политика, массам ли служит, то-есть, освобождению масс от капитализма, или представляет интересы меньшинства, его примирение с капитализмом. Именно последнее было верно для Англии XIX в.,—верно теперь для Германии.

Таким образом, чистый легализм изжил себя и превратился в основу буржуазной рабочей политики. Потребность в нелегальной организации, в нелегальной работе назрела. „Сегодня нет налицо революционной ситуации, писал Ленин, нет условия для брожения в массах, для повышения их активности, сегодня дают тебе в руки избирательный бюллетень—бери его и пользуйся им... Но если в массах нарастает злоба и отчаяние, если налицо революционная ситуация, готовься создать новые организации и пустить в ход столь полезные орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии".

Но объективная революционная ситуация, созданная войной и во все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс, не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была с Россией начала 1905 года, с гапонадой, когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а то и недель выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата. Нельзя знать разовьется ли могучее революционное движение вскоре после этой войны, во время ее и т. п., но во всяком случае только работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы. Лозунгом, обобщающим и направляющим эту работу, помогающим объединению и сплочению тех, кто хочет помогать революционной борьбе против своего правительства и своей буржуазии является лозунг гражданской войны".

Историческая дальнозоркость Ленина, его способность предвидения, уменье быстро ориентироваться в новой обстановке ярко проявляются в начале войны и особенно рельефно вырисовываются при сопоставлении его взглядов с взглядами наиболее авторитетных вождей II-го Интернационала.

„Европейская война означает величайший исторический кризис, писал Ленин, начало новой эпохи. Как всякий кризис война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу... II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от перебежчиков, как желает „Голос", но и от оппортунизма III Интернационал".

„II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую мирную эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма". В этих немногих строках, написанных в ноябре 1914 году точно определена ситуация, указаны новые задачи, цели, намечен путь их разрешения и достижения.

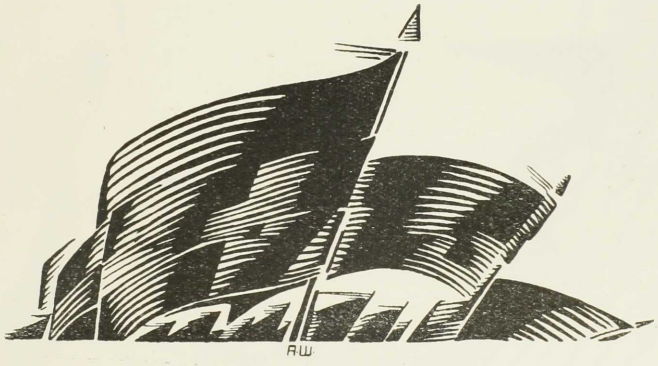
Проходит год войны. Собирается конференция интернационалистов в Циммервальде. И сколько колебаний нерешительности и робости проявляет ее правое большинство (левое крыло составляла группа в 6—7 человек), Ледебур (германск. лев. соц.-демократы) заявляет, что для его группы неприемлемо голосование против военных кредитов, ибо этот шаг вызвал бы раскол в парламентской фракции, а раскол фракции означал бы раскол партии. Представители французской оппозиции социалистической партии Бурдеран и Миргеин и слышать не хотели о расколе соц.-демократической партии, расколе II Интернационала, о создании III Интернационала в то время, когда, как раскол рабочего движения есть факт.

Налицо две непримиримые тактики рабочего класса по отношению к войне. Конференция в целом не решается призвать пролетариат воюющих странах к революционной борьбе с своими правительствами, с своей буржуазией и ограничивается призывом к борьбе за мир. Ленин с напряженным вниманием следит за ростом интернациональных элементов в социал-демократических партиях Европы, оказывая им всякое содействие и поддержку. С горячим словом убе-

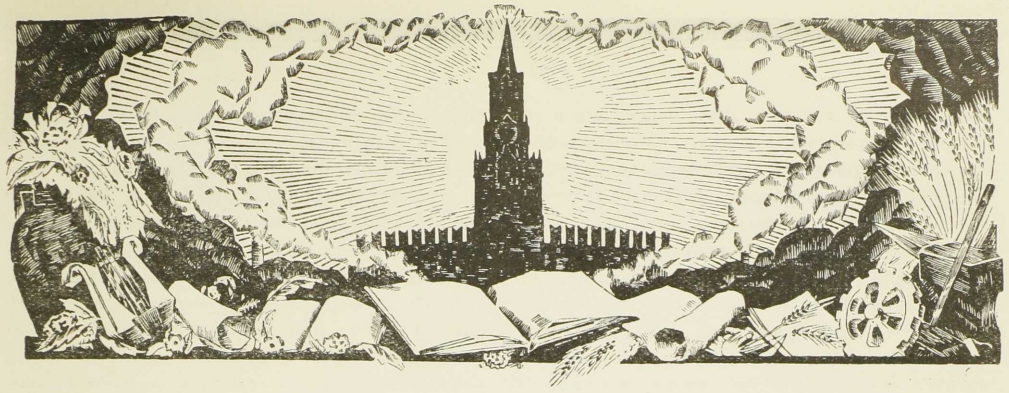
ждения обращается он к французской оппозиции (письмо Сафарову), предлагая ей решительно порвать с прямым и прикрытым социал-патриотизмом, протянуть руку немецкой оппозиции, заявить о своей солидарности с нею. Предлагает французским товарищам немедленно переходить к нелегальной работе, выражая глубокую уверенность, что французские рабочие так же скоро научатся строить нелегальные организации, как они быстро научились прятаться в траншеях. Считая, что самая крупная и роковая ошибка II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к революционной фразе, Ленин разоблачает всякое противоречие между левыми решениями и заявлениями и оппортунистической практикой. Его письмо к Шарлю Нэну, разоблачающее Роберта Гримма, показывает негодование и возмущение, которые вызывали всякого рода компромиссы и уклоны.

Война раскрыла перед Лениным широчайшие горизонты. Он сразу уловил смысл и значение грандиозных, развертывающихся на рубеже двух великих исторических эпох, событий. Они его не смущали. Он равнялся по ним. С высокой вершины революционного марксизма он видел зарю новых дней. Он знал к какому берегу надо направлять пролетарский корабль и вел его твердой рукой, минуя мели и скалы. Он первый поднял знамя борьбы за пролетарскую революцию в 1914 году, в самый тяжелый для Интернационала момент. Ленин в 1917 году приехал в Россию с готовой уже программой. Русская революция дала возможность развернуться его гению. Революционную теорию Маркса Ленин гениально воплощал в жизнь. Слово претворял в дело, в революционные действия масс. Вся его деятельность является как бы олицетворением марксизма. Недостаточно мир объяснять, изучать, надо его изменять, переделывать. Эту истину Ленин неуклонно проводил в жизнь. Он неустанно по-марксистски переделывал мир в интересах трудящихся и угнетенных, в интересах освобождения человечества от гнета экономической необходимости, увлекая в эту великую историческую работу широкие рабочие массы, возбуждая их энергию, их энтузиазм, поддерживая в них уверенность в своей конечной победе. В этой работе по перестройке мира равного ему нет и не было в истории.

О. Варенцова.



ЛЕНИН
КАК
РУКОВОДИТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВА
1891
Ан Шпир



Что сделал Ленин в области государства

Для того, чтобы оценить работу Ленина в деле организации нового советского государства, необходимо представить себе то положение, которое было до него.

Как известно, буржуазная революция XVIII—XIX веков при самом своем взрыве уже обладала широко развитой государственной теорией. Стоит здесь припомнить Джона Локка, как провозвестника английской „достославной" революции, Руссо, как пророка великой французской революции, Монтескье, как отца европейского парламентаризма, и целый ряд других, начиная от Пэна и кончая Шталем и Бэнжаменом Констаном, положивших основы классовому государству буржуазии в виде демократического, представительного, правового и конституционного строя. Нечего говорить, что малейший государственный опыт в этой области был использован обширными рядами научной юриспруденции, и широко разветвленная теория увенчала собой, как историю английского парламента, так и короткие дни ста дней Наполеона. Само собой разумеется, при этом, что никакой теории не строилось и не было построено в целях разработки нелепой, как казалось, утопии ранних социалистов, а впоследствии марксизма.

Разработка вопросов государства у Маркса и Энгельса совершенно естественно не была в центре их задачи. На них лежала великая тяжесть выяснения прежде всего экономических основ общественного процесса и великого закона исторической диалектики. Они научно обосновали задачи пролетариата и торжество грядущей социальной революции. В области права и государства они могли действовать или обще-теоретически, поскольку государство и право были идеологической надстройкой над экономической структурой, или же практически, — учитывая тот опыт, который был у них перед глазами. Они пережили несколько революций. Эти революции носили в общем и целом буржуазный характер, но замечательны были тем, что в них пролетариат выступал уже, как общественный класс со все более и более проясняющимся самосознанием. Непосредственно пролетарский характер носило лишь восстание парижских коммунаров 1871 года. И должно отдать справедливость Марксу и его ближайшему сотоварищу, что материал, доставленный историей, они использовали целиком. Именно тогда они уяснили характер пролетарской диктатуры, как особой переходной стадии к полному утверждению коммунистического строя. Этим и некоторыми намеками на характер пролетарской диктатуры дело и ограничилось.

Теория революционной государственности уже потому не могла достигнуть особенного развития, что в лучшем случае она разрабатывается отвлеченно и теоретически, как это мы видим, например, у Каутского. Практика же шла совершенно в ином направлении. Увлечение мирной парламентарной борьбой в рамках нового представительного, а частью и демократического государства направило пролетарские массы в рамки легальных партий социал-демократии и на путь не менее правомерной избирательной конкуренции. Правда, в качестве программы-максимум, осталась прежняя цель трудовой

ассоциации коммунизма. Даже отношение к государству буржуазии ставилось на рельсы фактического признания действительности, как будто не имеющей никакого правового значения. А на самом деле, движение, во-первых, в погоне за голосами вышло из пределов классовой организации пролетариата, а во-вторых, невольно и необходимо прониклось правосознанием буржуазного государства. Отсюда оппортунизм и компромиссы, примиренчество и экономический уклон, патриотизм и отказ от пролетарской революции.

Если мы поэтому попробуем установить затруднения, встреченные Лениным на его пути, то мы должны совершенно объективно отметить их исключительную громадность. В марксистских теориях он мог найти далеко не так много. Напротив того, оттуда подымались масса возражений и препятствий. Они безмерно усиливались еще потому, что дело шло не о революции вообще, а специально о революции в определенном углу восточной Европы, о России—одном из самых некультурных и политически отсталых народов славянского мира. Тут, следовательно, к возражениям со стороны буржуазного демократизма и соответственной политической идеологии присоединялись и сомнения чисто экономического характера. Ведь, согласно учению марксизма, считается абсолютно исключенной возможность политической надстройки без экономического основания, а следовательно, и возможность пролетарской революции там, где отсутствуют предпосылки широко развитого капиталистического хозяйства. Казалось, вывод отсюда только один—и со стороны экономики и со стороны политики—пролетарская революция в России невозможна, а следовательно, немыслим какой-нибудь шаг к социалистическому устройству. Россия должна лишь пройти то, что до нее проделали другие европейские страны—Англия, Франция, Германия и т. д. Т.-е. путь повторения и подражания народам старшей культуры; это, казалось бы, единственное, что оставалось этойзапоздалой стране.

Подобное воззрение было господствующим среди буржуазных ученых и, надо отметить с грустью, большинства европейских социалистов. По этой формуле русскому пролетариату предстояла довольно печальная роль. Он сознательно должен был проделать то, что бессознательно совершили его старшие братья. И, если во всех буржуазных революциях восстание масс было лишь бессознательной жертвой для того, чтобы укрепить власть нового господствующего класса—буржуазии, и дать ей возможность наиболее утонченной эксплоатации пролетариата, то роль рабочего касса в России представлялась в удивительных чертах: отлично зная, что после крепостничества и власти объединенного „дворянства“ должна восторжествовать промышленная и финансовая буржуазия, он должен был именно для этой цели и поднять революцию против страшной мощи царизма, отдать свою кровь на бесчисленных баррикадах, и затем, подчиняясь неизбежному закону, преподнести добытую им свободу и господство магнатам капитала и заявить: „Вот я, рабочий класс России, подчиняясь историческому закону, открытому Марксом и Энгельсом уничтожил царизм и остатки крепостничества. Добытую власть я отдаю по назначению частновладельческому капиталу. Владейте и господствуйте надо мною, я же протягиваю шею на которую вы должны надеть ярмо капиталистической эксплоатации. Сам я удовлетворяюсь правом выбирать себя в парламентах повелителей и господ. Когда созреет капитализм, мои внуки или правнуки попробуют восстать против вашей, до тех пор необходимой и законной власти“.

Такая картина, конечно, была психологически невозможна, и никакой пролетариат, даже состоящий из правых социал-демократов, не был бы способен сознательно умирать на баррикадах ради такого же сознательного порабощения самого себя. Оставалось пленить его прелестями и благами правового строя, демократическими свободами и роскошью той добычи, которую он мог отвоевать себе при помощи стачек и профессиональных союзов. Однако, именно парламентарная и профсоюзная борьба пролетариата за рубежом обнажила с полной ясностью корни буржуазной эксплоатации пролетариата, и надо было быть безумным, чтобы проливать кровь ради парламентарного намордника и буржуазно-правового ярма.

Ужасы рабочей судьбы на Западе так вопияли о себе, что у русского рабочего не

могло явиться ни малейшего желания сменить свой, хотя бы и отсталый капитализм на усовершенствованную машину выдавливания пота по самоновейшим образцам. Эпоха Керенского в достаточной степени обнаружила это. Несмотря на все подогревание конституционного мертвеца самых демократических фасонов, русский пролетариат отнюдь не желал менять кукушку на ястреба.

Запоздание русской революции принесло ей одно великое преимущество. Перед нею был живой опыт европейской государственности. А следовательно, поднять рабочий класс за грядущее царство буржуазии можно было лишь путем какого-то колоссального надувательства. Вот почему и вся буржуазно-демократическая проповедь конституционализма у нас имела такой привкус не то гнуснейшей фальсификации, не то истерического самообмана. Совершенно ясно, что итти этим путем не мог ни русский пролетариат, ни его партия, ни, наконец, тот человек, в мозгу которого еще перед революцией разрешалась великая борьба не только за стратегию и тактику, но и действенную политику пролетариата... Итак, надо было разрешить следующие задачи: 1) дает ли экономическая структура России достаточно предпосылок для ее пролетарского, а следовательно, и социалистического поворота? 2) можно ли перешагнуть или сократить до минимума буржуазно-демократическую ступень государственного созревания? 3) возможно ли провести революцию на основе капиталистического хозяйства, но в условиях диктатуры не буржуазии, а пролетариата? 4) может ли русский пролетариат и его партия взять в свои руки власть над одной из самых могущественнейших держав современного мира? 5) в каких формах и последовательности должна произойти эта совершенно новая по своим задачам социальная революция? Таковы задачи, которые должна была разрешить партия, а с нею ее начальник революционного Штаба, Ленин. Как мы знаем, эти задачи, несмотря на их колоссальную трудность, он разрешил.

II.

Как подобает марксисту, Ленин начал свою работу над русской революцией с вопроса об ее экономических основах. Мы не останавливаемся здесь специально на этой стороне его деятельности, для нас достаточно одно—после изучения судеб русского капитализма и подробного обследования аграрного вопроса он пришел к убеждению, что несмотря на всю отсталость русского народного хозяйства у нас имеется достаточно экономических предпосылок для основательного расчета с крепостничеством, дворянством, царизмом и его бюрократией. Совершившееся у нас во время империалистской войны крупное движение в пользу объединения промышленности, хотя бы под флагом военно-промышленных целей, было не менее учтено Лениным и поставлено в связь с возможностью дальнейшей плановой политики. Больше того, она представлялась ему вполне приспособленной в своих синдикатах, трестах, кооперации и иных военно-промышленных организациях к переходу на пути начальной стадии социалистического строя. И впоследствии, когда Ленин строил свою теорию пролетарского государства, одной из важнейших задач его он ставил не разрушение, а сохранение и возможное развитие этого государственно-экономического аппарата лишь с одним непременным условием: с него должна была быть снята или срезана частно-капиталистическая верхушка, а на место частных хозяев должен был встать пролетариат.

Сейчас многие пробуют свести учение Ленина о государстве исключительно к диктатуре пролетариата в том смысле, что старый аппарат подавления и насилия в виде полиции, судов и армий должен быть разбит, а на его место поставлен новый аппарат, созданный диктатурой пролетариата в целях подавления буржуазии. Это учение действительно очень важно, так как в нем мы находим не только правильный марксистский подход и использование опыта Парижской Коммуны, но и окончательный удар по иллюзиям буржуазии и социалистов-соглашателей о возможности нечувствительного перехода от буржуазной демократии к социализму и притом с сохранением старого аппарата бур-

жуазной диктатуры. Важность этого учения, однако, исчерпывается его характером, как необходимой тактической и стратегической меры. Ведь до Маркса уже хорошо знали, что аппарат государственного насилия есть один из основных признаков классового государства. И если демократический туман закрыл эту истину в глазах учителей и вождей парламентаризма, тем хуже для них. Гораздо важнее, связь между государством, с одной стороны, и новыми формами капитализма — с другой. Ибо ясно, что никаким насилием нельзя орудовать против экономической необходимости, а диктатура пролетариата, не способная захватить крупных центров промышленности и финансов, пала бы на следующий день. Не раз, поэтому, Ленин называл основой советской конституции ничто иное, как экспроприацию и национализацию банков, крупных промышленных центров и земли. В этом непреходящее значение пролетарской диктатуры.

Вторым вопросом, который должен был решить Ленин перед революцией, был вопрос о наличности и организации революционных классов. В отличие от Запада, где крестьянство играет второстепенную роль, в России оно должно было получить исключительное значение. С кем было крестьянство, с тем была и власть. И задолго до революции пролетарского Октября Ленин работает над выяснением грядущего значения крестьян. Это был тот класс, который должен был делать революцию вместе и под предводительством пролетариата, класс, предствители которого должны были войти в будущее „Революционное правительство". Как известно, империалистская война необычайно ускорила созревание и самосознание этого класса. Ленин отмечал не раз тот почти волшебный процесс, в котором еще вчера слепые массы проходили молниеносный курс политического обучения и под гнетом бесчисленных кровавых жертв выростали в полноправных участников новой России. Однако, без пролетариата в качестве вождя, крестьянство никогда не могло бы ни окончательно сознать себя, в качестве класса, ни сложиться в единую революционную армию. И мы знаем, какое значение имела революционная работа рабочих и до окончания войны и, в особенности, в период керенской демократии, пролетарии стали учителями крестьян.

Однако, и сам рабочий класс нуждался в глубоком и решительном воздействии. Ленин прекрасно знал, и высказывал это неоднократно, что непосредственно экономическая обстановка не создает ни классового сознания, ни тем более, революционного подъема. Экономика в рамках буржуазного капиталистического общества может в лучшем случае дать экономическую же борьбу и демократическую идеологию. Если пролетариат ведет крестьянство, то сам рабочий класс должен получить организационный центр и двигательную верхушку, способные дать ему сознательность и внести в него активность. Пролетариату нужна партия. Пусть даже она первоначально будет состоять из выходцев чуждого класса. Пусть социализм принесен пролетариату извне. Это делу не мешает. Лишь бы партийные интеллигенты действительно умели понять интерес рабочего класса и выразить его в надлежащем учении. Пусть только они отдадутся душой и телом революции, станут ее профессионалами. В таком случае, неизбежно произойдет их спайка с наиболее активными слоями пролетариата, а и них вместе образуется партия, как авангард класса, как его боевой штаб, как будущие его правительство и политическая школа. Пролетарий ведет крестьянина, а пролетария ведет его партия,—партия коммунистов.

Мы поступаем совершенно неправильно, когда при изложении учения Ленина отрываем партию от советского государства. Эти два понятия неразрывны. Партия еще в подполье была прообразом будущего государства. Из ее рядов вышли все творческие силы. Ее программа легла в основу советской конституции. Ее комиссары, совместно с военными специалистами, вели красные армии к победам. В последующем строе Советов именно партия стал лабораторией, где вырабатывались важнейшие государственные мероприятия, и широкие партийные дискуссии являются своего рода всенародным голосованием перед каждым крупным поворотом советской политики. В отличие от партий буржуазной демократии партия российского пролетариата взяла на себя совершенно исключитель-

ную задачу. Она не только вела революцию, а впоследствии занялась политическим и хозяйственным строительством. Она стала всенародной академией политических и экономических наук, через которую прошли сотни тысяч передовых работников и крестьян на выучку государственного дела. Демократии опираются на массы и строят власть над ними. В советском государстве партия воспитывает сотни тысяч активных граждан и ведет их к непосредственному господству. Неудивительно, после этого, что последний труд Ленина: „Лучше меньше, да лучше“ окончательно сливает партию и государство в наиболее важном деле, инспекции и контроля, где должны быть найдены противоядия для очищения советов от язв и гниения старой государственности.

Не менее замечательно отношение Ленина к интеллигенции. В этом отношении он был всегда чужд всякой демагогии и орабочения во что бы то ни стало. В основу партии легло интеллигентское ядро, что не помешало ей стать выразительницей классовых интересов революционного пролетариата. Не меньше ценил Ленин интеллигенцию, как профессиональные группы различных специалистов. И там, где нельзя было привлечь их для работы на помощь советских республик, он прямо покупал их за сравнительно громадные ставки и гонорары. Он был врагом искусственной и фальшивой пролетарской культуры и требовал, чтобы прежде всего, стали доступными для рабочих те блага буржуазной культуры, которые выработаны веками. Никогда Ленин не судил людей по происхождению и нисколько не стеснялся делать революционное и советское дело буржуазными руками. Он умел использовать эти руки на самых выгодных для пролетариата условиях. Но вместе с тем, никто так, как он, не стремился к привлечению широких трудовых масс к государственному делу. Никто так не старался научить каждого рабочего и крестьянина всем секретам финансов, администрации и суда. Никто так не жаждал истинного орабочения партийного и государственного аппарата, и притом, при помощи рабочих не по метрическому свидетельству, а рабочих от станка.

Только в широком привлечении трудовых масс к делу в государственном управлении видел Ленин действительное средство против несчастия бюрократии, которое не только укоренилось, но и расцвело чужеядным растением в государстве Советов. Она появляется везде, где служебная интеллигенция встречается с отсталыми и темными массами. Как показывает история, интеллигенция много раз использовала свою монополию знания в целях установления настоящей кастовой тирании. Появления бюрократии у нас было обусловлено необходимостью привлечения буржуазных спецов к технике управления, так как рабочие и крестьянские массы были недостаточно подготовлены ко всем тонкостям сложной машины политического и административного руководства. Насколько здесь велик спрос на специалистов, показывает хотя бы тот факт, что в последнее время у нас возник вопрос о научной организации не только труда, но и управления, а Ленин уже перед смертью завещал нам — учиться, учиться и учиться в этой области. До последнего времени, однако, надлежащей подготовкой обладали только интеллигенты, из буржуазных или мелко-буржуазных кругов, и естественно, они очень быстро использовали государственный аппарат в целях личной карьеры и влияния. Власть пролетариата они попробовали превратить в диктатуру советских служащих—канцелярии нового „красного“ типа. Хуже всего, что многочисленные рабочие и крестьяне, попавшие без достаточной подготовки в бюрократическую машину, были ею перемолоты и превращены в бюрократов особенно отталкивающего характера. Только рабочие и крестьяне, прошедшие подготовительную школу, и объединенные партийной дисциплиной могут представить реальную опору против бюрократического засилия.

Итак,—экономика объединенного капитализма, власть пролетариата и крестьянства, партия коммунистов - большевиков — вот живые силы, поставленные Лениным в основу советских государств. Ничего похожего ни теория, ни практика не давали в прежней демократии. Это оригинальное и новое сочетание экономики—класса—партии должно было дать и новую государственность. Пусть частный капитал не

докончил в России своего подготовительного дела. Его закончит пролетариат своими руками. Пусть наши трудящиеся еще не культурны и лишены необходимой подготовки—их воспитает Советская демократия и коммунистическая партия.

III.

Современное государство под властью рабочих и крестьян — такова необычайно дерзкая мысль, которую проповедывал Ленин задолго до Октябрьской революции. Она представлялась утопичной не потому, что нельзя было, будто бы, организовать революционный террор без помощи старого буржуазного аппарата. Напротив, здесь была легчайшая сторона задачи. Террор восставших масс по адресу вчерашних угнетателей — вещь слишком обычная в истории. Недостатка в этом никогда не было уже потому, что этим путем массы осуществляли долго и глубоко накопленную жажду мести своим мучителям. Вопрос был в другом. Ленин предлагал, чтобы русские отсталые крестьяне и рабочие повели непосредственно одну из величайших держав мира, защитили ее от миллионных армий с их газами, танками и аэропланами, восстановили своими силами одичалые поля и крупно-капиталистическое производство, наладили социалистическое хозяйство и повели борьбу за освобождение трудящихся не только в Европе, но и во всем мире. И если вообще современное государство представляет из себя чрезвычайно сложную и тонкую машину, где миллионы людей организованы в едином движении и цели, то октябрьская революция удваивала государственные запросы, так как менялся и руководящий состав и самые цели.

Правда, в одном отношении дело облегчалось, и именно Ленин чрезвычайно содействовал теоретическому выяснению вопроса. В марксовой теории было предсказано место для переходного социалистического строя, который после ниспровержения буржуазии, установления диктатуры пролетариата и захвата им средств производства должен был постепенно привести к полному воплощению коммунистической программы. Но здесь нужно подчеркнуть научную заслугу Ленина, который с надлежащей полнотой и ясностью не только установил главнейшие черты такого переходного порядка, но и сумел очистить это построение от диких извращений со стороны приверженцев мирного врастания буржуазного капитализма в коммунистическое трудовое общество. Ленин имел здесь бесспорную опору в подлинном учении Маркса, но, конечно, не легко было раскрыть это учение при измене даже таких вождей, как Каутский и при отсутствии сколько-нибудь положительных данных политического опыта. Не надо забывать, что основные черты переходного советского строя Ленин закончил построение еще до Октябрьского переворота, когда, следовательно, все еще было впереди и приходилось действовать при помощи одного научного передвижения.

Государственно - организационная трудность при создании советского государства заключалась в сочетании двух понятий: с одной стороны, диктатуры пролетариата, как класса, а с другой—необходимости сложного технического аппарата современной политической системы. Диктатура класса сама по себе не легко дает организационные формы. Она слишком легко переходит в диктатуру лиц, групп, и подобных кастам организаций. Голая диктатура партии большевиков могла бы известным образом обеспечить диктатуру рабочего класса. Но если бы она ограничивалась только партийными рамками, она слишком легко привела бы и к вырождению самой партии в касту, или бюрократию и к диктатуре такой касты над массами трудящихся. Здесь была очень серьезная опасность, и она была бы неизбежна, если бы государство пролетариата сохранило даже после экспроприации экспроприаторов общий характер диктатуры, выработанный при помощи старых форм и старых орудий подавления и власти.

Но такую же опасность уже в другом отношении несла с собой организация пролетарской власти в формах старой демократии, хотя бы ее мелко-буржуазного, крестьянского типа. Нет никакого сомнения, что утверждение швейцарско-керенских образцов дало бы у нас или стихийное снижение производственного уровня и вырождение страны в бесчисленную массу мужицких, враждебных друг другу республик, или же наоборот, новое воскрешение капита-

лизма частно-владельческого типа, который, прикрываясь всенародным голосованием и подобными декоративными институтами, взял бы в свои руки хозяйственную и политическую диктатуру. И так как Россия находилась и до сих пор находится в окружении крупно-капиталистических стран и была связана с ним крепкими узами хозяйственной зависимости и военно-империалистского союза, то совершенно естественно, наступил бы именно второй из возможных поворотов, а Февральская революция увенчалась бы, по примеру французских, английских и немецких революций, новым и на этот раз, прекрасно организованным господством капиталистической буржуазии, освобожденной от крепостнических оков.

Итак, с одной стороны, опасность диктатуры какого-нибудь нового Бонапарта или бонапартизма, а с другой— опасность крестьянской анархии и диктатуры буржуазии. Нечего говорить, что по существу эти два выхода сливаются в один, так как партия, выродившаяся в касту, не могла бы удержаться без перенесения своей главной опоры под покровительством и на попечение того же буржуазного капитала. Весьма характерно, что когда идеологи белых подвергали сколько-нибудь серьезной критике советский строй, то они как раз выдвигали в качестве обвинений против диктатуры пролетариата те желательные для них извращения пролетарской диктатуры, которые мы наметели сейчас в качестве грозивших ей серьезных опасностей. Эти опасности, однако, были устранены одним фактом, установление которого было опять-таки громадной заслугой Ленина. Мы говорим здесь о Советах сначала только рабочих, а затем рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые возникли в эпоху первой нашей революции и уже тогда обнаружили не только свой характер стачечных и революционных организаций, но и определенно политических носителей государственной власти.

Советы представляют собой один из редких образцов стихийного массового творчества. В 1905—1906 годах Петербургский совет уже становился вторым правительством России, рядом с царскими министрами. В 1917 г., после февраля Советы получили необычайное развитие и распространение, но под влиянием кадетских и социал-соглашательских партий готовы были уступить место тому демократическому вырождению, о котором мы упомянули выше. Казалось, керенщине удалось отвести их на второй план. Единственной партией, которая правильно оценила политическое значение Совета, была партия Ленина. Победа Октябрьской революции была поэтому победой Советов. И этим самым была открыта новая страница в политической истории не только России, но и всего мира. Возник „советизм". А это значило, что те опасности, которые грозили возможным вырождением советской диктатуре, были устранены. Ибо, как правильно отмечал Ленин, советская система соединяла в себе все выгоды непосредственной демократии для рабочих и крестьян с возможностью создания такого гибкого, тонкого, мощного и объединенного аппарата государственного управления, который не только мог, но и действительно, удовлетворил всем запросам напряженной военной борьбы, хозяйственного строительства и организации международных отношений. Советы всю власть почерпнули из классовых низов. Самую партию они связали с беспартийными слоями рабочего населения. Диктатура потеряла узко-партийный характер. Представительство оперлось в качестве делегации на хозяйственные и производственные организации, а широкое расчленение союзно-федеративного типа дало возможность местной автономии и самоуправления в самых широких размерах. Партийность коммунистов и пролетарская диктатура вошли, как составные части, в советскую государственность.

Как известно, республика Советов до сих пор пережила три основных формы своего развития. И лишне говорить, что Ленин, который был первым теоретиком советского государства, до последней возможности руководил и его политикой. Здесь уже ему пришлось устанавливать общие пути строительства и борьбы, подбирать нужный человеческий состав и заведывать текущими делами управления. Для нас здесь важна преимущественно первая часть его работы, так как в ней мы встречаемся с Лениным, как с политиком первого ранга. Под его руководством, во время напряженной борьбы за существование страна Советов перешла

к так называемому военному коммунизму и превратилась в настоящий осажденный лагерь, стесненный до размеров старого московского княжества. Благодаря тому же Ленину, его проницательности и несокрушимому решению, мы резко повернули на пути новой экономической политики с ее строительством, восстановлением разрушенного хозяйства и удачной международной дипломатией. Надо отдать справедливость Ленину, как государственному политику. В своих поворотах и решениях он не только с гениальной тонкостью и глубиной устанавливал ход социального движения масс, но и поворачивал руль государственного корабля с дерзостью, прямо ошеломляющей. Величайшие буржуазные политики такой величины, как Питт, Бисмарк или Кавур могут приветствовать в нем достойного соперника и победителя.

Первый поворот, который был сделан Лениным,—это от первоначального развития советов к военному коммунизму. Тот, кто изучает труды Ленина, будет поражен, узнав из них, что новая экономическая политика, как мы ее теперь называем, была им намечена по существу еще до Октябрьского переворота. Именно она представлялась ему нормальным развитием диктатуры пролетариата после того, как произошла национализация банков, фабрик, заводов и земли. Самое развитие советского строя, однако, скоро подсказало Ленину, необходимость сильного поворота. Предвиденное им разрушение старой машины царизма, громадный революционный порыв и рост советского движения вширь породили в значительной степени уклон к крестьянскому анархизму и местному сепаратизму. Советы первоначального состава в значительной степени разбили бывшую империю на бесчисленное количество маленьких и чуть ли не независимых республик, которые на свой страх и риск вели хозяйство за счет экспроприации буржуазии. И Ленин повернул крепко на централизацию и объединение. Блокада и интервенция заставили еще крепче сомкнуть железные ряды, и вся Россия превратилась в крепость, где потребление совершалось по голодной карточке, а население приняло тяжесть всеобщей трудовой повинности. Нечего говорить, что диктатура пролетариата в это время приобрела характер чрезвычайного военного положения и суровый режим заковал в сталь граждан Советов.

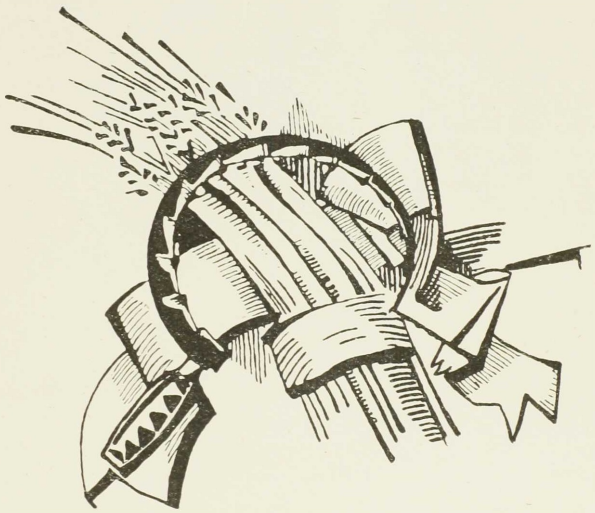
Мы знаем, чего стоила эта эпоха. Ожесточенная гражданская война довершила разруху после войны империалистской. Победа стоила неисчислимого количества жизней, и думаем, что именно тогда сгорел и добрый десяток рабочих лет ленинского мозга. Наконец, борьба кончилась. Нужен бы новый поворот, и наш великий политик опять хватается за руль. Через партийную дискуссию о значении профсоюзов проводит он по существу всенародное голосование о новой экономической политике и, наконец, резко меняет курс государственного корабля. Разрешается частная торговля, устанавливается терпимость по отношению к остаткам крупной буржуазии, делается ряд уступок жестоко-потерпевшей крестьянской массе, продолжается в свое время прерванная работа по тщательной организации советских учреждений, по созданию советской законности и права, по расширению самодеятельности и автономии в области национализованной промышленности и национального самосознания. И опять мы видим во всем руку Ленина, как политика и государственника, дипломата и хозяйственника. Мы не говорим здесь уже о том, что делал он непосредственно в области культуры и партийного руководства. В результате—грандиозный предпринятый им поход против бюрократии, этого тяжелого наследства старого режима, бюрократии, заполнившей своей гнилью все сколько-нибудь слабые места.

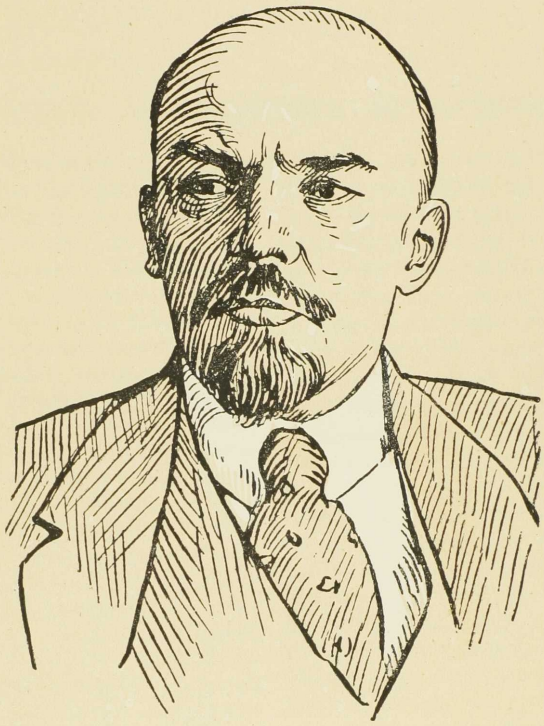
Новое развитие политического строя советов, давшее Союз советских социалистических республик, связано не менее, чем другие периоды революции, с работою ее вождя. Ибо в национальном вопросе Ленин прибег с самого начала к самому радикальному способу его разрешения. Желая убить политические чудовища национальной ненависти, борьбы и угнетения, он направил все свои удары именно на государственную сторону национального вопроса. Чтобы лишить разрушительной силы эти пары громадного напряжения, он—открыл им необычайно широкий и свободный доступ. Зная прекрасно, что рабочие массы города и деревни менее всего заинтересованы в национальной исключительности, он предоставил государственную автономию и самостоятельность

каждому языку и племени, которые только могли встретиться на территории Советов. Он провозгласил право наций на самоопределение вплоть до образования отдельного независимого государства. И практика опять оправдала теоретические воззрения Ленина. То, что было разделено языком и культурой, оказалось крепко спаянным благодаря общему хозяйственному интересу и взаимному притяжению рабочих масс под знаменем Интернационала. Национальный вопрос оказался разрешенным только в Советской России, которая вместе с тем получила возможность редкой многоцветности и полноты культурного роста.

Совершенно немыслимо исчерпать в короткой статье того, что сделал Ленин в области государства. И, если буржуазным политикам крупного ранга, вроде Бисмарков и Наполеонов, посвящена целая литература, то спрашивается, какой громадный интерес должна породить деятельность Ленина у государствоведов, так как в его мозгу, как в совершенной лаборатории, происходил процесс отражения социального землетрясения и вырабатывалась техника новой организационной надстройки целой эпохи человечества? К сожалению, этот гениальный аппарат слишком рано прекратил свою работу. Коллективная мысль пролетариата должна себе искать другой механизм, чтобы при его помощи осветить и организовать свой путь медленного и уже, надеемся, мирного вростания в трудовую ассоциацию коммунизма. Но еще печальнее другое обстоятельство. В союзе советских социалистических республик еще отсутствуют и Польша, и Германия, и Франция, и Англия, а мозг Ленина уже не работает больше. Во всяком случае, им создана организация, которая может охватить собой без малейшего напряжения и братский союз Европы и советскую федерацию Америки.

М. Рейснер.





Ленин и внешняя политика

Еще не настало время изложить в виде стройной системы внешнюю политику Владимира Ильича. Уже давно всеми признано, что у Советской России имеется стройная выработанная система внешней политики. Она является еще большей новизной, чем советская система внутренней политики. Никогда до Октябрьской революции не делалось попытки установить программу внешней политики социалистического государства среди капиталистических. Но и сам Владимир Ильич никогда не излагал в виде систематически разработанного плана всю внешнюю политику Советской Республики. Ее стройность и цельность была в его голове. Свои взгляды в этой области он излагал в бесчисленных конкретных случаях в пределах этих последних. Лишь несколько общих принципов, лишь некоторые основные концепции его внешней политики излагались им в общей форме. Только впоследствии, когда все материалы по нашей внешней политике за период, когда он руководил делами, будут собраны и систематизированы и когда целый ряд острых вопросов наших дней отойдет в историю, можно будет восстановить стройную систему внешней политики Советской Республики, как ее понимал Владимир Ильич.

В тот период, когда Владимир Ильич принимал активнейшее участие во всех деталях государственной жизни, я в области своей работы находился с ним почти в непрерывном контакте. В первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним, иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему свое широкое политическое освещение, Владимир Ильич давал всегда в своих разговорах самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости.

Впервые я вошел с ним в контакт по внешней политике в период споров после германского ультиматума. Для всех нас перелом с прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден, и в момент моего первого разговора с Владимиром Ильичом я еще не успел подчиниться необходимости подписания „похабного“ мира. Однако, перелом во мне совершился, и я поехал в Брест-Литовск. Когда мы доехали до одной из последних станций перед Псковом, нам пришлось стоять почти сутки вследствие невозможности ехать дальше в обстановке бегущей царской армии. Тут мы получили от Владимира Ильича телеграмму приблизительно такого содержания: „Вы колеблетесь. Это недопустимо“. Мы ответили ему, что мы задержаны против нашей воли и при первой возможности мы двинемся дальше.

Мы вернулись из Бреста в момент эвакуации правительства из Петрограда (ныне Ленинград) в Москву. На новом месте я сразу вошел в самый близкий контакт с Владимиром Ильичом и до самого момента покушения на него я ра-

ботал, собственно говоря, вместе с ним. Его неподражаемый политический реализм нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям. После Брестского мира германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно подвигались вперед, в особенности со стороны Украины, еще не имевшей границы, так как границ губерний немецкие войска не признавали. Благодаря личному вмешательству Владимира Ильича были предотвращены некоторые выступления, носившие характер паники или отчаяния. Вместо этого наше правительство, по рекомендации Владимира Ильича, обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров. Так было положено начало тем переговорам, которые завершились в августе дополнительными соглашениями с Германией и начатием эвакуации оккупированных областей немцами. За всеми перипетиями этих переговоров Владимир Ильич тщательно следил, сочетая своевременные уступки с твердостью в тех случаях, когда надо было положить предел чрезмерной требовательности противной стороны.

Пребывание в Москве, этой революционной столице, графа Мирбаха, представителя победоносной военной монархии, естественно, вело к постоянным трудностям, а иногда к почти безвыходным ситуациям. Владимир Ильич обнаружил при разрешении этих постоянных трудностей тот же неподражаемый политический реализм, который внушил ему необходимость подписания Брестского договора. Но, считаясь постоянно с фактом нашего тяжелого положения и необходимость уступок, Владимир Ильич всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять неуступчивость. „Это требование нелепо, его нечего выполнять", иногда заявлял он. Между прочим, происходили частые недоразумения при переговорах об обмене военнопленными. Владимир Ильич, лично вмешиваясь в детали этих переговоров, устанавливал предел, за которым уступки являлись излишними.

Самым тяжелым моментом было убийство графа Мирбаха, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичом. Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву, и, считая необходимым отклонить требование германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда, Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результата нашего ответа. Его чутье его не обмануло, и достигнутый компромиссный результат соответствовал тому, как он в разговорах со мной оценивал положение. Когда в августе Антанта уже фактически вела против нас войну, заняв Архангельск и подвигалась от него к югу, действуя на востоке при помощи чехо-словаков, и на юге толкая вперед „добровольческую армию" Алексеева, Владимир Ильич сделал попытку использование антагонизма двух воюющих империалистических коалиций, для ослабления натиска шедшей вперед Антанты. После долгого совещания с Владимиром Ильичом я лично поехал к новому германскому послу Гельферихy, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельфериха.

Главным средством нашего дипломатического действия в Берлине в этот первый труднейший период было заинтересовывание германских деловых кругов в экономическом сотрудничестве с Советской Республикой. Тов. Иоффе, блестяще проводивший эту политику, указывал германским деловым кругам, что, превратив Россию во вторую Украину, они тем самым превратят ее в пустыню и лишат себя же всех тех выгод, которые им могло бы дать экономическое сотрудничество с возрождающейся Советской Россией. В связи с этим Владимир Ильич впервые оформил конкретно свои планы привлечения иностранного капитала и предоставления ему крупных концессий. Я имел на эту тему ряд чрезвычайно интересных разговоров с Владимиром Ильичом. Наконец, план представления иностранному капиталу концессий, разработанный, кажется, тов. Бронским, был одновременно

вручен и германскому правительству, и нашему американскому приятелю, полковнику Реймонду Робинсу, который повез его с собой в Америку.

Беспримерная трудность нашего положения в этот первый период зависела от того, что, с одной стороны, на нас оказывал давление победоносный германский империализм, а с другой стороны, давила на нас все более требовательная Антанта. Я помню посещение антантовских представителей по поводу занятия Владивостока японцами. Владимир Ильич тогда детальнейшим образом рекомендовал мне полу-дипломатический, полу-язвительный ответ на лицемерное заявление начинавшей интервенцию Антанты. Нашей главной заботой в то время было, по мере возможности, продлить передышку и отсрочить ожидавшиеся дальнейшие шаги Антанты против нас. При моих постоянных попытках соглашения с Антантой, которые, даже в случае неудачи, могли, по крайней мере, отсрочить угрожавший нам разрыв, Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявляя изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника. Опять-таки благодаря его личному вмешательству удалось округлять возникшие острые углы. Когда после газетного интервью французского посла Нуланса о грядущей интервенции мы потребовали его отозвания и заявили, что рассматриваем его как частное лицо, мы сначала предпринимали против него целый ряд репрессалий, вроде лишения корреспонденции и т. д., но сразу здесь же выяснилось, что мы этим можем сорвать ту передышку, которую мы всячески старались продлить. Владимир Ильич сейчас же вмешался, чтобы прекратить те излишние репрессалии, от которых можно было ожидать нежелательных результатов. Опять-таки, после интереснейших разговоров с ним, я имел продолжительное свидание с начальником французской военной миссии генералом Лавернем, с которым мы тщетно старались столковаться. Франция, напрягавшая последние силы в отчаянной схватке, хотела во чтобы то ни стало немедленно восстановить восточный фронт Германии, и все мои указания, как в разговоре с Лавернем, так и в других случаях, на невозможность для нас возобновления борьбы имели результатом лишь новые проявления стремления Антанты к созданию восточного фронта для Германии, хотя бы вопреки нам, Владимир Ильич в этих разговорах открывал мне глаза на громадное значение Франции для континентальной военной политики. Мне особенно памятен тот интерес, с которым Владимир Ильич отнесся к посещению маркиза Люберзака (родственник которого в 1922 году заключил известное соглашение со Стиннесом): этот молодой французский офицер выражал восторг по поводу виденных им первых зачатков новой народной русской армии, т.-е. Красной армии. Одновременно, оценивая мировую роль Англии, Владимир Ильич внимательнейшим образом следил за нашими попытками договориться с ней через специально посланного к нам Локкарта. Одно время это соглашение казалось возможным, пока бунт чехословаков не направил политику Англии по линии активной интервенции. В беседе со мной Владимир Ильич предсказал, что Англия будет стараться по очереди договариваться со всеми против нас. Я ответил, что при своей гибкости Англия будет стараться договариваться и с нами. „С нами—последними, после других“, ответил Владимир Ильич.

Как только Антанта начала на нас открытое нападение, усиливая его конспиративной работой и попытками вызывать восстания внутри нашей собственной страны, Владимир Ильич считал нужным отвечать на это рядом сильных ударов. В такие моменты должна была применяться не гибкость, но мгновенное применение силы. Однако, и в эти моменты массовых арестов и т. п. Владимир Ильич всегда, где нужно, применял гибкость, предотвращая возможность лишнего осложнения. Сидевших в Вологде антантовских послов мы убедили в необходимости выехать, сначала предложив им переезд в Москву, от которого они отказались. В результате этого их выезд из России совершился корректным образом, что облегчило нам дальнейшие сношения с их государствами. Как раз в это время величайшего обострения с Антантой Владимир Ильич впервые настоял на том, чтобы мы обратились к Антанте с мирными предложениями. В первый раз через американского консула Пуля мы запросили Англию, чего она, собственно, хочет. Затем формальное мирное предложение мы переслали через дружествен-

ного нам Секретаря Норвежской Миссии—Христиансена.

В момент крушения германской империи первым решением Владимира Ильича было предложение помощи германскому народу для ведения им народной войны против вторжения иностранного империализма. Но германская республика пошла по другому пути. Как только я прочитал Владимиру Ильичу ленту моих разговоров по прямому проводу с Гаазе он сказал: „Ничего не выйдет, это надо прекратить". Антанта в то время требовала, чтобы германские войска остались на своих местах до прихода антантовских или союзных с ними войск, с тем, чтобы последним была передана власть. Выполняя решение Антанты, германская республика активно участвовала в подготовке интервенции против нас, такова была политика Гаазе и Каутского. Но немецкие войска сами пошли домой, не считаясь с распоряжениями своего правительства. Параллельно с уходом немецких войск создавались национальные советские республики. Тут впервые была осуществлена национальная программа Владимира Ильича. Она оказала серьезнейшее влияние и на наших противников, которые в это время стали путаться между поддержкой „единой неделимой" белогвардейской России и развитием контр-революционных движений в малых национальностях. Это внутреннее противоречие антантовской политики, в особенности французской, сыграло для наших врагов роковую роль. В течение всего периода интервенции Владимир Ильич настаивал на наших обращениях к противникам с мирными предложениями. Он нисколько не опасался вызвать этим впечатление слабости. Он считал это, наоборот, одним из сильнейших средств для оказания давления на воинствующий интервенционизм в странах Антанты.

Когда получились первые известия о предстоящем приглашени нас на конференцию на Принцевых островах, Владимир Ильич сейчас же признал необходимым, не дожидаясь получения этого приглашения, обратиться к Антанте с нашим собственным предложением. Тут впервые в развитой форме была проведена его мысль об аппеляции к экономической выгоде самой Антанты. Эта мысль стала одной из главных во внешнеей политике Владимира Ильича и постепенно получила все большее развитие. В ноте 4-го февраля 1919 года, явившейся результатом подробного обсуждения вопроса самим Владимиром Ильичом, мы впервые согласились на признание наших долгов, оставляя открытым способ проведения этого признания в жизнь и тут же предложили Антанте систему концессий на наши натуральные богатства. Дальнейшее развитие это программа получила в наших предложениях, врученных американскому эмиссару Буллиту. Каждое слово наших предложений Буллиту было тщательно взвешено Владимиром Ильичом; тут же был назначен срок, после которого эти предложения теряли силу. Владимир Ильич тогда же говорил: „Если они сейчас не примут наших предложений, то в другой раз они от нас таких выгодных условий не получат".

Прошло несколько месяцев и, при активнейшем участии Владимира Ильича, нам были сделаны мирные предложения нашим соседям, вновь образовавшимся буржуазным балтийским государствам и Финляндии. Тем самым был положен конец признанию нами советских правительств этих национальностей. Это был снова поворотный пункт нашей внешней политики, при котором обнаружились вся бесподобная гибкость и политический реализм Владимира Ильича. Нам было надо считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик. И Владимир Ильич твердо и ясно положил начало политике мира и дружелюбных отношений с нашими соседями. Первая подписала с нами перемирие, а потом договор, Эстония. Я помню опять-таки с какой внимательностью Владимир Ильич входил во все детали переговоров, устраняя ненужные сопротивления и идя на значительные уступки ради мира, но в то же время отвергая всякие преувеличенные домогательства противной стороны. Так же настоял он в 1920 году, в виду колебания других товарищей, на уступке нами Финляндии области Печенеги. С конца 1919 начинается полоса возобновления нами сношения с большими государствами Антанты. Товарищ Литвинов в ноябре едет в Копенгаген, а в начале 1920 года тов. Красин едет в Лондон. Внимательнейшим образом следя, чтобы противная сторона не поставила нам какой-либо ловушки, и тщательно разбирая делаемые

нам предложения, Владимир Ильич в общем твердо держал курс на торговое соглашение с Англией. Когда в середине 1920 года тов. Красин приехал из Лондона с четырьмя условиями Ллойд-Джорджа, Владимир Ильич настоял на их принятии в общих чертах в качестве основы для переговоров. В момент продвижения наших войск к Варшаве Владимир Ильич с чрезвычайной холодностью отнесся к ультиматуму Ллойд-Джорджа, считая, что он не может причинить нам слишком большого вреда. Как раз в этот период я имел с Владимиром Ильичом ряд интереснейших разговоров в связи с английским предложением конференции, которое в известный момент сделалось англо-французским предложением. Франция в этот момент держалась некоторое время (до внезапного признания Врангеля) довольно умеренного курса по отношению к нам и соглашалась на мирную конференцию вместе с Англией. Владимир Ильич вполне оценивал громадные выгоды такого предложения, однако, тут было большое „но“: эта конференция должна была обсуждать отношения между нами и балтийскими государствами. Другими словами, Антанта делалась верховным арбитром в наших отношениях к нашим соседям. Из-за этого мы вполне правильно отказались от англо-французской конференции. Тогда же Владимир Ильич с глубочайшим интересом отнесся к первым попыткам налаживания экономического сотрудничества с германским капиталом. При начатии переговоров с Польшей лично Владимиру Ильичу принадлежала замечательная мысль: в противовес антантовскому влянию предложить Польше сразу больше территории, чем предлагали ей Клемансо и Керзон. Потом во время рижских переговоров Владимир Ильич по телефону обсуждал детали делавшихся предложений в конце-концов настаивал на подписании договора в его нынешнем виде.

Нечего говорить о том огромном интересе, с которым Владимир Ильич относился к каждому шагу нашей восточной политики. Я вспоминаю об его продолжительном свидании с первой Афганской чрезвычайной миссией. Я вспоминаю дальше, как внимательно во время Московской конференции с Турцией Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал меня по телефону о том, что было сделано за день, и с каким живым интересом он относился к судьбе этих переговоров. Он настойчиво проводил политику вступления в дружественные отношения с персидским правительством.

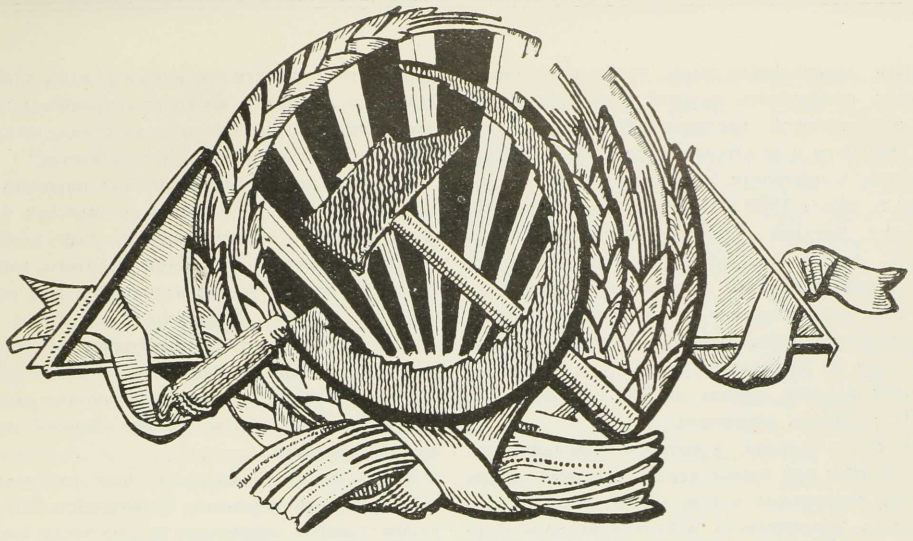
В 1921 году, подписанию нами предварительного соглашения с Англией, предшествовало у нас долгое обсуждение этого вопроса. Владимир Ильич категорически настоял на подписании. Однако, в 1921-м году его личное участие в делах внешней политики становится значительно меньше. Оно окончательно вытесняется коллективным обсуждением, при чем Владимир Ильич гораздо меньше прежнего входит в детали всех дел. Очень горячее участие он принимал, впрочем, в переговорах с „Ара“ и с Нансеном о помощи голодающим.

Хотя зимой 1921 — 1922 года Владимир Ильич долгое время жил за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. Поэтому поводу им было написано ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок. Его инициативе принадлежала мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нам кредитов. Когда перед нашим отъездом в Геную мы обсуждали текст нашего выступления при открытии конференции и когда при этом предлагались обличительные фразы в духе наших прежних выступлений, Владимир Ильич написал приблизительно так: „Не надо страшных слов“.

После моего возвращения осенью 1922 года из-за границы, я пробыл в Москве шесть недель. Главным вопросом был турецкий, подготовлялась Лозаннская конференция. При живейшем участии Владимира Ильича была обсуждена и принята программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о проливах с Владимиром Ильичом было последним, которое я с ним имел. Это было также моим последним свиданием с ним.

Георгий Чичерин.

Н. Вонцеславцев



Владимир Ильич и внешняя торговля

К великому несчастью для всех нас, болезнь заставила Владимира Ильича отойти от фактического руководства государственной работой еще в тот период, когда наша внешняя торговля только-только начинала становиться на ноги. Правда, Владимир Ильич еще председательствовал в Совнаркоме, когда наши операции по ввозу заграничных товаров начали принимать характер крупных сделок, но возникновение и развитие нашего экспорта,—а от развития экспорта зависит и наш импорт,—относится к тому времени, когда Владимир Ильич уже не имел возможности пристально следит за работой государственной машины.

Вначале отношение Владимира Ильича к нашей внешней торговле, или, вернее, к нашей способности практически справиться с ее задачами было несколько скептическое. Когда я развивал Владимиру Ильичу планы о том, что пароходы с нашим сырьем десятками и сотнями пойдут за границу, что развитие нашего экспорта обеспечит нам правильный приток иностранной валюты, и что через каких-нибудь пять лет мы добьемся постоянного перевеса вывоза над ввозом, т.-е. активного торгового баланса, Владимир Ильич, по своему обыкновению, прищурив один глаз, искоса поглядывал на меня и безнадежно махал рукой, роняя иногда своей милой, незабываемой, слегка картавой скороговоркой: „Какие уж мы торговцы!“ Этот скептицизм основывался не только на том отечески-насмешливом недоверии, которое Владимир Ильич всегда проявлял, когда кто-нибудь из большевиков при нем начинал распространяться о своих практических достижениях, но и на оценке объективных внешних условий. Владимир Ильич с глубочайшим недоверием относился к капиталистическому миру и в любую минуту ожидал с той стороны каких угодно затруднений и каверз. Блокада Советской России хотя и была официально снята январским постановлением Верховного Совета в 1920 году, но, в действительности, она еще продолжалась, и сомнения в возможности беспрепятственной внешней торговли были более чем уместны. Скептицизм Владимира Ильича заходил так далеко, что одно время даже сомневался, сможем ли мы закупать за границей товары на наше золото. Однажды он даже в полушутливой форме спросил меня: „Да сумеем ли мы израсходовать наше золото на закупку полезных и нужных товаров? Смотрите—как бы нам не опоздать“. Разумеется, я успокоил Владимира Ильича уверением, что касается расходования золота, то опасности в опоздании тут никогда не будет, а напротив, придется при

нимать драконовские меры, чтобы не слишком быстро расходовать золотой запас. Несомненно, этот золотой скептицизм Владимира Ильича отразился в некоторых постановлениях Совнаркома, в частности, при отъезде моем за границу в марте 1920 года для торговых переговоров с Англией. СНК постановил отпустить НКПС до 300 мил. рублей золотом на закупку паровозов и другого железнодорожного имущества. Вероятно, эта ассигновка послужила впоследствии основанием для открытия золотых кредитов по увеличению сделанного в Швеции первоначального заказа на 100 паровозов до 1.000 с лишним паровозов.

Золотая блокада, с которой нам пришлось столкнуться при наших первых закупках за границей, состоявшая в том, что по сговору буржуазных правительств и банков ни одна фирма и ни один банк не соглашались брать в оплату заказов нашего золота, является лучшим доказательством того, насколько прав был Владимир Ильич в своих опасениях по поводу внешней торговли. Эта золотая блокада причинила нашей республике потерю около 45 миллионов рублей и была изжита только ко времени подписания торгового соглашения с Англией в марте 1921 года.

Значение внешней торговли при начале наших заграничных сношений сводилось первоначально к срочному снабжению нашего транспорта и главнейших отраслей добывающей промышленности наиболее необходимыми материалами, запасными частями и инструментом: телеграфные аппараты для разрушенных гражданской войной железнодорожных станций, насосные станции, проволока, гвозди, топоры, пилы, напильники, инструментальная сталь, ремни и т. п. Основная директива, в утверждении которой участвовал Владимир Ильич, состояла в том, чтобы закупать орудия и средства производства, сводя к минимуму закупку предметов потребления.

Катастрофическая засуха 1921 года и голод на Волге и в других областях, явившиеся ее результатом, заставили в корне изменить эту директиву. Когда я летом 1921 года приезжал из Лондона в Москву и пришел к Владимиру Ильичу в его кабинет, я застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно, в ожидании, не появится ли, наконец, долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: „А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?“

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию, пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется, за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было. Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, умоляя сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам.

Здесь не место излагать, как развивалась наша внешняя торговля. Возможность вывоза наших товаров открылась только после заключения торгового договора с Англией и после нескольких судебных процессов там же, создавших нам некоторую гарантию целости и неприкосновенности наших товаров и наших денег. Только с этого момента появилась возможность вывоза нашего леса, льна, пеньки, пушнины и нефтепродуктов. С этого же времени во вес рост встал перед нами вопрос о монополии внешней торговли.

До того времени монополия внешней торговли казалась чем-то само собой очевидным, так как она вытекала из самой сущности военного коммунизма. Переход к новой экономической политике сам по себе, конечно, уже ставил вопрос о монополии, но, пока не было экспорта, были затронуты лишь интересы, главным образом, заграничных импортеров. Поскольку капиталистическая заграница занимала по отношению к нам враждебное положение, и Наркомвнешторгу было относительно не трудно отстаивать свои позиции против притязаний заграничных купцов на свободный ввоз в Советскую Россию заграничных товаров, НКВТ находил относительно легко поддержку партийных и советских органов.

Положение круто изменилось, как только явилась возможность продажи за границу российского сырья. У каждой почти организации, не только у хозорганов, но и у многих нехозяйственных наркоматов оказались запасы льна, пушнины, щетины и других экспортных товаров. Возрождающаяся частная торговля и весь

вообще нэп начали оказывать величайший нажим на НКВТ, стремясь к прорыву монополии внешней торговли. Общее увеличение лозунгом развития торговли всеми и всяческими способами, и притом не только внутри страны, но и во вне. Практические интересы нэпа и многих гос. и хозорганов нашли себе и теоретическое обоснование, а параллельно с этим развивался нажим со стороны заграницы, где разумеется, все круги буржуазного общества, начиная с правительств и банков и, кончая средними и мелкими комиссионерами и перепродавцами, являлись противниками монополии внешней торговли, которая в глазах западноевропейского буржуа является большевистским чудовищем, столь же отвратительным, как ВЧК или ГПУ. Вопрос о монополии внешней торговли был поднят и в советской печати, поместившей не мало фритредерских статей, с требованием, если не отмены, то смягчения монополии внешней торговли. Вопрос обсуждался и в партийных кругах, и все это движение в конце 1922 года нашло себе выражение в предварительных постановлениях весьма влиятельных органов, проектировавших ослабление монополии внешней торговли настолько значительное, что мне, при одном из выступлений по поводу этого предложения, пришлось сравнить его с дырой в привязном воздушном шаре. Монополию внешней торговли не предполагалось уничтожать, предполагалось лишь установить свободный ввоз и вывоз для некоторых товаров и свободное открытие некоторых границ, что, в конечном результате, привело бы к столь же верному крушению всей системы нашей внешней торговли, как верным было бы падение на землю воздушного шара, если бы кто-нибудь проделал в его оболочке небольшую дыру, скажем, в полуквадратный аршин.

Положение было очень опасное, почти безнадежное, и к кому же в таком случае итти, как не к Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич с начала октября 1922 года, как известно, возобновил председательствование в Совнаркоме, но все время похварывал. Придя к нему, я узнал, что у него флюс и что он не выходит из квартиры. Однако, уже на другой день, сам Владимир Ильич, с присущей ему величайшей, во всех делах, даже в мелочах, заботливостью, сам позвонил мне по телефону и назначил время для разговора. Когда я подробно изложил всю ситуацию, Владимир Ильич развел руками и признал положение очень серьезным: „Надо действовать". С этого момента я понял, что монополия внешней торговли спасена. Владимир Ильич проштудировал весь накопившийся по вопросу материал, задал задание написать тезисы в обоснование их взглядов тем товарищам, которые были сторонниками нового режима внешней торговли, возложив такую же задачу и на меня и дав обещание со своей стороны поддержать позицию НКВТ особым письмом.

В этом письме Владимир Ильич, по обыкновению, сразу берет быка за рога. „Вопрос состоит в том—будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов или будет работать на пользу пролетарского государства,—это такой крупный вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде". Указание на неработоспособность НКВТ Владимир Ильич отмечает, как вопрос второстепенный, „ибо неработоспособность эта не больше, не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов, зависящая от их общей социальной структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по поднятию просвещения и уровня вообще".

НКВТ, защищая монополию внешней торговли, боролся против допущения к торговым сделкам, и, в особенности, к закупке сырья для вывоза за границу, частного капитала, утверждая, что тем самым в деревне будет искусственно введен самый злостный эксплоататор, скупщик-спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной. Сторонники свободной торговли опровергали этот довод указанием на то, что допускаем же мы иностранный капитал в виде концессий. Если можно допустить концессионера, то с таким же основанием можно допустить и скупщика-экспортера. Владимир Ильич разбивает это тдовод: „Ничего подобного не вытекает из концессий, в которых мы предусматриваем не только территорию, но и особое разрешение торговли особыми предметами и еще, главное, мы держим в своих руках тор-

говлю теми или иными предметами, сданными в концессию".

Владимир Ильич правильно оценивал значение таможенной и пограничной охраны, признавая, что наша граница держится не столько ими, сколько существованием монополии внешней торговли. На попытку сторонников свободной торговли характеризовать монополию внешней торговли, как систему „главзапора", Владимир Ильич отвечает: „Это выражение принадлежит к тому характеру выражений, на которые Маркс отвечал в свое время выражением „фритредеро-вульгарно", ибо ничего, кроме совершенно вульгарной фритредеровской фразы, здесь нет". По поводу одного из оппонентов, предлагавших заменить монополию внешней торговли усиленной таможенной охраной, Владимир Ильич пишет: „Это самая поразительная его ошибка, притом чисто-теоретическая, ибо никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Он (оппонент) ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого, у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка". С истинной ленинской глубиной мысли Владимир Ильич устанавливает здесь, что никакая таможенная охрана, никакие пошлины, не могут защитить нашей промышленности от иностранной конкуренции, и только в монополии внешней торговли мы имеем тот оплот, который позволит возродить нам нашу промышленность, несмотря на иностранную конкуренцию. Товарищи рабочие, вы должны запомнить эти слова великого учителя, запомнить его завет, по которому, только охраняя монополию внешней торговли, можно обеспечить защиту для нашей возрождающей промышленности.

„Поэтому,—продолжает Владимир Ильич,—все такие рассуждения о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытие самой легкой вуалью перехода к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли". И дальше:... „А на практике сторонники свободной торговли становятся на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной, без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное принципиальное значение".

„Добавляю еще, что частичное открытие границ несет с собой серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле проникновения в Россию, без малейшей возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничных эмигрантов".

Обвинение сторонников монополии внешней торговли, будто они не понимают всей важности усиления обращения товаров на внутреннем рынке, по мнению Владимира Ильича, устраняется созданием смешанных обществ, „ибо эти смешанные общества никакой иной

цели не преследуют, как именно усиление циркуляции, с сохранением реальной, а не фиктивной, как при одной таможенной охране, охраны нашей русской промышленности. Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работает рядом и заграничный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях поучиться, и научиться, и вполне выучиться, тогда наш народ—совершенно безнадежный—народ дураков".

Все это продиктовано В. И. 13 декабря 1922 г.

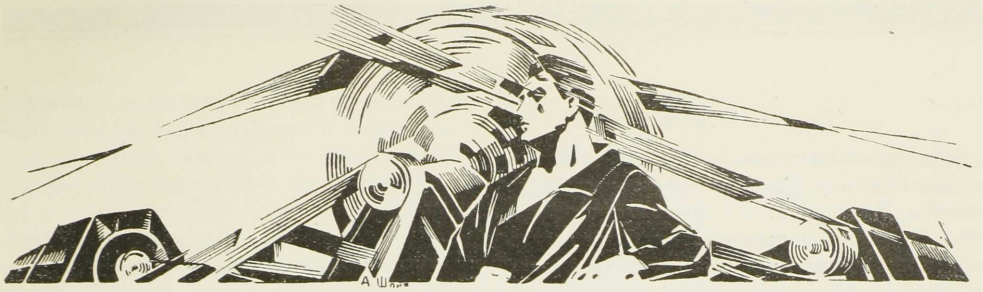
Выступление В. И. решило вопрос о монополии внешней торговли окончательно и бесповоротно. Мощная аргументация Владимира Ильича убедила тех товарищей, которые поколебались было одно время в этом вопросе, и хотя сам В. И. уже не смог выступать на XII съезде партии, вопрос о монополии внешней торговли не возбуждал ни в ком никаких сомнений и резолюцией партийного съезда окончательно закреплен этот основной принцип нашей внешней экономической политики.

Но в области самой внешней торговли этот год не прошел бесследно. Мы не только в два с лишним раза увеличили общий оборот нашего внешнего товарообмена, мы не только улучшили качественно состав нашего экспорта и импорта, переходя все более и более к осуществлению производственного принципа, но нам удалось уже в прошлом году добиться значительного превышения вывоза над ввозом, добиться активного баланса, и на будущий год превышение вывоза над ввозом представляется также вполне обеспеченным. Наши торговые аппараты постепенно, но неуклонно совершенствуются, мы одним ударом заняли почетное положение на международном хлебном рынке, наш экспорт во всех его отраслях развивается качественно и количественно, и западно-европейский деловой мир, имеющий с нами торговые дела, уже теперь может засвидетельствовать, что мы учимся и выучимся делу внешней торговли.

Л. Красин.

П. Митурич.

В. И. Ленин.



Ленин и промышленность

Чрезвычайно трудно в сколько-нибудь исчерпывающей форме охватить настоящую тему. Трудно, поскольку эта тема, обнимающая ряд вопросов и теоретического и практического порядка, требует глубокого синтеза отдельных выступлений Владимира Ильича и как гениального теоретика-экономиста, и как великого стратега-практика, трудно и потому, что вопросы промышленности и особенно промышленного строительства с момента Октябрьской революции,—а об этом мы и имеем в виду говорить в настоящей статье—эти вопросы в своей практической постановке теснейшим образом переплетаются с общими вопросами всей экономической политики Советской России.

Прежде чем мы подойдем к отдельным основным промышленным проблемам, как их оценивал Владимир Ильич, мы позволим привести весьма знаменательную выдержку из речи его, характеризующей общую оценку роли нашей промышленности и именно крупной промышленности в развитии, укреплении и углублении нашей советской системы и нашего социалистического строительства:

„Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества, является одна и только одна—это крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской, а мы в России знаем это гораздо более конкретно, чем прежде, и, вместо неопределенной или отвлеченной формы восстановления крупной промышленности, мы теперь говорим об определенном, точно рассчитанном, конкретном плане электрификации. Мы имеем совершенно точно рассчитанный план, рассчитанный при помощи работы лучших русских специалистов и ученых, дающий нам определенное представление о том, с какими ресурсами, принимая во внимание природные особенности России, мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи“ *).

Из этой короткой выдержки чрезвычайно рельефно вырисовывается то огромное значение, которое придавал Владимир Ильич задачам промышленного строительства. Это не значит, конечно, что везде и всюду центр тяжести клался им в крупную индустрию. Как великий стратег, ведущий социалистический корабль по безбрежному морю крестьянской мелкобуржуазной стихии, тов. Ленин великолепно учитывал все привходящие моменты, в которых приходится осуществлять промышленное строительство Советской власти и не раз его предостерегающий голос мощно звучал тогда, когда товарищи слишком ослепленные „великолепными“ социалистическими планами отрывались от земли, пытались бросить со своих расчетов реальные факторы развития мелкопромышленных и кустарных отраслей.

Следуя в хронологическом порядке, остановимся на наиболее ярких моментах отношения Владимира Ильича к промышленным проблемам начала строительства Советской власти.

---

*) Доклад о продналоге РКП (б).

Учет и контроль.

Намечая определенные вехи нашей экономической политики еще за несколько месяцев до октября, Владимир Ильич бросил лозунг рабочего контроля над производством. Этот лозунг, как известно, сыграл одну из крупнейших задач в момент перехода власти в руки рабочего класса России. Рабочий контроль над производством, внедрение в святое святых капитализма— в финансовую отчетность предприятий, со стороны рабочих представителей, ознакомление с аппаратом управлений промышленностью, требование со стороны промышленных руководителей ясных цифр и данных—все это должно было борющемуся за власть пролетариату предоставить громадный рычаг к планомерному захвату крупно-промышленных левиафанов — капиталистических бастилий, которые с момента перехода власти в руки рабочих должны были сыграть роль основных пролетарских укреплений в борьбе с капиталом. Лозунг рабочего контроля должен был не только вызвать у пролетариата „вкус к управлению производством", он должен был вовлечь самое массу, широчайшие круги пролетариев в организованное строительство новой жизни. Эта идея контроля, контроля, принявшего впоследствии с национализацией промышленности форму прежде всего самоконтроля над своими собственными советскими органами—эта идея Владимира Ильича красной нитью проходит через всю историю великой революционной борьбы, она сквозит яркой молнией мысли в его последней посмертной статье о Рабкрине.

Не менее гениально-простой, но и не менее жизненной оказалась другая идея Владимира Ильича, точно также направленная прежде всего на производственные отношения, идея учета. Сколько раз подчеркивал он с начала революции, вбивая ее в головы масс, что учет это есть социализм, подчеркивая этим, что только при наличии строгого учета тех материальных производственных благ, которыми мы располагаем в данный исторический момент, можем мы постепенно передвигаться с одной ступеньки на другую по пути социалистического строительства. И как характерно для Владимира Ильича было постоянное напоминание того, что дело не в том, чтобы побольше национализировать капиталистического добра, дело в том, чтобы суметь в организованном порядке овладеть этим добром и прежде всего поставить его на строгий учет перед советским государством.

Вот почему подходя к национализации промышленности, признавая все политическое значение этой национализации, Владимир Ильич никогда не затушевывал тех экономических трудностей, этой национализации, очень часто бросал, казавшийся минималистским лозунг „лучше меньше, да лучше".

Рабочие и спецы.

Как великий строитель и великий организатор Владимир Ильич с начала революции должен был поставить во весь рост проблему организации промышленности Останавливаясь на всех его выступлениях первого периода можно ясно установить два основных положения в его подходах к этим вопросам.

Первое—это втягивание в дело строительства новой советской промышленности широких слоев рабочей массы. Уже когда возникла мысль об идее создания ВСНХ, именно Владимир Ильич явился горячим защитником привлечения к промышленному строительству фабрично-заводских комитетов и профсоюзов. Не абстрактно-теоретическое изучение дела управления промышленностью, а практическое вовлечение сотен тысяч пролетариев в это строительство— вот как рисует себе тов. Ленин путь этого строительства. Уже на первом Съезде Совнархозов, он выдвигает эту идею.

„Само собой понятно, что тут при величайшей важности и величайшей трудности организационных задач, когда нам надо совершенно по новому организовать самые глубокие основы человеческой жизни сотен миллионов людей, совершенно понятно, что здесь так просто налаживать дело, как это можно было по пословице „семь раз примерь, один раз отрежь" нет возможности. Нам, действительно, нельзя произвести предварительные многочисленные примерки, а потом отрезать и закрепить то, что окончательно примерено, прилажено. Нам нужно в самом ходе работы, испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте, проверяя их коллективным общим опытом трудя-

щихся и, главное, опытом результатов работы, нам нужно тут же в самом ходе работы и притом в состоянии отчаянной борьбы и бешеного сопротивления эксплоататоров, которые становятся тем более бешеными, чем ближе мы подходим к тому, чтобы окончательно вырвать последние испорченные зубы капиталистической эксплоатации, строить наше экономическое знание".

Но чтобы этот коллективный хозяин мог на пути организационного строительства достигнуть максимальных успехов он должен напрячь все силы отрешившись от прежних чисто-капиталистических методов работы по принуждению, отчетливо уяснить себе основы пролетарской железной дисциплины, которая является первейшим залогом успеха. „Я позволю себе указать—говорил тов. Ленин на том же съезде Советов Народного Хозяйства—еще не одну и, быть может, самую трудную задачу, практически решать которую приходится Высшему Совету Народного Хозяйства. Это—задача трудовой дисциплины..." „Чтобы ее понять нужно отвлечься от тех частных маленьких неудач, от неимоверных трудностей, которые кажутся, если взять их отдельно, непреодолимыми. Нужно подняться выше и посмотреть на историческую смену укладов общественного хозяйства. Лишь с этой точки зрения станет ясным, какую гигантскую задачу мы на себя взяли и какое гигантское значение имеет то, что на этот раз самый передовой представитель общества—трудящиеся и эксплоатируемые массы—берет на себя, на свой почин задачу, до сих пор всегда ему навязываемую..." И это не слова, когда Владимир Ильич говорит о героизме масс, твердо верит, что именно эти массы способны двинуть с мертвой точки российскую производственную колымагу.—„На фронте труда мы не должны говорить, где уж нам", или „это нам не под силу". Кто так рассуждает, тот не коммунист—заявляет тов. Ленин на Всероссийском съезде текстильщиков в 1920 году...

Но это вовлечение самой рабочей массы в гущу производственной жизни ни в коем случае не должно пониматься как митингование, как бесконечное „коллегиальное" обсуждение всех вопросов и вопросиков, когда нужно действовать. Вот почему эта идея отлично уживается в схеме тов. Ленина с идеей персональной и личной ответственности отдельных руководителей, отдельных товарищей. Он за „единодержавие" везде там, где требуется точность, быстрота, исполнительность, где „промедление смерти подобно".

Вопрос о вовлечении массы в производственное творчество связан с другим вопросом, не менее важным в деле промышленного строительства—с вопросом о спецах. Являясь великим противником фразы, тов. Ленин со всей решительностью всегда борется против всезнайства, ведет решительную борьбу за возможно полное использование буржуазных спецов, оставленных нам в наследство прежним периодом. Решительный враг высокомерного самомнения, он опять и опять возвращается к необходимости наше коммунистическое дело, особенно в области управления промышленными гигантами, в области применения техники и конкретных знаний, вести, привлекая весь накопленный опыт буржуазной науки и специалистов. „За науку не жалко и заплатить", говорит он в связи с предложениями Мещерского об организации будущего треста Гомзы. Необходимость использования специалистов подчеркивает он на первом и втором съездах Совнархозов, подчеркивает везде, где это можно. Не имеет смысла останавливаться более подробно на этом положении Владимира Ильича, ясно зафиксированном в нашей программе, бесконечно оправдавшем себя в практической работе.

Промышленность и единый хозяйственный план.

Социалистическое хозяйство—это не только учет и контроль, это не только гармоническое сочетание производственного героизма рабочих масс с рациональным использованием последних данных науки и техники, это есть в то же самое время и план—плановое хозяйство. Конечно, когда вопросы военного порядка, когда задачи обороны страны от напирающего со всех сторон врага являются вопросами решающими—говорить о каком-либо плановом хозяйстве приходится с большой и большой оговоркой. Но как только представляется малейшая к тому возможность—вопросы планирования, вопросы сведения „концов с концами" в нашем хозяйстве и рационализация нашего производства встают во весь свой рост. Осо-

бенно интересным документом в этом отношении является письмо Владимира Ильича к Госплану непосредственно после его организации. Высший планирующий орган получает следующий скелет чрезвычайно красочно обрисовывающий основные задачи нашей плановой работы.

Приводим его целиком, поскольку он проливает яркий свет, как мыслил В. И. взаимоотношения между промышленностью и планированием:

„Единого государственного плана хозяйства у нас пока почти нигде не чувствуется. Преобладает стремление „поднять" все и вся, все отрасли хозяйства, даже все предприятия, оставшиеся по наследству от капитализма.

Госплану следует так поставить работу, чтобы выработать хотя бы ко времени сбора урожая основы общего хозяйственного плана на ближайший период — год или два. За исходный пункт следует взять продовольствие, ибо именно в этом корень всей массы затруднений. Надо попытаться рассчитать общегосударственный хозяйственный план на три случая: 1/200, 2/250, 3/300 милл. пудов хлеба в руках государства на год (1 сентября 1921 г.—1 сентября 1922 г.). Может быть, если трудности провести до конца все расчеты на три случая окажутся велики, рациональнее будет ограничиться одним пробным расчетом на случай получения 250 милл. пуд. с тем, чтобы излишек (300—250) считать запасом на черный день, а на случай полной недохватки хлеба (200 милл. п.) разработать лишь приблизительно, столько прикупить из-за границы, так то в общем „сократится" по части промышленности, транспорта, армии и т. п. Допустим государственный хлебный фонд такой-то, вычет — запас на случай войны, перерыв жел.-дор. сношений и т. д.

Дальше становится топливо. Виды такие-то: от—до. Минимум и максимум потребного на это продовольствия. Возможность довести топливоснабжение до такой-то величины, при увеличении запасов хлеба на столько-то. Возможность экономии топлива, путем концентрации производства в немногих лучших предприятиях, такая-то. Это рассчитать необходимо. В связи с этим рассчитать возможность экономии продовольствия путем закрытия ненужных предприятий или небезусловно необходимых, и перевода рабочих (куда, осуществим ли перевод, если нет—поставить задачей минимальное выделение таких рабочих на уменьшенный паек). Экономия топлива путем выдачи премии за это сбережение и путем усиления надзора за его расходом и примерный расчет такой экономии, если есть к тому те или иные опорные пункты.

Армия (отдельно флот, относительно которого нужен особый расчет максимального сокращения). Расчет — 1,6 милл. к 1 сентября 1921 г., затем условный расчет на половину этой величины.

Совслужащие. Наличность. Возможное уменьшение на 25% на 50%. Премия одной четверти (наличного числа, безусловно необходимой), за сокращение всего числа. Вопросы о премировании оставшейся четверти, трети или половины (за проведение сокращения числа едоков) и за уменьшение количества расходуемого топлива хотя, бы напр., введением трех смен и закрытием двух заведений или трех, должны быть особо рассмотрены, в виду его исключительной важности.

Промышленность, разделенная на несколько—возможно меньшее число—основных групп. Водосвет. Минимум, необходимый для покрытия потребностей: а) производственного потребления, б) личного потребления. Расчет на определенное число основных групп (может быть с раздачей детальной работы по отдельным отраслям промышленности и по отдельным городам и районам в специальные подкомиссии или специальным уполномоченным на местах, или в губстатбюро и т. п.). Расчет того, в скольких крупных предприятиях можно было сосредоточить все производство и сколько предприятий закрыть. Это, повидимому, важнейший вопрос, который требует особо тщательного изучения: 1) чисто статистического (данные 1920 г., а по возможности 1918 и 1919 г.г.), иногда в виду исключения подсобное значение будут иметь данные довоенной статистики; 2) экономического, которое должно решить следующую специальную задачу: „нельзя ли искать для освобождения городских и провинциальных рабочих, которых государству не следовало бы кормить и которых в городе нельзя поставить на иную работу, занятия временно на год-два, в хлебных местностях, при условии удовлетво-

рения ими нужд окрестного земледельческого населения".

Затем, после промышленности, следует транспорт (может быть его придется поставить впереди промышленности) и специально электрификация и т. д.

Расчет должен быть первоначально хотя бы в грубых чертах в порядке первого приближения, но непременно в краткий срок, в один — максимум два месяца. Именно: расчет общей картины расходования всей суммы продовольствия и всей суммы топлива за год. Потом этот грубый план будем уточнять, исправлять, изменять. Но хотя бы основной, хотя бы самый грубый план на год, или может быть отдельно на четыре четверти года, или на три четверти (1 сентября 21 г.—1 января 22 г., 1 января—1 мая, 1 мая—1 ноября 22 г.) иметь в указанный кратчайший срок необходимо.

Обязательно постоянное сравнение с 1920 г. Может быть ряд расчетов можно и должно сделать именно в смысле сравнительно-статистического и экономического изучения данных за 1920 г. и „видов" на 1921 – 1922 г.г.".

Председатель СТО **Ульянов-Ленин.**

16 мая 1921 г.

P. S.

1. „Особое внимание надо обратить на отрасли промышленности, дающие продукцию, годную для обмена на хлеб для получения в обмен хлеба внутри страны. Эту промышленность надо, во всяком случае, выделить особо, чтобы иметь возможность точно ответить на вопрос: „при недостатке хлеба вообще, нельзя ли, уделив такое-то количество топлива и продовольствия на такую-то отрасль промышленности или на такие-то предприятия, получить такое-то количество продуктов и в обмен на них столько-то хлеба". Этот условный расчет должен быть сделан заранее для применения его в известных случаях после урожая.

2. Надо попытаться выделить и подсчитать: а) предприятия с числом рабочих, которые безусловно необходимы государству и б) предприятия с числом рабочих, которые держатся в них по традиции, по рутине, по нежеланию рабочих переменить профессию и местожительство и т. п., и которые следовало бы закрыть с точки зрения рационального хозяйничанья и сосредоточения производства в немногих лучших предприятиях, работающих в несколько смен. Общие итоги той и другой категории. Расчет понижения пайка для второй категории, чтобы этим создать стимул к ликвидации этих предприятий".

В этом чрезвычайно интересном документе обрисовывается Владимир Ильич весь. Вскрывая в сжатой, почти математической форме действительное положение вещей, констатируя, что государственного плана хозяйства у нас почти нет, он с исключительной ясностью развертывает перед членами Госплана основные задачи по выработке этого плана, обрисовывая необходимую перспективу развития отдельных отраслей промышленности и выделяя продовольствие и топливо, как самое важное.

Всем отчетливо памятно выступление тов. Ленина на VIII Съезде Советов, на котором он, делая общий доклад о хозяйственном положении, останавливается на задачах планового хозяйства, тесно связывая их с планом электрификации. Демонстрируя внушительный том отчета комиссии Гоэрло перед Съездом, он говорил: „Мы имеем перед собой результаты работ Государственной Комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд—это наша вторая программа партии. У нас есть программа партии, превосходно разъясненная т.т. Преображенским и Бухариным, в книжке менее толстой, но в высшей степени ценной. Это есть программа политическая, это есть перечень наших заданий, это есть разъяснение отношений между классами и массами. Но надо также помнить, что пора на эту дорогу вступить в действительности и измерить ее практические результаты. Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем".—Эти его слова бросают яркий свет но важность задачи электрификации России, вполне подкрепляют пущенное им же в оборот определение социализма, как Советской власти плюс электрификация.

Являясь горячим и убежденным сторонником, того положения, что возрождение народного хозяйства Советской России возможно лишь на

основе электрификации страны, на основе передовой техники, он отнюдь не закрывает глаза на колоссальные трудности, стоящие перед партией и Советской властью на этом пути, считаясь с уровнем производительных сил данного момента. Нижеследующие слова Владимира Ильича, произнесенные на том же Съезде по поводу нашего хозяйственного бытия, особенно рельефно обрисовывают эти опасения: „Мы боролись с Сухаревкой. На-днях, к открытию Всероссийского Съезда Советов, это мало приятное учреждение, Московский Совет рабочих и крестьянских депутатов закрыл. Сухаревка закрыта, но страшна не та Сухаревка, которая закрыта. Закрыта бывшая Сухаревка на Сухаревской площади, ее закрыть не трудно. Страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть. Эта Сухаревка есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в России могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы. Это надо ясно сознать. Это должно быть главным побудителем в нашей работе и условием, меркой наших действительных успехов. Пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдающий за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество".

Концессии.

Идея концессий выдвинута была тов. Лениным еще в самом начале существования Советской власти, причем ему пришлось эту идею поставить в порядок дня, преодолевая громаднейшее сопротивление внутри самой партии. Она упирается непосредственно еще в дебаты о Брестском мире, который, как известно, расколол партию на „правых" и „левых". Брест—это есть совершенно законченная страница партийной и советской истории и в РКП нет, надо думать, сейчас ни одного члена партии, который считал бы позицию Ленина в этом вопросе ошибочной. То, что казалось тогда в пылу борьбы и переоценки сил правизной, на поверку казалось единственно возможным, единственно правильным решением вопроса. Гениальный кормчий, неся колоссальную ответственность с силой свойственной только такой гигантской фигуре, какой был Владимир Ильич, повернул руль, несмотря на то, что даже в ЦК он остался сперва в меньшинстве.

„Брест знаменателен тем—говорит Владимир Ильич на собрании секретарей ячеек московской организации—что в первый раз в масштабе гигантски-большом, среди трудностей необъятных мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм. Во время Бреста были две гигантски-сильных группы империалистических хищников: германо-австрийская и англо-американско-французская. Они были в бешеной борьбе, которая должна была разрешить на ближайшее время судьбы мира. Если мы продержались, будучи нулем в смысле военном, не имея ничего и идя сплошь по нисходящей линии в глубину развала в отношении экономическом; если мы продержались, то это чудо случилось только потому, что мы правильно использовали рознь германского и американского капитализма. Мы сделали громаднейшую уступку германскому империализму и, сделав уступку одному империализму, мы заградили себя разом от преследования обоих империализмов".

Этот момент политического значения концессий подчеркивается в ряде последующих переговоров тов. Ленина с различными „концессионерами" не менее ярко. Так, например, останавливаясь на предложениях империалистических акул Америки о продаже Камчатки, Ленин сообщает: „Вандерлипп привез с собой письмо Совету Народных Комиссаров. Это письмо очень интересно, ибо он с чрезвычайной откровенностью, цинизмом и грубостью американского кулака говорит: „Мы очень сильны в 1920 г., наш флот в 1923 г. будет еще сильнее, однако нашей силе мешает Япония и нам с ней придется воевать: а воевать нельзя без керосина и без нефти. Если вы нам продадите Камчатку

то я вам ручаюсь, что энтузиазм американского народа будет так велик, что мы вас признаем. Выборы нового президента в марте дадут нашей партии победу. Если же вы не дадите Камчатки в аренду, то я заявляю, что тогда этого энтузиазма не будет". Это почти буквальное содержание его письма. Перед нами совершенно нагой империализм, который не считает даже нужным облачить себя во что-нибудь, думая, что он и так великолепен. Когда было такое письмо получено, мы себе сказали: „тут надо уцепиться обеими руками."

Но концессии для тов. Ленина—это не только путь отступления, не только способ найти лазейку в борьбе с неравными в данный момент силами социализма и капитализма—это в то же самое время и есть путь наступления, путь проведения положительной программы строительства перед всем миром. „Тут мы осуществляем—говорит он—своего рода производственную пропаганду, когда мы говорим хозяину: „вы никуда не годны, господа капиталисты, пока вы разоряетесь, мы по-своему построим, не порали поэтому, господа, с нами согласиться?" на что все капиталисты всего мира должны отвечать, хотя и почесываясь: „а пожалуй пора, давайте подписывать торговый договор".

„В декрете о концессиях мы выступаем от имени всего человечества с экономически безупречной программой восстановления экономических сил мира на почве использования всего сырья, где-бы оно не было. Нам важно, чтобы голода нигде не было. Вы, капиталисты, устранить его не умеете. Мы выступаем как представители 70% населения земли. Как бы дело с проектом не сложилось, он остается экономически бесспорным. Экономическая сторона концессий имеет значение независимо от того даже будет-ли она заключена или нет."

Так ставил вопрос Владимир Ильич о концессиях в перспективе мировой борьбы коммунизма и империализма.

Но концессии имеют и другое значение, значение, связанное с преодолением разрухи, отсталости нашего народного хозяйства внутри страны. Они упираются в решение внутренней проблемы государственно-капиталистической организации нашего хозяйства в обстановке диктатуры пролетариата. Мы не будем останавливаться на тех практических аргументах, блестящим пропагандистом которых являлся Владимир Ильич в разное время, обсуждая и оценивая те или другие промышленные концессии с точки зрения пользы народного хозяйства, с точки зрения развития нашей промышленности. Тут он в каждом отдельном случае готов бесконечно торговаться, примерять, высчитывать „с карандашиком в руках". Тут голос дальновидного рачительного хозяина, который не позволит себя одурачить, звучит подкрепленный всеми аргументами практического расчета. Достаточно отметить его позицию по вопросу об уркартовской концессии, в которой он сумел ясно абстрагироваться от „журавля в небе", потребовав от господ капиталистов реальной „синицы" в руку. Концессия эта не сдача на милость победителю—это продолжение той же борьбы, во время которой принимаются во внимание все интересы рабочего класса.

„Экономически для нас от концессий гигантская польза—говорит он московским рабочим. Конечно, создавая поселки, они принесут с собой капиталистические привычки, будут разлагать крестьянство. Но надо следить, надо шаг за шагом противопоставлять свое коммунистическое воздействие. Это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств—коммунистического и капиталистического. Мы докажем, что мы сильнее".

Одним словом,—концесси это не мир с капитализмом, а война в новой плоскости. Война оружием и танками заменяется войной экономической. Война, которая должна привести к укреплению нашего промышленного и общехозяйственного фронта.

Государственный капитализм и новая экономическая политика.

Начало новой экономической политики обыкновенно определяется моментом принятия декрета о продразверстке. Чрезвычайно знаменательна решающая роль Владимира Ильича в изменении нашей общехозяйственной политики, именуемая обыкновенно переходом к нэпу. Владимир Ильич был горячим сторонником перехода. Более того, можно смело сказать, что именно он является инициатором всего нового курса. Преодолевая инерцию и „консерватизм"

товарищей усвоивших азбуку военного коммунизма, он, с гениальной интуицией, намечает линии нового курса, приглашая коммунистов освоиться с новой ситуацией, и серьезно начать „учиться торговать".

Новая экономическая политика затрагивает все стороны хозяйственной жизни, но конечно, в сильнейшей степени затрагивает положение промышленности. Теоретически обосновывая необходимость нового курса тов. Ленин, как это видно из отдельных статей и речей его на эту тему, теснейшим образом связывает развитие этой политики с положением промышленности и, прежде всего, с положением крупной государственной промышленности, развитие которой он всегда рассматривал не абстрактно, а учитывая все особенности нашего экономического бытия. Еще раньше им не раз отмечалось, что своеобразное положение, создавшееся в переходную эпоху от капитализма к социализму, требует ясного определения того хозяйственного уклада и выявления тех основных борющихся сил, которые являются характерными для нашей революции. „Теоретически—говорит тов. Ленин в одной из статей, относящихся к началу революции, на эту тему — не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты и свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но еще совсем слабым коммунизмом". В той же статье он подчеркивает, что „экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного—в едином масштабе громадного государства—труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом".

Уже из вышеприведенных цитат видна та диалектика хозяйственного развития, которая укрепляя коммунизм, коммунистическое государство приводит параллельно к появлению и усилению некоторых капиталистических тенденций, развертывающихся, как говорит товарищ Ленин, на базе мелкого товарного производства. В связи с таким положением ясно вырисовывается и наша задача—„главная задача наших дней",—как говорит тов. Ленин:—это организованное и планомерное преодоление анархии мелко-буржуазного капитализма. Путь, намечаемый тов. Лениным в этой чрезвычайно трудной борьбе, лежит через развитие в Советской России государственно-капиталистических отношений. Вот что пишет тов. Ленин по этому поводу еще в 1918 г. в брошюре, озаглавленной: „Главная задача наших дней—о левом ребячестве и мелкобуржуазности".

„Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской Республике. Если бы, примерно через полгода, у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм. Я воображаю себе—говорит он далее—с каким благородным негодованием отшатнется кое-кто от этих слов... Как, в Советской социалистической Республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед?... Это ли не измена социализму?

Мы все согласны—говорит он,—что Россия переживает переходный характер в развитии своей экономики.

Но что же значит слово переход? Не означает ли оно в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство,

2) мелкое товарное производство (сюда относятся большинство крестьян из тех, кто продает хлеб),

3) частно-хозяйственный капитализм,

4) государственный капитализм,

5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской среде преобладает и не может не преобладать мелко-буржуазная стихия: большинство, и громадное большинство, земледельцев—мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там спекулянты, и главным предметом спекуляции является хлеб.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий, вроде „государственный капитализм?" Между четвертой и пятой ступенями в том порядке, как я их перечислял сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борется вместе, заодно и против государственного капитализма и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень целого ряда экономических ошибок *).

Вышеприведенная довольно длинная цитата с чрезвычайной ясностью намечает подход тов. Ленина к решению основных вопросов нашей экономической политики. Этот „подход", формулированный им еще в 1918 году, целиком пригодился в 1921 году, в момент колоссального напряжения нашего хозяйственного организма, в тот самый момент, когда по формулировке самого тов. Ленина мы столкнулись с фактом наиболее грозного значения „исчерпания" политического и экономического кредита со стороны нашего крестьянства: „Крестьянин нам кредит оказывает—говорил тов. Ленин на XI Съезде и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Но этот кредит не может быть неисчерпаемым". Таким образом, новая экономическая политика прежде всего ставит вопрос о смычке с крестьянством и совершенно прав был тов. Ленин, когда он на том же Съезде говорил: „все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом. Найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем". И далее мы читаем: „сомкнуться с крестьянской массой с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами, тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики".

Но чтобы суметь „сомкнуться", чтобы получить доступ в мелко-буржуазное крестьянское море, нам необходимо создать такие условия хозяйственных взаимоотношений, которые гарантировали бы нам максимум подвижности, максимум хозяйственной рациональности. Вот почему новая экономическая политика является оселком, который должен дать на деле проверку жизненных наших аппаратов нашего хозяйничанья. „Капиталист умел снабжать, он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме потому что не знают, что это за штука такая. Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете?—ведь вот какие голоса раздавались в прошлом году весной, говорит тов. Ленин на XI Съезде и в полных сарказма резких выражениях он бичует наше неуменье подходить к практическим вопросам. Усиленно подчеркивая необходимость приспособиться к разрешению самых обыденных, самых, казалось невидных, но вместе с тем необходимых для поднятия нашего хозяйства дел он особенно предостерегает от спокойствия. Менее всего говорит он, приходится успокаиваться тем, что везде наилучшие ответственные коммунисты в тресте и смешанных обществах. Толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и в этом отношении хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем. Тут осталось коммунистическое чванство „комчванство" выражаясь

*) „Тов. Ленин о продовольственном налоге", стр. 4.

тем же великим русским языком. Коммунист и лучший и заведомо честный и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, а торговли он вести не умел, потому что он не делец и этому не учился и не хочет учиться, и не понимает, что с азов должен учиться *).

Выдвигая задачи смычки крестьянства и выдвигая перед коммунистической партией вопросы борьбы с капитализмом на почве экономического соревнования, тов. Ленин, со всей решительностью, подчеркивает серьезность этой борьбы. „Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения—говорит он на том же XI Съезде,—так что в этом смысле „последний решительный бой" не с международным капитализмом,—там еще много будет „последних и решительных боев"—нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается, вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить". И понятно, от нашей организованности, от производительности наших фабрик и заводов, нашей крупной национализированной промышленности, от уменья „торговать" и завоевывать покупателя, на поле экономической конкуренции, зависят наши успехи в будущем. Несмотря на все трудности вышеуказанного положения, которые, как это видно по приведенным цитатам менее всего затушевывал перед партией Владимир Ильич, у нас, у рабочего государства, имеются и несомненнейшие плюсы, поскольку государственная власть в наших руках и поскольку от нас самих зависит поставить государственный капитализм в соответствующие рамки. „Мы не хотим понять, что, когда мы говорим „государство" — говорит Владимир Ильич—то государство это—мы, это—прелетариат, это—авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это—тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это—рабочие, это—передовая часть рабочих, это—авангард, это—мы. Государственный капитализм это—тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит каков этот государственный капитализм будет".

И поскольку мы учитываем общее хозяйственное положение и взаимоотношения, как они складываются внутри нашего хозяйства, мы должны в процессе этого строительства суметь использовать все те капиталистические силы, которые мы должны поставить на службу нашего социалистического государства. „Это еще полдела, если мы ударим эксплоататора по рукам, обезвредим и доканаем," — говорит Ленин—„нужно его и использовать" „Построить коммунистическое общество руками коммунистов эта—ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты, это капля в море, капля в народном море. Они только в том случае сумеют повести народ по своему пути, если правильно определят путь в смысле всемирного исторического направления. И далее „управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят".

Мы привели ряд выдержек из замечательной речи тов. Ленина на XI Съезде, где он чрезвычайно красочно намечает вехи, по которому должен развиваться наш нэп. Эти вехи явились решающими в той громадной перестройке, которую должна была проделать за последнее время и наша промышленность. „Хозрасчет" и „коммерческое ведение дела", организация трестов и синдикатов, организация государственной торговли, одним словом все те мероприятия, последних трех лет, которые решительно сдвинули нашу промышленность с мертвой точки—все они, в конце концов, покоятся на тех экономических предпосылках, которые были в свое время формулированы Владимиром Ильичом.

Последние годы, пораженный тяжелым недугом, Владимир Ильич имел возможность уделять вопросам государственного строительства и вопросам промышленности в том числе очень мало сил и возможностей. Но и в те отдельные моменты, когда он касался этих вопросов, он давал чрезвычайно много для правильного руководства нашей промышленностью, для установления правильной промышленной политики советского союза. И уже совершенно больной

*) Из речи на XI Съезде партии.

в марте 1923 г. в своей замечательной статье „Лучше меньше, да лучше“, останавливаясь на вопросах смычки с деревней и установления правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, он еще и еще раз подчеркивает необходимость всемерного укрепления и развития нашей крупной промышленности. Он пишет: „если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волхостроя и проч.

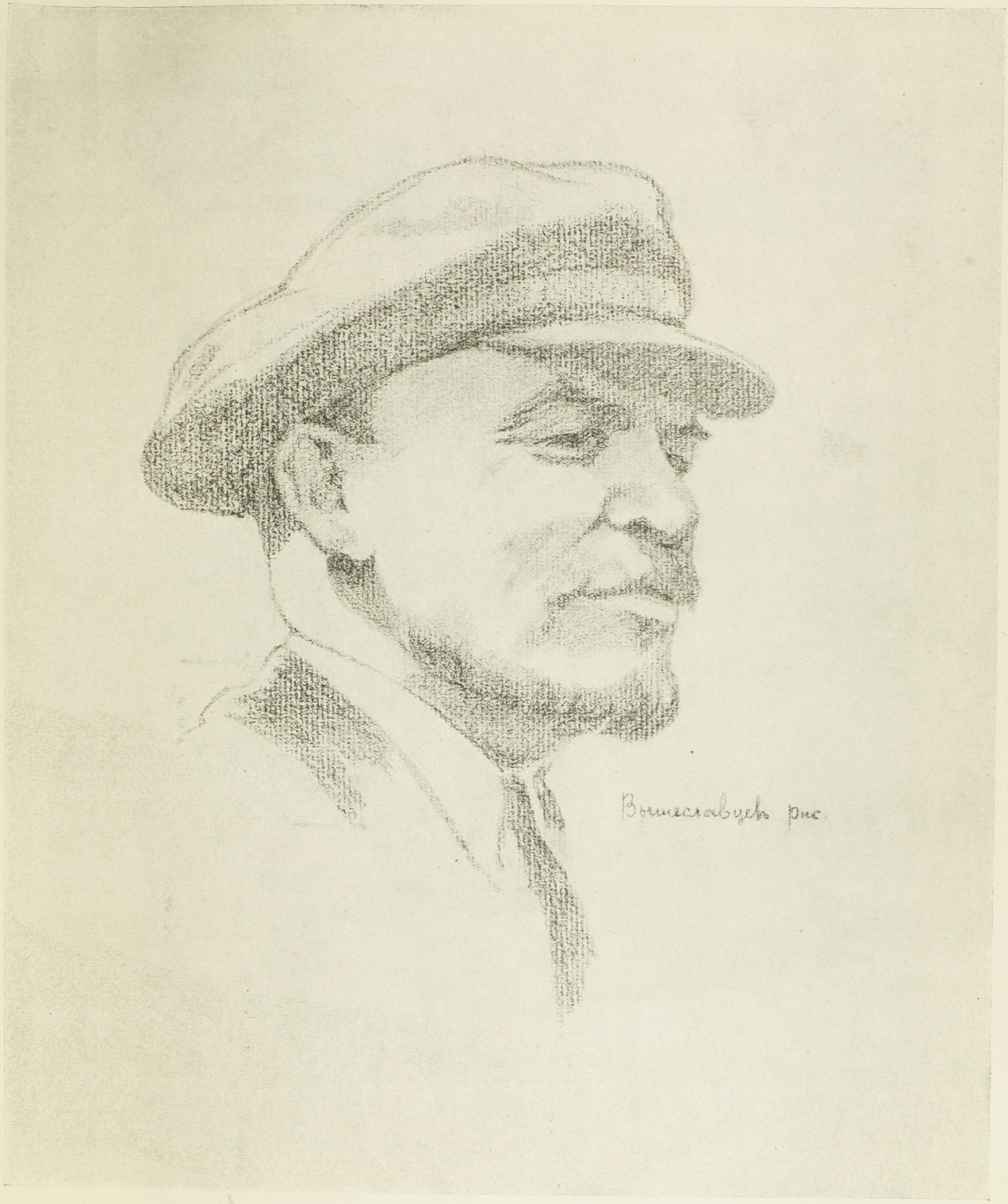
В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно—с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волхостроя и т. д.

Несомненно в нашем беглом очерке мы далеко не исчерпали нашей темы. Вопросы промышленности всегда вызывали глубочайший интерес Владимира Ильича. И на протяжении всей нашей революции решающее слово в общем направлении нашей промышленной политики оставалось в конце-концов не столько за ВСНХ и другим органам, а, конечно, прежде всего за Владимиром Ильичом Лениным. Создав Совет Труда и Обороны, он перенес туда разрешение более крупных вопросов промышленного строительства, осуществляя действительное руководство промышленностью, поскольку, это было возможно при данных условиях.

В заключение должны отметить, что в нашем очерке мы сознательно не коснулись ряда вопросов, хотя и имеющих отношение к промышленному строительству (как, например, дискуссия о профсоюзах и т. д.), но все же более связанных с другими основными вопросами нашего хозяйственного и политического бытия.

Ленин умер, но те заветы, которые он оставил своим ученикам коммунистам-хозяйственникам, но и не только одним коммунистам, начинают давать плоды. Мы видим, что промышленность Советского Союза мало-по-малу освобождается от глубокого сна, расправляет свои могучие крылья. Достигая в отдельных случаях довоенных норм, а иногда и перешагивая через них, наша молодая советская промышленность, с каждым годом, чувствует себя все устойчивее, все крепче. Переходя от обороны к наступлению, она на деле, а не на словах, начинает осуществлять великую идею Ильича о „смычке“, борясь за снижение цен, за удешевление продукта, конкурируя с частным капиталом, она проникает все глубже и глубже в гущу деревенских отношений. Миллионами нитей связывает она крестьянское хозяйство с советским, совершает тем самым великое дело медленного, но верного углубления основ коммунистического строительства в современных условиях.

М. Савельев.


Вячеславцев рис.

Взгляды В. И. Ленина на кооперацию

Про РКП (б) мы говорим—это партия Ленина. Мы говорим это, вполне отчетливо сознавая смысл и значение сказанного. Ленин был вождем партии. Его взгляд зачастую, в особенности в практических вопросах, не всегда легко отделить от взглядов партии. Так, принятая в середине марта 1919 г. 8-м Съездом программа партии содержит в себе систематическое и исчерпывающе ясное изложение взгляда партии на кооперацию. Докладчиком проекта был В. И., мы вправе сказать, что окончательно отображенная в программе точка зрения на кооперацию есть точка зрения В. И. Поэтому при характеристике взглядов В. И. на кооперацию, поскольку здесь они систематизированы и официально закреплены, приходится исходить из этого документа.

Дальнейшие его формулировки вопроса и, в особенности, принявшая характер завещания статья о кооперации, написанная в перерыве между двумя приступами его тяжкой болезни—4—6-е января 1923 г.—развивают и отчасти по новому освещают его.

Эти две вехи—одна, относящаяся к эпохе военного коммунизма, в самом начале положительного экономического строительства советской власти и другая—поставленная в разгар новой экономической политики, после длительного периода различных подходов и экспериментов, как в отношении к кооперации, так и к различным сторонам социалистического строительства, различных проверок, учета опыта и т. д. эти две вехи и составляют те две точки, через которые проходит прямая и, как известно, только одна—к определению действительной роли и значения кооперации в деле социалистического строительства. Именно, эта цель, законченное конструирование социализма составляет ту третью точку—маяк, к которой столь страстно и столь неукоснительно прямо ведет нас Владимир Ильич, со всей силой всемирно признанного гения—вождя.

Итак, нашей целью является усвоение тех взглядов, которые отразились в его, во всех отношениях замечательной, статье о кооперации от 4—6 января 1923 г. Но чтобы с ними освоиться, необходимо проследить, как сложились они в процессе борьбы, невиданной в истории и при том с первых ее шагов.

В брошюре „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“, написанной в середине сентября 1917 г., в которой Вл. Ил. чеканил программу действий, он пишет: „особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение, озлобление и возмущение масс, это легкость обхода „хлебных карточек“ богатыми, которую все видят“... Революционно-демократическая политика во время неслыханных бедствий, переживаемых страной, для борьбы с надвигающейся катастрофой, не ограничилась бы хлебными карточками, а добавила бы к ним... принудительное объединение всего населения в потребительные общества, ибо без такового объединения контроль за потреблением полностью провести нельзя“, при чем именно такой контроль, при котором потребление богатых проверяют бедные классы населения.

В подчеркнутых словах, сказанных за месяц до октября, уже содержится программа политики по отношению к потребительской кооперации, вошедшая затем в тактику партии на ряд лет.

Но в этих словах ни в какой мере не очерчивается природа кооперации. Скорее это лишь эпизод, послуживший затем поводом для долгих выяснений и согласований отношений между советской властью с одной стороны, и кооперацией с другой, ибо задача потребительской кооперации, конечно, не заключается лишь в том, чтобы контролировать потребление богатых.

Возникший после октября вопрос о составлении новой программы партии потребовал оформления основ экономической политики советской власти, и, между прочим, вопроса об отношении к кооперации.

В черновом наброске проекта программы, внесенном Вл. Ил. на VII Съезд РКП и напечатанном в газете „Коммунист" 9 марта 1918 г. Вл. Ил. резкими штрихами намечает основные задачи советской власти и формы выполнения этих задач.

В области экономической в этом наброске требуется: „социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе,— управляют рабочие организации (профессиональные союзы, фабр. заводск. комитеты и так далее) под общим руководством советской власти, единственно суверенной".

Тоже транспорт и распределение (сначала государственная монополия торговли, затем замена, полная и окончательная, торговли планомерно организованным распределением через союзы торгово-промышленных служащих) под руководством советской власти—принудительное объединение всего населения в потребительско-производственные коммуны. И дальше: „организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 час. в сутки, для постепенного выравнивания всех заработных плат и жалования во всех профессиях и категориях".

Сопоставляя то, что писал Вл. Ил. в брошюре „Грозящая катастрофа и как с ней бороться" с приведенной частью наброска программы, можно отметить коренную разницу во взглядах на потребительные общества, создавшуюся в результате ее борьбы с советской властью.

Кооперация, руководимая в то время мелкобуржуазным ее крылом, не сумела сразу встать на путь правильной оценки существа советской власти, совпадения ее стремлений со стремлениями советской власти и не искала соглашения с нею. Естественно, что для разрешения основных социалистических задач приходилось проектировать организации, которые могли бы работать под руководством советской власти.

В речи, произнесенной Вл. Ил. на 3-м Съезде рабочей кооперации 7 декабря 1918 г., он говорил: „Соглашение с кооперацией мы начали с апреля месяца... Мы знаем, что трения существуют почти повсюду, но когда две группы соединяются в одну, то первое время в работе происходят некоторые шероховатости. Тем не менее, с течением времени, когда привлеченная группа заслужит доверие привлекающей, все эти трения постепенно исчезнут".

Дальше он произносит многознаменательные слова, которые потом, в последней своей статье о кооперации, он развивает подробно и исчерпывающе: „Мы стоим на той точке зрения, что все общество как в смысле снабжения, так и в смысле распределения, должно представлять собой один общий кооператив. Все мы (надо разуметь, коммунисты, советская власть и кооператоры) стоим на той точке зрения, что кооперация есть одно из завоеваний социалистической партии... Все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся... То соглашение, на которое мы идем сейчас с прослойками общественных классов, — это есть соглашение не с буржуазией и не с капиталом, а с отдельными отрядами пролетариата и демократии... Громадное дело, сделанное кооперацией, должно быть непременно слито с тем громадным делом, которое сделано советской властью".

Как видит читатель от мыслей, приведенных в „черновом наброске программы" Вл. Ил., как практический политик, переходит к использованию для целей социалистического строительства кооперации, как одного из завоеваний социалистической партии.

То, что кооперация есть „одно из завоеваний социалистической партии", Вл. Ил., который столько лет держал факел вождя к социализму,

было совершенно ясно. Он отлично учитывал, что в годы реакции (1907—1910) большевики порядочно поработали в ней. В своей брошюре „Детская болезнь „левизны" в коммунизме" (написана 27 апреля—12 мая 1920 г.) Вл. Ил., очерчивая урок, вынесенный в эти годы большевиками, именно урок о правильном отступлении, пишет: „Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшом порядке"... с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачали и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо уметь отступать, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях".

Работа в кооперативах дала возможность многим большевикам, во-первых, детально разобраться в существе кооперации и, во-вторых, отыскать наиболее действенные, наиболее прямые пути использования кооперации как в целях революции, так и в целях социалистического строительства по преимуществу.

Таковы предпосылки, которые послужили к выработке программы партии по отношению к кооперации.

Программа складывалась в течение двух лет. В это время не только была проделана революция, но и выполнена огромная работа по закреплению завоеванного. В ней мы имеем по вопросу о кооперации отчетливую и достаточно удовлетворяющую кооперативных работников формулировку роли и значения кооперации в деле социалистического строительства.

Подчеркивая, что в области экономической партия будет неуклонно продолжать и доводить до конца экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность всех трудящихся, а в части управления организационный аппарат обобществленной промышленности опирать в первую голову на профессиональные союзы, программа обращается к мелкой и кустарной промышленности с тем же требованием обобществления посредством кооперации.

„Необходима, говорит программа, финансовая поддержка кустарной и мелкой промышленности, при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы; поощрение подобных объединений путем предоставления им экономических преимуществ, направленных наряду с другими к тому, чтобы парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих основных форм производства к более высокой крупной машинизированной индустрии".

Как известно, эта форма кооперативного движения—промысловая кооперация—являлась наиболее отсталой и находилась почти исключительно под влиянием матерых буржуазных партий.

В своей книге „Развитие капитализма в России" Вл. Ил. дал блестящий анализ кустарной промышленности, приведший его к следующему заключению: „эти промыслы либо ведут к образованию капиталистической простой кооперации *) и торгового капитала, либо представляют из себя составную часть капиталистической мануфактуры" (стр. 257). Отмечая, что среди кустарей наемный труд преобладает над семейным, именно 51% всего числа рабочих в ней принадлежит к наемникам, Вл. Ил. говорит, что роль наемного труда в ней повышается параллельно с расширением размеров заведений.

При такой сущности кустарной промышленности роль в ней кооперации, к тому же объединяющей не рабочих, а кустарей-предпринимателей, а зачастую эксплоататоров наемного труда, может сводиться лишь к тому, чтобы облегчить переход кустарной промышленности в крупную машинизированную промышленность. „Социализм не мыслим без крупной техники, построенной по последнему слову новейшей науки".

Сельскохозяйственная кооперация, наоборот, привлекает к себе значительно большее внимание.

Как известно, сельскохозяйственная кооперация делится на две основные ветви: 1) сельскохозяйственные товарищества и общества

*) В терминологии Маркса.

для общественной обработки земли и проведения мероприятий по уплотнению затрат труда и капитала на единицу площади, т.-е. на кооперацию, организующую и проводящую технический и притом социализирующий („своим трудом“) прогресс в земледелии, и 2) на кооперацию по переработке и сбыту продуктов сельского хозяйства и приобретению предметов с.-х. инвентаря.

Программа партии, отмечая, что в отношении сельского хозяйства советская власть перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия, указывает, что в числе важнейших из этих мер есть „поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли“. Дальнейшие шаги в этом направлении программа проектирует, между прочим, в форме „всемерной государственной поддержки сельскохозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства“.

Следовательно, в отношении сельскохозяйственной кооперации провозглашается принцип самодовлеющего значения в ней кооперации, как метода организации крупного социалистического земледелия.

Наконец, в области распределения задача партии целиком сводится к организации ее через потребительские кооперативы (коммуны).

„В области распределения,—говорит § 19 программы,—задача советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизируя весь распределенческий аппарат“.

„В основу потребительских коммун и их объединений должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация, являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения“.

„Считая, принципиально единственно правильным такого рода дальнейшее коммунистическое развитие кооперативного аппарата, а не его отбрасывание, РКП систематически должна продолжать свою политику: обязывать всех членов партии работать в кооперативах, направлять их при помощи также профессиональных союзов в коммунистическом духе, развивать самодеятельность и дисциплину трудящегося населения, объединяемого в кооперативы, добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху до низу охватывающий всю Советскую Республику кооператив; наконец, и самое главное, чтобы преобладающее влияние пролетариата на остальные слои трудящихся было постоянно обеспечено и чтобы всюду испытывались на практике разнообразные меры, облегчающие и осуществляющие переход от мелко-буржуазных кооперативов старого капиталистического типа к потребительским коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями“.

Вчитываясь в этот параграф, можно совершенно отчетливо установить, что слова „кооператив“ и „коммуна“ в программе совпадают, как весьма сродные. Кооператив естественно и как бы безболезненно, без потрясений и сколько нибудь заметной перестройки, освобождаясь лишь от мелко-буржуазной идеологиии и подходя к охвату им всего населения, превращается к коммуну, не изменяя своего существа.

Затем, не в пример другим видам кооперации, потребительская кооперация находит в программе провозглашение и ее организационного принципа, дважды повторенное, именно—„строго централизуя весь аппарат распределения“, „сливаясь в единый, сверху до низу охватывающий всю Советскую Республику кооператив“.

Вполне понятно исключительное внимание программы к потребительской кооперации, в виду столь большого отличия ее задач от задач других видов кооперации (все распределение) и в виду важности ее в деле организации общества на новых началах.

Социалистическая проблема есть по сути распределенческая проблема, в которой функция производства подчиняется функции распределения. Провозглашая принцип равенства в пользовании благами и даже преимущество в этом отношении трудящихся, раньше эксплоатируемых масс („не трудящийся да не ест“), социа-

лизм из этого принципа выводит форму организации производства и всей надстройки.

Поэтому, предлагая осуществлять функцию распределения через потребительскую кооперацию, программа, придавая особое значение чистому выявлению потребительского интереса, обязывает всех членов партии „работать в кооперативах, направлять их в коммунистическом духе, развивать самодеятельность и дисциплину трудящегося населения, объединяемого в кооперативах".

Поскольку стоит вопрос о развитии дисциплины, отчетливо намечаются боевые функции потребительского кооператива в деле преодоления мелко-буржуазной стихии.

Отсюда неизбежен и ее централизм, и ее, несколько обособленное от других видов кооперации, существование.

Если проследить ход развития кооперативизма и его теории, поскольку она разрабатывалась теоретиками и практиками кооперации, стоящими на социалистической и притом строго пролетарской точке зрения, можно констатировать полное совпадение их, как в понимании целей, так и в понимании организационной структуры кооперации, вполне сложившихся к тому времени, хотя и находящихся в состоянии борьбы со взглядами мелко-буржуазных кооперативов.

Взгляды, выраженные в программе, формулировали часто пролетарскую точку зрения на кооперацию, последовательно намечая по отношению к ней практические задачи, стоящие перед партией, Советской властью и отдельными коммунистами.

Существом этих взглядов отрицается и интегральный тип кооперации и децентрализм потребительской кооперации, в последнее время пробивающий себе дорогу.

В последней статье Вл. Ил. о кооперации от 4—6 января 1923 г., носящей характер завещания, он, не отступая от начертанных в программе задач, со всею решительностью, ему свойственною, требует от коммунистов обратить самое серьезное внимание на кооперацию.

„У нас,—говорит он,—мне кажется недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что... кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии... Но в чем состоит их фантастичность. В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь много из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью у нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе „со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д."

Подчеркивая дальше, что политическая и хозяйственная власть у нас находится в руках пролетариата, имеется союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечено руководство за пролетариатом по отношению к крестьянству, Вл. Ил. восклицает: „Разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэп'е также, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества.— Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения".

Подчеркнутые слова особенно характерны. Они с необычайной ясностью и краткостью формулируют все существо кооперации и весь объем ее значения для построения социализма. По этой формуле кооперация есть основной и единственный строительный материал („все необходимое и достаточное"), для того, чтобы пролетариат мог из него воздвигнуть величественное здание социализма. „Это еще не построение социалистического общества".

Чем обусловливается такой взгляд Вл. Ил.?

Тем, что она имеет исключительное значение „во-первых, с принципиальной стороны (соб-

ственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина".

„Одно дело,—говорит он далее,—фантазировать на счет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении".

То, что кооперация есть наиболее понятная и наиболее приемлемая для крестьянина форма социалистического устройства общества, делает эту форму, совершенно приемлемую с принципиальной стороны, единственно целесообразной в наших условиях.

Какими же средствами можно и должно сейчас же начать развивать этот „кооперативный" принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое значение, спрашивает в этой статье Вл. Ил. и отвечает: „Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые, хотя бы немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.

„Каждый общественный строй, поясняет он дальше,—возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение „свободного" капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный".

Задача в деле построения социализма в данное время формулирована им в статье так: „Нам осталось только одно: сделать наше население настолько „цивилизованным", чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. „Только" это. Никакие другие премудрости нам не нужен теперь, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это „только", нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас".

Вл. Ил. предостерегает далее от возможности самообмана на счет того, что возможно добиться всего этого быстро. „Для этого требуется, говорит он, целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т, д. без этого нам своей цели не достигнуть".

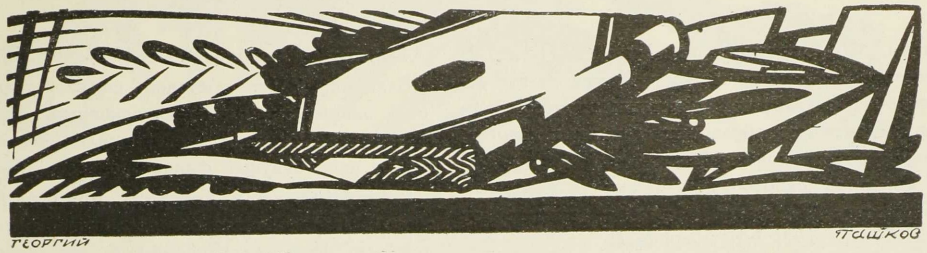
Таковы взгляды Вл. Ил. на кооперацию и таковы его заветы. Закончим краткий обзор теми словами, которыми он формулирует всю задачу Советской власти в данное время во внутренних экономических отношениях страны: „Перед нами,—говорит он,—в той же статье—являются две главные задачи, составляющие эпоху, это—задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится, и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за 5 лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача—состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полно кооперирование невозможно без целой культурной революции".

Сопоставляя взгляды, легшие в основу при составлении программы партии в 1919 г., с теми взглядами, которые изложены в цитированной статье, и имея в виду огромнейший практический опыт, проделанный в течение 5 лет, по действительному построению социалистического хозяйства, мы можем констатировать, что эти взгляды, на основе опыта, вылились в отчетливую систему.

Л. Хинчук.

Худ. Журавлев

В. И. Ленин.



Ленин и Государственные финансы

(Материалы для биографа).

В период военного коммунизма, когда многим казалось, что прямехонькой дорогой, единым штурмовым, ударом бастилий и крепостей капитала, мы придем в царство коммунизма; когда многие думали, что мы изживем в кратчайший срок товарное и финансовое хозяйство и денежное обращение в стране; когда в увлечении многими ставился вопрос об изыскании ценностного измерителя социалистического хозяйства—трудовой единицы—„тред'а", для замены им „изживаемого рубля", в это время, Владимир Ильич писал в записочке от 30 ноября 1920 г., на имя Комиссии об отмене денежных налогов:

„Надо побольше вдуматься (и детальнее изучить соотв. факты) в условиях переходной эпохи.

Переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершен, надо, чтобы был осуществлен продуктообмен (не товарообмен).

Пока мы не в силах осуществить товарообмен, т.-е. давать крестьянству промпродукты,—до тех пор крестьянство вынуждено оставаться при обломках товарного (а, следовательно, денежного) обращения при суррогате его.

Отменить суррогат (деньги) пока крестьянству не дали еще того, что устраняет надобность в суррогате, экономически неправильно.

Надо это обдумать очень серьезно.

„Ленин".

После победоносного окончания гражданской войны, Советская власть, в интересах укрепления союза рабочих и крестьян, отказалась от продразверстки. Замена продразверстки продналогом и переход к новой экономической политике знаменовали собой восстановление товарного хозяйства в стране. Для развития товарного хозяйства пришлось восстановить рынок и использовать методы, формы и способы капиталистического ведения хозяйства. В соответствии с этим должно было перестроиться и все государственное и народное хозяйство страны, чтобы через рынок войти в необходимый хозяйственный контакт. Отныне на рынке и через рынок—хозяйство должно было приобретать продукты для собственного потребления, сбывать продукты своего производства и получать необходимое для производства сырье.

Развитие товарообмена между городом и деревней, на основе товарного хозяйства, наткнулось, однако, на острейший финансовый кризис и на расшатанную до самых своих основ, в результате империалистической и гражданской войны, денежную систему страны. В интересах залечения ран войны и восстановления производительных сил страны нужно было, в кратчайший срок, принять меры к восстановлению и упорядочению финансового хозяйства денежного обращения в стране.

Для намечения необходимых финансовых реформ и выработки их основ, Центральным Комитетом РКП, после X Съезда партии, была назначена Комиссия под председательством тов. Е. А. Преображенского, в составе Н. Н. Крестинского, М. Альского, О. Ю. Шмидта, Ю. Ларина, И. Смилги, Гр. Я. Сокольникова, А. М. Ле-

жавы, Ф. Сыромолотова, Киселева и др. В течение нескольких месяцев Комиссия эта занималась разработкой основных вопросов кредита, денежного обращения, денежных налогов, государственного бюджета.

Следя за работой Наркомфина и указанной Комиссии, Владимир Ильич в записке от 17 октября 1921 г.*) спрашивал:

„Хотел-бы знать Ваше мнение, не пора-ли произвести расчеты двоякого рода:

Во 1-х, план (самый грубый и общий,—в порядке первого приближения) восстановления нашей валюты. Скажем: при таких-то условиях в течение столько-то лет можно бы было последовательным применением таких-то мер осуществить то-то.

Считаете-ли Вы (и Комиссия по финвопросам) возможным такой расчет, или пока даже приблизительно подобный расчет преждевременен и невозможен.

Во 2-х, нельзя ли перевести на золото наш расходный бюджет и сравнить (по главным рубрикам и м. б. по ведомствам и по областям, губерниям, станицам и пр., насколько возможно) с 'довоенными цифрами.

Надо приступить и поскорее, к тому, чтобы путем такого или подобного расчета начать нам реформу нашего, совсем запущенного, ни с чем несообразованного, стихийно, бессистемно вспухшего бюджета.

Прошу вас сообщить мне ваше заключение по этому вопросу и—если у вас нет особых возражений—поставить его перед Фин. Комиссией.

С ком. прив. Ленин".

*) Полностью эта записочка публикуется впервые.

Так писал Владимир Ильич 17 октября 1921 г.

Владимир Ильич поставил, со свойственной лишь одному ему ясностью, основные вопросы финансовой политики. Он определил основные звенья цепи будущей финансовой реформы.

Спустя год, на IV Конгрессе Коммунистического Интернационала, останавливаясь, в своем докладе „Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции" „на нашей финансовой системе и знаменитом русском рубле", Владимир Ильич говорил, „что действительно важно, это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать этот рубль, значит мы выиграли".

В области финансового хозяйства и бюджетного дела Советской властью проделана колоссальная работа. В области же денежного обращения в настоящее время проводится коренная реформа. Реформой денежного обращения решается вопрос о стабилизации курса рубля.

„Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, говорил Владимир Ильич, стабилизировать этот рубль, значит мы выиграли"...

Реформа денежного обращения до сих пор протекает успешно. Советская власть успешно завершит денежную реформу.

Мы выиграем, Владимир Ильич!

М. Альский.

15. 5. 1924 г.

Краткие страницы об Ильиче на работе в Народном Комиссариате Земледелия

В конце июля 1920 года, по постановлению Центрального Комитета Партии, меня вызвали с фронта телеграммой для работы в Народном Комиссариате Земледелия.

На фронте в это время дела наши были блестящи—поляки в панике отступали по всему фронту; войска нашей армии (12-й) подходили к Ковелю. При отступлении поляки разрушали мосты, сооружения жел. дор., забирали подводы, сжигали продовольствие и пр.

Настроение наших войск было превосходное, победоносное—на повозках наших полков и дивизий, на вагонах красовались лозунги „даешь Варшаву", особенно много было этих лозунгов у 25-й Чепаевской дивизии,—но в то же время, во внешне-блестящем успехе наших войск, уже хранилась и великая опасность—вследствие разрушения транспорта, войска оторвались от своих баз продовольственных, артиллерийских, вещевых; патроны были на исходе, питались ими только от захваченного в плен противника, продовольствовались за счет местных средств, которое было скудное, вследствие засухи, неурожая и уничтожения запасов поляками. Были целые полки, которые питались плодами из дикорастущих груш, яблок (кислиц); в войсках появилась дезинтерия; большие переходы, вследствие отступления противника (40-60 верст в сутки) утомляли войска.

При таких условиях мне приходилось покидать фронт, и мне страшно не хотелось уезжать. Но делать нечего, Центральный Комитет приказал—изволь исполнить.

На походе в Киевской и Волынской губерниях мне приходилось беседовать с крестьянами и видеть их на уборке урожая—урожай был вследствие засухи ниже среднего; крестьянство жаловалось на разверстку, боялось, что им не хватит до нового урожая.

На пути в Москву я видел еще более печальную картину—поля и луга Брянской и Калужской губерний были выжжены солнцем, а на каждой станции вагоны окружали десятки оборванных малышей, просящих хлеба. Та же самая тяжелая картина наблюдалась и на территории Московской губернии, которую я привык видеть в это время с роскошной растительностью, как на полях, так особенно и на лугах. Между тем, в Наро-Фоминской к нашему поезду подбежало опять десятка полтора голодных ребятишек с той же просьбой о хлебе, а станция была окутана дымом от лесных пожаров.

В Москве картина не лучше—вся Москва от болотных и лесных пожаров была окутана мглой.

По приезде в Москву я отправился в РВС, чтобы доложить о состоянии армии и просить для армии обмундирования. Я изложил там фактическую сторону дела и мою тревогу за дальнейший успех. Затем отправился в Центральный Комитет к тов. Крестинскому. Тов. Крестинский принял меня в своем кабинете, увлеченный бритьем своей бороды. Я ему рассказал о состоянии и настроении частей войск и об опасности, грозящей нам, в виду отрыва войск от своих баз. Он просил меня подробно изложить это в РВС.

Я решил, что мне нужно явиться к Ильичу, позвонил по телефону к Фотиевой, но Фотиева мне сказала, что Ильич немножко прихворнул

и уехал на 3—5 дней на дачу для отдыха, и просила позвонить через неделю.

Уже сидя в Наркомземе и работая с тов. Середой С. П., я опять позвонил Фотиевой, чтобы она доложила Ильичу о моем желании говорить с ним. Тов. Фотиева отвечала, что Ильич, побывши в Москве два дня, уехал опять на дачу в виду переутомления и просила не настаивать на моем приеме Ильичом в ближайшее время.

Прошло около месяца я уже побывал на заседаниях Совнаркома и СТО. Звонит мне по телефону т. Фотиева и говорит, чтобы на другой день ровно в два часа я был в кабинете Ильича с докладом о деятельности Наркомзема. К этому сроку я успел уже ознакомиться в общих чертах с аппаратом НКЗ с его достоинствами и недостатками, и успел собрать серьезный материал по всем отраслям, особенно по лесному хозяйству и животноводству.

Без пяти минут два я сидел уже в кабинете Ильича с большой папкой бумаг и пр., ибо я тщательно приготовился к докладу. Ровно в два часа (Ильич был точен как часовой механизм) открылась дверь, вошел Ильич и, протягивая мне руку, обратился со словами—„почему вы до сих пор не явились ко мне тотчас же по приезде с фронта“? Я ему объяснил, что пытался с ним повидаться, но что его недомогание лишало меня возможности нарушать его покой. Ильич сказал: „это напрасно, надо было добиться. Ну, хорошо, расскажите мне о состоянии НКЗ“.

Он не ограничивал мне время и поэтому мой доклад длился больше часа, а вся беседа с Ильичом больше 3 часов. Я ему сообщил о тяжелом состоянии земледелия в Республике—малой площади засеянных полей, печальных результатах нынешнего урожая, бесшабашном отборе продуктов земледелия на местах уполномоченными Наркомпрода, состоянии лесов, особенно в южных губерниях, где благодаря хищничеству и без плановой системы леса вырублены уже вперед за 400 лет; что печальная картина с животноводством, особенно гибельное дело с конским составом, а в связи с неурожаем и дальнейшая гибель его—тяжко отзовется, как на крестьянстве, так и на промышленности и армии и выложил ему план своих действий и принятых мерах вместе с тов. Середой и Коллегией НКЗ, и особенно подробно остановился на организации животноводства и разведении коневодства.

В начале доклада Ильич прервал меня вопросом—а каково положение на фронте? Я обрисовал ему картину блестящего настроения войск и тяжелое положение с снабжением и высказал свое мнение как на возможность опасности, а затем продолжал свой доклад. Так в течение моего доклада Ильич 3 раза прерывал меня вопросами о состоянии фронта и армии, а к концу доклада поставил вопрос ребром — каково мое мнение относительно дальнейших успехов армии.

Кроме тех сведений, которые были у меня при отъезде с передовых линий, я ежедневно по телефону справлялся в Полевом Штабе у бывшего своего сотрудника т. Хвощинского, о положении дел на фронте, и он самым подробным образом информировал меня о состоянии всего фронта, так что я знал состояние всех армий и поэтому я мог с полным убеждением на этот вопрос Ильича, ответить прямо—необходимо заключить мир.

После этого мы опять перешли к обсуждению вопросов сельского хозяйства. Ильич буквально интересовался каждой мелочью. Я ему рассказывал о быках, конях, а он по выслушивании об этих крупных животных, задавал мне вопросы о кроликах, петухах и пр. На эту тему у нас произошла небольшая дискуссия. Я старался доказать Ильичу, что птицеводство и кролиководство играет ничтожную роль в сельском хозяйстве, а что основой является полеводство, крупный рогатый скот, овцеводство и конь.

Ильич меня упрекал. что слишком много внимания хочу оказать коню. Он высказал мнение и предостережение мне, что нужно все отрасли земледелия поставить на должную высоту и уделять внимание всему. Я заявил, что принимаю это как правило для себя.

Распрашивая об аппарате НКЗ, Ильич высказал свое мнение, что аппарат этот, как в центре, так и на местах слаб; что на местах часто происходят смены работников и это вредно отражается на работе земледелия. Коснулся вопроса о спецах—агрономах, землемерах, лесничих. Я обрисовал ему тяжелое материальное положение агрономического персонала и нена-

дежность этого элемента, как вследствие не изжитых еще земских традиций, так и вследствие материальных недостатков. В дальнейшем вопрос этот перешел на аграномическое образование; Ильич высказал мнение, что надо войти и самым активным способом участвовать в Главпрофобре для того, чтобы отстаивать там интересы сельско-хозяйственного образования.

Ильич высказал свое пожелание о том, чтобы я поменьше занимался военными вопросами, а исключительно и всецело отдался налаживанию аппарата НКЗ, чтобы самым энергичным образом отстаивал интересы земледелия и в случае необходимости вступал в бои с Наркомпродом.

Затем предложил мне, не стесняясь и не деликатничая, в любое время в случае крайней необходимости, звонить ему по телефону и являться лично в Кремль с докладом. Также дал мне наказ познакомиться тщательно с возможностью применения электричества в сельском хозяйстве; собрать совещание и специалистов и результаты доложить ему. По этому вопросу он рекомендовал мне держать тесную связь с Г. М. Кржижановским.

Он сказал мне, что предвидит массу затруднений на пути проведения электрификации сельского хозяйства в жизнь, но что не следует смущаться этими тормозами и стараться, во чтобы то ни стало, преодолеть их и планомерно провести в жизнь—положить начало электрификации сельского хозяйства в промышленных районах, как Ленинград, Москва, Иваново-Вознесенск, и стараться заинтересовать местные партийные организации и советские учреждения--приняв агитационные меры по этому вопросу среди беспартийных рабочих.

Кое-какие данные к этому времени уже были у меня на руках и я обрисовал Ильичу скудность материальных средств и главным образом недостаток меди для проводов.

Ильич сказал: „ну вот, меди у нас сколько хочешь; в Москве 40-сороков церквей, да на каждой десятка по два колоколов—вот вам медь. Надо только тщательно обдумать этот вопрос с политической точки зрения и сделать это не у г л о в а т о, а сугубо-осторожно, сперва подготовить массы к этому".

Я указал ему, что часть колоколов, которые валяются у нас на складах, как трофейное имущество, при отступлении старой армии с фронта, уже взято нами на учет и запрошен Кольчугинский завод на предмет возможности переработки колоколов в провода; но, что Кольчугинский завод только производит опыты и что положительных результатов не дал. Ильич выразил пожелание о том, чтобы п р и н а л е ч ь на Кольчугинский завод—послать туда своего п о н и м а ю щ е г о ч е л о в е ч к а, который наблюдал, чтобы не было саботажа.

Долго останавливались на вопросе о целях и состоянии наших совхозов. Еще в 1918 году, когда я в качестве одного из новоиспеченных командующих поехал в Ленинград к Ильичу с докладом о состоянии МВО, Ильич задал мне несколько вопросов относительно практического осуществления идеи организации из бывших помещичьих хозяйств „пшенично-животноводческих фабрик". Теперь спустя два с половиной года мы могли бы подвести некоторые итоги нашей идеи и мероприятий в этой области, но к тому времени—итоги были еще довольно печальные.

Я успел побывать в нескольких совхозах Московской губ. (Подольск., Серпуховск., Волоколамск. уездах) и лично проверить их состояние. В одном из совхозов я увидел как поденщицы из ближайших деревень с большими деревянными молотками в руках ходили по обширному паровому полю и разбивали груды и комки земли после пахоты плугами; когда я спросил сопровождающего меня управляющего (коммунист, из городских рабочих) почему он применяет такой способ, имея у себя тяжелые „Сакковские" и „Дисковые" бороны, он объяснил, что у „Сакковских" борон поотлетели гайки, а у „Дисковых" борон нет вальков, и что вообще орудий недостаточно. Вернувшись в усадьбу, я обнаружил в сарае три штуки новых, нераспакованных—в ящиках, „Дисковых" американских борон, а под навесом сложены „Сакковские" бороны. В другом, рядом стоящем совхозе, расхаживая по яровым полям с зрелым овсом, я видел, что три батрака косили этот овес голыми косами, в то время как в усадьбе стояли в полной исправности две жнейки лучшей американской фирмы „Мак-Кормик" и одна сноповязалка (в запасе было пудов 20—30 шпагата). Штук 5 чистопородных трехлетних брабансонов шлялись свободно по усадьбе, вытап-

тывая огороды и поля без всякого призора, с нерасчищенными уже в течение полгода копытами, с изрезанными ногами и пр. В третьем совхозе я увидел как доят коров и как обращаются с молочными продуктами; дойка производилась совершенно неправильно, вымя не обмывалось, первые капли молока, зараженные бактериями, не выдавливались отдельно; руки молочниц грязные; молоко не охлаждалось через холодильник, а холодильник валялся в углу молочной заброшенный; „сепаратор" скрипел, визжал, болтался и не отделял необходимого количества жиров из молока; в молочной грязь, паутина, посуда обмывалась скверно; коровы были тощи, грязны; свиньи шлялись по огородам и полям без призора. В 4-м совхозе заметил очень скверную гречиху—низкую, редкую, торчащую из-под земли, местами затоптанную скотом. Управляющий объяснил мне, что после посева гречихи пошел сильный дождь, образовалась в поле корка, он приказал рабочим пробороновать поле, рабочие сочли это за контрреволюционное распоряжение, не исполнили его и половина гречихи пропала в земле—не в состоянии пробить корку и пр. и т. п.

Из бесед на общем собрании крестьян и рабочих выяснилось, что рабочие (подавляющее число неграмотные) совершенно не понимают задач совхоза, полнейшие невежды в техническом отношении, политически абсолютно неразвиты. В течение зимы никто из агрономов не попытался объяснить им задачи и цели существования совхозов—не читали им лекций по технике земледелия и пр. и т. п. Крестьяне к Советскому хозяйству относятся почти также, как к бывшему помещику—т.-е., что это де не наше, можно и потравить скотом, можно проехать на телегах через поле и пр.

Все эти картины с натуры я изложил Ильичу и указал на величайшую трудность пробития бреши. Причины жалкого существования совхозов заключались: в отсутствии хорошего персонала, как в политическом, так и в техническом отношении; разгильдяйстве, в невежестве, слабости местных аппаратов, бюрократизме, плохом наблюдении. Совхозы должны быть образцовы, технически усовершенствованы, с тщательной обработкой земли, правильным уходом за животными, коммерчески выгодны и показательны во всех отношениях для крестьянского населения, а тут как раз наоборот: большинство этих хозяйств является посмешищем и ничем неотличались по способу ведения хозяйств и аккуратности, от способа ведения их захудалыми помещиками, а некоторые велись еще хуже чем при помещике.

Ильич сказал, что на это нужно обратить сугубое внимание, связаться с Всеработземлесом, который по его мнению очень слаб во всех отношениях, обещал в этой части принять меры и постараться послать для работы в Всеработземлесе наиболее активных и практических, знакомых с сельским хозяйством людей; с общим планом наблюдения за совхозами, чтением лекций в зимнее время, борьбы с невежеством—Ильич согласился.

Прощаясь Ильич еще раз напомнил свой наказ о том, что не следует увлекаться одной только частью земледелия, а нужно вникать во все отрасли, не игнорируя ни одну; постараться привлечь на свою сторону и расшевелить специалистов, принять все меры к улучшению материального положения их и вновь подтвердил разрешение, в случае нужды, не стесняясь временем, звонить ему по телефону, писать записки и проч.

В течение семимесячной моей службы в Наркомземе, я очень часто соприкасался с Владимиром Ильичом—почти на каждом заседании СТО и Совнаркома. Иногда пользовался тем правом, которым мне представил Ильич—в случае острой нужды звонить ему по телефону, писать записки,—но скажу откровенно, что этим правом я не пользовался в полной мере (хотя это не особенно нравилось Ильичу) не желая затруднять, щадя его здоровье—ценное для всех.

Из этих заседаний в Совнаркоме, под председательством Ильича, самое замечательное было при обсуждении вопроса об электрификации в России.

Этому вопросу было посвящено два заседания, одно предварительное, в обычном составе, другое, по предложению Ильича — расширенное, на которое были приглашены кроме Наркомов и их заместители, все Члены Коллегий всех Наркоматов и некоторые Члены ЦК.

Заседание замечательно именно выступлением Владимира Ильича—цельным, большим и блестящим по своей логике и новизне мыслей

докладом, изложенным с необыкновенным подъемом, эрудицией и энергией.

Это выступление Ильича напомнило мне первые выступления его в 1917 году с знаменитыми тезисами о Советской власти. Как тогда, тезисы „О Советах" ошарашили некоторых даже старых, закаленных большевиков и вызвали „оппозицию", так и теперь, доклад о необходимости и неизбежности электрификации, ежели мы в серьез думаем проводить коммунизм—а в серьезности наших целей и стремлений никто из большевиков не сомневался—многих удивил и вызвал иронические замечания об „электрификации.

И как тогда, так и теперь Ильич оказался победителем—основные положения доклада Ильича были приняты подавляющим числом и легли в основу программы по электрификации России.

Не менее замечательна была речь Ильича на Пленуме Ц. К-та при обсуждении доклада о замене продразверстки—продналогом.

Я полагаю, что теперь настало уже время опубликования протоколов этих, указанных мной, двух заседаний, так и других подобных. Такие протоколы могли-бы служить не только богатейшим материалом для историка, но и для понимания широкой партийной массой сущности ленинизма.

Наиболее близко и тесно работали мы с ним в момент перехода на новую экономическую политику, когда Центральный Комитет, по настоянию Ильича, принял решение о замене продразверстки-продналогом. Я выбран был в комиссию вместе с А. Д. Цюрупой и П. И. Поповым по выработке тезисов и положений для партийной конференции по продналогу.

Получая наши протоколы и знакомясь с работой, Ильич часто звонил по телефону, высказывал свое мнение или несогласие и предлагая обдумать его предложения.

Затем, после моего назначения в Округ и отхода моей работы в Наркомземе, Ильич продолжал иногда запрашивать меня по тем или иным сельско-хозяйственным вопросам или персонам. Ильич полагал, что Красная армия не должна быть чужда и стоять в стороне от различных мер по улучшению сельского хозяйства. Так он полагал, что не во вред основным задачам армии—обучение войск, воспитание их—армия попутно может помочь государству различными способами, особенно разведением мелких животных—свиней, кроликов и пр.

Дважды, в качестве уже Командующего войсками, я присутствовал на заседании СТО происходившем под председательством Ильича. Один раз я выступал докладчиком по вопросу об увеличении норм количества ввозимых лошадей в Москву для нужд Красной армии; другой раз, я выступал в роли обвиняемого со стороны Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции по незаконной выдаче пайков военнослужащим МВО. По первому вопросу я имел частичный успех—просимую мною норму добавочного ввода лошадей в Москву для Красной армии, удовлетворили только с урезкой; по второму вопросу, с точки зрения формальной, я потерпел поражение, а по существу вышел победителем. В связи с недостатком продовольствия в Республике, СТО постановил лишить некоторую часть военно-служащих, а именно служащих штатов, управлений и учреждений, продовольственных пайков, приравнивая в этом отношении ко всем советским служащим. Положение было безвыходное, грозило совершенно приостановить работу штабов и учреждений, а в Московском Военном Округе в это время войск было 550 тысяч человек. Я отдал циркуляр не проводить мер в исполнение и одновременно написал мотивированный протест в РВСР и Ц. К. Партии и сообщил о своем незаконном распоряжении. Рабоче-Крестьянская Инспекция, в лице т. Аванесова, обжаловала мое решение и внесла предложение в СТО о привлечении меня к ответственности.

Председательствующий в этом заседании т. Ленин после обмена мнений (моего выступления, т. Аванесова и некоторых других членов СТО), внес предложение о новом дополнительном расследовании, поручив это специальной комиссии с представителем от военного ведомства с тем, чтобы результаты подробного обследования были доложены на одном из заседаний СТО. Лучшего выхода нельзя было придумать; эта комиссия, насколько мне известно, и доныне не сделала никакого доклада в СТО.

Так, осторожным подходом к делу, а особенно там где не было корыстных целей, а была целесообразность, Ильич старался войти в суть дела, а не решать вопрос формально.

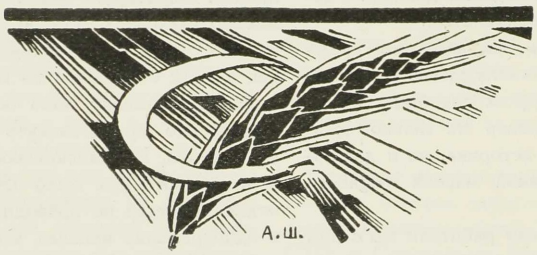
Эти отрывочные, неполные и поспешные воспоминания не исчерпывают и сотой доли того, что можно было бы написать о семимесячной эпохе совместной деятельности с Владимиром Ильичом в Совнаркоме и СТО.

Громко сказано—эпоха! Да, для меня лично это была целая эпоха практической работы на экономическом фронте, кровью завоеванной Советской власти в Октябрьские дни.

События другого порядка (кронштадское востание) заставили меня, после семимесячной работы в Наркомземе, вновь заняться военным делом, и как ни приятна эта работа мне, но наиболее светлой и лучшей эпохой моей работы является та, которая протекала под руководством наилучшего и наиумнейшего из революционеров—Ленина.

Н. Муралов.

II/V 1924 г.



Ленин и наука

Ленин, как фокус гигантского, дотоле невиданного в мире параболического вогнутого зеркала—коему имя Союз Советских Социалистических Республик, коему имя сотни миллионов эксплоатируемых всего мира—сосредоточил, впитал в себя всю массу коллективной воли, коллективной мысли и, переработав это в сверкающей молниями гения, редчайшей в природе лаборатории—мозг Ленина,—выковал непобедимое орудие в мировой борьбе классов—ленинизм.

Победа Ленина—не только победа гениального организатора, величайшего стратега классовой борьбы, вождя-революционера, непревзойденного учителя, но и победа великого мыслителя-ученого, победа достигшей небывалой свободы от всяких шор научной мысли. Великий ученый, экономист, оставивший в наследство человечеству стройную теорию классовой борьбы, силою своего могучего анализа вскрывший сущность государства, указавший новые формы его организации, давший замечательные работы по теории и практике Интернационала, глубочайший анализ российской действительности, изумительные по ясности и пророческой прозорливости исследования по развитию капитализма в нашей деревне, по рабочему вопросу,—Ленин высоко ценил науку и озаренную ее светом технику. Наука для Владимира Ульянова-Ленина была, как и для Карла Маркса „исторически движущей, революционной силой". Гениальным прозрением он видел, как освобожденная наука подводит могучий фундамент под здание Ленина,—благо трудящихся всего мира. Рядом с глубочайшей, непоколебимой уверенностью в могучие творческие силы Союза трудящихся Советских Республик, в Ленине жила вера в мощь науки. Этим объясняется тот громадный интерес, который Владимир Ильич проявлял к научным исследованиям во всех отраслях человеческого знания, то неослабное внимание, с каким он следил за техническими изобретениями и усовершенствованиями, особенно за сулившими оказать широкое революционизирующее влияние на нашу промышленность и народное хозяйство.

Ленин и наука. Великий и великое. Нет на советской земле ни одного крупного научного и научно-технического достижения, которое не было бы связано с именем Ленина, не было бы в той или иной мере ему обязано.

Необычайно прозорливый, Ленин и в вопросах техники обнаружил свой гениальный дар предвидения, дар научного пророчества на основе глубочайшего понимания сущности явлений, динамики их развития. Еще летом 1918 года Ленин в письме Академии Наук *) набрасывает основные вехи плана научно-технических работ, на основе которого мы еще долго будем строить свое советское хозяйство. Здесь в этом плане—и рациональное размещение промышленности и правильная организация производства с наименьшими потерями при переходе от отработки сырья ко всем последовательным стадиям производства вплоть до получения готового продукта, и вопросы естественных производительных сил в целом, и использование „непервоклассных сортов топлива", и вопросы энергетики в широком смысле

*) См. Н. П. Горбунов.—„Ленин и план научно-технических работ", Технико-Экономический Вестник". Февраль 1924 г. № 2. Москва.

этого слова, и, наконец, вопрос электрификации, на который Владимир Ильич обращает „особое внимание".

Чрезвычайно интересно вспомнить то внимание, которое оказывал вопросам успехов в области электричества Карл Маркс. Фридрих Энгельс говорил на могиле Маркса: „Но совсем иного рода радость он испытывал, когда дело шло об открытии, революционизирующем промышленность, и вообще историческое развитие. Так он внимательно следил за развитием открытий в области электричества". И величайший ученик и продолжатель дела Маркса, Ленин постиг силу электрической энергии, которой, видимо, предстоит сказать решающее слово в деле создания прочного материального базиса для планомерного обобществленного хозяйства. „Век пара—век буржуазии, век электричества—век социализма". В. И. Ленин явился „великим инициатором и вдохновителем государственной электрификации России", как правильно указывает т. Г. М. Кржижановский, лучший и талантливейший ученик Владимира Ильича в этой области, Председатель Государственной Комиссии по Электрификации России (ГОЭЛРО), разработавшей в „порядке первого приближения" широкой план электрификации, ныне в значительной своей части осуществляемый.

Вечная действенность идей Ленина, сделавшая из него не только мыслителя, но и величайшего вождя пролетариата всего мира, сказалась в его отношениях к вопросам науки и техники. На торжественном заседании, посвященном памяти Владимира Ильича, организованном в Москве пленумом Центрального Совета научных работников СССР, т. Кржижановский в своем блестящем докладе длинным рядом примеров иллюстрировал, как и в вопросах научно-технических Ленин всегда был активнейшим революционером, действовавшим до конца, стремившимся к сокрушению всяческих препятствий, возникавших на пути осуществления идей, которые он считал правильными.

Владимир Ильич горел желанием скорее „демократизировать" блага электрической энергии, привести ее к глубинам народных масс. Мы помним, как на 8-м Съезде Советов Владимир Ильич, говоря с пламенной, заражающей убежденностью о только что тогда разработанном ГОЭЛРО плане электрификации РСФСР, огласил, с необыкновенным любовным вниманием, полученные им данные о проведении электрического освещения в ряде деревень, об озарившем эти последние „свете неестественном". И прав т. Кржижановский, когда говорил, что те лампочки, которые с течением времени разольют электрический свет по всей нашей крестьянской России, по праву должны быть названы лампочками Ильича.

Ленин лично следит за изготовлением электроплугов. Ленин лично присутствует на электропахоте.

Ленин, необычайно перегруженный важнейшими государственными задачами, не забывает, например, в тяжелый 1920 год послать т. Л. К. Мартенсу такую телеграмму в Америку: „Соберите и привезите всю литературу по электротехнике". Не только вопросы энергии электрической, но и вопросы энергетики в широком смысле этого слова глубоко интересовали Владимира Ильича. Его, например, близко занимал вопрос о возможности овладеть нашими торфяниками, которых в одной лишь Европейской России насчитывается около 17 миллионов десятин,—огромный запас энергии для наших станций. Ленин внимательно следит за работами в области механизации торфа, за работами гидроторфа.

Сапропели, поволжский сланец—и Ленин. Биби-Эйбатская нефть—и Ленин. Орошение голодных Муганских степей—и Ленин.

Курская магнитная аномалия — и Ленин. Теперь из оглашенных т. Кржижановским материалов мы узнаем, что еще 6 апреля 1922 г. (т.-е., примерно, за год до того, как в районе Курской магнитной аномалии мы добурились до руды) Владимир Ильич, накануне своего предполагавшегося отъезда в длительный отпуск для серьезного лечения, писал т.т. А. И. Рыкову, А. Д. Цюрупе и Г. М. Кржижановскому о подготовке необходимых мероприятий в области этой магнитной аномалии.

Пытливый ум Ленина обладал заманчивой возможностью углубить самый узкий вопрос. Владимир Ильич находил время заинтересоваться небольшими на первый взгляд вопросами. Возникает вопрос об организации использования соды из Петуховских озер в Сибири

(Павлоградского уезда, Омской губ.) Сода, извлекаемая из этих озер, отличается замечательной чистотой и могла бы быть использована с малыми затратами для мыловарения. Хотя этот вопрос имел местное значение (запас соды определился в несколько миллионов пудов), Владимир Ильич не преминул пригласить к себе известного русского химика академика В. Н. Ипатьева, и выяснить во всем объеме содовый вопрос в России. Ленин внимательно и подробно вникает, например, в вопрос о получении спирта из торфа и возможности освобождения этим известных запасов картофеля для целей продовольственных.

„Надо же научиться ценить науку“,—писал Владимир Ильич на страницах „Правды“ (№ 39—1921 г.). Для этого необходимо также широкое распространение уже добытых научных знаний, всеобщее понимание и, как результат, признание науки, как одного из главных факторов культуры. Обобществление, истинная популяризация науки явятся верным орудием просвещения, явятся в то же время и залогом свободы самой науки. И залог успеха каждого плана технического и научно-технического Ленин видел в том, „чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой, вполне научной в основе, перспективой“.

Как лично Владимир Ильич относился к науке, он доказал не на словах, а на деле. И не только к науке, но и к ее работникам. Каждый действительный ученый, каждый советский техник твердо знал, что во Владимире Ильиче он найдет нелицеприятного судью, необходимую поддержку и теплое высокочеловеческое отношение. В настоящее время мы узнаем, как необычайно велик был круг тех людей, о личной судьбе и личной жизни которых заботился Владимир Ильич. И среди этих лиц мы насчитываем много таких, которые интересовали его исключительно, как проводники той или иной полезной, по его мнению, технической идеи.

Ленин—это знамя всех действительных творцов новой жизни, знамя новых строителей.

Целые поколения будут изучать наследие Ленина. Чем дальше, тем величественнее будет выростать его гигантская фигура, бросая яркие снопы света на весь мир, освещая пути великой Ленинской армии творцов новой, светлой, радостной жизни.

М. Лапиров-Скобло.

Н. Вышеславцев. В. И. Ленин.

Ленин и национальный вопрос

I. Положение национальностей России до Октябрьской революции.

Обострение национального вопроса в буржуазных государствах явилось результатом того обстоятельства, что буржуазия более крупных и развитых в промышленном отношении наций, в целях приобретения новых рынков, источников сырья, дешевой рабочей силы, новых мест приложения своих капиталов и т. д.—подчиняла себе территории и население более слабых, культурно и промышленно отсталых наций, насильственно вводя их в состав своего государства или превращая их в свои колонии.

В России процесс насильственного объединения многочисленных нерусских народностей „под скипетром русских царей“ начался уже около XVI века. Завоевания сформировавшегося к тому времени русского государства особенно широко развернулись на востоке, где противодействие было слабее. Один за другим народы, находившиеся к востоку от Московии, обращались в подневольное состояние, а в конце XVIII и начале XIX века такая же судьба постигла и ряд западных народностей, как Финляндию, Польшу и др.

Во второй половине XIX века Россия занимала уже $^1/_6$ часть всей суши земного шара и имела $^1/_{10}$ часть всего его населения, являясь вместе с тем характерным „государством национальностей“, в котором, однако, интересы великорусской народности господствовали над интересами всех остальных народностей империи.

На 1 января 1914 г. царская Империя обнимала территорию в 21.741.877 кв. километров и 181.182.645 населения, состоявшего из более ста различных народностей.

Все эти народности, отличающиеся от великоросов языком, культурой, бытом, всеми силами продолжали сопротивляться насильственной руссификации и давившему их тяжелому экономическому гнету. Стремясь упрочить свое господство, царское правительство самым жестоким образом подавляло всякое стремление этих народностей к освобождению. Применявшиеся при этом методы воздействия были самые разнородные, в зависимости от упорства борьбы, которую вели покоренные народы.

Геройская пятидесятилетняя борьба народов Кавказа за свою независимость, жестоко подавленная царизмом, „замирение“ Кавказа, сопровождавшееся суровыми расправами по отношению к „непокорным“, которые целыми племенами и селениями были согнаны с родных мест и насильственным образом выселены в Турцию; уничтожение независимости поляков и кровавое подавление их восстаний против царской власти; такое же уничтожение самостоятельности Финляндии и систематическое преследование национальной культуры всех других национальностей, и, наконец, искусственное раздувание расовой и национальной вражды, организация погромов над евреями, потворствование армяно-татарским резням, как способу отводить „по линии наименьшего сопротивления“ гнев народный, нараставший против царского правительства,—вот то, что характерно для положения многочисленных национальностей в эпоху царского режима.

Параллельно с политическим и культурным гнетом царское правительство проводило, главным образом, на Востоке и экономический гнет, который „мирным образом“, путем заселения

окраин русским элементом, должен был привести живущие там народности к подчинению. В районы, занятые „инородцами“, переселялись русские земледельцы и казаки, которые, при содействии власти, захватывали лучшие участки „инородцев“, загоняя последних на худшие и неплодородные земли. Правительство преследовало этим двойную цель: с одной стороны, оно отводило недовольство малоземельных и безземельных дворянско-помещичьим порядком землевладения в средней России и направляло их взоры в сторону земель „инородцев“; с другой стороны, оно создавало из пришлого элемента надежную опору на месте против возможных восстаний туземцев. В результате этих мероприятий, туземцы-скотоводы и земледельцы, теряя свою экономическую базу—землю, нищали и обрекались на вымирание. Их отношение к русским, как к поработителям, было всегда полно подозрительности и ненависти, и поэтому неудивительно, что они часто на протяжении своей истории восставали против угнетавших их чиновников и всегда поддерживали различные „бунты“ и революционные движения, направленные против царского режима.

Этот экономический гнет еще более усугубился в особенности на Востоке с началом развития крупной промышленности в центре. Царское правительство не только не интересовалось поднятием хозяйственного и культурного уровня окраин, но, наоборот, искусственно задерживало развитие последних, превращая их в колонии, откуда промышленность центра должна была черпать необходимое сырье (нефть, хлопок, руду и т. д.). Это обстоятельство обусловило крайнюю отсталость окраин во всех областях жизни, сохранило там влияние феодальных групп (баев, беков и т. д.) и духовенства (мулл, шейхов, шаманов и т. п.) над широкими массами населения.

Даже и после падения самодержавия, буржуазия фактически предполагала вести прежнюю политику против окраин.

После Февральской революции Временное правительство, в свою очередь, хотя и оговаривалось фразами „о национальной свободе“, но фактически его политика была от начала до конца руссификаторско-великодержавной. Временное Правительство совершенно не думало отказываться от унаследованных им от царского правительства „прав“ на угнетенные народы. Российская буржуазия не могла, конечно, изжить в себе захватнических тенденций, и мы видим, что и после Февральской революции, цели ее были направлены к тому, чтоб путем новых завоеваний подчинить себе еще новые территории, а вместе с тем—и новые народности. Во время мировой войны, взоры алчных империалистов были направлены еще дальше на Восток—к Константинополю и проливам.

Владея этим „ключем от своего дома“, российская буржуазия мечтала открыть себе свободный выход к портам и рынкам Средиземного моря, где она могла бы беспрепятственно сбывать свои продукты, а помещики—свой хлеб. Параллельно с этим, хищнические когти вонзились в тело Персии, народов Малой Азии и т. д.

При таких обстоятельствах не могло быть и речи о действительной свободе национальностей. Понятны поэтому те конфликты, которые возникали между Временным Правительством и его ставленниками на местах, с одной стороны, и воспрянувшими, после падения царизма, отдельными национальностями, с другой,—конфликты, приводившие чуть не к вооруженным столкновениям (с Украиной, Финляндией и т. д.). Сгладить всю остроту национального вопроса Временное Правительство было не в силах. Нужно добавить, что вопрос этот вообще не мог быть разрешен на базе буржуазной государственности, ибо всякое мероприятие русской буржуазии и Временного Правительства вызывало противодействие со стороны экономически достаточно сильных групп буржуазии отдельных народностей, стремившихся отделиться от русской государственности и самим стать хозяевами положения среди своего народа.

II. Ленин и постановка нац. вопроса.

Еще 25 лет тому назад старая, революционная РСДРП, в самом начале своей организации, учла важность правильного разрешения национального вопроса в интересах революционной спайки пролетариев всех народностей. Уже 1 съезд, состоявшийся в 1898 г., принял по этому поводу постановление, целиком вошедшее затем в программу соц.-дем. партии, партии, принятой в 1903 г. на II Съезде РСДРП. Так, пункт 9 программы провозглашал „право

на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства".

Владимир Ильич Ленин, с самого начала организации партии, занял ясную и решительную позицию в национальном вопросе, которая выявилась, как в общей постановке этого вопроса, так и в борьбе с различными извращениями и неправильными толкованиями среди марксистов, принимавших иногда то националистический характер, то упрощенно мнимо-интернационалистские отклонения, неучитывавшие важность национальной проблемы в революционной борьбе пролетариата.

Начиная с 1900 года им написано много статей, как в нелегальной, так и в легальной печати. В эпоху старой „Правды", выходившей в момент националистической реакции, охватившей правящие кругии царской России, Владимир Ильич, со свойственным ему простым и ясным языком, обращаясь к рабочим массам, „минуя цензурные рогатки", писал:

„Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций. Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства, для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим классом. Ни одной привиллегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству—вот принципы рабочей демократии.

Капиталисты и помещики во что бы то ни стало желают разъединить рабочих разных наций, а сами сильные мира сего великолепно уживаются вместе, как акционеры „доходных" миллионных „дел" (вроде Ленских приисков)—и православные и евреи, и русские и немцы и поляки и украинцы—все у кого есть капитал, дружно эксплоатируют рабочих всех наций"... („Правда" 106, 10 мая 1913 г.),

Вот эти ясные принципы, провозглашавшие полную свободу национальностей, ставили, однако, национальный вопрос в полной зависимости от классовой точки зрения пролетариата. И в этом отношении т. Ленин был беспощаден к тем, которые уклонялись в сторону признания общности „национальных целей" с буржуазией.

III. Ленин и „националистские" уклоны.

Принятие 9 пункта программы РСДРП, в общих чертах говорившего „о самоопределении" сопровождался оживленной полемикой между т. Лениным и бундовцами, внесших к этому пункту добавление, говорившее о „создании особых учреждений, гарантирующих национальностям полную свободу культурного развития". В связи с этим „бундовцы" требовали и признания за „Бундом" его самостоятельности в РСДРП, в которую он входил бы лишь на федеративных началах, и „права на исключительное представительство еврейского пролетариата".

Требование это выдвигалось не различием языковых особенностей, которые всегда и повсюду учитывались в работе РСДРП, в соответствии с национальным составом той или иной организации или области*), а стремлением национально отгородить еврейские массы от других национальностей. Состоявшийся в 1905 г. V Съезд Бунда, в соответствии с этим же, требовал „изъятия из ведения государства и органов местного самоуправления всего культурно-просветительного дела и передачи его нации в целом в лице особых учреждений, выбираемых всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием".

Как поправки „бундовцев" на II Съезде, отвергнутые подавляющим большинством Съезда, так и их дальнейшее уточнение на V Съезде Бунда находились под влиянием принципа так наз. „нац.-культурной автономии", проводившихся некоторыми австрийскими социал-демократами. Принцип этот, по мнению отдельных „бундовцев", заключался в том, что нация, еще в пределах самодержавно-капиталистического режима, создает национальные учреждения, обнимающие нацию в целом, которые ведали бы всеми делами культуры (школой и т. д.), что по мнению их сторонников, должно было явиться гарантией полной свободы культурного развития данной нации.

*) § 8 той же программы гласил: „Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для того школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях".

Принцип этот клал в основу не столько историко-экономические соображения, сколько отвлеченные юридические „права“ и ряд чисто ложных психологических соображений, возводящих нацию в нечто вечное, все более усиливающееся в своем развитии.

Так, напр., один из видных австрийских с.-дем. теоретиков, виднейший поборник „национально-культурной автономии“, Отто Бауэр писал:

„Тот факт, что социализм делает нацию автономной, ее судьбы делом ее сознательной воли, приводит к растущей дифференциации национальностей в социалистическом обществе, к более резкому разграничению их характеров, к более отчетливой выработке их коллективных индивидуальностей“ *).

Уж одно то, что так наз. „национально-культурная автономия“ должна была объединить нацию в целом (т.-е. и буржуазию, и пролетариат), противоречило общим марксистским принципам об историко-экономическом процессе, по которым и школа и вообще дело культуры теснейшим образом связано с экономикой, а следовательно, и с борьбой классов.

Как же толковала старая революционная соц.-дем. лозунг самоопределения национальностей.

Она хорошо понимала, что в рамках самодержавного государства невозможно никакое практическое „самоопределение“, что лишь постепенное наростание революционных сил пролетариата, подкрепленное недовольством угнетенных национальностей, приведет к свержению царизма и буржуазии, после чего каждая народность окончательно освободится от национального гнета. Лозунг „самоопределение национальностей“, допускавший и *отделение от России*, согласовался с задачами революционной и классовой борьбы и фактически подчинялся последнему, ничего общего не имея с „*безусловным* отделением“, которое буржуазия каждой нации проповедывала в своих интересах. В эпоху самодержавия лозунг самоопределения наций должен был сыграть свою революционную роль, объединяя русского пролетария с пролетариями других народностей против общего врага—царя. После падения царизма и буржуазии он давал бы возможность на почве общих задач социалистического хозяйства, отличающих государство трудящихся от капиталистического государства, создавать свободные национальные объединения, в соответствии с особенностями быта, культуры и т. д.

В общем и целом этот чрезвычайно сложный вопрос об отношении к самоопределению, даже в рамках буржуазного строя, в зависимости от условий, в которых он поднимается, должен был решаться в соответствии с очередными задачами пролетариата.

Начиная с 1903 г. т. Ленин не однажды подвергал резкой критике лозунг „культурно-национальной автономии“. Особенно ярко он подчеркнул его ошибочность в статье, помещенного в журнале „Просвещение“ № 10—12, в дек. 1913.

Т. Ленин писал:

„Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый „справедливый“, „чистенький“, тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма—интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом.

. . . Марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но чтоб это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно организовалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях—чтоб это признание не вело к затмению пролетарского сознания буржуазной идеологией.

— Закрепить национализм в известной „по справедливости“ отграниченной сфере, “конституировать“ национализм, разгородить крепко и прочно все нации между собой посредством особого государственного учреждения—вот идейная основа и содержание культурно-национальной автономии“.

Тов. Ленин, беспощадно критикуя защитников этого принципа, видел в них „отчаявшихся в прекращении национальной грызни и выдумавших футляры для наций в школьном деле, чтоб они не могли грызться из-за дележа школ, по

*) Отто Бауэр „Нац. вопрос и соц.-дем.“ Изд. „Книга“ стр. 43.

„конституировались“ для вечной грызни одной „национальной культуры „против другой.“

Еще раньше. когда на августовской конференции ликвидаторов *) 1912 г. кавказские меньшевики присоединяются к „бундовской“ позиции в национальном вопросе и принимают лозунг „культурно-национальной автономии“, когда к этому же склоняются и некоторые левонароднические мелко-буржуазные партии, как например: армянские дашнаки, грузинские федералисты—социалисты, белорусская громада, еврейский „Сери“ и др., Совещание Центрального Комитета с партийными работниками в 1913 г. состоявшееся в Галиции, по преддожению т. Ленина, принимает резолюцию, в которой отмечается, что так наз. „национально-культурная автономия“ может лишь отвлечь пролетариат от его непосредственных задач. Резолюция вместе с тем указывает:

„Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т-.е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно, должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует далее дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции...

Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целеообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм“.

*) Господствовавшее в рядах меньшевиков в 1908 1914 г.г. течение, стремившееся к легальной деятельности в рамках возможностей, предоставленных столыпинским режимом и предлагавшее ликвидировать старые революционно-конспиративные формы организации.

IV. Ленин—„противник упрощенного интернационализма“.

Борясь. против „националистических “уклонов среди марксистов, тов. Ленин в той же мере боролся и против недооценки национальных движений в эпоху классовой борьбы пролетариата недооценки, прикрывавшейся упрощенным интернационализмом.

Такую борьбу, имевшую впоследствии свой отголосок и на 8 с'езде РКП., тов. Ленин вел в 1914 г. против покойной Розы Люксембург, которая, критикуя формулу „право наций на самоопределение“ еще раньше в польской печати доказывала, что „в признании права наций на самоопределение нет ничего специфически связанного ни с социализмом, ни с рабочей политикой“, „что это“ есть ничто иное, как метафизическая фраза, вроде „прав человека и гражданина“, что говоря о „праве на самоопределение наций разумеют „нацию“—народ, как его целое, как неделимую общественную единицу“, что при выставления этого лозунга не принимаются во внимание „все разнородности исторических условий (место и времени) в каждом отдельном случае... не считаются с общим направлением развития всемирных отношений... игнорируют теорию современного социализма—теорию классового общества“.

„Социал-демократия, заявила Роза Люксембург, призвана осуществить не право на самоопределение наций, а право на самоопределение трудящегося класса, класса эксплоатируемого и угнетаемого пролетариата“.

В ответ на это т. Ленин писал *):

„Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производотва необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим их одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе.

*) Собр. соч. Ленина т. XIV стр. 97—150.

...Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства ..

...„Роза Люксембург не жалеет крепких словечек против § 9 программы РСДРП, объявляя его ...„метафизической фразой". Естественно было бы ожидать, что писательница... дает нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века... Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит. Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данную историческую эпоху, каковы особенности России в данном отношении,—вы у нее не найдете"...

...„В западной континентальной Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно с 1789 по 1871 г. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западно-европейских социалистов—значит не понимать азбуки марксизма.

„В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. Революция в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах—вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего „Востока". И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых, национально-единых государств. Именно поэтому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

...„Россия—государство с единым национальным центром великорусским. Великоруссы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности 70 миллионов чел. Особенность этого нац. государства, во 1-х, та, что „инородцы" (составляющие в целом большинство населения—57%) населяют как раз окраины; во 2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее чем в соседних государствах (и даже не только в европейских); в 3-х, та, что в целом ряде случаев, живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в 4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в „инородческих" окраинах чем в центре государства, наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

... „Именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность празнанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

... „Пролетариат, признавая равноправие и равное право на национальное государство, выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих, всякое национальное требование, всякое национальное отделение.

... Если мы не выставим и не проведем в агитации лозунга права на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму угнетающей нации".

... „Положение вещей ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двухстороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т.-е. права наций на самоопределение, на отделение;—а на ряду с этим, именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности"...

В этом отношении особенно интересна также полемика, ведшаяся в 1916 г. между т. Лениным польскими соц.-дем.

Польские соц.-демократы, выступавшие против создания отдельного польского государства—буфера, писали в своих тезисах, что в случае осуществления „эта идея означала бы создание маленького польского обломка—государства, которое было бы военной колонией той или иной группы великих держав, игрушкой их военных и экономических интересов, областью эксплоатации чужого капитала, полем битвы в будущих войнах".

„Все это, писал им в ответ т. Ленин, очень верно против лозунга независимости Польши теперь, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, а внимание польских масс было-бы отвлечено от главного, от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата. Но русским и немецким рабочим не безразлично, будут ли они участниками аннексий Польши (это означает воспитание немецких и русских рабочих и крестьян в духе самого подлого хамства, примерное с ролью палача чужих народов) или Польша будет независима.

...„Положение, безусловно, очень запутанное, но из него есть выход, при котором все участники остались бы интернационалистами: русские и немецкие соц.-дем., требуя безусловной „свободы отделения" Польши; польские с.-д., борясь за единство пролетарской борьбы... без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши"...

V. Ленин и национальный вопрос в программе РКП.

С такими взглядами по национальному вопросу большевики, под руководством Ленина, подошли вплотную к Октябрьской революции, давшей необычайный толчек устройству национальностей, согласно их собственным желаниям.

Состоявшийся в марте 1918 г. VIII Съезд РКП, принявший новую программу, отметил и задачи по национальному вопросу в эпоху диктатуры пролетариата. Касавшийся этого пункт программы вызвал, однако, оживленные прения. Отдельные товарищи (т. т. Бухарин, Пятаков и др.) выявили при этом уклон в сторону так называемого „чистого интернационализма". „Для коммуниста нет нации, а есть только класс"— вот к чему сводился их взгляд на национальный вопрос. В частности, выступавший по этому вопросу т. Бухарин, критикуя старый лозунг „самоопределения наций", охватывавший нацию в целом, в том числе и ее господствующие элементы, допускал его лишь для таких отсталых народов, среди которых пролетариат не оформился еще в класс. Что касается остальных, то старый лозунг, не согласующийся с принципами пролетарской диктатуры, т. Бухарин предлагал заменить лозунгом: „самоопределение трудящихся классов каждой национальности".

Тов. Ленин, критикуя эту точку зрения, доказывал, что не только по отношению к отсталым странам, но и по отношению к такой передовой стране, как Германия, лозунг „самоопределения трудящихся каждой национальности" является неправильным, ибо дает лишь козырь в руки немецкой буржуазии и ее прислужников — социал-соглашателей, доказывающих, что под этим лозунгом „русские большевики хотят завоевать Германию". Такой демагогией стремятся вызвать среди несознательных масс шовинизм, который должен затруднить борьбу с буржуазией. Естественный процесс отслоения трудящихся от буржуазии совершится гораздо легче, поскольку у последней будет вырвана почва из-под ног. Выставляемый коммунистами лозунг „самоопределения наций„ скажет массам, что борьба коммунистов против немецкой буржуазии не есть „борьба против немцев и немецкой культуры".

Но особенно неправильны были взгляды тов. Бухарина по отношению к России.

Т. Бухарин и др. неверно учитывали историко-экономические условия, в которых находятся многие народности России, в особенности восточные, где часто нет пролетариата в том виде, как мы это привыкли понимать, где господствует еще патриархально-феодальный быт, где в связи с пережитыми гонениями в прошлом, развита недоверчивость к русским и, наоборот, слепое доверие к своим родоначальникам, баям, „князьям" и духовенству: муллам, шейхам и др.

Эти последние, желая отстоять свои привилегии в борьбе с Октябрьской революцией, стремились убедить послушные им широкие массы, что коммунистическая партия и Сов.

власть стремятся уничтожить веками освященные национальные особенности и что политика их является лишь продолжением царской руссификаторской политики, направленной против родного языка, обычаев, религии и т. д.

Таким образом классовая борьба подменялась национальным шовинизмом.

В эпоху обострившейся гражданской войны „верхи" эти разжигали шовинизм и религиозный фанатизм, толкали массы в объятия генеральской контр-революции, сознавая, что лишь таким образом им удастся попрежнему оставаться у власти. Для массы, не осознавшей еще своих интересов, с в о й мулла и князь—являлся д р у г о м и выразителем ее „национальных идеалов". Наоборот, р у с с к и й—хотя и пролетарий-коммунист—в р а г о м. Нужна была чрезвычайная осторожность и выдержанность, чтобы доказать обманутым широким народным массам, что Советская власть не думает посягать на их действительные народные и национальные интересы, а наоборот, желает защитить их от эксплоататоров. Можно ли было это сделать простым призывом трудящихся восстать против своих „верхов"? Конечно, нет! Нужно было раньше завоевать доверие этой массы постепенным практическим проведением лозунга равенства наций, и лишь после преодоления прежнего недоверия само собою неизбежно было и последовательное отслонение народных масс от своих „верхов", с которыми массы на почве своих классовых интересов вступали затем в борьбу, отбирая у них землю и лишая их всяких преимуществ.

Конечно, не везде на окраинах эта революция против туземных эксплоататорских элементов проходила однообразно, но зато почти везде классовые задачи трудящихся получали свое правильное разрешение постольку, поскольку параллельно с ними шло разрешение и национального вопроса и инициатива в этом деле переходила из рук туземных „верхов" в руки коммунистов.

Подавляющее большинство VIII Съезда поняло важность такого переплетения национальных и социальных задач на окраинах и приняло, поэтому, пункт программы в духе высказанных тов. Лениным мыслей.

Так был прочно заложен фундамент ленинизма в том грандиозном творчестве по устройству национальностей в автономных Советских Республиках и Областях, составивших затем могучий и непоколебимый Союз трудящихся, являющийся ныне угрозой всему хищническому империалистическому миру.

VI. Ленинизм на практике.

Ленинизм на практике выявил себя могучим творческим двигателем, направившим политику Советской власти не только к коммунистическому освобождению отсталых национальностей, но и на путь их полного экономического и культурного уравнения с пролетариатом центра.

Вместо прежней „тюрьмы народов" мы имеем в настоящее время Союз свободных национальных Республик и Областей, объединенных в единой СССР.

Вместо прежней „единой и неделимой" Российской Империи в СССР входят:

I. РСФСР, объединющая:

а) А в т о н о м н ы е Р е с п у б л и к и.

1. Татарскую Автон. Сов. Соц. Республ.
2. Башкирскую „ „ „ „
3. Киргизскую „ „ „ „
4. Туркестанск. „ „ „ „
5. Горскую „ „ „ „
6. Дагестанскую „ „ „ „
7. Крымскую „ „ „ „
8. Карельскую „ „ „ „
9. Немцев Пов. „ „ „ „
10. Бурято-Монг. „ „ „ „
11. Якутскую „ „ „ „

б) А в т о н о м н ы е О б л а с т и.

1. Чувашская Автономная Область.
2. Марийская „ „
3. Вотская „ „
4. Калмыцкая „ „
5. Коми (Зырянск.) „ „
6. Кабард.-Балк. „ „
7. Карачаево-Черк. „ „
8. Чеченская „ „
9. Адыгенск.(Черк.)„ „
10. Ойратская „ „

II. Украинская Сов. Соц. Республика.

III. Белорусская „ „ „

IV Закавказская Федерация Сов. Соц. Республик, объединяющая:

1. Сов. Соц. Респ. Грузии с автономиями:
   а) Абхазской,
   б) Аджарской,
   в) Юго-Осетинской.
2. Сов. Соц. Респ. Азербайджана с автономиями:
   а) Нахичеванской,
   б) Карабахской.
3. Сов. Соц. Республика Армении.

Ленинизм в национальном вопросе стремится также подложить крепкую базу под создавшийся союз указанных национальных объединений.

Практический опыт национальной политики был в марте 1921 г. учтен X-м съездом РКП, который в вынесенной по национальному вопросу резолюции ставил, между прочим, перед членами партии следующие проблемы:

... „Задача партии, говорится в резолюции, состоит в том, чтобы помочь трудовым массам не-великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность, в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке судебную администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школы, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову—для киргизов, башкиров, туркменов, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев), для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советских партийных работников по всем областям управления и, прежде всего, в области просвещения“...

И все эти идеи Ленина сейчас почти повсюду осуществляются. Об этом свидетельствуют широкое участие на окраинах коренного „инородческого“ населения в аппарате Соввласти, тысячи школ на родных языках национальностей в автономных объединениях и т. д.

В области экономической, в противовес прежнему принципу колонизации окраин, Советская власть стремится также осуществить принцип подъема производительных возможностей самого коренного населения, путем насаждения на окраинах индустрии, с целью обработки имеющихся на местах богатых запасов сырья. Такой принцип должен привести к повышению культурно-экономического уровня, а также и благосостояния окраин.

Проведение национальной политики на окраинах привело также к тому, что отменены были все старые несправедливости прежних колонизаторских хищников. В особенности это выявилось при проведении земельной реформы. И это особенно важно, так как население окраин, в подавляющем большинстве своем представляет собою, главным образом, широкие массы крестьянства, для которых вопрос о земле является исходной точкой при разрешении вопроса их свободного существования. На окраинах земельный вопрос настолько переплетен с национальным вопросом, что разрешить последний без первого и наоборот не представлялось возможным. Проведенная почти повсюду на окраинах земельная реформа получала поэтому всегда характер не только простого восстановления социальной справедливости, в смысле возвращения бедноте земель (помещичьих и др.), как это было в центре, но была связана еще с ликвидацией порядка старого, захватного землепользования, установленного здесь русскими кулаками и царскими чиновниками, так называемыми „колонизаторами“, которые культивировали не только национальный гнет, в прямом его смысле, но и экономический, в смысле захвата себе лучших земель.

В самом центра Советского государства, в Москве, был создан ряд учреждений, целью которых является содействие отсталым национальностям в их скорейшем уравнении с центром.

Таковыми являются:

а) Существовавший с начала Октябрьской революции до 1924 г. специальный Народный Комиссариат по делам национальностей, проведший большую работу по организации национальностей в их автономных объединениях. Сейчас Наркомнац ликвидирован потому, что сами национальные объединения (Республики и

Области) в лице своих ЦИК, СНК и т. д. настолько прочно включились в общую сеть союзного аппарата, что уже больше не нуждаются в посредничестве таких „опекунов“, каким был в первое время Наркомнац. Национальности сами участвуют в решении не только своих дел, но и всего Союза через Союзный ЦИК, в котором на равных правах с Союзным Советом существует и Совет Национальностей.

б) Коммунистический Университет Трудящихся Востока, объединивший в своих стенах студентов более 60 восточных национальностей.

в) Коммунистический Университет Трудящихся народов Запада, объединяющий студентов западных национальностей.

г) Всесоюзная Научная Ассоциация Востоковедения.

д) Институт Востоковедения.

е) Центральные Восточное и Западное Издательства и др.

Ряд аналогичных крупных культурных национальных центров существует и на местах: в Харькове, Минске, Тифлисе и т. д.

Таков ленинизм на практике.

Светлой памяти вождя угнетенного человечества.

Ленин и ленинизм потерпели в прошлом не мало гонения. Империалистические мракобесы не раз клеймили Ленина „предателем“, „изменником отечества“ и т. д. Ленин, бывший во время войны „пораженцем“ по отношении к царско-буржуазным победным планам, заботившийся об угнетенных царизмом национальностях, помогавший их освобождению, был вместе с тем лучшим из лучших сынов своего народа.

В момент разгула националистских страстей он писал:

...„Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. + ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти, насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров—разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класса создал в 1905 г. могучую революционную партию, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

...„Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы., ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики-дворяне вели на войну мужиков, чтоб душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтоб душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайки Романовых, Бобринских, Пуришкевичей“ *).

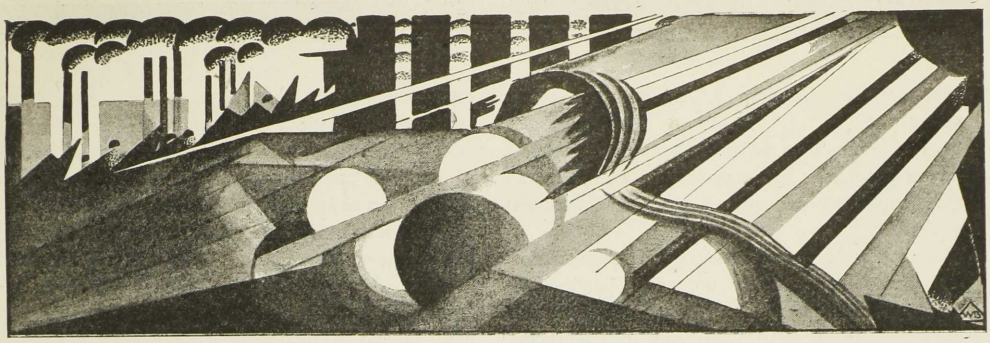
Вот он светлый облик Ленина, лучший из сынов своего народа, гражданин трудящегося человечества, поборник свободы и братства народов в труде и созидательном творчестве.

Вот он, Ленин. сумевший своим призывом привлечь к себе все, что есть лучшее среди всех национальностей и поднять их всех, даже тех, которые еще недавно пылали ненавистью ко всему русскому, на борьбу, бок о бок с русскими рабочими, со своими и чужими классовыми поработителями.

Таковым был Ленин при жизни; таковым он для трудящихся всего мира остался как символ непримиримой борьбы труда с его эксплоататорами, братства всех трудящихся, спаянных одной целью и одним стремлением—коммунизмом.

И. Трайнин.

*) Собр. соч. Ленина т. XIX, стр. 155.



В. И. Ленин и Профессиональные Союзы

Чтобы представить себе Ленина во весь рост в качестве идейного вождя российского и мирового профессионального движения, нужно помнить, что Ленин—марксист, Ленин—философ, Ленин—экономист и Ленин—теоретик профессионального движения об'единяются, сливаются в единое целое в фигуре величайшего бойца—вождя мировой социальной революции.

Тридцать лет Владимир Ильич Ленин стоял на своем боевом посту, на своем капитанском мостике. Тридцать лет своей жизни он неизменно целиком и полностью отдавался год, за годом, практике революционной борьбы. Только в редкие минуты вынужденного отрыва от непосредственной революционной работы, или когда, в обстановке боевой работы, надо было сказать свое слово в интересах именно этой работы он писал.

Его крупные труды—„Развитие капитализма в России“, напр.,—писалось в ссылке. Его наиболее важные произведения рождены были потребностями революционной практики—необходимостью отбросить от рабочего движения то, что налипало на движение, как грязь, как помеха, замедляющая это движение, отводящая его в сторону с правильного пути. „Что делать“ им писалось тогда, когда выдержанности и боевой силе зарождающейся социал-демократической партии грозила волна мелко-буржуазного „экономизма“ и „рабочедельства“, волна „хвостизма“, т.-е. стремления итти не в передних колоннах пролетариата, ведя за собою всю массу, а плелись в хвосте у самых отсталых, неразумных, несознательных прослоек рабочего класса России. „Государство и Революция“—лучшая работа по вопросу о том, что такое государство—была создана во время артиллерийской подготовки Великого Октябрьского наступления, тогда, когда питерский пролетариат готовил свои силы для окончательной борьбы за власть советов. . . . И „Государство и Революция“ должны были укрепить руку колебавшихся, оттолкнуть чуждые пролетариату элементы. А „Детская болезнь левизны в коммунизме“ вышла из-под пера Владимира Ильича Ленина тогда, когда часть нетерпеливых и недостаточно зрелых „левых“ коммунистов, пытаясь ускорить созревание социальной революции во всем мире, отшатнулась от ряда тактических приемов борьбы, которые были в тот момент обязательными для революционера и потому нашли у Ленина горячую и исключительно действенную защиту. И так, почти со всеми экономическими, философскими и написанными на очередные злобы дня работами Владимира Ильича Ленина.

И это так—потому, что сам Ленин говорил:

„Приятнее и полезнее“ опыт революции „проделывать, чем о нем писать“.

И это так—потому, что Ленин был с начала до конца вождем величайшей революции.

Но, откликаясь на все то, что так или иначе встречалось на пути революции, но отражая в своих выступлениях словом и пером самую суть переживаний рабочего класса—Ленин на своем тридцатилетнем революционном пути всегда рассыпал драгоценные каменья своих ясных и прозрачно отчетливых, как алмазы, мыслей. Из этой груды самоцветных камней складывается прекрасная мозаика ленинизма. И в этой мозаике—профессиональному движению принадлежит не мало ценнейших каменьев.

Это—учение Ленина о профессиональных союзах.

В. И. Ленин был всегда вождем и учителем. Был он им и для зарождавшихся на грани XIX и XX столетий российских профессиональных союзов.

В то время стачечное движение широкой волной начало разливаться по всей безбрежной русской долине. Не было ни одного промышленного города и даже поселения, где не вспыхивали бы стачки, где рабочий не бросал бы в протесте гнета капитализма своего станка, зубила или кирки. Росла и нарастала эта стачечная волна из года в год все выше и выше, угрожая размыть самый фундамент капиталистического господства.

Фабрика Торнтона, ряд бумагопрядилен и ткацких Петербурга того времени охватывались судорожной спазмой заостренного конфликта, бросая тысячи работниц и рабочих на столкновение с предпринимателем. И В. И. Ленин—тогда активный участник Ленинградского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“—пишет воззвание за воззванием. Тот, кто знает стиль Ильича, сразу может установить авторство этих прокламаций. В них—свойственных В.И. Ленину необычайная простота языка, ясность мысли и четкое представление о фактах. Вот, напр., прокламация к рабочим и работницам питерских бумагопрядилен и ткацких. Трудно найти более убедительного для рабочего документа: шаг за шагом перед рабочими вскрывается вся политика хозяев, обсчитывающих его то на размере куска, для котораго устанавливается сдельная расценка, то на ширине этого куска, и делается не вызывающий уже никаких сомнений вывод. А штрафы? От них стонет рабочая масса—и Ленин пишет ту брошюру о штрафах, в которой так отчетливо устанавливается в понятных для каждого выражениях природа капиталистических отношений.

Но смысла, но значения стачечной волны не понимали те небольшие группы, которые в тот момент вели работу среди рабочих кружков. Часть участников этих групп видела, что рабочий, которого в массе трудно поднять на борьбу с самодержавием, быстро поднимается для борьбы за повышение заработной платы, за сокращение рабочего времени, за человеческое обращение хозяев. И для этой части стачки рисовались, как указание на то, что надо строить всю работу на почве защиты „пятачковой прибавки“ к заработной плате. Их называли тогда „экономистами“ за то, что они выдвигали на первый план борьбы пятачковые интересы, интересы повседневного экономического быта рабочей массы.

В. И. Ленин решительно восстал против такого сужения рабочего движения. Он, заглядывая далеко в будущее и видя ясно истинные интересы всего рабочего класса, чувствовал, что в такой пятачковой борьбе для рабочей массы кроется грозная опасность.

Ведь на почве такого урезывания задач движения превратились в реакционные организации—мощные союзы Германии и Англии. Ведь из-за забот о повседневных нуждах рабочих руководители союзов не видели, что борьба мельчает, что сами они превращаются в «умеренных» и «аккуратных» чиновников профессионального движения, которые неспособны на подлинную борьбу... Такое вырождение движения имело место даже в Германии, где именно на почве урезывания задач измельчала и мощная партия рабочего класса и связанное с партией профессиональное движение. А в Англии, где вместо мощной, влиятельной партии рабочего класса были лишь небольшие группы пропагандистов-социалистов, и то преимущественно мелко-буржуазных, трэд-юнионизм, т.-е. примиренное с капитализмом профессиональное движение, стал нераздельным владыкой рабочего движения. Под его знаменем борьбы за пятачковые интересы, под его знаменем сотрудничества с буржуазией шла рабочая масса. В. И. Ленин зорко провидел всю опасность такого же вырождения и для российского рабочего класса, такого же забвения рабочими организациями своих общеклассовых задач, если „экономисты“ поведут по своему пути все движение... И он выступил против „экономистов“, выступил решительно, беспощадно, вскрыв всю ложь их учения.

В своей книге „Что делать?“ он подверг уничтожающей критике „экономизм“ и ставил перед рабочим классом задачу самовоспитания, переработки своего классового сознания в процессе революционной классовой борьбы. Не сводить всю работу среди рабочей массы к обслуживанию ее непосредственных, наиболее

ей понятных и близких „копеечных“ в большинстве случаев, интересов,—что он называл, „хвостизмом“ т.-е. плетением в хвосте у рабочей массы—а руководить рабочим движением, исходя из непосредственных интересов каждого рабочего, но ведя его прямо к цели, прямо к революционной борьбе за уничтожение и самодержавия и капитализма.

Не в том дело, чтобы приноровить к самым отсталым тактику борьбы, а в том—чтобы и самых отсталых довести до ясного понимания подлинной революционной тактики. Не в том дело, чтобы ограничивать и с'уживать задачи ради призрачного преимущества „массовости“, а в том, чтобы сейчас же, немедля, создать прочное и деятельное (главное деятельное) ядро вполне сознательных и стойких рабочих революционеров.

В этом случае, рабочее движение необходимо будет итти вперед и выше, втягивая постепенно всю массу в борьбу классов в ее самой развитой, совершенной форме.

В своей книге „Что делать“ вышедшей впервые в 1902 г.—наш вождь выступал с критикой скрытых врагов рабочего класса, которые, быть может, сами того не сознавая, отвлекали рабочую массу от общеклассового дела. Он уже тогда, иначе, говоря стоит на страже революционно-классовой выдержанности профессиональных союзов.

За эту последовательность в защите революционно-классовой позиции, за эту работу по подготовке классовых позиций профессионального движения В. И. Ленину пришлось вынести немало упреков и оскорблений. Видя и понимая порой, а порой и прямо чувствуя, что от зоркого глаза Ильича не скрыта их мелко-буржуазная порода, некоторые работники профессионального движения того времени, из числа „экономистов“ пытались внушить рабочим, что именно Ильич повинен в том, что пропаганда Зубатовых и Гапонов, Шаевичей и других охранников имела успех у темной, несознательной, серой еще рабочей массы российских городов. Но сам Ленин ни разу не свернул со своего твердо-намеченного пути, ни разу не поддался с занятых позиций под влиянием упреков и оскорблений. Он продолжал твердо направлять профессиональное движение и стачечную борьбу в сторону революции. Его ближайшие ученики и сторонники в роде талантливого питерского рабочего Бабушкина, расстрелянного впоследствии в 1906 году, шли в зубатовские организации, чтобы там изловчиться повести пропаганду, чтобы там прояснить классовое сознание обманутых и несознательных рабочих. А что делали те, кто потом бросал Ильичу упрек в способствовании Зубатовым? Что делали Гриневичи? Они пытались наладить такие же зубатовские, но только не связанные с царской охранкой организации. Ибо какая для рабочего класса в целом разница была между организацией одесских рабочих, охранником Шаевичем, созданной ради одной лишь борьбы за повышение заработной платы, и организацией такого же узенького рода, создавшейся „экономистами“? Только та, что охранники сознательно (но неудачно) уводили рабочих от борьбы за общеклассовые интересы, приманивая их обещанием улучшения их экономического положения, а „экономисты“ делали тоже самое бессознательно (но иногда удачно)...

В этой борьбе с „экономизмом“—которая теперь любому рабочему покажется такой легкой и естественной, но которая тогда была невероятно тяжела и требовала много сил и веры в свою правоту—Ленин был беспощаден и настойчив. Он упорно настаивал на необходимости раньше создать крепкую партийную организацию, которая могла бы вести всю стихийную стачечную борьбу и профессиональное движение все выше и выше по ступенькам классового сознания.

Именно благодаря Ленину российские союзы не обратились с самого же начала в узенькие, умеренные и аккуратные тред'юнины, обслуживающие рабочих в рамках капиталистического строя. Именно благодаря Ленину даже „экономисты“ не могли замкнуться только в пятачковых интересах и вынуждены были, хотя бы на словах, говорить о борьбе с капитализмом.. Ибо иначе острое слово Ильича выводило их на чистую воду немедленно... И именно благодаря Ленину с самого же начала профессиональное движение у нас стало развиваться под твердым и неуклонным руководством партии рабочего класса...

Лучшее свидетельство этому то, что российское профессиональное движение оказалось не-

способным сожительствовать с капитализмом и что те, кто стоял, за стихийность, за „экономизм", оказались все до единого—врагами рабочего класса.

Кто не знает, как стойко вели классовую борьбу российские союзы и какую роль они сыграли, в качестве опоры, в качестве широкой массовой основы, для всей революционной практики до и после Октября?

И кто не знает, чем сейчас заняты былые „экономисты" и Кускова, и Прокопович, и Струве—издающие в Берлине, Софии и тысячи других городов за пределами Советской России белогвардейские листки и журналы?

* * *

Но В. И. Ленин—обеспечив с самого начала своей работы чистоту и выдержанность классовых позиций профессиональных союзов—ни на одну минуту не переставал стоять на страже классовой выдержанности движения. На протяжении всей более чем четвертьвековой работы по подготовке Октябрьской революции и по строительству первой в мире Советской Республики он неизменно был на страже, неизменно отбивал от профессионального движения всех тех, кто пытался—сознательно или бессознательно—свести это движение с надлежащего пути.

И это понятно. Ибо никто лучше Ленина не понимал, что значит профессиональное движение для рабочего класса, что оно должно делать, чтобы выполнить свою роль в истории классовой борьбы. Ученик Маркса—Ленин знал и понимал, что профессиональный союз—это школа коммуниста, но школа такая, в которой каждый рабочий—самый несознательный—обязательно подготовляется к ясному представлению о задачах своего класса и превращается в ходе повседневной борьбы и работы из одиночки в члена своего класса.

В глухую пору реакции (после 1907 г.) В. И. Ленин продолжает эту работу.

Гибель первой революции, под подкованным тяжелым сапогом генеральской и царской расправы, породила разочарованность в рядах борцов. Наиболее неустойчивые, наименее выдержанные решили: победил Столыпин, но есть Государственная Дума, что-то вроде европейского культурного парламента, есть „легальные возможности„. Значит—революции нет и дело идет об „органическом развитии" буржуазного государства. Надо покончить с подпольной партией, надо уйти на работу в открыто существующих организациях и, приспосабливаясь к условиям открытого существования, вести эту работу из расчета, что „царствию буржуазии" не будет конца.

Тогда меньшевики „ликвидируют" партию, возвращаются к первоначальному „экономизму". В. И. Ленин выступает против нового „экономизма" прикрывающего „нейтральностью" профсоюзов столь же решительно, как он выступал вначале против прежнего „экономизма".

Союзы—легальная возможность. В них и надо работать. Но они—легальны. Значит—нужно, чтобы их существование не было поставлено под угрозу. Значит нужно, чтобы они не зависели от партии, которая своими директивами может быть опасна для существования союзов. Беречь „легальные возможности" любою ценою—таков был лозунг ликвидаторов и нейтралистов...

Ленин и здесь выступил с решительной критикой.

Партия—это авангард рабочего класса, это коллективный разум всего класса. Ликвидаторство равносильно обезглавлению рабочего класса, а нейтрализм—обезглавлению профессионального движения. Союзы не партийны. Это не значит, что не должно быть руководства союзами со стороны партии. Это значит лишь, что в союзы входят не только члены партии. Но и только.

И удар за ударом Владимир Ильич наносит всем сторонникам ликвидаторства и нейтрализма. Он видит, что в том и в другом кроется прежняя, знакомая еще со времен экономизма, попытка свести рабочее движение с прямой столбовой дороги борьбы за пролетарскую диктатуру. Он видит, что под лозунгами ликвидаторства и нейтрализма наименее устойчивая часть социал-демократии, меньшевики, ведут кампанию, фактически, за поддержку капитализма.

Мы знаем, что российские союзы, в конце концов, становятся твердо под руководство своего авангарда, РКП, которая вырастает из антиликвидаторского крыла партии, из фракции большевиков. Мы знаем, как в классовой борьбе, в ходе ее развития, ликвидаторы и нейтралисты

во главе с Мартовым, Даном, Ежовым, Колокольниковым, Гриневичем—попадают, в конце концов, в стан буржуазии, объявляют себя сторонниками восстановления власти капитала в России.

Настойчиво и решительно В. И. Ленин боролся с „экономистами". И в тоже время он не выносил—буквально не выносил—„левого ребячества" тех, кто, из-за недостаточной продуманности своих же собственных позиций, готов был предать проклятию „реакционные" профессиональные союзы и уйти из этих массовых организаций, создавая собственные, новенькие, чистенькие союзики.

Особенно памятно, конечно, то выступление Ильича, которое вызвано было попытками „левых коммунистов" Германии создать новые профессиональные союзы вместо закостенелых, обюрократившихся германских реформистских союзов. „Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах?"—писал Ленин в своей книге „Детская болезнь „левизны" в коммунизме".—„Немецкие левые" считают для себя решенным безусловно отрицательный ответ на этот вопрос. По их мнению, декламаций и гневных восклицаний против „реакционных" и „контр-революционных" профсоюзов достаточно (особенно „солидно" и особенно глупо выходит это у К. Хортера), чтобы „доказать" ненадобность и даже непозволительность работы революционеров, коммунистов в желтых, социал-шовинистических, соглашательских, Легиновских, контр-революционных профсоюзах. И называемая „пустыми фразами" все рассуждения „левых" Ленин четко и ясно излагал то, что вытекает из учения Маркса относительно общественной роли профессионального движения.

„Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход к начаткам классового объединения"—учил он тех, кто вел „ученые и ужасно революционные разговоры" о том, что надо „создавать обязательно совсем новенький, совсем чистенький, весьма милыми и большей частью, вероятно, весьма юными коммунистами придуманный „рабочий союз".—Когда начала вырастать высшая форма классового объединения пролетариев, революционная партия пролетариата, которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное, тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать некоторые реакционные черты, некоторую цеховую узкость, некоторую склонность к аполитицизму (отказ от политической борьбы), некоторую косность и т. д. Но иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и итти не могло. Бояться этой „реакционности", пытаться обойтись без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства.

И, пользуясь непростительной—по его выражению—глупостью „левых", Ленин настойчиво, со свойственной ему прямотой мысли и резкостью выражений, подчеркивал и для нас, для деятелей и работников профессионального движения в Советской России, что самоорганизация рабочего класса происходит под руководством партии в самих профессиональных союзах, что, другими словами, вся работа союзов должна нами рассматриваться с точки зрения удовлетворительности или неудовлетворительности ее результатов в смысле сплочения одиночек рабочих в единый класс.

А кто не помнит дискуссию о роли профсоюзов в конце 1920 и начале 1921? Тогда это был момент назревания перехода к новой экономической политике и весь промышленный аппарат советской страны страдал от ряда недочетов, подрывавших его работу. Троцкий и ряд товарищей выступили со своим предложением „сращивания" профессиональных союзов с органами управления хозяйством, „перетряхивания" этих союзов с песочком и другими радикальными проектами. Вся партия всколыхнулась и пережила чрезвычайно серьезный момент. От того, какую линию она наметила бы для дальнейшего развития профессионального движения, зависело многое. И для самого движения, и для будущего нашего народного хозяйства, и для будущего всего рабочего класса и пролетарской диктатуры этот спор означал поворотный пункт.

В самом российском профессиональном движении точка зрения т. Троцкого, как все помнят, нашла значительное число последователей.

Но не мало было и решительных противников сращивания, перетряхивания, и т. п. Однако, ясность и четкость во всю дискуссию внес опять-таки только В. И. Ленин. Это он ввел всю дискуссию в рамки конкретного изучения фактов нашей хозяйственной действительности. Это он наметил единственный путь к правильному решению вопросов.

Мы теперь это прекрасно видим и знаем. Тов. Троцкий на XII Всероссийском Съезде партии об этом откровенно и определенно заявил в своем докладе о промышленности. А между тем, поставленный тогда вопрос ввел в спор много неясностей, много недоразумений. И потребовался Ильич, его ясный ум и четкая мысль, чтобы повернуть движение с проселочной извилистой и ухабистой дороги на ровное, прямое шоссе, ведущее прямо к цели.

И Ленин это сделал со свойственной ему беспощадностью мысли. Он не желел, не тревожился о самолюбии тех, кто в этом споре участвовал и совершил ошибки. Он учил их и учил жестко, твердой рукой. Ибо он стоял на страже классовых позиций движения и должен был охранять, не мог не охранять эти позиции от покушений с чьей бы то ни было стороны.

А попутно он учил и нас, работников и участников движения, понимать природу нашего движения, его сущность.

Он опять и опять говорил нам, что союзы—это школа для массы, это организация, в которой рабочий класс в целом самоорганизуется.

„Спрашивается—говорил он—из-за чего действительно у нас не получается дружная работа, которая нам так нужна? Из-за чего расхождения по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, и связи с массой. В этом вся суть. И в этом как раз своеобразие профсоюзов, как учреждения, при капитализме созданного, при переходе от капитализма к коммунизму неизбежного, в дальнейшем будущем стоящего под знаком вопроса. Это—далекое будущее (когда профсоюзы встанут под знак вопроса), внуки наши о нем поговорят. А сейчас дело в том, как к массе подойти, овладеть ею, с ней связаться, как сложные приводы работы (работы по осуществлению диктатуры пролетариата) наладить. Заметьте, когда я говорю о сложных приводах работы, я не имею мысли о советском аппарате. Что там еще будет по части сложности приводов—это особая статья. Я говорю пока только абстрактно и принципиально об отношении между классами в капиталистическом обществе, там есть пролетариат, есть непролетарские трудящиеся массы, есть мелкая буржуазия и есть буржуазия. С этой уже точки зрения, хотя бы даже не было бюрократизма в аппарате советской власти, уже получается чрезвычайная сложность приводов в силу того, что создано капитализмом. И об этом прежде всего думать надо, если ставить вопрос о том, в чем трудность „задачи“ профсоюзов. Действительное расхождение, повторяю, совсем не в том, в чем видит его тов. Троцкий, а в вопросе о том, как овладеть массой, в вопросе о подходе к ней, о связи с ней („О роли союзов, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого“).

„Тов. Троцкий подошел к этому вопросу неправильно. Он не понял того, что надо и можно подойти к профсоюзам, как к школе, и тогда, когда ставишь тему о „советском тред-юнионизме“, и тогда, когда говоришь о производственной пропаганде вообще, когда так ставишь вопрос, как тов. Троцкий, о „сращивании“, об участии профсоюзов в управлении производством. И в этом повседневном вопросе, как он поставлен во всей брошюре-платформе тов. Троцкого, неправильность состоит в непонимании того, что профсоюзы являются школой административно-технического управления производством. Не „с одной стороны, школа, с другой—нечто иное“, а со всех сторон, при данном споре, при данной постановке вопроса тов. Троцким, профсоюзы суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничания, школа управления“.

В. И. Ленин не только раз'яснил нам сущность профессионального движения. Он постоянно и неуклонно указывал нам, что для правильной работы в союзах, для надлежащего направления ее нужно постоянно изучать свой собственный опыт.

В. И. Ленин был вождем величайшей революции. Он всегда при этом сам изучал опыт революционной работы. Его большая, исключительная по силе мысли, работа о „Государстве и революции“ есть ни что иное, как изучение опыта. Но в своем послесловии к изданию

этой незаконченной работы он говорил: „приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать“. В этой фразе сказалась вся фигура Ильича, как практика-бойца, умеющего, как никто другой, явно поставить и проанализировать очередной вопрос революционной работы, но вместе с тем, предпочитающего делать революционный опыт. Скупой на слова, он оставил нам не ученые трактаты профессионального движения. Все что он писал о профессиональном движении—это критика чужих точек зрения, это—практические указания, как вести работу, как накапливать революционный опыт в профессиональном движении.

Но скупой на слова—никогда на сказавший лишнего слова и в других не терпевший пустых разглагольствований—Ленин дал нам полное и исчерпывающее учение о профессиональном движении. Ленинизм в профессиональном движении—вот то наследие, которое нам оставил наш вождь, вот что сделало и делает из Владимира Ильича Ленина глубочайшего теоретика, величайшего вождя профессионального движения.

Ленинизм в профессиональном движении—это сочетание опыта строительства, опыта работы с точным и верным представлением о том, что такое профессиональное движение. Творец ленинизма был самым последовательным учеником Маркса. В учении Маркса, которое он один, как никто другой, сумел претворить в жизнь, он нашел это представление о союзах, как о той организации масссы, в которой масса, в ходе повседневной работы, превращается в класс, осознавая ясно свою противоположность всем остальным классам. И к этому он прибавил неугасаемый огонь выдержанного классового бойца и неисчерпаемый источник революционной энергии—прибавил революционный опыт.

Больше Ленин не будет учить нас. Так будем сами учиться по его работам. И будем копить и изучать наш собственный опыт—будем делать то, к чему он нас столько раз призывал.

А. Чекин.

Рис. А. Могилевский.

В. И. Ленин.

А. ШПИР.

Ленин и РКИ

Последняя реформа РКИ произведена по замыслу Ленина. Это знают все.

Но не очень многие представляют себе отчетливо место, какое занимает РКИ во взглядах Ленина на советское государственное строительство.

Я сказал: не очень многие;—можно было бы сказать больше: в старой РКИ добрая половина из нас в свое время приняла Ленинские статьи о реорганизации Рабкрина, как совершенно неожиданное выступление, как своеобразный, логически изолированный зигзаг мысли несравненного государственного строителя.

Внимательное же изучение Ленина приводит как раз к иному убеждению, а именно к тому, что в последних статьях о реформе РКИ Ленин продолжает развивать те же основные мысли, какие он высказывал не раз и не раз во время гражданской войны и при первых шагах советского строительства.

Можно было бы, при углубленном анализе, доказать также, что корни этих мыслей следует искать в работе Ленина „Государство и Революция", появившейся еще до Октябрьской революции.

В статьях о реформе РКИ Ленин выдвинул три принципиальных предложения: 1) во главу работы новой РКИ поставить улучшение государственного аппарата; 2) сблизить верхушку РКИ с ЦКК, 3) связать работу по улучшению аппарата с достижениями науки об управлении и об организации, т.-е. с тем, что называют НОТОМ.

Связи РКИ с ЦКК следует отнести к принципиальным основам реформы РКИ, т. к. здесь речь идет не об организационной лишь стороне дела.

Связь РКИ с одним из высших партийных органов следует понимать, как постановку проблемы улучшения госаппарата не в технической, а в политический плоскости. Во всяком случае, связь РКИ с ЦКК выдвинута в интересах наиболее полного разрешения задачи улучшения госаппарата.

Можно сказать, что, таким образом, первое и второе предложения сливаются в одно.

Задачу улучшения госаппарата Ленин ставит в свете крупнейших политических и тактических проблем, стоящих перед социальной революцией в условиях более или менее длительного существования той международной и внутренней обстановки, какая имеется сейчас налицо.

Лучше всего будет привести следующую, данную им самим, характеристику этой обстановки:

. . . „Международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны. Западно-европейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму, так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они

получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно воочию, что социализм таит в себе гигантские силы, и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями—это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут воспользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенны классам,— уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие „социального мира".

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по обще-европейскому капиталистическому масштабу. В них началось обще-европейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех по, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму. Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным „вызреванием" в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения". („Лучше меньше да лучше").

Из анализа этой обстановки Ленин делает такие тактические выводы: „Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. На нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, причем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития подняться теперь до последней степений трудно. Все капиталистические державы, так называемого Запада, клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренее противоречие и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, направленный к поддержке русской контр-революции, сорвался из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход

борьбы и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце-концов обучается и воспитывается в борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляет гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, российская коммунистическая партия, мы, российская Советская власть для того, чтобы помешать западно-европейскам контр-революционным государствам раздавить нас. Для того, что бы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим западом и революционным и националистическим востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство,—этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социалиаму, хотя мы имеем для этого политические предпосылки. Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику.

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всикие следы каких бы то нибыло излишеств.

Мы должны свести наш государственный аппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все формы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством кресьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и пр.

В этом, и только в этом, будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую; именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну,—на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.“. (Лучше меньше да лучше).

Мы приводим эти, может быть, несколько пространные выдержки из замечательной статьи Ленина не только потому, что здесь дана сжатая, блестящая характеристика международного положения и вытекающих из него тактических задач, но и потому, что в них содержится ключ к пониманию серьезности и актуальности задачи улучшения госаппарата, а также намеченные заодно основные линии, по которым это улучшение должно итти.

Улучшение госаппарата должно служить созданию „возможности с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм“.

Основные линии, по которым должно итти улучшение, это—прежде всего изгнание излишеств; создание всевозможных экономий для крупной индустрии, для электрификации; удешевление управленческого аппарата; затем, упрощение этого аппарата, и, наконец, подбор образцового человеческого материала.

Кстати об излишествах. Мне думается, что это понятие Ленин брал очень широко, что оно значило в его понимании больше, чем бесплодные траты советских чиновников на извощичьи выезды, на автомобили и пр. Мне думается, что здесь скорее речь идет о довольно коренном перераспределении расходных статей нашего бюд-

жета. Припоминается мне, как осенью 1922 года нам, в РКИ, в частности мне с представителями Наркомфина, пришлось по заданиям Владимира Ильича составить для него подробные выкладки о стоимости содержания в царское время так наз. „императорских театров“ в Москве и Ленинграде и рассчитать все возможные перспективы резкого снижения субсидии этим театрам, вплоть до закрытия одного из них, наиболее убыточного и дорого стоющего.

Так или иначе, но только очень широкое толкование термина „излишества“ делает понятным тот вопрос, который Вл. Ил. ставит в своей статье сейчас же вслед за указанием на необходимость изгнания излишеств: „Не будет ли это царством крестьянской ограниченности“.

В чем же „собственно“ была для многих и многих неожиданность этих двух коренных принципиальных предложений Ленина, т.-е. предложений сделать упором работы РКИ улучшение госаппарата и связать это улучшение с НОТ‘ом.

Начать хотя бы с НОТ‘а; это движение у нас молодое; его первые шаги не всегда делались в области практики, а скорее оставались в рамках теории, в рамках исканий; правда, в старой РКИ создан был еще в 21 году Отдел нормализации делопроизводства, отчетности и складского дела, но все это вылилось в самые скромные размеры; естественно, что переход к тому положению, когда НОТ будет функцией целого Наркомата казался переходом слишком крутым.

Улучшение аппарата, конечно, и старая РКИ занималась улучшением аппарата, но она занималась им на-ряду со многим прочим, и это другое прочее было так всеобъемлюще, что, универсализм задач РКИ стал, по общему мнению, ее главной бедой. Но и не только это. Поскольку РКИ подходила к задаче улучшения госаппарата, она делала это исключительно как орган поверки и контроля, пассивно регистрирующий недостатки и промахи, и доводящий о них до сведения тех, кому ведать надлежит, вместе со своими выводами и предложениями.

А по ленинским предложениям РКИ должна была стать в работе по усовершенствованию госаппарата активным органом, с определенной органической, а не только критической работой; ей отводилась не только поверка, но и рекомендовалось ставить практические опыты. Улучшение аппарата должно было уже стать ее единственной, всепроникающей и всеопределяющей задачей, и все другие действия РКИ должны были быть поставлены в положение подсобных средств к осуществлению этой основной задачи.

В этом конечном пункте и был самый крутой слом и самая большая „неожиданность“. В самом деле, по традиционным—даже по традиционным советским—взглядам, контроль, как бы его ни называли, просто контролем или инспекцией, резко отделялся от всякой положительной деятельности, да шире говоря, и от всякой творческой работы, его задача—только поверять других и, по крайней степени, может быть, формулировать выводы из того или другого констатированного положения, но ни в каком случае ни постановка опытов, ни пропаганда рациональных методов работы; затем, контроль не должен был ни в какой мере вмешиваться в деятельность контролируемых органов, скажем, напр., хотя в смысле влияния на подбор личного состава. Мы после Октября все-таки на деле продолжали держаться этого традиционного „разделения властей“. Ленинские предложения в него-то и ударили, в это „разделение“.

И так, вот ленинские требования к контролю, к РКИ: активный, творческий орган, не только проверяющий, но и ставящий опыты, но и организующий показательные, примерные учреждения, подбирающий личный состав; пропагандирующий методы научной организации; производящий научные изыскания в этой области и, наконец, крепко связанный с массами непосредственно или через их организацию, т. е. партию и союзы. Задачей такого контроля является улучшение госаппарата, основным методом — связь с наукой об организации труда, производства и управления, а организационной опорой — связь с авторитетной верхушкой партии.

Нам остается проследить взгляды Ленина на контроль, какие он высказывал до того, как выдвинул последнюю реформу РКИ.

Вопросу об организации государственного аппарата Ленин придает огромнейшее значение с первых дней после Октября. Разрешение этого вопроса он считает основным предварительным условием упрочения Советской Республики. Вот как он высказался об этом в 1918 году:

„Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* у богатых для бедных, у эксплоататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплоататоров к главной задаче *управления*.

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить в главных чертах дело завоевания власти и подавления эксплоататоров, успела подойти *вплотную* к задаче *управления*. Надо чтобы мы оказались достойными выполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо, продумать, что для успешного управления необходимо, кроме уменья убедить, кроме уменья победить в гражданской войне, уменье практически *организовать*. Это—самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это—самая благодарная задача, ибо лишь *после ее решения* (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия стала не только Советской, но и Социалистической республикой". (Т. XV, стр. 196).

И тогда, в 1918 году, Ленин рядом с вопросом об управлении, о госаппарате ставит вопрос об организации и контроле:

„Наша главная насущная задача—управление, организация и контроль. Эта работа неблагодарная и невидная, но именно в ней хозяйственные и административные силы рабочих и крестьян будут развертываться все более и более успешно". (Т. XV, стр. 388)".

Почти те же мысли, с подчеркиванием важности учета и контроля, развивает Ленин и в речи во ВЦИК в 1918 году в апреле:

„В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И оно пополняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко, не только потому, что сопротивление эксплоатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный.

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции,—а следовательно, и в начатой нами 25 Октября 1917 года социалистической революции в России,— является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности,—победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, советский тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельное участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. *Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределение продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле*". (Т. XV, стр. 198).

И еще раз в 1920 году Ленин почти в теперешних терминах указывает на улучшение госаппарата, как на один из главнейших вопросов дня:

„Выскочить из аппарата, который создан в течение 3-х лет, мы не можем.

Мы знаем его громадные недостатки, мы подробно будем говорить о них на этом съезде. Этот вопрос поставлен в порядок дня, как один из главнейших вопросов. Я имею в виду вопрос об улучшении советского аппарата. Но мы должны работать сейчас с осторожностью, в меру необходимости, на основании практического опыта изменяя наш аппарат". (Т. XVII, стр. 425).

Характернее всего то, что еще в 1918 году Владимир Ильич указал на необходимость сочетания работы по улучшению госаппарата с НОТ'ом, с „тейлоризмом" и выдвигал необходимость изучения и преподавания у нас „тейлоризма", отдавал себе ясный отчет в его темных сторонах:

„Русский человек—плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать—эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора,—как и всякий прогресс капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплоатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнание лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введение наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская Республика во чтобы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были положены основы социалистической организацией соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти". (Т. XV, стр. 209).

Мы видим таким образом, что и улучшение госаппарата, как первостепенная задача переходной эпохи, и связь работы по улучшению аппарата с НОТ'ом, Лениным формулирована задолго до теперешней реформы РКИ. Но как обстоит дело с ролью РКИ в этой работе, как обстоит дело с активным характером контрольного органа? На это исчерпывающий ответ дают две записки Ленина в НКРКИ: одна в 1921 г., переданная т. Коростылеву, а другая в 1922 г. весной в Коллегию НКРКИ, переданная, если не ошибаюсь, т. А. И. Свидерским.

В записке т. Коростылеву Ленин говорит о созданной тогда комиссии содействия хозяйственным органам под председательством тов. Коростылева, бывшего в то время членом Коллегии РКИ. Владимир Ильич самым горячим образом поддерживает новую тенденцию РКИ итти по линии содействия подъотчетным органам в налаживании их работы.

Во второй записке в 1922 году Владимир Ильич от содействия переходит прямо к экспериментаторской роли РКИ; он сетует, что до сих пор РКИ не поставила ни одного образцового учреждения, не создала ни одного показательного учреждения с личным составом сплошь из партработников.

Особо стоит еще вопрос о привлечении масс к работе РКИ. Известно, что Владимир Ильич придавал решающее значение РКИ как школе, в которой самые отсталые из рабочих и крестьян могли бы на простейших случаях административной работы учиться управлению государственными делами. Для характеристики этой стороны взглядов Ленина приведем следующий отрывок из его речи в марте 1920 года на заседании Моссовета:

„Рабочие и крестьянские массы, которые должны создать все наше государство, теперь должны создать государственный контроль. Вы получите этот аппарат посредством рабочих и крестьянских масс, посредством рабоче-крестьянской молодежи, в которой пробудились в невиданной степени самостоятельное желание, готовность и решимость самим взяться за дело

государственного управления. Получив понимание из опытов войны, мы выдвинем крестьянские тысячи, прошедшие советскую школу, людей, способных управлять государством. В рабочую инспекцию вы должны привлечь самых боязливых и неразвитых, самых робких рабочих и должны двинуть их вверх.

Пусть они поднимаются в этой работе. Посмотрев, как рабочая инспекция участвует в государственных делах, пусть они от простейших занятий, на которые способны — сначала только в виде понятых — пусть они постепенно переходят от роли понятых к государственным делам.

Вы получите из широких источников помощников, которые возьмут на себя государственное бремя, придут на помощь и на работу. Нужны десятки тысяч новых передовых рабочих. Опирайтесь на беспартийных рабочих и крестьян; опирайтесь на них, потому что наша партия должна оставаться узкой, будучи окружена врагами со всех сторон. В тот период, когда всеми средствами борьбы, обмана и провокации враждебные элементы стараются или присосаться использовать то положение, что правительственная партия дает известные льготы, нужно действовать в связи с беспартийными. Законы о Рабоче-Крестьянской Инспекции дают право привлекать представителей беспартийных рабочих и крестьян и их конференций к делу государственного управления.

В этом аппарате вы имеете одно из средств, которое даст возможность увеличить количество рабочих и крестьян, чтобы нам в течение долгого ряда лет завоевать победу на внутреннем фронте". (Т. XVII, стр. 50).

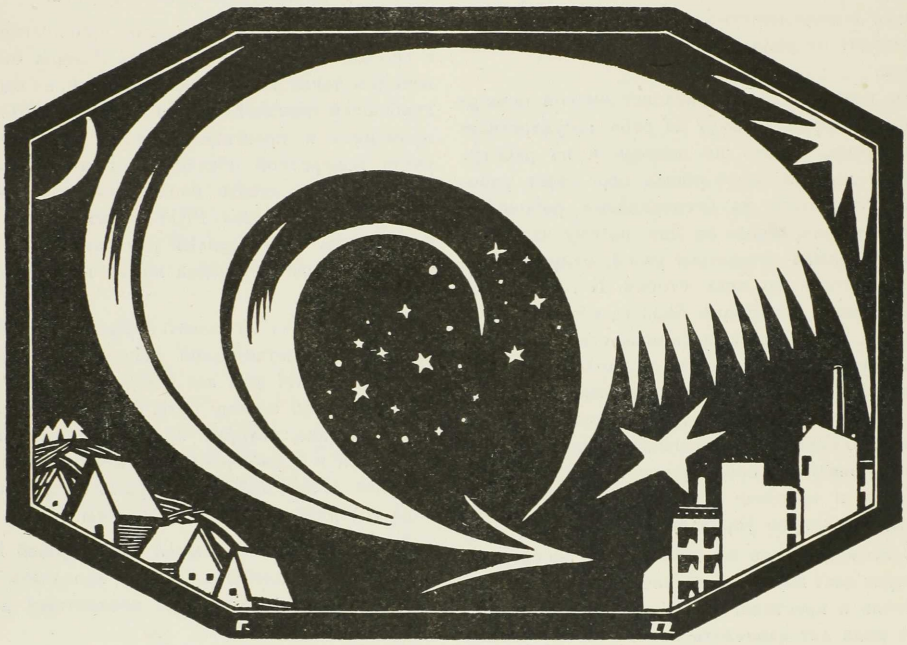
Ленин видел в привлечении масс к управлению и к контролю лучшую гарантию против бюрократизации госаппарата и лучший залог соответствия этого аппарата основным задачам социалистического строительства. Можно сказать, что привлечение масс к управлению является одним из основных принципов ленинизма для переходной эпохи диктатуры. Мы находим у Ленина бесчисленный ряд конкретных указаний и советов касательно форм и методов привлечения масс применительно то к той, то к другой обстановке момента.

В последние два года, так приблизительно с середины 21 года, в работах Ленина мы не находим таких конкретных указаний, но было б грубейшей ошибкой советы, данные в 20 году, применять к практике 24 года, без всякого учета конкретной обстановки. В этой области нам придется искать конкретных решений самостоятельно. Новая РКИ на этот путь уже стала и мы имеем целый ряд линий, по которым завязывается спайка новой РКИ с широкими массами.

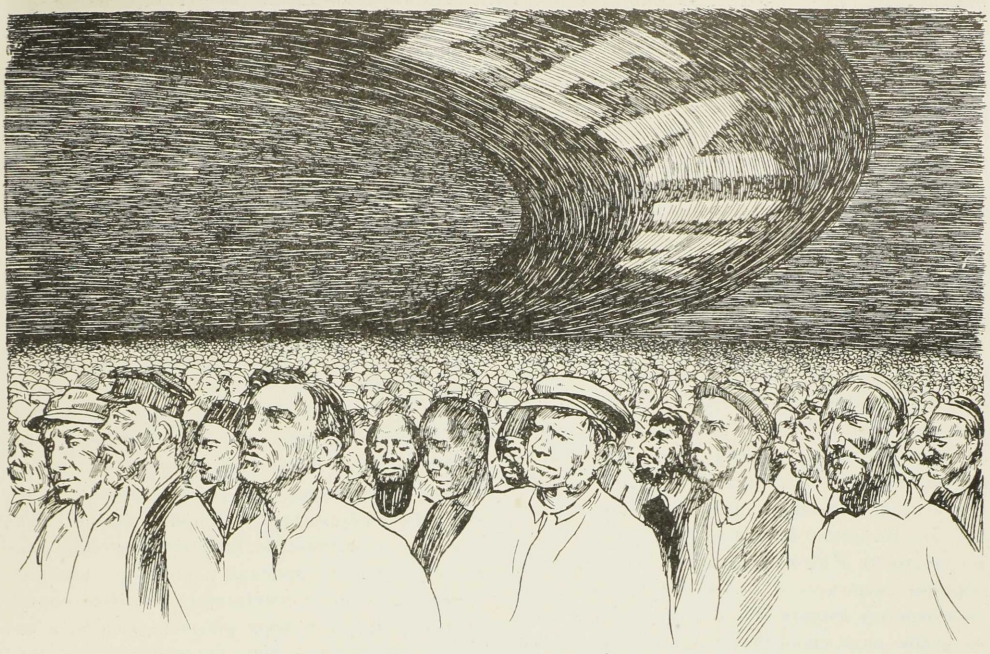
Думается, что из нашего отрывочного обзора ясно, что действительно ленинская мысль о вопросе о РКИ шла все время без каких-либо отклонений по одному пути, по пути отыскания такого органа, который при тесной связи своей с партией и с рабочей массой мог бы оказаться в руках Советской власти рычагом для перевода госаппарата на новые рельсы.

Основы ленинской мысли ясны. Новой РКИ предстоит труднейшая задача наполнить эти принципиальные директивы конкретным деловым содержанием.

И. Попов.



ЛЕНИН
ВОЖДЬ *МИРОВОЙ* РЕВОЛЮЦИИ



Ленин и Запад

Ленин был интернационалистом в самом лучшем смысле этого слова и не только по сознанию своему, но, так сказать, по всему своему нутру. Он не был расплывчатым космополитом, он прекрасно знал Россию, любил ее и является, конечно, одной из величайших личностей именно русской истории, но в то же время он всегда рассматривал русские революционные проблемы в связи и в глубоком единстве со всемирными и всю свою деятельность, как русского революционера, как русского государственного человека, естественно видел под углом частной задачи, поставленной в общую систему мировой революции.

Пишущему эти строки довелось жить вместе с Владимиром Ильичом за границей, когда атмосфера европейской рабочей борьбы ближе обнимала Владимира Ильича, чем русская.

Конечно, и то время он ни на минуту не отрывался от России, был окружен русскими товарищами-эмигрантами, постоянно сносился с революционерами в России.

В то же время трудно было сделать разницу в его интересах к событиям в России и во всем остальном мире. Все одинаково занимало его ум, волновало его сердце. Можно сказать только, что он еще не чувствовал себя мировым вождем, а сознавал лишь всю важность своей задачи и всю глубокую свою ответственность в деле построения русской рабочей партии.

Я был вместе с Владимиром Ильичом на двух международных съездах в Штутгарте Кинтале.

Как известно Штутгартский съезд совпал с концом революция 1905—1906 г.г., вследствие этого русская делегация чувствовала себя немножко сконфуженной. Недавно при этом русское рабочее движение стало играть небывало большую роль, но представители его явились на съезд после поражения.

Я помню, как тов. Плеханов всячески ратовал за то, что мы, русская делегация, не должны выносить собственных резолюций или значительных поправок к ним. Наоборот, Владимир Ильич принимал страстное участие, и участие довольно активное, в большинстве вопросов, стоявших на повестке дня. Среди них больше всего волновали его военные вопросы.

На конференции были предложены две резолюции. Одна—совершенно оппортунистическая,

другая — бебелевская, более левая. Плеханов настаивал на том, чтобы мы попросту голосовали за бебелевскую резолюцию. Ленин же выработал к ней множество поправок, так что резолюция приняла совершенно другой вид.

Я не знаю, имеется ли где-нибудь в печати эта ленинская версия резолюции,—весьма возможно, что по ней уже возможно было предвидеть все дальнейшие взгляды Ленина на войну.

Но, как я уже сказал, Ленин в то время не сознавал еще себя вождем мирового калибра. Русская делегация, помнится, голосами всех большевиков и некоторых колеблющихся поручила Ленину защищать нашу резолюцию, но он как-то не решился на это. В то время он стеснялся не достаточным знанием языков. Известно, что Владимир Ильич в имеющемся в Музее Истории Революции анкете скромнейшим образом пишет о себе, что не владеет ни одним иностранным языком. На самом деле он читал на целом ряде европейских языков совершенно свободно и, постоянно работая над собою, добился того, что на последних конгрессах совершенно корректно произносил свои речи сам на всех трех главных языках. Однако в это время, повторяю, Владимир Ильич избегал выступать с большими речами, и поэтому защищать нашу резолюцию поручили Розе Люксембургос совершенной полностью, помня позицию Владимира Ильича по отношению к западной империалистической войне.

Моральный разгром не только правого крыла, но и центра Второго Интернационала заставил признать необходимость ему лично вступить в первые ряды мировых социалистов.

Владимир Ильич всегда с отвращением относился не только к реформистам, но и ко всем элементам, им потакавшим. Мировой меньшевизм имел в нем всегда такого же яростного врага, как и меньшевизм российский.

Но для него было неожиданностью впадение в социал-патриотизм многих групп и лиц, на которых он более или менее рассчитывал.

Со времени конференции в Циммервальде и Кинтале Ленин становится подлинным вождем действительно революционного крыла рабочего класса. Семимильными шагами идет он к созданию Коминтерна. В то же время вырисовывается оригинальная позиция Ленина по отношению к проблемам рабочего движения на Западе.

До сих пор он довольно скромно занимал место в рядах ортодоксальной социал-демократии, хотя, конечно, чувствовал, что не все в ней ладно. Теперь же мощным движением он смахнул с мнимо-ортодоксального марксизма весь прах мирной эпохи и воссоздал истинный марксизм, сделал из него те выводы, которые охватили бы задачи современности.

Владимир Ильич производил глубокий анализ явлению измены верхов рабочего класса этому классу в целом. Он понял, что гнусный правый уклон социал-демократов или английских лабуристов и им подобных представляет собою политическое выражение социального вырождения так называемой рабочей аристократии. Крупные капиталистические, империалистические державы и согласно выводам ленинского анализа, сумели за счет колониальных народов подкупить и развратить верх рабочего класса, а через их посредство еще далекие от всей полноты классового сознания массы.

С горечью, особенно во время империалистической войны, Ленин говорил, что, быть может, ее будет недостаточно для того, чтобы освободить рабочий класс от идейного плена, что может быть произойдет еще новая война, которая опять застанет рабочих достаточными рабами, чтобы пойти убивать и умирать под разноцветные знамена буржуазии, что может быть не так скоро удается коммунистическому огню сжечь всю грязь, осевшую на пролетарские сердца.

Но зато Ленин видел огромную компенсацию с другой стороны. Перед его взором раскрывались колоссальные возможности вне европейской бедноты, чернорабочего класса, пролетариата, а также беднейшвх крестьян. Центр тяжести перенесен был Лениным в глубь массы мирового эксплоатируемого труда. Значительную же часть рабочей аристократии и, прежде всего, ее дурных пастырей, социал-демократов, он не только окончательно сбросил со счетов, но, наоборот, он бросил по ту сторону баррикад, осознав их окончательно, как врагов.

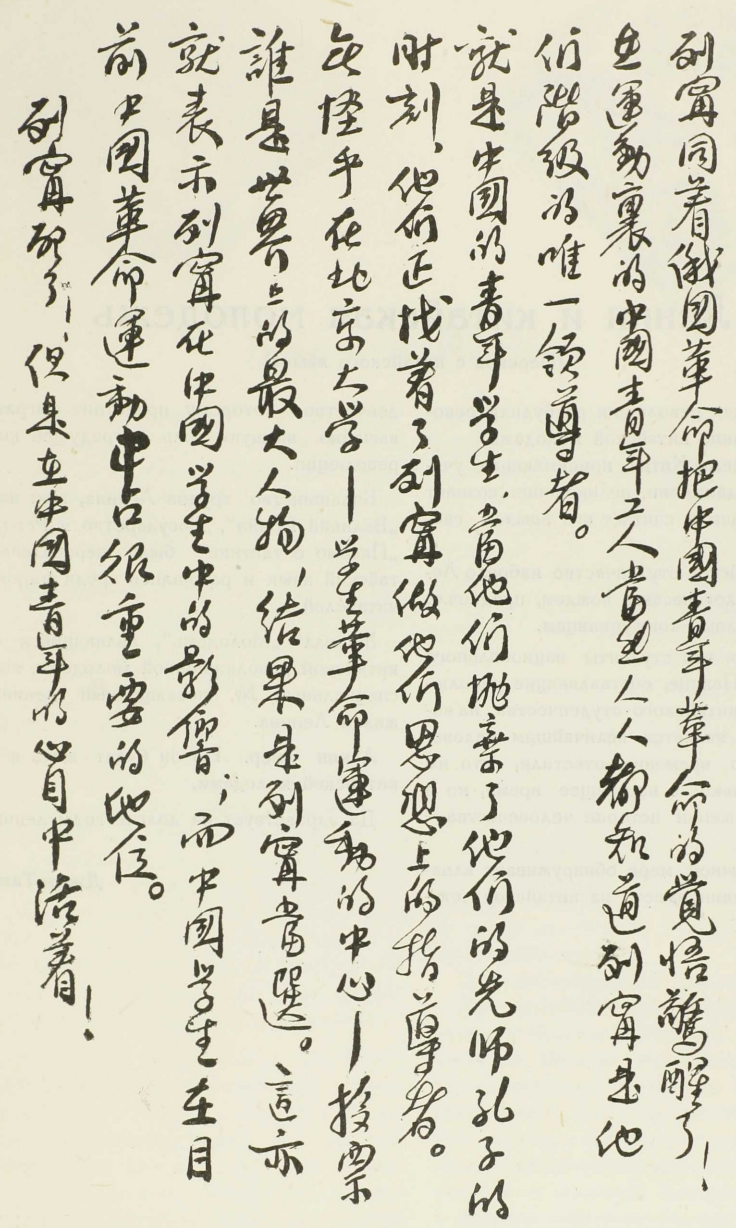
Всем нам понятна роль Владимира Ильича после того, как он стал признанным вождем Коминтерна—этого сосредоточия, вокруг кото-

рого быстро скопляются все истинно революционные силы мира.

Тактика создания III Интернационала против разрушающегося II-го и всплывшего было, как дождевой пузырь, двух с половинного; тактика суровых чисток коммунистической партии от колеблющихся элементов; тактика единого фронта; тактика гибкости в наступлениях и отступлениях, глубочайшей практичности, дисциплинированности, международной солидарности; тактика связи рабочего класса с беднотой и крестьянством; тактика умелого завоевания профессиональных союзов изнутри; тактика широчайшего и гуманнейшего разрешения всех национальных вопросов,—все это великие заветы Ленина не только русским коммунистам, но и коммунистам Запада, коммунистам всего мира.

Потому-то смерть Ленина поразила не только нас, но и весь мир. Клара Цеткин была права, скорбно чествуя его, как героя и мудреца, руководящий ум и горячее сердце всей мировой революции. Зато наследие Ленина остается сокровищем для всех истинных революционеров земного шара.

А. Луначарский.



Автограф статьи Джан-Тан-Лай „Ленин и китайская молодежь“.

Ленин и китайская молодежь

(Перевод с китайского языка)

Ленин и русская революция разбудили революционное сознание китайской молодежи.

Рабочая молодежь Китая, принимающая участие в рабочем движении, великолепно сознает роль Ленина в нем и считает его вождем своего класса.

Молодое китайское студенчество избрало Ленина своим идеологическим вождем, предпочло его своим учителям—конфуцианцам.

Неудивительно, что студенты национального университета в Пекине, составляющие революционный центр китайского студенчества, на вопрос о том, кто является величайшим человеком настоящего времени,—ответили, что им является не только в настоящее время, но и на всяком протяжении истории человечества—Ленин.

Это в достаточной мере обнаруживает влияние, которое Ленин имеет на китайское студенчество, которому предстоит сыграть чрезвычайно важную роль в грядущей китайской революции.

Большинство трудов Ленина, как, например, „Великий Почин", „Государство и Революция", „Письмо о тактике" были переведены на китайский язык и разошлись среди широких масс читателей.

Журнал „Молодежь", являющийся органом китайской революционной молодежи, выпускает специальный №, посвященный ленинизму и жизни Ленина.

Ленин умер. Но он будет жить в сердцах китайской молодежи.

Да здравствует на долгие годы ленинизм!

Джан-Тан-Лай.

Ленин и Восток

Восток в нашем понимании это не только угнетенный азиатский мир, но это—весь колониальный мир угнетенных народов, не только Азии, но и Африки и Южной Америки, словом весь тот мир, на эксплоатации которого покоится капиталистическая мощь Европы и Америки.

Ленин внимательно изучал этот Восток и возлагал на него большие надежды. На втором съезде народов Востока, бывшем в 1919 г., он оценивая роль Востока, говорил: „Империалистическая война разбудила и Восток, втянула и его народы в международную политику. Англия и Франция вооружили колониальные народы и помогли тому, чтобы пользоваться военной техникой и усовершенствованными машинами, но этой наукой они воспользуются против господ капиталистов. За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества“

Эти мысли Ленин развивал много раз. В значительной степени они сложились еще задолго до Октябрьской революции, а именно в тот момент, когда Ленин за границей писал свою книгу „Империализм, как новейший этап капитализма“. Определяя империализм, как „монополистический капитализм“, Ленин уже в этой книге подходит вплотную к вопросу образования монополистических союзов капиталистов, которые делят между собою мир и тем самым превращают восточные народы в своих колониальных рабов.

Международная действительность XX века дала Ленину слишком много конкретного материала для выводов, которые он сделал в качестве теоретика революционного марксизма о роли колониальных народов в мировой схватке с капиталом. После, военная мировая обстановка привела Ленина к подтверждению правильности его первоначальных выводов.

В 1923 году в одной из своих последних статей он пишет: „Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по обще-европейскому капиталистическому масштабу. В них началось обще-европейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма“.

Если расшифровать эти слова Ленина, то „обще-европейский капиталистический масштаб“ развития Востока обозначает развитие капитализма на Востоке, где отдельные страны не только оказались втянутыми в международный товарообмен, но и сделали большие успехи в деле развития капиталистической техники. Имея перед глазами пример капиталистической Японии, которая со сказочной быстротой превратилась в мировую капиталистическую державу, Ленин был, конечно, глубоко прав, говоря о возможностях развития капитализма среди всех народов Востока.

А это развитие капитализма в странах Востока обусловливало развитие пролетариата в этих странах и тем самым подводило реальные основания прочного фундамента под рабочее движение Востока. Это, конечно, отнюдь не значило, что Ленин возлагал свои надежды только на пролетариат Востока. Наоборот, не увлекаясь перспективами быстрого развития капитализма на Востоке, Ленин исходил из реальных возможностей революции на Востоке.

Он не мог не учитывать опыта русской революции, тем более, что Россия, находясь между Западом и Востоком, представляла собой как бы преддверие Востока и в отношении своих действующих социальных сил имела много аналогии с рядом стран Востока. Достаточно сказать, что Россия была и еще долгое время останется преимущественно аграрной страной, где преобладающей социальной силой должно было бы по логике вещей являться крестьянство. Оно так и есть. И вместе с тем, здесь в этой крестьянской по преимуществу стране, возможной оказалась пролетарская революция.

Почему? Ответ на это можно найти в тех тезисах Ленина по национальному вопросу, которые вошли, как пункты программы РКП. Эти тезисы формулированы так:

1 п. „Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, цель полное равноправие наций, признание за колониями и неполноправными нациями право на государственное отделение".

В этих немногих словах скрывается огромнейшая программа, определяющая отношение Советской власти к Востоку. Ленин поставил вехи национальной политики СССР в вместе с тем дал прекрасное определение сущности задач, стоящих перед народами Востока в их борьбе не только за национальную независимость, но и за социальную революцию, которая должна покончить с неравенством народов и классов.

Именно на этих основных принципах национального кооперирования вырос Союз Советских Социалистических Республик, который представляет собой завершение советской системы, обеспечивающей национальностям всего мира мирное сотрудничество.

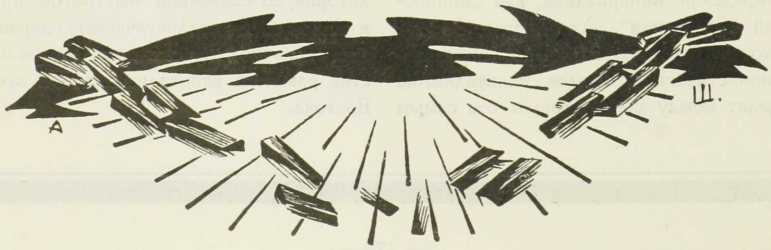
Неудивительно, что все эти идеи Ленина сделали его имя популярным среди угнетенных национальностей всего земного шара. Имя Ленина одинаково произносится на всех языках; портрет его нередкость увидеть не только в книгах на китайском или японском языке, но и в хижинах индуса или японца.

В умах широких народных масс Востока Ленин занял место рядом с Конфуцием, Буддой и другими властителями дум народов Востока. Это не значит, конечно, что Ленин превратился для народов Востока в одну лишнюю икону, но это характеризует, как высоко трудящиеся Востока ставят идеи, проповедываемые Лениным, что превращают его в пророка-глашатая великих идей и ставят рядом с именами, которые многие сотни лет повелевали думами и надеждами угнетенного Востока.

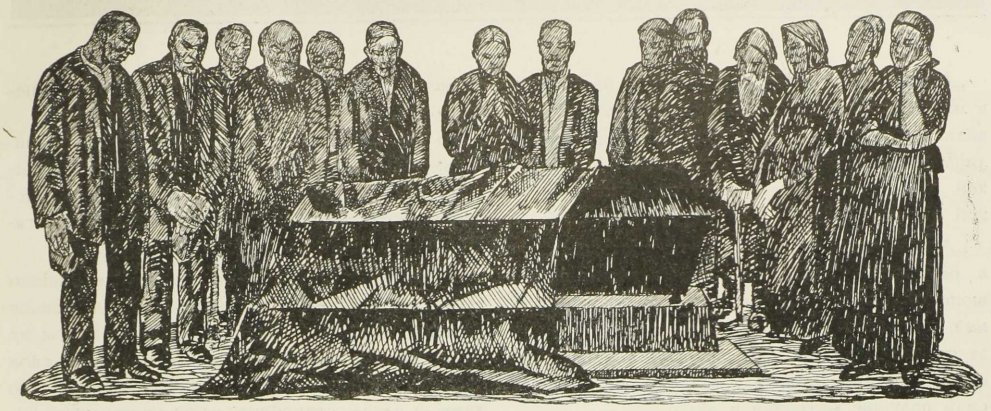
Ленин сказал—Восток пробуждается. Он был прав. Восток действительно пробуждается для того, чтобы принять участие в решении судеб всего человечества.

Ленин сказал—народы Востока—резервы мировой революции. Он прав. Сотни миллионов трудящихся Востока, введенные на поле борьбы социальной революции, подобно большим и свежим резервам, должны иметь решающее значение на исход великой борьбы за освобождение человечества от ига капитала.

Вл. Виленский (Сибиряков).



СМЕРТЬ ЛЕНИНА



Международное рабочее движение—на смерть Ленина

В истории рабочего движения не было смерти, которая так взволновала бы весь трудящийся мир, как кончина т. Ленина. В глубоком трауре стоит рабочий класс над свежей могилой вождя. И со всех самых отдаленных углов земного шара,—отовсюду, где только есть гнет, эксплоатация и социальная несправедливость, идет тревожная перекличка в рядах армии труда и еще теснее смыкаются рабочие массы вокруг авангарда пролетарской революции. Так же, как и в России, рабочий класс во всем мире, правда,—на смерть Ленина ответил новым усилением Ленинской партии. И та памятная неделя, когда вождь и учитель совершал свой последний символический путь от глухой, заброшенной снегом русской деревни до стен Красного Кремля, стала новой исторической датой в великой освободительной борьбе трудящихся всего мира и угнетенных народов.

„Ленин умер!“ Нескрываемую радость вызывает эта весть в лагере международной буржуазии. В Монако и Монте-Карло, во всех барах и притонах, устроенных по последнему слову капиталистической цивилизации, льется морем шампанское и победно раздается торжествующий клич несущихся в страстном угаре негритянских танцев „культурных“ буржуа. А за кулисами, сдерживая улыбку радости, многозначительно кивают друг другу Стиннес и Муссолини, Эберт и Пуанкарэ. Они без слов понимают друг друга! Наконец-то час настал! Maintenant nous les aurans! Теперь крепче нажим! Мозг Ленина больше не работает для пролетарской революции! А позади них, сложив руки в лицемерном показном трауре, стоят „служители бога“ и печальные герои—вчерашние люди, виновники всех поражений и несчастий рабочего класса со времени войны. „Покайтесь грешники!“—говорят одни; „Рабочие! Голосуйте за нас! Носке и Шейдеман, Томас и Макдональд знают лучше путь к счастью трудящихся!“—зовут другие.

„Ленин умер!“ Из страны в страну несется эта траурная для рабочего класса весть. В шахтах Уэльса, в душных мастерских Стиннеса, в колониальных плантациях Египта она будит рабочие массы, как тревожный удар набата. Шесть лет беспрерывно внимание международного пролетариата приковано к русской революции. Затаив дыхание, с восторгом следили трудящиеся всего мира за героической борьбой рабоче-крестьянской республики против вооруженной коалиции международного империализма. Затем было безумие голода, жестокое наступление капитала, террор офицерско-фашистской диктатуры. Были будни нэпа и неумолимой борьбы за повседневное существование. И вдруг тихо ушел из жизни тот, кто воплощал в своем лице весь пафос революционной борьбы пролетариата, впитал в себя всю ненависть угнетаемых и обездоленных к их эксплоататорам, всю революционную энергию и волю к победе, идущего к политической власти класса.

„Ленин умер!“—Мертвая тишина на заводе, в мастерской. Не шелестит шестерня, остановились колеса машин, угрюмо сосредоточены лица пролетариев. Мысль их далеко—у близкой могилы, в далекой, непонятной и сказочной стране.

„Ленин умер!“—Свистит плеть империализма в рабовладельческих плантациях колоний. И шопотом передается из уст в уста заветное имя, имя того, кто является символом борьбы за свободу народов, кто впервые в революционное брожение привел, казалось, непробудным сном спавшие материки и расы.

„Ленин умер!“—В боевом трауре выстроились черно-красные знамена в рабочих кварталах. Задумчиво, не спеша, проходят с собраний десятки и сотни рабочих фигур. И далеко за полночь в подвалах слышна серьезная тихая речь о великом полководце рабочего класса, что миллионы вел в бой, побеждал, отступал и опять побеждал и был ненавистен и грозен врагам.

Вот—на севере среди зеленых фиордов Норвегии... „Ровно в одиннадцать, на шумном заводе вдруг затихла работа. Гляжу в окно. И вижу: рабочие, поодиночке и группами, с серьезными лицами, со стиснутыми зубами—как это бывает у пролетариев, когда они чувствуют боль—собираются у заводской столовой. Молча они обнажают головы—и звуки „Интернационала“ раздаются далеко по двору“.

Так описывает газета „Arbeiderbladet“ впечатления одного фабриканта, наблюдавшего траурную манифестацию из окна своего бюро. „Какое странное зрелище! — восклицает этот предприниматель, потрясенный виденным.—Где-то в незнакомой и чуждой нам стране умирает вождь и руководитель этого государства, а наши рабочие так остро и больно чувствуют эту потерю“.

Но не один только завод представлял такую картину. По призыву Норвежского объединения профсоюзов по всей стране была устроена пауза на пять минут в 11 час. утра. К этому времени все остановилось. Городское движение, как было застигнуто в 11 час., так и застыло в течение пяти минут. Стояли вагоны трамвая, автомобили, кареты, замерли вокзалы, остановились почтальоны. Кое-где устраивались летучие митинги. И пролетарии мысленно переносились в этот момент к могиле своего ушедшего вождя.

То же самое в Швеции и Дании. В Стокгольме 60-тысячная толпа рабочих манифестировала перед зданием советской торговой миссии. В подобной же манифестации в Копенгагене участвовало 25 тысяч человек.

В центральной и южной Европе, где фашизм загнал в глубокое подполье революционное рабочее движение, широкие рабочие массы не имели физической возможности проявить свои чувства, вызванные кончиной т. Ленина. Но даже и здесь стихийное настроение масс, невзирая на всякие опасности, прорывалась наружу. В Юго-Славии, где белый террор свирепствует уже несколько лет, почти повсеместно на фабриках и заводах устраивались революционным путем открытые митинги, где югославянский пролетариат отдавал последний долг мировому пролетарскому вождю. Во многих предприятиях остановились работы. На рабочих домах Белграда, Загреба и др. городов были вывешены черно-красные флаги. Полиция и фашисты объявили войну этим траурным флагам и насильно срывали их. Так было в редакции „Радника“, где полиция арестовала редактора тов. Новаковича за вывешанный редакцией флаг. В день похорон в Белграде состоялся большой общий митинг белградского пролетариата. В момент опускания гроба в Москве председатель прервал речь оратора: „слава ему!“—пронеслось по многочисленным рядам, и в течение пяти минут тысячная аудитория стояла молча и неподвижно.

Пролетариат Германии, для которого, быть может, имя Ленина наиболее близко, вынужден был в эти траурные дни про себя хранить свою скорбь. Гонения военной диктатуры против коммунистической партии и революционных профсоюзов, поддержанные всем авторитетом социал-демократии и реформистов, сделали невозможным какие бы то ни было открытые выступления. Лицемерное формальное разрешение открытых собраний с чествованием памяти Ленина фактически должно было превратиться в банальную полицейскую ловушку для укрывающихся от преследований агентов генерала Секта революционных пролетариев.

Но и те многие закрытые собрания, которые, несмотря ни на что, все же имели место, вряд ли

могли оставить у бравого генерала и его социал-демократических подручных какие бы то ни было сомнения насчет подлинных чувств и настроений миллионных масс немецкого пролетариата. Траурные собрания берлинских рабочих на заводах и мастерских, у могилы Либкнехта и Люксембург — сопровождались клятвенным обещанием продолжать дело Ильича до победы пролетарской диктатуры. „Мы прощаемся сегодня с нашим дорогим товарищем Лениным, говорилось на кладбище, прощаемся на могиле Карла и Розы, погибших, как и он, за дело пролетариата. На этой могиле в день величайшей скорби мы даем клятву — довести дело, начатое Лениным, Карлом и Розой до конца".

Точно так же в Италии, где под заботливым попечительством Муссолини рабочие достигли такой степени благоденствия, что потеряли даже дар слова. Но нет-нет—да прорвется! И деревообделочники почти всей страны, комиссии внутреннего распорядка крупнейших заводов Турина (Фиат, Итала и пр.), строители, пекаря, мучники и др., выносят свои резолюции. Правление Римской Палаты Труда, откуда изгнаны реформисты, умудрилось даже созвать большое собрание, которое от имени римского пролетариата выразило свою глубокую печаль. В общем—нет почти ни одной рабочей организации в стране, которая не реагировала бы в той или иной форме—в зависимости от местной полицейской „ситуации" – на смерть т. Ленина.

Там, где пролетариат имел возможность выступить открыто массами, траурные манифестации вышли грандиозными. В Чехо-Словакии, почти во всех городах страны—в Праге, Кладно, Рейхенберге, Ауссиге и др.—демонстрировали десятки и сотни тысяч пролетариев. Исключительно сильное впечатление производило траурное шествие рабочих Праги. Несмотря на то, что шествие было устроено в рабочее время— в субботу, в час дня — толпа манифестантов заполнила всю громадную площадь перед пражской ратушей.

Выступивший на митинге председатель коммунистической партии т. Муна сказал: „Ленин— самая могучая личность современной эпохи. Свой гений и беспримерную железную волю он всецело предоставил для дела международного пролетариата. Ленин—кузнец, который молотом пролетарской революции разбил цепи, сковывавшие 150-миллионный русский народ. Вооруженный ружьем марксистской науки, Ленин нанес смертельный удар империалистической войне и превратил ее в гражданскую, которая ведет к низвержению господства капитализма и буржуазии. Вот почему он заслужил себе беспримерную и горячую любовь всех порабощенных и угнетенных".

В Париже в траурной манифестации в Сен-Дени участвовало не менее 50 тыс. рабочих. Даже социалистическая газета „Populaire" вынуждена была признать, что „манифестация как по количеству участников, так и по ее виду была грандиозна и трогательна".

Столь же значительно грандиозные по силе митинги были по ту сторону океана, в Нью-Йорке, Чикаго и др. городах Америки.

История американского рабочего движения не знает более многочисленных и революционных собраний, чем ленинские демонстрации. От Нью-Йорка до Сан-Франциска, от Минеаполиса до Мексики имя Ленина в течение целой недели было на всех рабочих устах. Как и в России, смерть Ленина усилила приток рабочих масс в коммунистическую партию. В Буффало (Штат Нью-Йорка) все рабочие организации, включая и американскую социалистическую партию, единым фронтом организовали манифестации памяти Ленина. В Мексико-Сити, где муниципалитет находится в руках фермерской партии, был объявлен официальный траур на три дня. На Кубе, в Гаванне, многочисленная толпа манифестирующих коммунистов, членов профсоюзов и студентов посадила в память Ленина на центральной площади пальмовое дерево.

Смерть Ленина нашла глубокий отклик и среди колониальных и полуколониальных народов востока.

На черном материке, на берегах Нила, е г и п е т с к и е союзы объявляют годовщину смерти Ленина днем траура трудящихся.

На состоявшемся в Шанхае митинге памяти Ленина участвовало свыше 30 общественных организаций, в том числе китайская коммунистическая партия, Союз Социалистической молодежи, союз шанхайских печатников и много других.

В Южном Китае, в Кантоне, через месяц после смерти Ленина, согласно китайскому

обычаю, народно-революционная партия Гоминдан, снова почтила память Ильича. При открытии собрания присутствовал Сун-Ят-Сен, члены южно-китайского правительства и другие представители власти. Обращаясь к собранию с речью, Сун-Ят-Сен сказал: „Преклонимся перед портретом Ленина". Все обнажили головы, обратились лицом к портрету и сделали три глубоких поклона. Затем Сун-Ят-Сен заявил: „На тринадцатом году китайской республики я пришел со своими друзьями почтить память умершего вождя России—Ленина. За многие века мировой истории появились тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин,—исключение. Ты не только говорил и учил, но претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну... Я хочу итти твоим путем, и хотя мои враги и против этого, но мой народ будет меня приветствовать за это. Ты умер, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками".

* * *

Организованный международный пролетариат целым рядом резолюций и постановлений выразил свою скорбь по поводу утраты, понесенной рабочим и всего мира. Почти вся рабочая печать—революционная, реформистская, синдикалистская—отозвалась на смерть Ленина. И когда просматриваешь эти документы, то перед тобой как бы раскрывается книга истории рабочего движения, и, перелистывая страницы назад, читаешь ее за целый ряд лет. Все, что связывало Ленина с национальным движением каждой отдельной страны, выступает здесь ярко наружу.

Вот, например, характернейшие телеграммы из Польши:

„В ЦК РКП и Исполком Коминтерна: В тяжелый момент смерти Ленина, вождя русской и международной революции, Центральный Комитет Коммунистической Партии Польши от имени польского революционного рабочего класса посылает геройским пролетариям СССР и всему международному рабочему классу слово пролетарской солидарности. Смерть вырывает из наших рядов вождя и учителя—мозг и сердце пролетарской революции; но смерть того, кто стоял во главе великой пролетарской армии, еще более сплотит наши ряды для решительной борьбы во имя победы коммунизма,—за идею, которой Ильич отдал всю свою жизнь".

„От имени революционного пролетариата Польши собравшиеся представители красных фракций всей страны склоняют головы над свежей могилой своего учителя т. Ленина... Умер т. Ленин, но дух его живет в рабочем классе и будет вести его дальше из капиталистической неволи к мировому Октябрю..."

Бесконечно трогательно прощание из-за решетки польской дефензивы. Политические заключенные, находящиеся в знаменитом Люблинском „замке", обращаются к ЦК РКП: „Сообщение о смерти Ленина потрясло нас до глубины души... И хотя мы отгорожены от вас стенами, границей и решетками, но сердцем мы с пролетариатом Красной Москвы, отдающим последний долг своему и нашему вождю. На могиле его даем клятву, что нас не сломят ни тюрьмы, ни другие преследования реакции и что мы всегда готовы бороться за победу тех лозунгов, которые он бросил в наши души. Вы, товарищи, на этот новый удар ответьте сплочением ваших рядов и дальнейшей бесстрашной борьбой".

Польский пролетариат, связанный до войны теснейшими узами с русским рабочим классом, десятилетиями учился у т. Ленина. Поэтому из кипы телеграмм, полученных из-за границы так стыдливо выглядывает послание реформистской Центральной комиссии профсоюзов Польши, которая „шлет Всероссийскому Центральному Совету Профсоюзов соболезнование по поводу смерти Владимира Ленина" и Ц. К. Бунда, который „выражает глубокое соболезнование по поводу безвременной кончины одного из величайших революционных вождей международного пролетариата—Владимира Ильича Ленина".

Это—дань прошлому, своему собственному прошлому, тех, кто давно уже покончил счеты с революционными увлечениями юности и сейчас делает трезвую политику и с усердием, достойным лучшей участи, во славу клерикально-помещичьей Речи Посполитой душит и расправляется с революционнным авангардом Польши.

Кстати, это единственное официальное обращение от международного реформизма. Даже президиум Амстердамского Интерна-

ционала не счел нужным последовать примеру своих коллег из 2-го Интернационала и словно воды в рот набрал. Молчание красноречивое! Впрочем, оно и понятно. Председателю Томасу, застывшему в этот момент в экстазе перед троном владельца сотен миллионов колониальных рабов, которых он, как министр колоний, надо полагать, зачислит в состав Амстердамского Интернационала, пожалуй, неловко было бы в то же время обращаться к гробу того, кто так настойчиво и страстно будил сознание этих самых рабов.

Не так, конечно, чувствуют пролетарии-соотечественники „рабочих" министров колониальной империи. „Международный рабочий класс понес величайшую со времени смерти Карла Маркса потерю", пишет революционная федерация горнорабочих Южного Уэльса. „Соутгемптонский Профессиональный Совет выражает свое глубокое сочувствие и печаль и преклоняется перед преданностью т. Ленина делу человечества", читаем мы дальше. „Профессиональный Совет, представляющий все рабочие организации города", гласит телеграмма из Глазгова, „выражает печаль о потере великого вождя. Мы почитаем это имя великого бойца, посвятившего жизнь и труды угнетенным всех стран. Его труды живут, а его героическая работа будет служить примером рабочему классу для приближения дня их полного освобождения".

Теплой любовью к ушедшему и бодрым призывом к борьбе звучит обращение рабочей учащейся молодежи Англии: „Мы, студенты лондонского рабочего колледжа, выражаем глубокую скорбь по поводу кончины дорогого товарища Ленина... Марксизм был для него живым делом, выкованным в классовой борьбе. Ленин умер и теперь обязанность всех сознательных рабочих заключается в продолжение того, чему посвящена была вся его жизнь—Мировой Революции".

Во Франции Конфедеральное бюро У. В. К. Т. и почти все унитарные федерации и департаментские объединения приняли ряд резолюций. В резолюции Конфедерального бюро говорится: „Горестно пораженная трауром, который поразил сейчас Федеративную Республику Советов и мировое рабочее движение, У. В. К. Т. присоединяется к чувству тяжелой потери, которую понесла русская революция в лице того, который был великим другом пролетариата, и всю силу своего ума и всю свою жизнь отдал делу международной революции". А в официальном органе У. В. К. Т.—„La vie ouvrière"—в передовой редакционной статье говорится: „Ленина нет. Но его имя будет жить вечно. Звуки этого имени прозвучали в разгаре войны, как светлый призыв для обманутого и исстрадавшегося пролетариата. В глубине кровавых траншей, разделявших старый материк Европы, они звучали, как гимн надежды, как песнь воскресения пролетариата. И они глухо пробили тогда час гибели старой буржуазии... Ленин открыл нам широкие перспективы будущего. Он первый предсказал роковую опасность анархо-реформистско-буржуазного блока". Последняя фраза лучше всего показывает то значение, какое Ленин имел для блуждавшего со времени войны французского синдикализма.

В Страссбургском „Humanité" тов. Шарль Рапопорт отвечал на другой вопрос: в чем заключается оригинальность Ленина? „Оригинальность Ленина, отвечает он, состояла в том, что он сумел применить марксистское мировоззрение к сложным условиям аграрной России. Великий „раскольник" был великим объединителем русского пролетариата и крестьянства. „Раскольник" объединил международный пролетариат под красным знаменем мировой революции, а русский рабочий класс, несмотря на невероятные затруднения, он привел к победе в самом большом государстве мира".

Революционный межнациональный общепрофессиональный союз Чехо-Словакии в своем обращении к Исполбюро Профинтерна в следующих словах характеризует международную роль т. Ленина: „Не только русский пролетариат, но и мы теряем в лице т. Ленина незаменимого вождя. Рабочий класс Чехо-Словакии, руководясь его светлым примером, доведет дело социальной революции до победоносного конца". „Чувства несказанной боли охватили пролетариат всего мира", говорится в передовой официального органа М. О. С.—„Dělnik". „Рабочий класс Западной Европы еще будет долго бороться, прежде чем добьется того, чего—возглавляемый Лениным—добился русский пролетариат. Но если он будет водим примером же-

лезной воли Ленина, то и его победа не за горами. Революционная армия чехо-словацких пролетариев склоняется в глубокой печали над мертвым вождем. Но она ни на мгновение не склоняет своего боевого знамени и докажет международной буржуазии, что социальная революция, начатая Лениным, живет и победит во всем мире".

Из глубокого подполья кнуто-республики Эберта и Секта революционные фабзавкомы обращаются к рабочим и крестьянам Советской России! „Глубоко потрясенные, стоим мы вместе с вами у гроба величайшего рабочего вождя нашего времени. Но мы, осилив нашу общую печаль, будем всеми силами продолжать борьбу, в которой он нами руководил. Мы вместе пойдем по пути, указанному нам Лениным. Наперекор всем врагам! Да здравствует мировая революция!"

А центральный Комитет Германской Коммунистической Партии обращается к членам партии—авангарду пролетарской революции в Германии: „Борющийся международный пролетариат, говорится в воззвании Ц. К., и рабочий класс Германии понесли невознаградимую потерю. Наш дорогой великий вождь Ленин умер. Именно в настоящий момент эта потеря нашего великого друга и учителя вдвойне для нас чувствительна. Международный капитал ведет жестокое наступление на трудящихся во всем мире, Советская Россия до сих пор остается единственной крепостью мировой революции, а наша партия находится в глубоком подполье и, вдобавок, переживает внутренний кризис по вопросу о дальнейших методах революционной борьбы... Товарищи! Партия сможет выполнить свою историческую роль только в том случае, если она впитает в себя все учение Ленина и будет им руководствоваться в своей каждодневной политике... Наш вождь умер, враг торжествует. Но тот самый пролетариат, который воспитал Маркса и Ленина, под руководством Коммунистического Интернационала сумеет претворить в жизнь их завещание".

Трогательна и симптоматична телеграмма египетских рабочих, обращенная через Исполбюро Профинтерна к международному пролетариату: „Глубоко опечаленный вестью о смерти нашего великого учителя Ленина, вождя и освободителя мирового пролетариата, Центральный Комитет союза рабочих производства растительных масел Египта выражает свое сочувствие всем угнетенным всего мира по поводу понесенной ими тяжкой потери".

* * *

На этом мы остановимся. Картина ясна. Можно было бы еще и еще без конца цитировать воззвания, обращения и резолюции революционных профессиональных организаций всего мира. Буквально нет такого уголка на земном шаре, где бы революционные пролетарии не выражали своей скорби и готовности к дальнейшей революционной борьбе. Но прежде, чем заключить наш очерк, дадим слово нашим врагам, реформистам и приспособленцам всякого рода, которых так беспощадно разоблачал перед рабочими массами Ленин. В смущении стоят они у раскрытого гроба пролетарского вождя. Многие из них мрачно молчат. Но есть и такие, кто честно воздает должное и признает правоту великого мастера—разоблачителя реформизма.

Открытым испугом веет от телеграммы президиума 2-го Интернационала, у которого появилась „сердечная потребность в этот трагический момент сказать пролетариям, принадлежащим к Коммунистическому Интернационалу, что, несмотря на все разногласия по поводу тех путей, которыми следует итти рабочему классу, II-ой Интернационал был всегда убежден, что Ленин шел своей дорогой из глубокого убеждения, от чистого сердца и движимый глубочайшей преданностью великому делу пролетариев всех стран". Настолько велико обаяние имени Ленина среди трудящихся всего мира, что даже эти махровые предатели рабочего дела сочли для себя более „дипломатичным" перед своими рабочими массами сказать несколько теплых напутственных слов на смерть настоящего пролетарского вождя.

Многие другие предпочитают молчать. В центральном органе свободных профсоюзов Германии мы не находим даже сообщения о смерти Ленина. Да что могут сказать сейчас голодным немецким пролетариям руководители Всеобщего Объединения, прошедшие такой крестный путь предательств и измен! Не всегда и не все, правда, умеют молчать. Вот, например, „Der Proletarier", орган химиков, где-то в конце, на

второй странице извиняется перед читателями, что ограниченный размер газеты (дороговизна-то какая!) не дает возможности редакции дать оценку характеристики и значения Ленина. Но были и такие, что мужественно сказали себе несколько горьких истин. Газета немецких горшечников, например, пишет: „Умер Ленин, великий вождь русской революции. Его смерть является трауром для всего организованного мирового пролетариата. Хотя его убеждения расходятся с нашими, но мы должны сказать, что он многое успел сделать для рабочего класса". „Хотя мы расходились с Лениным в методах", стыдливо заявляет „Der Grundstein", газета строителей, „но мы никогда не расходились в целях". „Он стоял в ряду величайших борцов за свободу всех времен", читаем мы в органе Диссмана, „Die Metallarbeiterzeitung", который не мало пролил водянистых чернил об „ужасах" красного террора. „Вот почему мы и наш венок присоединяем ко многим другим и со скорбью и признательностью вспоминаем об умершем революционере".

Даже орган архи-реформистских зубров из Всеобщей конфедерации труда—„Le Peuple"—пишет: „Нужно несколько дальше отойти в смысле времени, чтобы быть в состоянии судить о делах этого человека, который безусловно как бы ни оценивали его качества и недостатки—займет одно из первых мест в современной истории".

Более откровенно и полупокаянно помещают длинные статьи „левые австрийские профсоюзы, которые вместе с своей социал-демократией всегда „духовно" симпатизировали русской революции. „Пролетариат всего мира с потрясением примет известие о смерти великого вождя русской революции, пишет „Der Eisenbahner", орган австрийских железнодорожников. „Хотя он был нашим неумолимым противником, социал-демократический пролетариат склоняет свою голову перед величием смерти этого человека. Его история была борьбой на жизнь и на смерть на два фронта: против капиталистической буржуазии и против социал-демократии, которую он обвинял в реформизме". В таком же тоне писали Отто Бауэр и Фридрих Адлер.

А их друзья из швейцарской соц.-демократии, руководимой Гриммом, в своем официальном воззвании заявили: „в трауре русских рабочих принимает также участие и швейцарский соц.-демократический пролетариат. Вопреки всем разногласиям, разделяющим нас с коммунистами, мы должны признать историческое величие и непреходящее значение Ленина, как непреклонного революционера и великого борца против тирании империализма".

Таковы отзывы врагов. Были еще и отдельные совершенно неприличные выпады из анархистских рядов, которые показывают все мелкое самолюбие, озлобленность и политическое ничтожество этих господ. Шведский анархосиндикалистский орган „Arbetaren" заканчивает, например, свою статью следующим: „Да, Ленин был великим человеком. Но он был великим разрушителем и саботажником революции (!!)". А французская анархистская газета „Libertaire" поместила о Ленине статью даже более гнусную, чем вся буржуазная пресса. Эта же газетка, которая ревниво охраняет независимость профсоюзов от тлетворного влияния Коминтерна, и вообще от революции, глубокомысленно рассуждала на тему о том, что факт пребывания тела Ленина в Доме Союзов является лишним доказательством подчиненного положения в России союзов по отношению к партии. Это жалкие выступления теряются в пустом пространстве, и рабочий класс с презрением относится к одиноким деклассированным оголтелым крикунам.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно заключить словами швейцарской газеты деревообделочников („Schweizarische Ban-und Holzarbeiterzeitung"): „Ленин был сердцем и мозгом мировой революции и воплощением дьявола для мировой буржуазии. Ни один человек в течение последних 10 лет не был так ненавидим, как он. Но ни один не пользовался в то же время такой исключительной любовью, доходившей до обожания, как этот великий вождь мировой революции".

Г. Смолянский.

The Workers' Weekly, Friday, February 1, 1924.

THE Workers' Weekly

Workers of the World, Unite!

THE FOREHUNNER OF THE WORKERS' DAILY

OFFICIAL ORGAN OF THE COMMUNIST PARTY OF GREAT BRITAIN.

No. 52 FRIDAY, FEBRUARY 1, 1924 (Registered at The G.P.O. as a Newspaper) One Penny

LENIN IS DEAD—LONG LIVE THE COMMUNIST INTERNATIONAL

TROTSKY ON LENIN'S DEATH

"Lenin is no more.

"These words crash upon our intelligence like a gigantic rock falling into the sea. How can we believe it, how can we admit it? The mind of the workers of the whole world will refuse to accept this fact, for their enemies are powerful and dangerous, the road before them long and painful, the task they have undertaken immense—the greatest that history has ever known, and not yet completed. Lenin is necessary to the working classes of the world as perhaps never in the history of humanity has a man been necessary.

"The second phase of his illness, more serious than the first, had lasted for ten months. In the bitter expression of the doctors, the organs of circulation were 'playing' all the time. It was a terrible game, with the life of Ilich as plaything. We had a reason to expect an improvement, and even complete restoration, as much as we could a catastrophe. All of us were expecting recovery, but it was the catastrophe which supervened. The nerve-centre controlling his respiration refused to serve any longer, and extinguished the flame of that titanic thought.

"And now Ilich is no more. The Party is an orphan. The working class is an orphan. That is what one feels before everything else, on learning of the death of him who was our teacher and our guide. How shall we go forward along our path, comrades? Shall we not wander now that Lenin is no longer with us? No; Leninism remains. Lenin is immortal in his doctrine, his work, his method, his example, which live in us, which live in the Party he created, and in the first workers' State of which he was the head and the helmsman.

"Our grief is as immense as our loss; but let us render thanks to history for allowing us to be born as contemporaries of Lenin, and permitting us to work by his side and be his disciples. Our Party is Leninism in action; our Party is the collective guide of the workers; every one of us contains something in him of Lenin. How shall we march forward in our path? With the light of Leninism in our hand. Shall we find the true road? By collective thought and the collective will we shall find it.

"To-morrow, the day after to-morrow, next week, in a month's time, we shall still be saying to ourselves that it is impossible that Lenin is no more. Yes, his death will for long still seem to us an unbelievable, inadmissible, monstrous, arbitrary, unnatural. Let the wound which opens in the heart of every one of us at the memory of the great man who has disappeared, recall constantly to us that our responsibility has been doubled: let us be worthy of him who taught us. In our mourning let us close our ranks and hearts for new combats. Comrades, brothers, Lenin is no longer with us. Farewell, Ilich. Farewell, leader."

MEMORIAL ISSUE

See Pages 2 and 4

CHOICE FOR LABOUR GOVERNMENT

Stock Exchange or Working Class

RUSSIAN RECOGNITION NOW

The new Labour Government will very soon have to show its character.

Questionings have been raised throughout the working-class movement owing to its composition, and its first acts will be followed with anxious attention.

The inclusion of such prominent Conservatives as Lord Chelmsford, ex-Viceroy of India, and Liberal Imperialists as Lord Haldane, joint author of the war with Asquith and Grey, does not arouse confidence in the working class; still less so, when accompanied by the exclusion of such tried veterans of the movement as Lansbury and Smillie, who more than any other leaders to-day enjoy the trust of the workers.

No Coalition

It is felt that this Cabinet represents a veiled form of coalition with the bourgeoisie, particularly if it is going to be subservient to the hostile majority in Parliament.

This is the view taken of it by foreign Socialists. *Vorwärts*, the German Majority Socialist organ, writes:—

"It is no enviable situation for our English friends to be dependent on the tolerance of the bourgeois party. The question arises whether the policy of coalition is more to be blamed than this experiment of minority government."

This fear is not diminished by the forms of expression adopted by Ministers. MacDonald declares:—

"This House cannot afford merely to pursue old-fashioned partisan tactics."

The bourgeoisie, of course, is delighted at this development. The press writes to praise the new Ministry, and we are told that "the framing of this 'Labour Cabinet' was followed by buoyancy on the Stock Exchange." The new Ministry is declared to be "as safe as Threadneedle Street."

But who wants a "Labour Government" that is "as safe as Threadneedle Street" and makes stockbrokers buoyant? The whole object of the Labour movement is to make stockbrokers the opposite to buoyant.

The Labour Government will have to choose before long between the stockbrokers and the workers, and its choice will determine its fate with the working class.

The entry of Wheatley and the Clyde men into this Ministry is a step that has aroused much comment. They have undoubtedly taken a big responsibility on themselves in doing so, and their actions will be closely followed.

There cannot be much concord in action for long between Glasgow Socialism and the type of "Labour" Minister who can declare at an Imperialist luncheon party that:—

"The great change of the seals of office merely meant that the Old Country and the Old Empire still went on."

One or the other must conquer. The sooner there is a plain issue between the workers and the bourgeoisie the better.

Russian Recognition Now

The first immediate conflict has arisen over Russian recognition.

The Labour movement stands for immediate and unconditional recognition of Russia. Their declarations of policy informed us that it would be accomplished within twenty-four hours of taking over the Government.

Why has it not been done? Inspired press paragraphs tell us that the Foreign Office officials have "educated" Mr. MacDonald in the necessity for delaying the step, and going through preliminaries of "inquiry" and debt negotiations and the rest.

If a Labour Minister does not know how to manage his permanent officials—"treat 'em rough" is the only way—he is not fit for office.

A welcome letter from Neil Maclean (who is not in the Ministry) has helped to force the issue, which should receive a rapid accomplishment.

But if there is this fumbling hesitation about a question which has the support of half the bourgeoisie already, what about the questions that are direct working-class issues—housing, unemployment, the dockers, and the miners?

LENIN ON THE LABOUR GOVERNMENT

"That the Hendersons, Clynes, MacDonalds, and Snowdens are hopelessly reactionary is true. It is also true that they want to take the power into their own hands (preferring, however, a coalition with the bourgeoisie), that they want to govern according to the same old rules of the bourgeoisie, and that they will inevitably behave when in power like the Scheidemanns and the Noskes. All this is true, but it does not necessarily follow that to support them means treason to the revolution; on the contrary, in the interests of the revolution, the revolutionaries of the working class must render to these gentlemen a certain parliamentary support."

Lenin: "Left Wing Communism: An Infantile Disease."

RAIL STRIKERS' GAINS

Concessions Won Despite Blacklegging

The first round in the trade union struggle of 1924 is a score for the workers. The striking railwaymen have won considerable concessions from the companies in spite of the frenzied efforts to organise blacklegging.

It is an incomplete victory. It shows how much and how little can be gained, at the best, by isolated action. It is not peace, but a truce.

If the locomotive men, acting alone, could not entirely prevent wage cuts, can the dockers, acting alone, win wage increases? Can the miners? Or the builders? That is the question raised by the railway strike. The workers must answer it, for their leaders will not.

STRIKE—SETTLEMENT TERMS

The strike has gained this much: the mileage clause of the original finding is not to be applied in full till 1925. One hundred and thirty miles will be paid as a day's work till July, when 140 will be the rule.

A definite guarantee is given that a shunting driver employed on main line work shall receive main line pay after a year on the job. The promise that there are to be no dismissals is repeated.

NO VICTIMISATION!

"All the men involved in the present dispute who present themselves to work within a reasonable time to be reinstated by the companies at the earliest practicable moment without reference to their seniority position."

This last clause is most important, for it definitely covers the N.U.R. men who struck, and the branches of the N.U.R. must see to it that it is carried out to the letter.

DOCKERS' STRIKE NEXT

Employers' Stubborn

The dockers have declared for a national strike on February 16 if the employers will not concede the 2s. a day wage increase (which would bring their wages to the level of September, 1920, but still 4s. below the 1920 Shaw Award of 16s.)

This is the resolution passed by the Dockers' Conference:—

"The conference, consisting of 76 delegates, representing the Transport and General Workers' Union, and the unions associated with them in the claim—consisting of the National Union of General Workers, the National Amalgamated Union of Labour, the United Order of General Labourers, the Amalgamated Society of Engineers, Motormen, Electricians, &c.—after hearing the report of the negotiating committee and reports from the delegates from all parts of the country, hereby decide to instruct the members to withdraw their labour on February 16, 1924, in all ports of Great Britain, unless in the meantime a settlement satisfactory to this delegate conference has been arrived at.

"Further the conference instruct all the ports to refrain from any local negotiation and to stand firm for both national negotiations and settlement."

Six Pages

From February 15 the WORKERS' WEEKLY *will be*

Six Pages Every Week

In order to start Volume II with the new six-page size, the issue of February 8 (No. 53) will be counted in with Volume I. The issue of February 15 will also be counted as our

First Anniversary Number

and will contain special articles on Our Paper, together with a

Net Sales Certificate

showing our circulation.

The printing arrangements in connection with the six page paper necessitate a slightly smaller page. But the new paper will be

Bigger and Better

—and it is going to go on growing all the time.

Sonder-Ausgabe.

Die Rote Fahne

Organ der KPD. — Begründet von Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg

Erscheint nach Bedarf | Januar 1924 • Nr. 38 | Preis 100 Milliarden Mark

Lenin ist unser unsterblicher Führer!

Die breiten Massen der revolutionären Arbeiter der ganzen Welt sind von Trauer über den Verlust Lenins, des größten Führers der Arbeiterbewegung, ergriffen. Doch soll diese Trauer uns nicht mutlos machen, Genossen. Wir wollen mit Dankbarkeit seiner unsterblichen Verdienste in der ganzen Welt gedenken und wollen angespornt durch sein großes Beispiel, die **Verwirklichung seines historischen Vermächtnisses** erstreben. Ebenso wie Karl Marx, wird Lenin auf ewig unser Führer bleiben. Marx gab uns die Lehre über den Befreiungsweg des Proletariats, Lenin führte das Proletariat den Weg der **siegreichen Verwirklichung** dieser Lehre. Lenin schuf die siegreiche revolutionäre Arbeiterpartei — die russische Kommunistische Partei. Mit unbeugsamem Glauben an die revolutionäre Kraft und die Zukunft der Arbeiterklasse bemühte er sich um die Schaffung der Partei, arbeitete daran unter unerhörtesten Schwierigkeiten und Verfolgungen, fortwährend gegen die zaristische Despotie, gegen lief eingewurzelte Vorurteile, gegen Sozialverräter falsche Führer der werktätigen Massen kämpfend.

In diesem jahrelangen Kampfe schuf er die siegreiche Strategie und Taktik des revolutionären Marxismus und gab der kommunistischen Bewegung die organisatorischen Formen des Parteiaufbaus. **In der Geschichte der internationalen Arbeiterbewegung eröffnete die Tätigkeit Lenins einen neuen Abschnitt.** Von den ersten Tagen seiner Tätigkeit führte Lenin einen heroischen Kampf gegen den vom Kapitalismus vergifteten Geist, der in den Reihen der zweiten Internationale herrschte. Und als zu Anfang des imperialistischen Krieges diese Parteien schändlich ihren Dienst den räuberischen imperialistischen Regierungen anboten, sagte Lenin mit genialem Scherblick die historische Notwendigkeit der **proletarischen Weltrevolution** voraus: „der imperialistische Krieg muß sich in den Bürgerkrieg verwandeln."

Beseelt von grenzenlosem, revolutionärem Mut, getrieben von eisernem Willen zum Siege, führte Lenin 1917 das russische Proletariat in den Kampf zur Vernichtung des kapitalistischen Staates.

Als erster aller Führer der modernen Arbeiterbewegung erkannte Lenin die historische Bedeutung des politischen Erwachens des **Bauerntums**, und die Notwendigkeit der Schaffung eines engen **Kampfbündnisses zwischen dem Bauerntum und dem Industrieproletariat**, unter Wahrung der Hegemonie des letzteren. Er war der erste, der in den **Arbeiter- und Bauernräten** die kommende Staatsform der proletarischen Diktatur erkannte. Er formulierte das Proletariat unter der Parole: **Alle Macht den Räten!** Er schuf die **Sowjetmacht** und tat alles zu ihrer Festigung und zur Abwehr des wahnsinnigen Ansturms ihrer unzähligen Feinde.

Keiner von uns wird jemals den Schlag vergessen, den uns des niederträchtige Attentat auf Lenin im Jahre 1918 zufügte. In unserem Kampfe werden wie niemals vergessen, daß Verräter der Arbeiterklasse durch eine vergiftete Kugel uns unseren teueren Führern beraubten wollten. **Die Kommunistische Internationale ist vor 5 Jahren von Lenin gegründet.** Lenin erklärte schon damals, worin die Aufgabe unserer Internationale bestehen soll: In der Verwirklichung der ewigen Ideale des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Und vor allem war es das Werk seines eigenen Lebens. Noch niemals hat die Geschichte ein ähnliches **edles Beispiel der Hingabe** an die heiligen Ideale des Befreiungskampfes der werktätigen Massen gesehen. Noch niemals hat jemand so viel für die Verwirklichung dieser Ideale getan, als Lenin. Seine Führung gab der Kommunistischen Internationale eine feste Basis für revolutionären Bewegung in der ganzen Welt.

Diese Basis besteht vor allem in der von ihm theoretisch entwickelten, praktisch durchgeführten marxistischen Lehre über den Staat und die Revolution und über die **Diktatur des Proletariats**, ebenso wie in der klaren Analyse des Wesens der bürgerlichen Demokratie.

Seine Lehre über den demokratischen Zentralismus und die von ihm 1903 gegebenen genialen Direktiven der Organisation der revolutionären Arbeit haben auch noch gegenwärtig einen gewaltigen Wert für unsere Arbeit auf diesem Gebiete. Denselben großen Wert haben für uns die prophetischen Worte seiner letzten Rede auf dem 4. Weltkongreß und sein letzter Artikel über die Perspektiven der Weltrevolution. Er lenkte den größten Wert auf die Vereinigung aller echt revolutionären Kräfte aus verschiedenen Lagern und Richtungen der alten Arbeiterbewegung unter der Fahne der Kommunistischen Internationale. In einem der ernstesten Momente gab er uns die Parole: **Eroberung der Massen**, als unbedingte Voraussetzung der Machteroberung und der Errichtung der proletarischen Diktatur. Er betonte eine besondere Aufmerksamkeit der **revolutionären Entwicklung Deutschlands** bis zum letzten Moment, als wir alle hofften, daß auch in Deutschland die proletarische Revolution Sieg ihr Haupt erheben wird.

Lenin war und bleibt für immer der unsterbliche Führer der proletarischen Weltrevolution. Mit seinem genialen und intuitiven Blick verstand er das nationale Erwachen, die **revolutionäre Erhebung der Völker des Ostens**, welche gegen die würgende Hand des kapitalistischen Imperialismus kämpfen, richtig einzuschätzen. Er erkannte klar, welche historische Bedeutung der Erhebung der Völker des Ostens zukommt und arbeitete rastlos und unermüdlich daran, sie in die Reihen der Kommunistischen Internationale einzugliedern. Vor allem ist es sein Verdienst, die Parole aller Internationalen: **Proletarier aller Länder vereinigt Euch!** verwirklicht zu haben.

Aehnliche Feinfühligkeit und Intuition zeigte er in seiner Einstellung zur **Kommunistischen Jugend und**

Frauenbewegung. Er sah mit völliger Klarheit, daß die kommunistische Jugend und Frauenbewegung den letzten, den kritischen Schlag gegen den Hauptfeind der proletarischen Revolution, gegen Unwissenheit und Passivität der Massen, führen wird.

Mit gigantischen Schritten, wie es Lenin voraussah, schreitet die internationale proletarische Weltrevolution vorwärts. An Lenin denkend müssen wir alle unsere Kräfte im Kampf gegen das Joch des Kapitals anstrengen. Rüstet Euch zum Kampf, revolutionäre Proletarier aller Länder! Möge der Haß gegen die Feinde des Kommunismus in unseren Herzen ebenso flammen und ewig sein, wie die Liebe zu Lenin.

Auf zum Kampf für die Verwirklichung des Vermächtnisses Lenins! Zu diesem Kampfe ruft Euch die Exekutive der Kommunistischen Internationale und alle ihre Sektionen auf. Wir werden uns an die Millionen unserer Kampfgenossen in der ganzen Welt mit dem Ruf:

Folgt dem Vermächtnis Lenins, welches, in seiner Partei geschaffen, durch die ganze Arbeit seines Lebens, weiterlebt. Kämpft, wie Lenin gekämpft hat, und ihr werdet siegen.

Die Exekutive der Kommunistischen Internationale.

Moskau, 23. 1. 1924.

Sinowjew, Vorsitzender, Jetkin (Deutschland) Kolaroff (Bulgarien), Terracini (Italien), Stuart (England), Stirner (Südamerika), Schüler, Unger (Jugendinternationale), Bucharin, Radek (Sowjetunion), Bruchnic (Polen), Amter (Ver. Staaten), Knusinen (Finnland).

Exekutive der Profintern

Losowski, Johnson, Hammer, Germanako.

Aus dem Inhalt:

Sinowjew: Der Tod Lenins und die Aufgaben der Partei.

A. Thalheimer: Lenin als Theoretiker.

W. Sawlowsky: Lenin und der Leninismus.

Lenin, der Führer des russischen Bolschewismus. Leninisten.

O. A.: Ein genialer Verband und eine christallklare Seele.

Lenin und das deutsche Proletariat.

Von Georgi.

Die Fahnen des kämpfenden deutschen Proletariats senken sich vor seinem toten Führer. Seinem Führer! Denn Lenin war unser Führer, so gut er der Führer und Lehrer unserer russischen Brüder war.

Was Lenin dem deutschen Proletariat bedeutet, kann nur der ermessen, der den Abstand überschaut, der uns heutige trennt von jener Stufe politischer Unreife, auf der wir uns vor dem Kriege und während des Krieges befanden. Wir glaubten schon damals und während des Krieges zu sein, aber wir hatten nicht einmal die einfachsten Elemente des revolutionären Marxismus erfaßt.

Was war Lenin dem deutschen Proletarier vor und während des Krieges? Die Masse kannte nicht einmal seinen Namen, und die Führer, die von ihm wußten, zuckten verächtlich die Achseln, er schien ihnen ein halbverrückter Sektierer, ein starrer Theoretenschmied, ein Spalter von Beruf und Neigung. Die Führer der deutschen Sozialdemokratie sind inzwischen ins Lager der Bourgeoisie gewandert und in ihrem Bankrott mitverstrickt, hinter Lenin haben sich die siegreichen Millionenmassen erst der russischen Arbeiter und Bauern gestellt, ihnen folgen die noch zahlreicheren Millionen des Weltproletariats und der unterdrückten Bauernvölker.

Die großen Grundgedanken Lenins, mit denen er den revolutionären Marxismus praktisch anwenden lehrte, könnten gar nicht in Deutschland vor dem Kriege verstanden werden. Der glänzende Aufschwung des imperialistischen Deutschlands benebelte die Gehirne auch der Arbeitermassen, die Bourgeoisie konnte sich den Scherz leisten, einige Brocken an Reformen und Arbeiterschutzeinrichtungen von ihrem reichgedeckten Tische abfallen zu lassen. Nur eine kleine Schar unter Rosa Luxemburg und Karl Liebknechts Führung nahm damals schon den Kampf auf, nicht allein gegen Bernstein und seinen Revisionismus, sondern auch gegen das um Kautsky gruppierte marxistische Zentrum. Aber selbst der geniale Geist unserer Rosa Luxemburg konnte nicht die Lehren der ersten russischen Revolution so tief zu Ende denken, so für die revolutionäre Praxis auswerten, wie es Lenin tat. Wohl erkannte Rosa Luxemburg die entscheidende revolutionäre Bedeutung des Massenstreiks als der historisch gegebenen Bewegungsform des kämpfenden Proletariats, aber ihre Augen blieben der zweiten großen Grundlehre verschlossen, daß nämlich die proletarische Revolution nicht der Spontaneität der Massen überlassen bleiben kann, sondern von einer straff disziplinierten Führerpartei organisiert und geleitet werden muß.

Das deutsche Proletariat vor dem Kriege und während des Krieges hatte erst keinen Sinn für die ebenso großen wie einfachen Grundgedanken revolutionärer proletarischer Strategie, wie sie Lenin auf Grund der russischen Erfahrungen formulierte. Auch der Spartakusbund, jene kleine und kühne Schar, die sich im wüstesten Wüten des chauvinistischen Taumels zur illegalen Minierarbeit sammelte, verstand nur zum Teil, um was eigentlich Lenins Kampf in der Schweiz ging, um was die Zimmerwalder Linke so hartnäckig stritt. Es mußte schon das gewaltige, mit Händen greifbare Beispiel der russischen Oktoberrevolution kommen, es mußte die eigene blutige Niederlage der Januar- und Märzkämpfe 1919 dazu treten, um wenigstens dem Vortrupp der deutschen Arbeiterklasse die Augen für das zu öffnen, was zum Sieg der proletarischen Revolution entscheidend ist.

Jetzt begriffen endlich wir, was Rätediktatur heißt, begriffen die Notwendigkeit des bewaffneten Aufstandes, begriffen die harte Unvermeidlichkeit des roten Terrors, begriffen auch langsam die Rolle der Partei, die sich als straff disziplinierte Führergruppe aus der Masse hoch abhoben und doch gleichzeitig als immer tätige Führerin mit der Masse verbunden bleiben muß.

Aber es waren nicht nur die großen Gedanken Lenins, die im deutschen Proletariat und zunächst in seiner Kommunistischen Partei Wurzel schlugen. Mit seiner ganzen Persönlichkeit, mit seiner praktischen Arbeit diente uns Lenin. Er griff persönlich in unsere Kämpfe ein, er half uns mit seiner überlegenen Erfahrung, unsere Kämpfe zusammen mit uns die taktischen wie die organisatorischen Probleme der deutschen Revolution. Er ist es, der im „Kampf gegen den deutschen Zentrismus den tödlichen Schlag versetzte, dessen grundlegendes Büchlein „Staat und Revolution" tausenden und abertausenden Proletariern die Augen öffnete. Und als wir tief in der Periode der „Kinderkrankheiten" steckten, uns in der Niederlage nicht zurechtfanden, da lehrte uns Lenin die Strategie des Rückzugs genau wie er uns vorher den Weg der revolutionären Offensive gewiesen hatte.

Ohne die starke Autorität Lenins und ohne von ihm geführten siegreichen russischen Revolution wäre der Prozeß der Herausbildung einer kommunistischen Massenpartei in Deutschland der Prozeß der Selbstverständigung über die revolutionären Aufgaben noch viel langwieriger und schmerzhafter gewesen, als er es ohnehin schon war. Bei allen schweren Enttäuschungen bei allen Fehlern, die die Kommunistische Partei im Laufe der fünf Jahre machte, hatte sie sich immer wieder Rat und praktische Anweisung bei diesem einzigartigen „Berufsrevolutionär", Berufsrevolutionär in dem Sinne, daß er restlos seine ganze Arbeit, sein Denken, sein Herz und seine Hand der Sache des Proletariats weihte, daß er wie keiner vor ihm die Lebensbedingungen und Entwicklungsgesetze der proletarischen Revolution stu-

Nakanune

НАКАНУНЕ

Nakanune

150 Milliarden = 0,15 Goldmark

III-й год изд.
№ 19 (536)

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
под редакцией коллегии
Б. В. Дюшен, С. С. Лукьянова, П. А. Садыкера и С. С. Чахотина

Четверг
24 января 1924

Адрес Редакция и Главной Конторы: BERLIN SW19, Beuthstrasse 8 — Телефоны: Главной Конт.: Merkur 2445, 46, 47, 48, 49 — Редакц.: Merkur 3479 — Telegr.-Adr. „Nakanune Berlin" Прием по делам Редакции от 12 до 2 час. — Postscheckkonto NW 96634. — Bankkonto Disconto-Gesellschaft, Leipzigerstr. 66. Deutsche Bank, Depositen-Kasse E, Am Spittelmarkt. В России: Отдел. Главной Конт. газ. „Накануне": МОСКВА, Гнездниковский пер., № 10 (угол Тверской).

ОБ'ЯВЛЕНИЯ: основная цена в германских марках. Коэффициент следует помножить на основную цену. Сегодня коэффициент: 720 000 000 000. ×0,20 за милим. (ширина строки) в отделе об'явлен. ×1,35 за милиметр в тексте. ×0,18 за милиметр за об'явления о розысках и смерти ×0,12 за милиметр для врачей и присяжно-поверенных, ×0,16 за милиметр для ищущих мест. — При крупных заказах указанные цены не обязательны. Заграничные об'явления по особому тарифу. Цена подписки см. об'явление

Смерть Ленина

Ленин умер — строительство Новой России будет продолжаться по его заветам

Берлин, 21 января 1924 г.

Великому современнику всегда ищут сходный образ для сравнений, и этот образ, раз найденный, становится его мерилом, его характеристикой.

Современность не нашла образа для характеристики Владимира Ильича Ленина, ни среди героев древности, ни среди деятелей Великой Французской Революции. Единственный, самобытный, он вошел в нашу эпоху, несравнимый ни с кем. Он сросся с эпохой, с Революцией, и она, единственная и многообразная, нашла в нем свое завершенное отражение.

Они неразделимы. Нельзя говорить об «эпохе Ленина» в революции, как нельзя революцию в целом мыслить без Ленина. Их спаивают две основных черты: многогранность и неуклонность.

Он прошел весь путь революционера, от подпольной работы до Кремлевских палат. И на всем этом пути, первый среди равных, он всегда оставался самим собою.

Он, фактически державший в своих руках огромную власть, ни на минуту не поддался ее обаянию. Он не служил власти, не сгибался под ее бременем, не испытывал головокружения. Он твердой рукой взял власть и заставил ее служить своим целям.

Цель его была и осталась всегда одна — Революция.

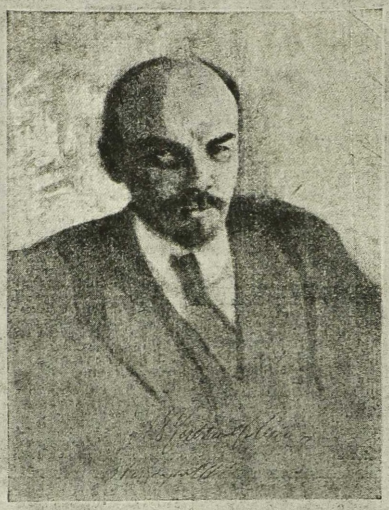
Ей отдал он всю свою жизнь, ей отдал он все, что революция могла дать лично ему. Себе не оставил он ничего.

Каким пришел Ленин в революцию, таким он и оставался до самой кончины: неутомимым работником, для которого нет и не было большого и малого в труде, для которого не существовало честолюбие, картинность, поза.

Даже во внешнем облике не изменила его власть — все тот же пиджачек, такие же вытянутые в коленях брюки, суровая простота повседневной жизни, и все тот же нестареющий пламенный энтузиазм, вера в революцию, в ее правду, в ее авангард.

Председатель Совета Народных Комиссаров — Ленин — выступал на собраниях и митингах таким же «рядовым» оратором, как и в памятные дни его приезда в Россию. Неисчерпаемость его сил давно вошла в поговорку, в легенду. Его должность, служба революции, упорная и тяжелая, не скрашивалась ничем, так свойственным величию власти. В ней не было пышности и торжественности.

И в то же время имя Ленина является символом примирения даже среди самых непримиримых.



Имя Ленина, ласково сокращенное по отчеству: «Ильич», любовно произносится во всех уголках России и среди трудовых слоев всего мира.

Ему приписывают все благое, что в грозе и буре несет революция, что чувствуется и угадывается в ней, не только революционно-настроенными, но и полу-насильственно вовлеченными в революцию массами.

Это происходит не потому, что массы лично знают Ленина, знают об его действительно редких душевных качествах — нет — потому, что они угадывают в нем созвучность с революцией, его единство с нею, знают его чуткость к велениям жизни.

Владимир Ильич после тяжкой болезни умер. Эта весть жестокой скорбью поразила миллионы сердец, во всех уголках мира, где только Русская Революция вдохнула надежды и веру в будущее.

Но наряду с этим, рядом со скорбью о человеке, с именем которого связано так много встает то, что не может уничтожить ни болезнь, ни даже смерть: образ вождя-труженника революции, который не нуждается в памятниках, ибо вся жизнь его — вечный памятник славы: Революция.

Правительственное сообщение

Москва, 22 января (Роста)

Ничто не предвещало близкой смерти Ленина. Как раз в последнее время в состоянии его здоровья наступило заметное улучшение и все указывало на то, что и впредь здоровье его будет улучшаться. Совершенно неожиданно вчера, 21 января, наступило резкое ухудшение и спустя два часа Ленин скончался.

Заседающий в Москве С'езд Советов РСФСР и открывающийся на-днях С'езд СССР вынесут решения, необходимые для дальнейшей непрерывной работы Советского правительства.

Кончина Ленина — это наиболее тяжкий удар, из всех поразивших рабочий класс советского союза с момента, когда рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки. Каждый рабочий и крестьянин не только нашей республики, но и других стран будет потрясен этим ударом. Широкие массы трудящихся всего мира будут скорбеть о смерти своего вождя. Его нет больше среди нас, но его творение непоколебимо. Советское правительство — выразитель воли рабочих масс — будет продолжать дело Ленина и будет итти по начертанному им пути. Советская власть остается на посту для защиты всех завоеваний Советского Союза.

Кончина Ленина

Москва, 21 янв., 6 ч. 50 мин. дня (Роста)

В Горках, возле Москвы, скончался Ленин. Врачебный бюллетень гласит: 21 января в состоянии здоровья Ленина наступило внезапное ухудшение. В 5½ часов вечера затруднилось дыхание, наступила потеря сознания и общая слабость. В 6 часов 15 минут Ленин, вследствие паралича дыхательных центров, скончался.

Причина смерти

Москва, 22 января (Роста)

Дополнительно опубликован следующий врачебный бюллетень: вскрытием, произведенным в 2 часа дня, 22 января, установлено изменение кровеносных сосудов. Новое кровоизлияние мозговых сосудов явилось непосредственной причиной смерти.

Подписали профессора: Ферстер, Осипов, Абрикосов, Дешин, Бунак.

Доктора: Готье, Елистратов, Розанов, Обух, Вейсброт, Семашко.

Заседание С'езда Советов РСФСР

Сегодня, в 12 часов дня, состоялось заседание С'езда Советов РСФСР, продолжавшееся 20 минут. Сообщение Калинина о смерти Ленина произвело на делегатов потрясающее впечатление. С'езд об'явил день 21 января днем траура. В Москве на шесть дней закрыты все увеселительные заведения, театры и кинематографы.

Перевезение тела в Москву

Москва, 22 января (Роста)

Тело Ленина во вторник перевезено из Горок в Москву и будет помещено до погребения в Доме Союзов. Доступ к гробу Ленина будет свободен для всего населения.

Воззвание Коминтерна

Зиновьев опубликовал следующее воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала ко всем его секциям:

21 января, в 6 часов 50 минут вечера, внезапно скончался Ленин от паралича дыхательных центров. Погребение состоится в субботу 26-го. Коммунистический Интернационал потерял своего вождя и учителя. Интернациональный пролетариат понес утрату, самую крупную со дня смерти Карла Маркса.

Шапки долой перед свежей могилой великого учителя рабочего класса. Интернациональный пролетариат знает, кого он потерял в лице Ленина. Коммунистический Интернационал и Советы теснее сомкнут свои ряды для работы по начертанному Лениным пути.

VINGT-ET-UNIÈME ANNÉE. — N° 7331

ABONNEMENTS

	1 AN	6 MOIS	3 MOIS
Paris, Départements et Colonies	48. -	25. -	13. -
Etranger. . . .	80. -	41. -	21. -

L'abonnement supérieur d'un mois à chacune de ces trois durées

Belgique et Luxembourg : Le 1er 75 centimes

Chèque postal : 209-61

142, Rue Montmartre, PARIS (2e)

20 Centimes ☆ ☆ 20 Centimes

MERCREDI 23 JANVIER 1924

l'Humanité

ORGANE CENTRAL DU PARTI COMMUNISTE (S. F. I. C.)

TÉLÉGRAPHE : «Humanité-Paris»

TÉLÉPHONE : Gutenberg 03-57 et 03-69

PUBLICITÉ : 142, rue Montmartre

Fondateur : JEAN JAURÈS

LÉNINE EST MORT

Hier, à la fin de l'après-midi, nous parvint à *l'Humanité* la nouvelle de la mort de Lénine. Nous ne pouvons traduire ici par des mots la douleur et l'émotion dont nous fûmes envahis.

Le militant qui disparaît laissera dans l'histoire humaine un nom qui mérite d'être associé aux plus

WLADIMIR LÉNINE

grands. Ce puissant conducteur de foules rédutsait et sa personne les plus éminentes et les plus rares facultés du savant et de l'homme d'action.

Depuis la mort de Marx et d'Engels, nul révolutionnaire n'avait étudié, commenté et développé la doctrine des deux grands maîtres avec une intelligence aussi ample et aussi vigoureuse. Dans les journaux, dans les discours de congrès, dans des brochures, dans des livres, dont quelques-uns furent écrits p Lénine au plus fort des combats prolétariens, il a éclairé, illuminé, vivifié les thèses du marxisme dont il avait fait comme la substance même de son esprit.

A Lénine est advenu l'immortel privilège de conduire à la victoire le premier prolétariat qui, dans le monde, a réalisé sa révolution. Dès le moment de la chute du tsarisme, il perçut à peu près seul la possibilité du succès de l'action immédiate pour les masses conscientes. Il y entraîna ses camarades bolcheviks chez lesquels il rencontra parfois certaines résistances ; il y entraîna le prolétariat russe. Il avait cru, du premier coup, à la victoire d'un pouvoir gouvernemental ouvrier et paysan chassant toutes les formes de bourgeoisie et prenant seul le pouvoir pour aller jusqu'à l'expropriation révolutionnaire du Capital.

Cette œuvre gigantesque fut menée par lui avec une énergie qui rappelle celle de nos Montagnards de 93 qu'il connaissait et vénérait comme les plus précieux des guides. Mais en même temps que pour sauver le mouvement ouvrier, il opposait à la contre-révolution sa volonté de fer, il savait trouver comme les grands politiques, la formule juste, opportune, pour rattacher à la Révolution naissante la foule immense des paysans de Russie.

Son œuvre est aujourd'hui à l'abri de tous les coups de destin et de la haine des classes bourgeoises qu'il a vaincues. Il meurt en léguant à tous les révolutionnaires le plus magnifique exemple et la vie la plus riche remplie. Il meurt en qu'il sert plus, le prolétariat international va mieux comprendre, hélas ! l'étendue du malheur dont il vient d'être frappé.

La Russie entière le pleure comme le libérateur qui la délivre de ses chaînes séculaires.

Sur l'étendue entière de la planète, les travailleurs des deux continents tourneront vers la République soviétique, privée de son chef, leurs yeux étonnés.

Vers le grand disparu montera, de tous les coins du globe, en ce jour de deuil, la reconnaissance ouvrière. Vers le prolétariat russe en larmes montera aussi le cri de solidarité, de confiance et de foi dans la République fédérative prolétarienne, indestructible, forgée par les mains puissantes de Vladimir Oulianof, révolutionnaire accompli.

Marcel CACHIN.

LE GÉNIE DE LA RÉVOLUTION

:: LÉNINE ::

Le 21 janvier, à 18 h. 50, Wladimir Illitch Oulianof Lénine est mort à Gorki, près de Moscou.

Alors, dans toutes les premières lignes, nous rubriquerons les premiers souvenirs, nous commencerons le long travail qui reprendra l'histoire, démêlera inextricablement ce formidable passé, devant cette fournaise intermédiaire qui sépare deux époques, deux civilisations, deux mondes irréconciliables : LÉNINE.

Nous servons maintenant ses mots disparus de nous pour nos esprits blessés : Lénine est mort !

Wladimir Illitch Oulianof-Lénine naquit le 10 avril 1870, à Simbirsk. Son père, d'origine paysanne, occupait une haute charge en tant qu'inspecteur des écoles primaires du district.

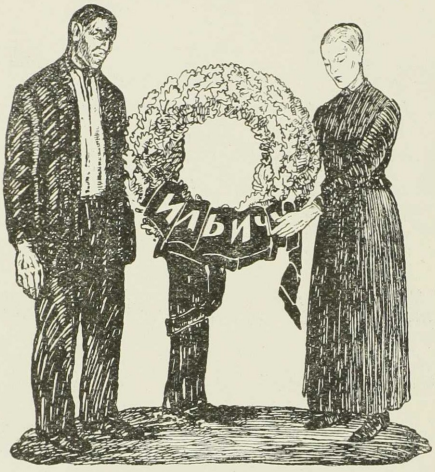
Wladimir Illitch fit ses études dans un gymnase classique, puis entra à la Faculté de droit de Kazan. Il y devint un fervent étudiant marxiste, prit part à des manifestations révolutionnaires, et fut exclu de l'université. Comme tant d'autres jeunes russes en quête d'un idéal, il poursuivit seul son travail chez lui et ne fut admis aux examens que quatre ans plus tard.

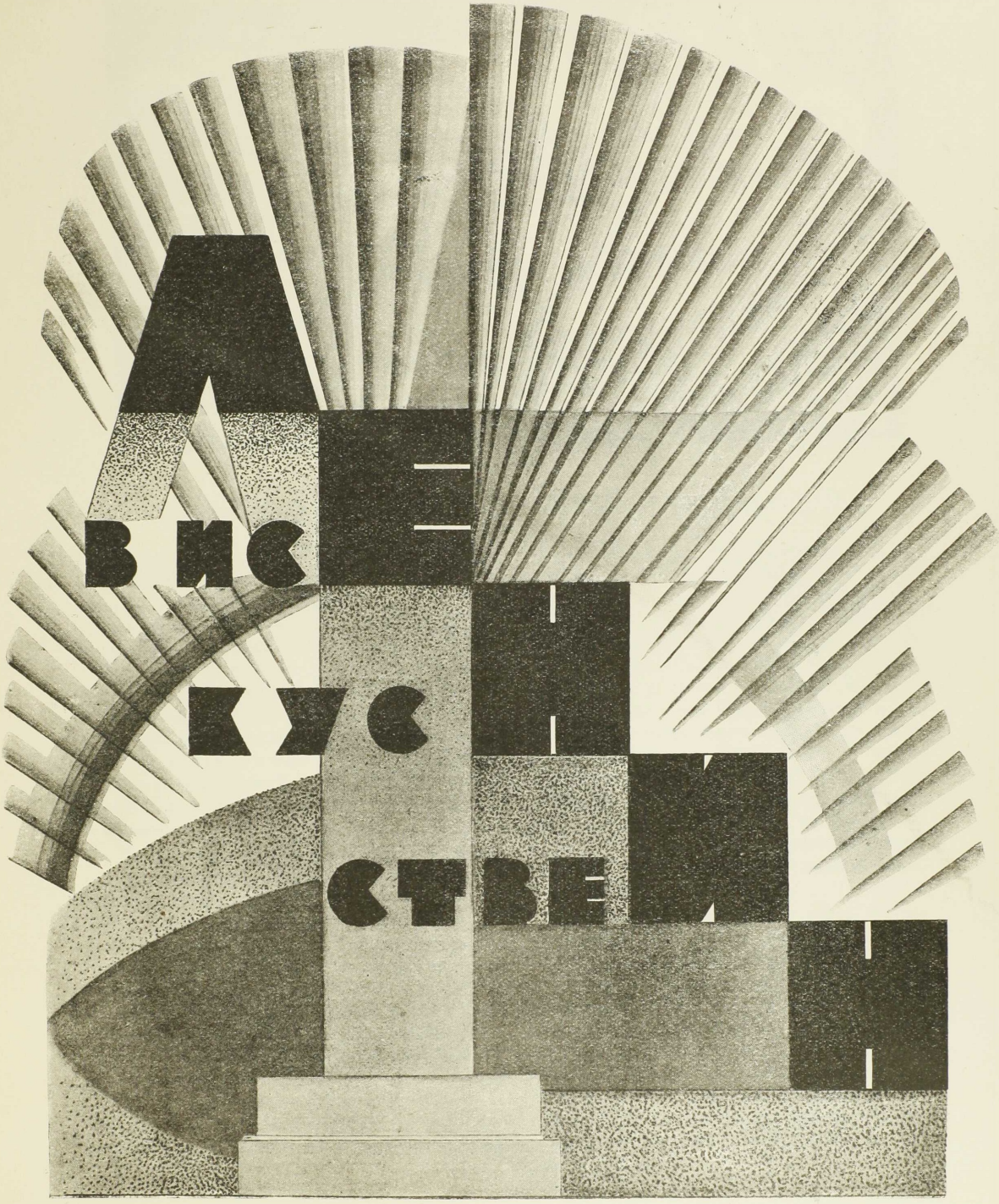
Il obtint finalement, déjà mûr par son travail personnel, son diplôme de juge d'instance (1891).

Par la pensée, Lénine se rattachait ainsi aux révolutionnaires populistes Narodnik, dont certains se poursuivent vers la propagande dans les masses ignorantes. Mais, par le sang, par l'origine de son père, Lénine tendait vers des révolutionnaires plus actifs, vers les terroristes dont les actes étonnèrent un jour l'Europe et la Russie.

La première partie de l'activité de Lénine, dans un domaine encore inexploré de révolutionnaire, nous est connue grâce aux travaux de Mme Krupskaïa, la compagne de Lénine. Il y eut alors, dans la vie de Lénine, une période d'intense préparation théorique, un premier contact avec les masses ouvrières, l'organisation d'un parti révolutionnaire, l'emprisonnement, l'exil, le travail de propagande parmi les déportés, dans les prisons et dans les casernes, enfin la première révolution russe, celle de 1905.

Lénine, dès 1895, avait fondé à Saint-Pétersbourg, avec Martov, Potressof, Tsederbaum, Krjijanovski, Starkov, Radchenko, Vaneiev, Vinaver, Zaporojetz, Goldenberg, Ilitch, Babouchkine, Malchenko, Ivanovski, Vassiliev, Ivanovitch, Lalaiants, Gorski


ИЛЬИЧ


ИСКУССТВЕННЫЙ

Ленин в художественной литературе

Художественно осознать и воспроизвести какое-нибудь историческое явление можно только тогда, когда от него отойдешь на известную дистанцию времени. Это достаточно общеизвестно. Современники, как правило, не умеют изображать то, что перед их глазами, начиная от массовых движений и кончая любимым вождем. Эпоха наполеоновских войн нашла свое художественное воспроизведение только через 50 лет в „Войне и мире“ Толстого; революция 97-го года в романе В. Гюго, а настоящим образом лишь у А. Франса („Боги жаждут“), т.-е. больше чем через 100 лет.

То же самое, вероятно, повторится и с нашей эпохой. Конечно, 50 лет — не сакраментальный срок и весьма возможно, что мы получим эпопею нашей революции гораздо раньше. Но мы здесь говорим не о точных сроках. Правда, некоторые факты говорят как-будто против выдвинутого нами положения: уже сейчас ряд художников слова старается показать быт и людей революции, выявить ее дух. Но роковым образом—они все еще не могут пока выйти из стадии собирания материалов, из круга случайных фактов, разрозненных впечатлений, анекдота. Осознать и воспроизвести нашу эпоху во весь ее рост и во всей ее значительности пока еще не удалось никому.

Особенно трудной становится задача художника, когда дело касается такой необыкновенной—в исторических масштабах—фигуры, как Ленин. Обычно как раз наоборот: поэту легче изобразить „героя“, чем „толпу“, вождя, чем массу. Во-первых, и сама задача проще. Во-вторых, поэты, художники (как и интеллигенция вообще и даже в еще большей степени) воспитаны и выросли на культе личности, на традициях, идущих еще от Плутарха. Но в Ленине нет ничего от обычного „героя“ истории. При всей мощи своей индивидуальности, своей личности он все же неотделим от массы, — и в этом, быть может, и кроется главная трудность для художника,—по крайней мере, для художника нынешнего типа.

Неудивительно поэтому, что образ Ленина чрезвычайно слабо (пока еще) запечатлен в нашей художественной литературе, и все, что о нем здесь сказано, можно собрать в один тоненький томик, — и даже не томик, а небольшую брошюру. По своему художественному достоинству этот материал не однороден, но крупных, особенно выдающихся вещей — нет. Большая часть его (материала) приходится на стихи,—и притом на стихи лирического характера. Это уже в значительной степени определяет его характер.

Мы здесь, конечно, оставляем в стороне белогвардейскую эмигрантскую литературу о Ленине. Помимо всех ее других достоинств (злобности, пошлости и т. д.), она еще и совершенно неинтересна. То, что мы будем иметь в виду сейчас, это литература, созданная Советской Россией, т.-е. выросшая в короткий промежуток последних семи лет.

Всякий разбор, всякий анализ разнородного материала, даже если этот материал и не богат, предполагает некоторую классификацию, распределение его (материала) по группам. Первое, самое естественное деление: на стихи и прозу, напрашивается само-собой, при чем, как уже было выше замечено, на стороне стихов у нас огромный (по крайней мере, количественный) перевес.

Больше всего стихотворений вызвала смерть Ленина; почти все они лирического характера и невелики по размерам. Прототипом их может, до некоторой степени, служить знаменитый „Бюллетень" Маяковского, написанный во время второго обострения болезни В. И. в 1923 году.

Тенью истемня весенний день
Выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь:
—не литься!—?
Нет!
Не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраницей
Грохотать
набатный
Ленинский язык.
Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч—
чтоб вихрем не кипел!?
Нет!
не ослабеет Ленинская воля
В миллионосильной волне Р. К. П.
Разве жар
такой
термометрами меряется?
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет Ленинское сердце
Клокотать
у революции в груди.
Нет!
Нет!
Не-е-т!
Не хотим,
не верим в белый бюллетень!
С глаз весенних сгинь, навязчивая тень!

Я назвал это стихотворение прототипом целого ряда последующих, явившихся откликом на смерть Ленина, вот почему: Ленин здесь берется не как конкретная личность, а несколько схематически: вождь, конденсированная воля, символ революции. Соответственно этому и все стихотворение получается в общих, слишком общих тонах. Оно даже риторично: антитезы, противопоставления, гиперболы, „риторические вопросы", весь арсенал „сильно-действующих" средств поэзии, „в прошедшем веке запоздалых" (гроза, молния, гром, вихрь, смерч). Пусть это искренно, пусть отдельные выражения очень удачны (напр.: „Вечно будет тысячестраницей — грохотать набатный Ленинский язык"), все-таки это—риторика.

Но блестящая, великолепная, напряженная. В этом ее историческое оправдание. У других нет и этого яркого наряда, краски тусклее—и риторическая мишура проступает голо, неоправдано, неубедительно:

Кто он? И медь. И сталь. И дали.
И севера огонь. И лед.
И ветер. И орла полет.
И мудрости простой скрижали.
Где он? Его везде видали.
На всех материках живет.
О нем рабочий гимн поет.
Все города пред ним взыграли.

(С. Малашкин).

Так нельзя писать вообще, а о Ленине в особенности. О Ленине, который был таким врагом аффектированности, фразы, пустозвонства. Можно не сомневаться, что если бы Ленин мог прочесть то, что о нем пишет Малашкин или даже Маяковский, то эти напыщенные стихи, где он сравнивается с громом и молнией, вихрем и смерчем, северным огнем и полетом орла, его бы только покоробили.

Но надо сказать, что искушению риторики поддались далеко не все поэты, писавшие о смерти Ленина. Некоторые даже перегнули палку в другую сторону и дали рифмованные газетные статьи, где абстрактные понятия заменяют конкретные образы и термины передовицы втиснуты в стремительные ритмы хорея.

Он нам важен не как личность. В нем
слилась для нас свобода.
В нем слилось для нас стремленье, в нем—
веков борьбы гряда ..
Он немыслим без рабочих, он немыслим без
народа,
Он немыслим без движенья, он немыслим без
труда.
Царство гнета и насилья, мы поставим на
колени.
Мы—строители Вселенной. Мы—любви живой
струя...
Он нам важен не как личность, он нам важен
не как гений,
А как символ: „Я—не Ленин, но вот в Ле-
нине—и я“—

пишет Безыменский. Все это очень верно, все это справедливо, но все это—еще не поэзия. Мысль Безыменского еще не оделась живой плотью, еще не прошла пути от мысли отвлеченной к мысли выраженной образами, т.-е. к поэзии.

Впрочем, в другом стихотворении Безыменский выразил свою мысль художественнее, лучше:

Мы знаем, что чужие ноги
По нашим детям не пройдут.
Они войдут лишь в те дороги,
Которыми шагает труд.
Они придут с рукою жесткой
И волей, жадною к борьбе,
Они нам принесут в себе
Частицы ленинского мозга.
Они должны сказать: „Мы можем!“
Их кровь должна быть горяча!
А мы им в ум и в сердце вложим
Живое сердце Ильича.

(„Лениндень“).

Но почти совсем свободен и от риторики, и от газетной невыразительности Третьяков, стихотворение которого „Мы помним“ является лучшим из всего того, что написано в стихах о смерти Ленина и по поводу ее. Стихотворение это так крепко сколочено, отдельные его части так неразрывно связаны друг с другом, что я затрудняюсь вырвать из него отрывок, „показательную“ цитату (вещь вся „показательна“, она написана чрезвычайно ровно) и принужден привести его целиком, несмотря на его довольно значительную длину:

Цехи, конторы, трюмы
Свел один паралич.
Владимир Ленин умер,—
Кончился старый Ильич.
Одна тугая гримаса
Свела суровые рты
От угольных дыр Донбасса
До приисков Читы.
Читали, а губы бледнели.
С двух сумасшедших слов
У чуждых людей на панели
Плечи плачем трясло.
Мука ломала колени.
Муку не сбросишь швырком.
Умер Владимир Ленин,
Рабочий предсовнарком.
Боль такая бывает,
Когда умирает сын.
Гудки от края до края
Завыли, как на-смерть псы.
Это от моря до моря
Встало плечом к плечу
Одно беспартийное горе
В последний черед к Ильичу.
Идут. Точно взорваны шлюзы,
Где он от утра до утра
Под колоннами Дома Союзов
Принимает последний парад.
По-детски Владимир—Воля.
По взрослому Воля—Октябрь,
Это он земле не позволил
Вертеться у хищи в когтях.
Мы понуры и седоголовы.
Страшно прятать в последнюю клеть
Самого молодого
Из всех людей на земле.
Не плакать, не плакать, не плакать,
Не плакать об Ильиче!
Пусть плачут слезами шлака
Глаза плавильных печей.

Дрожь, просеки моторы!
Вдвое завойте, станки.
В цехи, в поля, в конторы,
Рабочие и мужики!
Ни дряби, ни хмури, ни лени!
Льни к рычагу, рука!
Ленин!
Мы помним,
Ленин,
Твой боевой приказ!
Вейся знамен пламя.
Туже рабочий нажим.
Ленин
Всегда с нами,
Ленин
Всегда жив!

Чем хорошо стихотворение Третьякова? Тем, что в его основу положена правильная мысль: на смерть Ленина надо ответить не унынием, а энергичной работой, поднятием производства и т. д. Конечно, и этим. Но ведь эта мысль не принадлежит Третьякову, не он является ее творцом. То, что высказано поэтом, являлось в памятные январские дни одним из лозунгов, доминирующим лозунгом. Что ж, заслуга поэта в том, что он из всей массы обращавшихся мыслей взял одну основную и тем придал возможно более широкий смысл и действенное значение своей вещи. Но, ведь, этого одного мало: правильные, интересные, дельные мысли высказаны, как мы видели, и Безыменским в его стихотворении, однако, оно все-таки слабо. И если мы скажем, стихотворение Третьякова хорошо с „художественной“ стороны, это будет, разумеется, верно, но неопределенно. И если мы захотим уточнить неопределенное понятие и заявим, что стихотворение хорошо со стороны формы (ритм, рифма, инструментовка стиха, эвфония и т. д.), то это будет тоже верно и уже определенно, но зато недостаточно. Вещь Третьякова хороша не только своей крепкосбитой формой, не только правильностью своей основновной мысли, но и тем, что в ней прекрасно слита бодрость, энергия этой основной мысли с глубокой печалью утраты, переданной с большой силой и благородной искренностью, тем, что Ленин здесь не только символ, сердце революции, Вождь с большой буквы, как у Безыменскаго или у Маяковскаго, или у Малашкина, но несколькими, почти незаметными штрихами („Владимир Ленин умер, кончился старый Ильич“, и то, что „встало плечом к плечу одно беспартийное горе в последний черед к Ильичу“, и то, что „читали, а губы бледнели“ и у „чуждых людей на панели плечи плачем трясло“) выявлен и как близкий, родной, Ильич. И еще одно ценно здесь у футуриста-Третьякова: большая простота и доступность (понятность) формы!

Пронзительная скорбь январских дней передана не у одного Третьякова. Своеобразно окрашена она в несколько балладный тон у В. Катаева:

Я запомнил знамена у ложа
И черную флейру над пультом.
Я видел, как с глиною борется, лежа,
У гроба измученный скульптор.
Как столетие стала минута,
Проверенной совести проба,
Он был неподвижен во френче, как будто
Диктующий лозунг из гроба.
С мешками у глаз, среди зала
(Седая, и руки сухие)
Жена неподвижно, дежуря, стояла
У тела в ногах, как Россия.

У Н. Каратыгиной несколько скупых строчек, которые доджны как бы подводить итог и звучать отрывисто, сжато и ударно, но на деле довольно невыразительны и без ранящего острия:

Скрипят подошвы или снег, не знаю,
Задумываться поздно... Голубой
Мороз упрямо шарит в человечьей стае,
На Красной площади развертывая бой.
Колючий, берегись... Ты холоднее стали,
Но жарко брошено народное плечо
К венкам, рассыпанным в Колонном Зале,
И мертвый Ленин дышит горячо.

(„21—27 января 1924 года“).

Во всех рассмотренных нами до сих пор стихотворениях сила обобщения сравнительно небольшая. Нет попытки нарисовать Ленина во весь рост. Эта задача, вероятно, не по силам нынешним художникам слова. Но все же некоторые иэ них за нее принимаются. И если полным успехом их попытки не увенчиваются

(да вряд ли и могут увенчаться), то все-таки кое-что ценное мы здесь имеем. Правда, немного.

К таким попыткам надо отнести стихотворение В. Казина „Ленин". Оно имеет свои недостатки (главным образом та же расточительность, например: „В чьем сердце—не биенье—бой. Чье сердце — красное, живое знамя"), но некоторые строфы в нем необыкновенно ярки и как-то элементарно-наглядны:

Историю, работницу времен,
Упавшую перед парадным ходом,
Циклоном толп влеком и вдохновлен,
Стремительно повел заводом.

Ленин у Казина—„Буревестник мировой, бушующий миллионными руками". Он повел вперед, заводом, упавшую работницу времен, историю. И вот — наступает новая эра, „короны падают, как звезды ночью пылкой", содрагается учредилка - биржа, настает Октябрь: „Коммуну мы куем тяжелым молотом диктатуры". Европа готовится „вдохнуть Советов свежее дыханье". Пробуждается Восток:

Несется и трясет гроза
Зевоту Будды, Брамы и Шамана,
И отряхает раб раскосые глаза
От векового сонного тумана.

В результате, цельного образа Ленина у Казина не получается. Мы имеем лишь иногда очень удачную, образную характеристику того или иного революционнаго периода. Конечно, Ленина можно и должно характеризовать через революцию, и, если угодно, образ у Казина получился, но смутный, бесплотный, схема Вождя вообще, но не Ленин и уж, конечно, не Ильич.

Со своеобразной силой, но в сущности тоже общими чертами рисует Ленина В. Инбер в стихотворении „Земля Московская":

И тот, кто с громом
На ладони
Летел в тумане
(Дни—года),
В запломбированном
Вагоне
Через Германию
Сюда,
И кто потряс,
Подобно кию,
Потряс грозою
Шар земной.
Кто и сейчас
Ведет Россию
Парализованной рукой—

(стихотворение написано до смерти Ленина).

Изобразительность здесь чисто-внешняя. О Ленине мы узнаем только, что он потряс земной шар и продолжает Россию вести даже парализованный. О внутреннем же его существе ничего, если не считать нескольких указаний предыдущей строфы:

Там*) все: и бомбы
И гранаты,
Бои, нажимы,
(Путь не прям).
Там все: и ромбы,
И квадраты
Непогрешимых диаграмм.

Их можно понять, как намеки на гибкую тактику Ленина и, в то же время, на его веру в всемогущество схемы, плана. Первое, конечно, справедливо, но второе — вера „в непогрешимость диаграмм" приписана Ленину совершено зря, и эта деталь отнюдь не говорит в пользу В. Инбер.

Гораздо шире, чем оба рассмотренных стихотворения, задумана поэма Г. Санникова „Лениниада". Сам автор ее определяет, как „начало монументальнаго творчества класса". Очень удачной надо считать мысль начать монументальное творчество пролетариата с произведения, посвященного Ленину. Нет никакого сомнения также и в том, что именно монументальное творчество достойно такого молодого, полного сил и свежести класса, класса с такой великой исторической ролью, как пролетариат. Но монументальное творчество,—этим сказано очень много; трудна и ответственна эта задача. Поэма Санникова еще не закончена. В первом номере „Рабочего Журнала" помещена ее первая часть. Во втором идет третья. Вторая часть находится только в периоде обработки, а четвертая едва намечена. Поэтому трудно судить о достоинстве поэмы в целом.

*) В Кремле.

То, что в ней закончено, говорит о большой простоте, об отсутствии искусственности и надуманности, но достижения автора не настолько велики, чтоб мы имели основание видеть в поэме действительно начало монументального творчества класса.

Но как бы то ни было, поэма Санникова все же вещь в достаточной мере интересная. Она является переработкой его „Фата-морганы" и, вероятно, не раз еще подвергнется дальнейшим переработкам. В ее настоящем виде содержание ее таково: в первой части „В земле тревога" — четыре „героических годовщины Октябрьской революции, наступление нэп'а и смерть вождя". Вторая часть — „попытка запечатлеть отдельные моменты из жизни Ленина и рабочего движения в России". Третья — „наши дни, утрата вождя, видение под кремлевской стеной. Восстание погибших бойцов Октябрьской революции во главе с Лениным". Наконец, четвертая часть — „социальная революция и торжество победившего класса во всей планете, под знаком Ленина".

Как мы видим, замысел грандиозный, настолько грандиозный, что для его выполнения нужен, быть может, гений. Тема так обширна, так необъятна, что автору грозит опасность впасть в общие места.

Насколько эта опасность переходит в действительность—трудно сказать, так как наиболее угрожаемая в этом отношении четвертая часть еще не написана. Закончены лишь первая и третья части и пролог; в них автором введен фантастический элемент, накладывающий на поэму своеобразный отпечаток (восстание мертвецов). Собственно говоря, общие (и маловыразительные) места есть и здесь, напр.:

Вот здесь бойцы, склонив знамена,
Погибшим в верности клялись.
И батальонами, полками уходили
На дальние и ближние фронты.
Рабочим подвигом земля гудела,
Поэты славили борьбу и труд,
И ширилась, росла страна Советов.

Ленин взят здесь в самых общих чертах,— даже не как живой конкретный образ, а как символ. Вот поэт у могилы вождя:

... В тишину седую
В дневеющее забытье,
Клонимый думами тяжелыми,
Спокойно погружался я...
Вдруг слышу шум,
Шаги
И стук тревожный (не под землей ли это?)
Гляжу—
А площадь вся в заре,
В смятеньи.
Красноармейцы
От мавзолея отшатнулись
И из открывшихся дверей
Из глубины тюрьмы своей,
В зарю на площадь вышел вождь.
Он был до странности обычен,
Такой знакомый, любимый и родной,
На нем пиджак был цветом хаки,
Простая кэпи, орден на груди.
И капли крови, кажется, во мне
Не оставалось без биенья,
Я трепетал,
Когда по медленным ступеням
На овдовевшую трибуну
Он вновь как к жизни восходил.
О, миг неповторимый! я запомнил
Смертельно бледное лицо,
Решимость в потемневшем взоре,
Холодную уверенность шагов.
„Герои класса, в путь пора.
Мы вместе начинали.
Вставайте довершать!"
Раздался громкий клич вождя,
И словно ветер на мгновенье
Всю площадь круто всколыхнул.
Зашумели
Сухими сучьями
Деревье под стеной,
Испуганно зазвенели
Куранты медные на башне древней
И, полыхая зарею ран,
Погибшие восстали,
Построились в ряды
И вот
Из-под торжественной стены
От шумных почестей и славы,
За ним,
За Лениным
К сметению и непокою
Встревоженные
Тронулись в далекий путь.

Ленин здесь символ неугасимый, незатихающей Революции:

Изменяется все на планете,
Только мы неизменны в борьбе—

поют у Санникова мертвецы, предводимые Лениным. Они и после смерти продолжают дело, начатое при жизни. Они вечно напоминают о необходимости довершить начатую революцию. Во всем мире. И поэт говорит про свою поэму:

Это—поэма мертвых—
живым,
Изнемогающим в борьбе за коммунизм.

Но Ленин, по замыслу автора, должен быть в поэме показан не только, как символ, но и как живой конкретный образ. Во второй части намечены отдельные моменты его жизни (в неразрывной связи с рабочим движением). Правда, они только намечены (вся эта часть в набросках), но автор очевидно, собирается дать портрет Ленина во весь рост, всю историю его развития

От светлого кудрявого Володи
До мудрого наркома Ильича.

Когда (и если) это будет сделано, перед нами будет смелая—и первая—попытка дать уже теперь не дожидаясь истории, то, что обыкновенно поручается векам.

Своеобразно отражен Ленин в творчестве тех писателей, что ориентируются на деревню на крестьянство. Всего резче это своеобразие выступает у Клюева. У него Ленин весь оброс северно-русской мужичьей мифологией, разрисован нарядным, цветистым, узорчатым, праздничным словом, изукрашен затейливой резьбой. Для него в Ленине—продолжение до-петровской Руси, Иоанов да Борисов, раскольнического упорства да игуменской властности, в революции—прямое развитие исконных, „народных", русских начал:

Есть в Ленине керженский дух.
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах...
Нам красная молвь по уму:
В ней пламя, цветенья сафьяна,—
То черной неволи басму
Попрала стопа Иоанна.
Борис, златородный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным—вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.
Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой....

Красный цвет революции асоциируется у поэта с красным сафьяном сапогов Иоанна, растоптавшего татарскую басму, Ленина он заставляет причислять вихрь и грозу к „Ангельским ликам"—кажется, некуда уже дальше итти в непониманьи революции и Ленина! Это—самое открытое, яркое и, пожалуй, самое талантливое выражение того своеобразного, запоздалого славянофильства, той идеализации лучинной, лапотной, глухой, России, которую мы очень нередко встречаем у молодых наших писателей („Голый год" Пильняка, например). И, несмотря на несомненный талант Клюева, на ум все же приходят слова Плеханова о том, что ложная идея не может служить зерном для истинно-художественного произведения.

Впрочем, неблагополучно у Клюева и с чисто „художественной" стороны. То стихотворение, которое приведено, лучше в его книге о Ленине. В других его чисто крестьянская затейливость и нарядность (к слову сказать, прекрасно отмеченная и об'ясненная, Троцким в его статьях об исскустве) доходит до безвкусицы, до смешного:

Леннн лев, лунный лен, лучезарье:
Буква „Люди", как сад, как очаг в декабре...
Ленин - Красный Олень, в новобрачном
сказаньи
Он пасется меж строк, пост малиновый
звон.
Но в душе осетром плещет Ленина лик.
Ленин—трудовой Руси горячая печень,
Золотые молоки, жестокий крестец,
Будь три—краты здоров, и три—краты
же вечен,
Как сомовья икра, как песцовый выжлец!

Эти гастрономические сравнения дают Клюеву права не только название крестьянского поэта, но и почетного охотнорядца от литературы.

Много лучше понят Ленин Клычковым и Есениным. Герой прекрасного стихотворения Клычкова

памяти Ленина,*)—Иванушка, „рубаха—парень, кровь с молоком, в плече—сажень“—олицетворение крестьянской России. Вот он изнемогает под страшной тяжестью крепостного права:

... у барыни в палате
Щенков выкармливает мать,—
А тяти нет—давно нет в хате:
Ушел он в каторжном халате
За суку барскую страдать.
Подруга—
шьет ему рубаху,
Обводит ворот кумачом,
Чтоб не тужилось ни о чем,
Чтоб, коль судьба,—так уж без страху
На плаху леч пред палачем.

Но Иванушка-Аника не намерен безропотно страдать и терпеть. У него есть

Зубец от вил—острее пики,
Коса—вернее кладенца.

Он выпрямляется во весь рост, он идет на борьбу:

И не зипун уж, а кальчуга
Спадает с богатырских плеч.
Закинет соху он за тучу
И на поля нахмурит бровь,
И потечет по полю кровь,
И прорастет крапивой жгучей
Мечем запаханная новь...
И руки вспружатся, как клешни,
И на устах замрут слова,
И там, где годы в сини вешней
У хат качалися скворешни
Качнется вражья голова...
И встанет у хоромных окон
Дремучий лес—хребетный люд:
Как обвинить, что изнемог он,
Что дыбой черной изурокан,
Был свят и добр—и будет лют...
Он сменит пашню на заплечье,
И меч Аники не отвесть:
Как листопад, куда—нивесть,—
На ветер жизни человечьи
Вскружит Иванушкина месть...

Но восстанье Иванушки не есть слепой бунт, месть ради мести. Он жесток, пока расправляется с врагом, но победив и обеспечив победу, он забывает о мести, и отбрасывает доспехи в сторону:

Но не для-ради злой потехи
Он будет ратовать и мстить:
В полях заря поставит вехи,
Где о земь разломить доспехи,
Все позабыть и всем простить.

Конечно, поэт не совсем прав: доспехов еще долго-долго нельзя будет снять, и вряд ли тудовой народ, ценой таких страданий, зажегший свою зарю, сумеет скоро все идиалически позабыть и простить. Не нашему покалению суждено ненависть заменить любовью.

Клычков ни разу не упоминает в своем стихотворении о имени Ленина, но Ленин ясно чувствуется в замысле поэта: это он направляет руку восставшего Иванушки, это он превращает слепой крестьянский бунт в сознательную, планоменую революцию.

По иному задумана поэма Есенина, отрывок из которой приведен в 3-м номере альманаха „Круг“: Ленин здесь взят с той стороны, с которой реже всего подходят к нему поэты. Подчеркнуто именно все то, что отличает его от обычного типа „героя“: его доброта, личная скромность, любовь к детям, просто так—именно не общее, а личное, своеобразное, и вместе чисто-русское, то, что любил, ценил и охотно изображал Толстой:

Суровый гений, он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу бури.
С плеча голов он не рубил
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил—
Перепелиную охоту.
Для нас условен стал герой.
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных,—
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самих скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной.
Но он потряс. . .

*) „Иванушка Аничка“.

Застенчивый, простой и милый, катающийся на салазках с сопливой детворой, любитель перепелиной охоты,—нарисованный так идиллически,—Ленин теряет всякую характерность и превращается просто в добродушнейшего дедушку, каких на свете очень много, хоть отбавляй. Неудивительно, что поэт не может понять, как такой Ленин потряс мир. Есенин слишком подчеркнул быть может и характерные, но, в конце концов, все же второстепенные черты В. И., не показав главного: Ленина-вождя, революционера. Он сделал ошибку, прямо противоположную той, которую совершили пролетпоэты и Маяковский, показавшие только Ленина-революционера. У них Ленин вышел неживым, абстрактным. У Есенина получился живой, но... не Ленин.

Есенин сам, очевидно, чувствует недостаточность характеристики и дополняет ее рифмованной газетной прозой:

. . . Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: чтоб кончить муки,
Берите все в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет,
Как ваша власть и ваш совет.
И мы пошли под визг мятели,
Куда глаза его глядели,
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен.

Это, конечно, голо и неубедительно. Но надо все-таки было справедливым к Есенину; его образ Ленина, при всей своей недостаточности, неполноте, все-таки лучше всех других, потому что это образ живого человека, а не метафизическая отвлеченность.

Особняком стоит в литературе о Ленине поэма Тихонова „Сами". В художественном отношении она занимает в этой литературе одно из первых мест. И это, кажется, единственная попытка показать влияние русской революции, вождем и символом которой является Ленин, на угнетенные народы Востока.

Мальчик-индус Сами служит у богатого англичанина:

Хороший сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стэком,
Хороший сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо;
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони сагиба.
На пылинку ошибется Сами—
Сагиб всеведущ как Вишну,—
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Однажды, в несчастливый год, когда пони
Укусила черная кобра
И злой дух кричал в телефоне,

Сами исчез. Некому было греть воду и кормить мула.

Через неделю Сами явился—с исцарапанными ногами и подбитым глазом, голодный.

— Где ты был, павлин бесхвостый? спрашивает его хозяин и поучает:

— Ты рожден, чтобы быть послушным,
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,—
Я властитель твой, обезьяна.

Но в ответ выслушивает чудесную историю о далеком „сатибе":

— Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди—Ленин.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком
Он большой сагиб перед небом
И совсем не дерется стэком.

И Сами, прежде такой робкий и послушный, убежавший от англичанина только оттого, что „боялся зубов его палки", заявляет ему теперь открыто, что пойдет служить Ленину, чтобы тот его научил „погубить всех сагибов".

— Где слышал ты все это, несчастный?
Усмехнулся Сами лукаво.
— Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.

Там все знают: и почем в Рохилькенде кони, и какой этот Ленин мудрый.

— Уходи,—сказал энгличанин,
И Сам ушел с победой.

А вечером он молится далекому Ленину...
Так далеко был этот Ленин.
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,

А вскочил легко и проворно—
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра.

Будто снова он родился в Амритсаре,
И на этот раз—человеком:
Никогда его больше не ударит
Злой сагиб своим жестким стэком.

Конечно, Ленин Сами довольно своеобразен: он из знатного, магараджского рода, ему надо служить и молиться, и об его мудрости рассказывают посетителям лавок купцы, в Европе вовсе не склонные к такого рода беседам. Но он своеобразен в такой же мере, в какой своеобразно преломление идей пролетарской революции в сознании индуса-земледельца или поденщика, в такой же мере, в какой своеобразен индусский плакат „Семь великих людей мира", где Ленин неходится в обществе Кришны, Будды и Христа, в какой своеобразны экономические и бытовые условия Индии. И надо быть умным человеком и большим мастером, чтобы показать, как уже одно дыхание русской революции, одно имя Ленина подымает самосознание забитого человека, почти раба, распрямляет его спину, внушает ему чувство человеческого достоинства,—и не только показать, но и сделать показанное убедительным для читателя.

Художественная проза о Ленине гораздо беднее и количественно и качественно,—чем стихи два-три мелкие рассказы, одна глава из Аросевской повести —„Недавние дни"— и обчелся. Можно сюда причислить и некоторые воспоминания о Ленине (напр., Горького), но это, во первых, приходится делать с известной натяжкой, (художественным материалом даже горьковские воспоминания о Ленине не назовешь), во вторых, удельный вес прозы, посвященной Ленину, увеличится от этого незначительно.

Рассказ Молодцева-Вечернего „На зеленой плешевине (доброй памяти „Маляра"-Ленина)" представляет собой не более, как очередное воспоминание, достоинства не выше среднего, слегка литературно причесанное. Рассказывается в нем, как в 1917 году Ленин, которому приходилось скрываться, выступил на рабочем собрании переодетый маляром. Это было в самый разгар керенщины оборончества, и Ленину выступить удалось не сразу, так как в собрании многие были настроены против большевиков:

„На вышке стоял маляр — тип костромского галичанина. Черные волосы завитушками ползли от пробора по лбу, низко спускались над глазами и вились. Мелом забрызганный картуз, залихватски сдвинутый набекрень, кричал: „отдай, а то потеряешь". Так же забрызганная широкая блуза и шаровары делали маляра карликом против дылды-плотника.

У многих в голове мелькнуло: „ну и курилка, тоже еще лезет говорить".

Не успел „курилка" сказать и десяти слов, как снова поднялся гам.

— Еще ленинец!
— Откуда берутся, черти...
— Долой ленинца!
— Тише-с-с. . .
— Кто мешать будет—морды бить!
— Говори, говори!
— Эх, кабы самово ево послухать.

Шабарша осела. Маляр продолжал. Минуты летели незаметно. Речь сыпалась час, полтора. Каждое слово—гвоздь в голову: не только слышать, можно видеть слова-то.

Лишь после того, как Ленин закончил свою речь и успел благополучно выбраться с собрания, присутствующим было об'явлено, что выступал перед ними никто иной, как Ленин.

— Каждый из вас видел и слышал сейчас Ленина.

Последняя речь—это его речь. Здесь среди нас не мало шпиков, поэтому ему пришлось поучиться малярному ремеслу.

Значительно выше в художественном отношении глава, посвященная Ленину, в повести Аросева „Недавние дни". Но и здесь впечатление неполное, отрывочное. Ленин взят, обрисован как-то мимоходом. Это—скорее материал для будущего писателя, для какого-нибудь грядущего Толстого, чем законченный образ, готовое художественное обобщение. Всего больше удался Аросеву тот момент, когда Ленин говорит:

„Рядом с ним (Андронниковым) стоял весь горячий Ленин и, перегибаясь через перила балкона, поворачиваясь немного вправо и влево, произносил речь. Говорил, исторгая слова из самой глубины своей сущности, отчего и звук голоса был сочным, налитым той особенной

жизненной силой, которая полной чашей льет в сердце уверенность.

Все слова у Ленина обыкновенные. А попадет это слово в сердце, раскусишь его, в нем ядрышко. И от этого горячего Ленина, от его изборожденного песчаного лица, от всей его плотной фигуры—на Андронникова опять нашло то странное закружение, которое обнимало его по-особенному, человеческому, по - родному. Будто это старший брат его.

Среди речи Ленина Андронникову ударило вдруг в уши: „дьявольски трудное дело управлять страной"... „Неужели мы с ним и еще такие же управляем страной?—подумал Андронников. И вот такой, коричневый пиджачек на Ленине, помятая шляпа. А—власть! Все этакое родное, свое—и власть!" Вспомнил Андронников, что металл так же плавится: сначала горячий, мягкий, послушный ударам, согласный руке. А выплавится—станет холодный, режущий, всегда мощный, непобедимый. Вот и власть так родилась из огня, из горяча. Потом охлаждается, чтобы быть непобедимой. Ленин давно уже кончил. Говорил кто-то из полка, а в голове Андронникова все вертелось: „необходимы... мы, мы—непобедимы".

Прекрасно написан „Сказ о Ленине" Сейфуллиной—нечто вроде крестьянской притчи о Ленине, о его дележе с царем: царь берет все богатства, всех генералов, помещиков, купцов; Ленин оставляет себе простой народ. Царь думает, что он-то в выигрыше, надул Ленина, но проходит некоторое время и видит он, что дал маху: богатства проедаются да растрачиваются его бездельниками—генералами да помещиками, а рабочего народа нет, некому работать. И солдат нет, нечем воевать.

„Креп"—М. Колосова, помещенный в одном из номеров „Правды" за апрель т. г.—бытовой рассказ, особыми достоинствами не отличающийся,—разве только довольно колоритным, живым языком. Содержание его такое: комсомолец Павлушка Носков, ныне военмор, описывает своему другу Пете, как у них на корабле прошел день похорон Ильича. Не хватило крепа обтянуть портрет Ленина, и Павлушка взял самовольно креп из каюты капитана, где он обтягивал фотографию капитанова отца. За такие самовольные поступки полагается строгое наказание, но когда рассерженный капитан подходит к молодому моряку, тот становится во фронт и рапортует „все равно, как железо рубит:

—Товарищ капитан, как мы крепу не достали и завтра день неприсутственный, а в четыре часа будет салют и гудок и наш дорогой вождь как бы без крепу, то мы позаняли креп у вашего папаши, и как он есть адмирал, то пусть уступит нашему тов. Ленину.

Смущенный капитан не знает, что делать, „здоровкается" и спрашивает, почему креп не попросили у него лично.

„Я стискиваю, как полагается, руку и прямо гляжу в глаза и отвечаю:

— Как вы, товарищ капитан, есть беспартийный и фигура стараго закала, хотя и служите советской власти, и мы вам во всем подчиняемся и не вмешиваемся, но что дело есть комсомольское, то мы делаем под свою ответственность и не можем совещаться с вами."

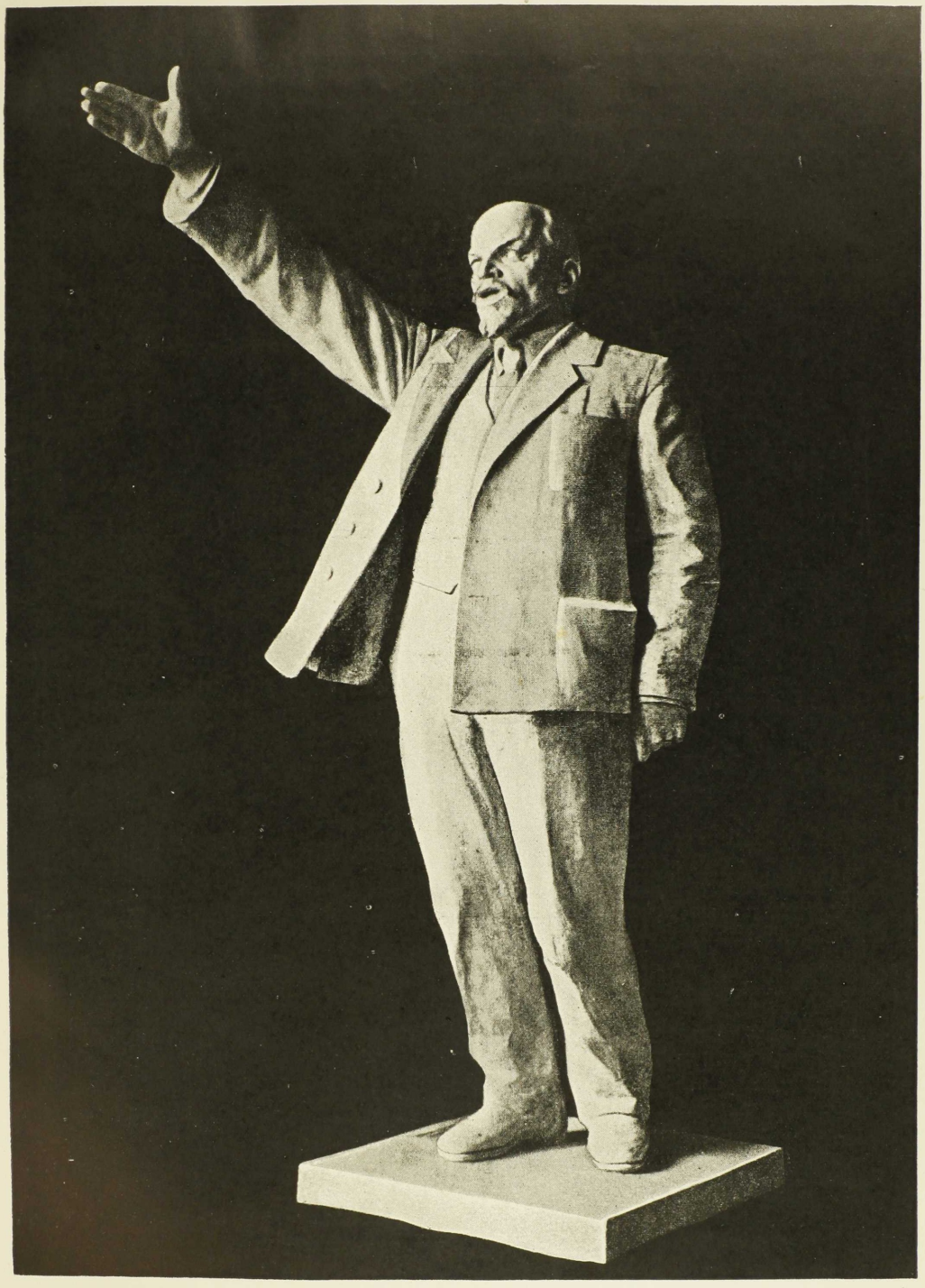
Как мы видим, художественная литература о Ленине, в общем, скудна и однообразна. На $^{9}/_{10}$ это стихи. Что и неудивительно: лирика всегда откликается скорее и непосредственнее. Цельного, законченного образа Ленина мы не имеем, и в значительной степени прав И. Полетов:

Портретов Ленина не видно,
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Отдельно черты Ленина, метко уловленные, найдем мы у Есенина, Аросева, но целого Ленина действительно нет. Не думаем только, чтобы пришлось ждать „века" этого „портрета". Вполне возможно, что уже не очень далекое будущее даст нам Ленина во весь рост. Говоря о скудости и слабости литературы, посвященной Ленину, не надо забывать, что мы подводим итог как раз в такое время, когда литература эта лихорадочно растет

Больше половины рассмотренных нами произведений возникло за последние 5 месяцев. И если мы будем подводить наши итоги года через два, то—кто знает—не придется ли нам притти к совершенно иным выводам?

А. Лежнев.



А. Козлов. Скульптура для памятника. В. И. Ленин.

Ленин в изобразительном искусстве

I.

Говорить об изображении вождя русской революции в искусстве приходилось многим. За последнее время множились статьи, перечитывались достижения, подводились итоги. Чувство общей неудовлетворенности оставалось в силе. „Бюсты Ленина не годятся", констатирует в своей большой речи т. Троцкий. Собранные материалы допускают всяческие критические и иконографичиские наблюдения; и, однако, когда мы теперь стоим перед огромной задачей увековечения памяти человека, который для друзей и врагов одинаково сделался грандиозным символом всего времени, вопрос даже не поставлен в той плоскости, которая единственно оправдала бы самое рассмотрение темы, как она перед нами возникла. Ленина изображали в искусстве—в рисунке, скульптуре, в живописи. Ленину будут воздвигать памятники. И, однако, никто не посмотрел на вопрос по существу: Как и зачем это надо делать. Тема „Ленин в изобразительном искусстве" ставит перед нами со всею остротой одну проблему, от решения которой без сомнения зависит вся наша будущая оценка попыток тех художников, рисовальщиков, живописцев и скульпторов, которые дали нам в творчестве своем материал для построения художественного портрета величайшего из революционеров всех времен и всех стран. Вопрос идет о смысле „изобразительности" вообще. И не столь потому, что так названное не очень давно и не очень удачно „изобразительное" искусство призвано к выполнению павшей ему на долю исторической задачи во время всяческого кризиса своего;—а в силу того, что мы должны же помнить о связи переживаемого нами момента с прошлым и будущим; и, вспоминая о том, как строились изображения „великих людей" раньше, мы должны подумать о том, как, и какой—облик Ленина наша современность оставить будущему.

На то, что портрет как таковой находится в известном противоречии с общим духом коллективизма, межет быть, не стоит здесь указывать. По меньшей мере на первый взгляд это представляется бесспорным. Портрет, как таковой, есть изображение определенной индивидуальности, обязательное выделение личного начала, случайных черт, присущих одному человеку, из общего ряда типичных явлений и образов, сочетание которых образует коллектив, партию, класс. Все времена, настроенные по настояще-

му коллективно, все страны и эпохи подлинно демократические, поэтому боялись портретов. История искусств не знает тому более поучительного примера, нежели тот, когда древняя Греция в период ее наиболее свежего и пышного художественного расцвета, запрещает вообще делать портреты отдельных лиц. В запрете налицо известная строгая мысль. „Все—равны. Все—одинаково нужные члены коллектива, все одинаково ярко выявляют общую волю. Важно же, и для показывания в искусстве единственно существенна, именно она, эта общая воля". Древние греки сделали вывод, повторенный потом рядом иных времен: что искуство должно неизбежно выражать общие образы, стремиться к обобщению, говорить на языке символического идеализма. — Портрет, как исскуотво определенной идивидуальности, развивается как раз тогда, когда эта первая коллективистическая демократия уступает место эпохе всяческих соревнований, борьбы, столкновений, всего того, что характерно для упадочного уже государственного строя. —Характерно, что в эпоху феодализма портрет снова теряет свою значимость. Древне-восточный феодализм, в потрясающих на первый взгляд реальностью своей формы обликах знаменитых загробных изображений, хотя бы древних династий египетских, дает по существу только внешнюю маску индивидуальности. Египетский „Сельский староста", всемирно известная статуя в Каире, чудесно и характерно воплощает все, чего бы мы требовали от портрета, понятного как зеркально-мощное изображение внешности человека. Но это не есть „изображение индивидуальности", ибо последняя есть —жизнь, и жизнь не только внешняя.—Давно уже отмечено, что портрет как таковой наиболее излюблен в эпохи с большим напряжением внутренней жизни. Он находится в некоей связи с лирикой и литературой, с философией и мистикой. Феодализм оставил портретов сколько угодно: но они—обычно олицетворяют тем или иным намеком не человеческую идивидуальность, а его сон, его должность, его место в жизни. Так тот же „сельский староста", так нескончаемый ряд средневековых надгробий, где фигура закованного в панцырь рыцаря обычно никогда не забывает выдвинуть на самое видное место щит с эмблематическим гербом, с указанием на принадлежность к знаменитому роду, или на совершноный подвиг, или на занимаемый пост.—Портрет, следовательно, как мы его обычно знаем, развивается преимущественно в буржуазные эпохи. В первую очередь в эпоху Ренессанса, потом в эпоху голландского барокко, XVII века с его триумфом колониально-торгового денежного оборота, потом конечно в XIX века. Здесь каждый может видеть запечатленным именно себя, обереч от всяческой конкуренции именно свой, именно лично—неповторимый собственный облик. История искусства кончает свое повествование на констатировании самого разноречивого индивидуализма, оригинал, выявляющий свое мнение о художниках, писавших его портрет, получает право утверждать, что все эти портреты пахожи скорее на художников, а не на него самого[1])—и краткий этот нам экскурс в историю искуств позволяет нам поставить со всею остротою запрос: в силу каких же обстоятельств зачем же всетаки портреты пишутся и выполняются и теперь — какой неотложимой потребности общественного пореблення удовлетворяет портретист—будь он художник живописец или фотограф, запечатлевающий индивидуальное обличие того или иного человека?

Этот вопрос наш нужно осветить, прежде чем мы перейдем к рассмотрению нашей более непосредственной темы. Дело в том, что нашей основною задачей остается все-таки выработка известной сознательности в отношении к проблеме „Ленин в искусстве", учесть материал мало. Надо уметь его оценить. Чем более ответственна тема, тем на более прочной базе должна быть построена.

В основе всякого изображения, безразлично, относится ли оно, или нет, к искусству, лежит наша потребность к познанию, к овладению данного предмета через ознакомление с ним. Эта потребность в наглядности, вполне очевидно, есть неизбежное следствие нашего психо-физиологического устройства, нашего стремления к экономии собственной силы. Восприятие через зрение заменяет отдельные описания. Портрет какого-либо человека избавляет нас от надобности знакомиться с ним через по-

[1]) См. Евреинов, Н. Н. „Оригинал о портретистах", Гос. Издат., П. 1922.

средство окольного истолковывания его наружности словами. Но если вопрос, почему же нам надо все-таки знакомиться с этим отдельным „каким либо“ человеком подымает как-будто бы ранее затронутую тему о противоречии интереса к индивидуальности общему духу коллективизма, то после произведенного выше анализа здесь можно будет уже просто ответить, что роль личности в истории, соединение в ней одной, выражение сквозь нее коллективной роли, по иному требует к себе внимания, нежели мелкое тщеславие деятеля какой-либо суетливой буржуазной обыденности. Здесь решают уже факты, как таковые уводящие во вне искусства. Но вывод уже один можно сделать и на основании этого сопоставления. Поскольку нельзя сравнивать человека, сыгравшего мировую роль как выразителя общей воли огромного коллектива, с каким-либо мелким рядовым обывателем, имеющим в своем запасе самую изрядную дозу претензий и тщеславий—то равным образом и портретное изображение двух этих лиц не должно бы было быть одинаковым. Мы именно здесь и подходим к основному принципу „изобразительности“ как таковой.

Ее совсем напрасно считают всегда одинаковой, совпадающей с понятием реализма. Есть вполне определенно две изобразительности. Одна лучше всего представленная банальной фотографией, преследует прежде всего „сходство“. Что такое это „сходство“ по существу не знает никто. Если-бы оно совпадало с непосредственной верностью изображенному, то тогда о нем мог бы судить только человек одинаково хорошо знающий изображение и то, что изображено. То-есть правильно судить об изобразительном искусстве мог бы только очень небольшой круг его современников. Мы же однако не боимся говорить о сходстве портретов давно умерших лиц, и даже не удивляемся слову знаменитого художника его модели: „я рад, что вы так похожи на мой портрет“. Центр тяжести переносится не на сходство, как совпадение впечатлений, не на зеркальную верность репродукции оригиналу, а на некую убедительность сходства, на рождающееся и неизбежное сознание, что именно в данном изображении мы имеем подлинное вскрытие данной реальности (легко заметить, что речь здесь может итти и не только о портретной живописи).—Здесь мы подходим к той второй изобразительности, о кототорой выше был дан намек. Простому изображению противопоставляется образ. Образ есть не одно случайное впечатление, а некий общий вывод из длительного ряда впечатлений. Ясно, что его познавательная значимость выше случайного проблеска первого ознакомления с любым явлением через „сходство“. Великая роль искусства, как процесса познания и овладения миром именно на том и построена, что оно оперирует образами, в них организует наши восприятия.

Думается, что если мы теперь применим данные мысли к нашей непосредственной задаче, тема „Ленин в изобразительном искусстве“ предстанет нам во всем своем значении. Речь идет не только о том, как изображало искусство вождя революции нашей, а о том, как оно должно было это сделать. То что сделано или не сделано, выявляет еще то, что надо сделать в дальнейшем. Может быть ни в какой иной теме так остро и ярко не выразилась вся суть современного нашего искусства, его слабости и достоинства. Может быть никакая иная тема так не нужна для выяснения вопроса знали-ли мы Ленина, хотели ли мы—и как—видеть его.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу того, что было в этом отношении сделано русскими художниками, хотелось бы еще на одном остановиться. Поскольку чувство неудовлетворения, о котором упоминалось выше, распространяется лицами, Ленина знавшими наиболее близко, на ряд „художественных“ его отображений, невольно приходится противопоставить последним ряд фотомеханических, вновь затронуть старый и конечно не исчерпанный спор между живописью и фотографией, который в данном случае позволяет вполне конкретно ставить вопрос, нужно ли живописное изображение Ленина, если на лицо—ряд его фотографий, нужно ли—и как, если нужно—использование фотографий в целях образного построения облика Ленина. В том ли разница, что фотография—невелика по размеру, а нам нужны—для общественных мест собрания большие по размерам вещи? Увеличить или перерисовать фотографию в большом размере—не все ли равно, что создать портрет Ленина по приемам, „художественного“ творчества?

По рисунку худ. Н. Н. Вышеславцева

Гравюра на дереве И. Н. Павлова.

Маска В. И. Ленина.

лица. Можно определенно утверждать, что эти снимки очень разноценны. Среди них в большинстве определенно не удовлетворяют. Ленин говорит речь, но фотографический объектив может порою только показать невысокую фигуру в пальто и меховой шапке, неподвижную и невыразительную фигуру человека, как все. Гораздо интереснее частые снимки, где передано движение Ленина-оратора. Здесь часто говорит самый силуэт, жест, порыв плеч, поворот головы. В иных случаях аппарат, поставленный близко, позволяет неожиданные эффекты. Среди фотографий ВЦИК есть одна, изображающая Ленина на трибуне Красной площади, в которой снимок, сделанный несколько снизу, чудесно передает впечатление от фигуры Ленина, как от капитана, стоящего на мостике. Но в то же время общая черта всех этих моментальных фотографий—их незаконченность и нечеткость позволяют им, думается, быть только материалом для будущих, в руках умелого мастера несомненных чудесных перевоплощений.

Из снимков, ставивших себе непосредственные портретные задачи, выполненные оффициальной фотографией ВЦИК, мы видели три. Именно они обошли весь мир, всюду и везде популяризовав облик вождя рабоче-крестьянской России. Первый, выполненный осенью 1918 года—бесконечно популярный снимок Ленина во весь рост, в профиль, на дворе Кремля. Безыскуственность и простота снимка говорит за себя. Именно этот, очень обыкновенный, но запечатленный несомненной силой облик человека, просто одетого, в кепке на голове, с выражением здоровой бодрости в лице и в позе, должен был особо поразить врагов неожиданным и откровенным демократизмом облика руководителя великой страны, запомниться друзьям, как наиболее ясное и верное обличие „Ильича“, простого и доступного, и любимого друга рабочих и крестьян. Этот облик, бесспорно, наиболее пригоден для „первого ознакомления“, для распространения в школах. В нем есть интимность и в то же время бесконечная характерность. Второй снимок, позднейший — Ленин в кабинете совнаркома. За письменным столом. Внимание невольно рассеивается в деталях обстановки, над которой господствует высокий обнаженный лоб, облик мыслителя, ученого и государственного деятеля. Третий снимок, наконец, наиболее широко распространеемый, погрудный — может быть наиболее хорошо выявляет железную волю человека, взявшего власть в исключительно трудную минуту, удержавший ее в руках, несмотря ни на что. Здесь впервые очень бросаются в глаза губы с их властным и четким очертанием. Первый снимок больше говорит чувству, второй — интеллекту, воле — третий. Думается, фотография большего дать не может. Мы здесь упомянули, понятно, не все фотографии. Снимки известного московского мастера светописи Наппельбаума принадлежат к числу всячески удовлетворительных портретов. Но поскольку мы ждем уже от портретнаго изображения большего, нам невольно приходится обратиться к иным источникам. И прежде всего—к кратким хотя бы штрихам, рисующим важнейший облик Ленина в воспоминаниях его современников. Именно здесь конкретизуется вопрос о сходстве, которого мы должны будем искать в „художественных“ изображениях Ильича, здесь именно думается наиболее ясно, почему как раз сходство фотографическое, выше отмеченных лучших снимков Ленина — государственного вождя и Ильича—человека, неизбежно оказывается неудовлетворяющим, поскольку в нем запечатлелись только единичные черты гораздо более сложного жизненного облика.

Внешность Ленина в словесных портретах была недавно темою небольшой, но хорошей статьи Ю. Соболева*). Отсюда можно вспомнить несколько более или менее убедительных отзывов. „Голова его гладкая, словно полированная... Лицо с резкими чертами и блестящие от времени до времени небольшие глаза“ (Н. Осинский). „Лицо песчаного цвета, морщины, расходящиеся от носа, словно высеченные по камню, зрачки черные и огненные“ (А. Аросев). „Невысокая, плотная фигура с большой лысой и выпуклой головой, посаженной низко на его плечах, небольшие глаза, нос картошкой, широкий благородный рот“ (Джон Рид). Уэльс отметил слегка несимметричную форму черепа Ленина, „приятное смуглое лицо с постоянно меняющимся выражением и живую улыбку“.— „Маленькие миндалевидные глаза, монгольские брови, большое пустое пространство между бровями, лбом и носом. Большой нос с раздувши-

*) „Ленин в литературе“, „Город и деревня“; журнал 1924, № 10, стр. 55-ая.

мися ноздрями" (Моризе). „Лоб широкий, нос выдается вперед... Взгляд всегда прямой и ясный... Лицо с определенными, математически точными контурами, огромный череп" (Анри Гильбо). „Огромный и как бы изнутри светящийся лоб, необычайно зоркие, проницательные, а иногда и хитрые взоры, твердый и властный рот" (А. В. Луначарский). „Когда я встретился с ним в первый раз, я был разочарован", вспоминает Н. Мещеряков в замечательной статье*)— „так как увидел далеко не романтическую фигуру. Это было самое обыкновенное русское, несколько калмыцкое лицо... Единственно, что поражало в нем,—это глаза. Мимо его глаз пройти было невозможно". О да, Ленина внимательно и бережно рассматривали его друзья и ученики. Что делать, если чувство горькой утраты заставляет ныне признаваться, что все портреты великого ушедшего не годятся, что облик Ленина не запечатлен еще для потомства, как того хотелось бы всем, видевшим коренастую, такую простую фигуру,—большой лоб мудрого вождя, слышавших—чуть картавящий говор, внимавших—изумительной речи, прояснявшей труднейшие вопросы с безупречной четкостью человека, овладевшего правдой?

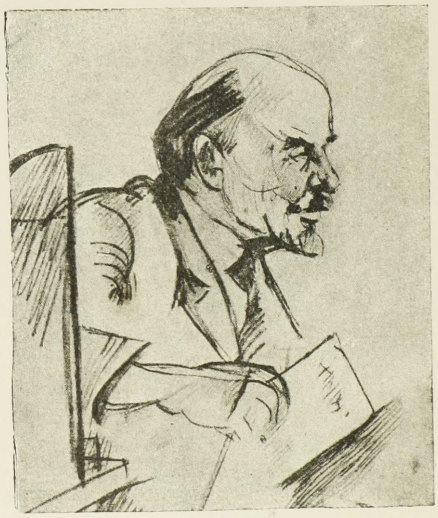
Портреты Ленина... Ленин в искусстве был темою для рисунка, живописи, скульптуры и гравюры. Его черты стали популярными во всех углах земного шара. Ленин в каррикатуре—и вовсе не во враждебной, а в дружеской сатире—тема для специального очерка. Ленин в плакате и во всех мелочах полиграфии—в малых силуэтах почтовых марок, на жетонах и на всевозможных значках; лицо Ленина на обложках книг и журналов, его силуэты на транспорантах декораций всенародных празднеств; огромное его лицо, поднимающееся на театральной кулисе в постановке „Слышишь Москва"; то же лицо вполне удачное и схожее, выращенное из цветов на сельскохозяйственной выставке; и даже загримированная им фигура актера в постановке „Гибели Самодержавия" клуба имени Свердлова; все это может быть учтено прежде всего как чудесное доказательство совершенно исключительной популярности вождя русской революции. Но наша тема должна быть очерчена более определенно. „Ленин в искусстве" может быть трактован, как попытка запечатлеть его облик и образ, и как попытка использовать его в целях той или иной пропаганды. Так, мы вполне можем говорить о „малой пропаганде", вернее о пропаганде малыми действиями, куда мы можем отнести все жетоны с портретом вождя, все виньетки с его силуэтом. Можно, конечно, говорить и о монументальной пропаганде, о памятниках Ленину, что без сомнения уведет нас в сторону, ибо это вопрос будущих достижений, долженствующий быть решенным в более крупном масштабе. Но мы считаем, что собираемые нами здесь не в первый раз, но пожалуй в более широком объеме, примеры художественного отображения Ленина помогут в последнем счете и этой последней задаче—памятника Ленину, „социальный заказ", но который, бесспорно, дан уже современностью. Эта большая последняя монументальная цель позволит нам классифицировать и те примеры художественного выражения облика Ленина, рассмотрению которых и должна быть, прежде всего, посвящена теперь наша работа.

Рисунок, как прием в изобразительном искусстве, может быть рассмотрен двояко. Он с одной стороны конечно может остаться только предварительным наброском, быть не более, чем условной заметкой для памяти художника, к способу этому прибегнувшего только в силу его легкости и быстроты. Мы говорим тогда о „наброске". Такого рода наброскоов с Ленина имеется уже много. Они отличны от всех иных своею простотой, полным почти отсутствием в них художественной индивидуальности. Задача сходства стоит в них на первом плане, и поскольку это так, может быть на-ряду с фотографиями именно наброски карандашом с Ленина, взятые налету, во время речи оратора на съезде, во время приема предсовнаркомом посетителей, будут в последуюшем наиболее ценным материалом для знания нашего о внешности Ленина.

Разница с фотографией бросается в глаза. Карандашный штрих стремится прежде всего уловить представляющееся художнику характерным: жест, штрих, очертание, деталь выражения, какой-либо поворот. Набросок есть прежде всего экзамен глазу художника. Его руке-потом. А модель здесь не позирует, в чем можно сразу видеть приемущество именно наброска перед

*) „Печать и Революция", 1924, № 2.

Ю. Ардыбушев. Набросок с натуры.



Н. Альтман. Набросок с натуры.

всеми иными видами художественно-изобразительной деятельности. „Уловить жизнь“:—в этом основная задача наброска. Сказать хотя бы кое-что о жизненной роли Ленина на трибуне и в рабочем кабинете—задача тех его портретных набросков, которые всегда остаются произведениями большой документальной ценности.

По времени первым из портретных набросков с Ленина очевидно является тот, который сделан в 1917 художником Бе рингов ым и в впервые опубликован Л. Р. Варшавским в его статье „Ленин в искусстве“ из журнала „Город и деревня“*) профильный рисунок бесспорно убедителен пристальный взгляд прищуренных глаз, сжатость губ, наклон головы представляются схваченными удачно. Линия рисунка достаточно уверенна. Набросок об ъективен и в силу этого представляется вполне выполнившим свою роль художественной документации.

С большими оговорками то же надо сказать и о небезынтересных набросках Ю. К. Арцы бушева, сделанных в дни учредительного собрания и заседаний советов в декабре 1917, январе 1918 г. Эти наброски, выполненные литографией в диковинном альбоме „Диктатура пролетариата“**) хотят быть также вполне беспристрастно верными. Эпиграф из „Бориса Годунова“, уверяет, что автор „не ведая ни жалости ни гнева“ объективно созерцает происходящее перед ним. Увы! наилучшего доказательства, что пресловутое „свободное искусство“ слишком часто—только маска, очень явственно искусственно приложенная к лицу, искаженному классовыми предубеждениями. Вся арцыбушевская „Диктатура пролетариата“ исполнена карикатурно. Автор, недавно перед тем патетически живописавший Керенского и Милюкова на пресловутом „совещании“ 1 августа 1917 года, не может скрыть того, что деятели пролетарского октября представляются ему всячески „отвратительными“. Стоит посмотреть только на Троцкого, превращенного им в дикого зверя!—Ленину Арцыбушев отводит в своем альбоме набросков 5.

Из них еле еле удовлетворяет только первый. У рисовальщика всюду прием изламывания бровей, удлинения носа. Ленина он изобразил нарочно полным, „обуржуазненным“. Интересно однако отметить, что художник наиболее заинтересован в голове Ленина профилем ее верхней части, характерной линией черепа который сравнивали с Сократовским. Альбом Арцыбушева конечно только курьез в наши дни...

Выполнивший может быть самый значительный из всех живописных портретов Ильича художник Н. Бровский в 1920 году оставил нам также рисунок, как и предыдущие профильный, бесспорно „элегантнее“ предыдущих. Здесь Ленин—умный тонкий человек, может быть только. Нет спора, что для того, чтобы вполне придать значению умершего вождя, надо воспринимать себя участников его рати. - Под одним из рисунков Бровского Ленин сам сделал ироническую подпись о своем несогласии. Художник, к которому мы еще вернемся, вне сомнения к рисункам своим относился как к материалу только подсобному.—По всей вероятности тоже объясняет явную неудачу портретирования Ленина такими мастерами, как Добужинский, Верейский и Чехонин. Последний оставивший великолепный силует Ленина, разрабатывавший его профиль для государственного форфорового завода, в своей зарисовке Ленина доказывает свою тонкую внимательность—и однако бесспорно какую то „не обхватность“, несовпадения самого приема с образом модели. Рисунок Чехонина бесспорно красив: даже слишком красив для Ленина.

Именно здесь надо поставить политику подойти к облику Ленина художника, который пожалуй и в наброске достиг больше, чем только зарисовки на память. Имя Н. И Альтмана бесспорно войдет в историю русского революционного искусства, и его Ленин будет не последним завоеванием неоспоримого и острого дарования. Прекрасно изданные отдельным альбомом*) девять рисунков относятся к маю 1920 года. Они осознаются художником как „подсобный материал“ при выполнении портрета-скульптурного бюста Ильича, и в особой статье художник рассказывает, „как он лепил Ленина“.—Но „подсобный материал“ Альтмана, несмотря на то, что художник отрицает в своих рисунках

*) 1924, № 10, стр. 62 внизу.
**) М. 1918 изд. Кнебель.

*) „Ленин“. Рисунки и обложка работы Натана. Альтмана Изд. Отд. Изобр. Иск. Нар. Ком. Прос. П 1921.

решение самостоятельных графических задач, все-таки безгранично противоположен предыдущим зарисовкам, ибо он до конца помнит собственный язык карандаша как материала, линии как формального средства. Представляется, что профессиональный прием художника, рисует ли он он крепкую и сильную руку, снявшую телефонную трубку, или морщины, пересекающиеся на умном и веселом лице, оказывается пропитан и оправдан известной строгой динамикой, атмосферой делового кабинета, капитанской вышки советского корабля, которая чувствуется в каждом наброске. Из них трудно выбрать лучший. Первый—рисующий одно лицо, поразительно характеризует глаза, те зразки черные и огненные, „мимо которых пройти нельзя". Второй—чудесно характеризует углубленность в работу. Два „телефонных" рисунка—третий к пятый серии—переносят интерес характеристики с лица на руку. Еще два рисунка изображают Ленина повернувшегося на стуле. Эти оба лица нарисованы прекрасным и энергичным штрихом. Первый из них—Ленин, наклонившийся, внимательный и серьезный удачно контрастирует со вторым Лениным веселым, с прищуренным глазом и ироническим ртом. Еще один лист (седьмой серии) пытается уловить мгновенные изменения настроений на лице Ленина. Наиболее значительными надо, однако, счесть два рисунка, изображающие Ленина в беседе с представителями рабочих Запада—германскими и английскими. Первый рисунок несколько поспешен. Зато второй, рисующий Ленина, внимательно приглядывающимся к своим гостям, исключительно тонко и умно характеризует Ленина—государственного вождя. Очень тонко и интересно моделирована голова. Сжатые губы, прищуренный взор дают внезапное прозрение в истинную суть Ленина-европейца, истинного представителя интернационала. Книжка Альтмана, из девяти рисунков которой каждый дает нечто новое для знания нашего о Ленине, которая чудесно чередует меняющиеся его облики, позволяя нам воспринимать Ленина не только в пространстве, но и во времени, представляется бесспорно лучшим из всего, что мы до сих пор имеем вообще нарисованного с Ленина.—Фотография не может уловить и, вернее, не в силах так показать характерные черты ленинского облика, далее законченное и монументальное „большое" искусство не сможет сохранить в столь полной мере впечатление жизненности, быстроты, всяческой уверенности мгновенного наблюдения, чем безупречно отличен Альтман.

Наброски художника И. Пархоменко, выполненные в ноябре 1921 года, представляются после Альтмана совсем неудачными и непохожими. Ими исчерпывается опубликованный материал набросков, которых конечно гораздо больше. Конечно и группа эта „набросочная" вовсе не так строго отграничена от соседних. Всего ближе к ней — гравюра и литография. Бесспорно на одном языке формального порядка, по существу переводя набросок в законченный рисунок, говорят портреты Ленина работы И. Ю. Киселиса,*) где Ленин перед нами строгий, но уже несколько усталый—и литография В. Д. Фалилеева,**) одного из лучших наших мастеров в этой области, но очевидно выполнившего свой вариант по фотографии и потому не очень жизненно-убедительно. В статье о портретах Ленина Э. Ф. Голлербах***) упоминает еще литографию Маркевича. Важнее представляются нам гравюры на дереве, как в силу техники, допускающий большой тираж и являющейся для современного искусства нарочито характерной, так и потому, что в них художник неизбежно должен искать более законченного и уверенного языка. Гравюр на дереве с портретом Ленина нам известно до сего времени три, из которых первый, помещенный в московском журнале „Творчество" за 1920 год, является не вполне удачным опытом старейшего из русских ксилографов И. Н. Павлова, передать „тоновой" гравюрной техникой мало известную фотографию Ленина 90-х годов.—Также с фотографии, но более самостоятельно, выполнен заключенный в рамку портрет Ленина В. И Соколовым; единственно, быть может, заслуживающим большего внимания мы считаем большой ксилографический лист работы Н. Н. Купреянова, бывшего одним из лучших деятелей расцвета новой русской ксилографии. Здесь лицу Ленина, взятому конечно в условиях неизбежной стилизации, придана известная монументальность, бесспорно значительная.

*) „Искусство и промышленность" М. 1924 № 2.

**) Альбом „Деятели Октябрьской революции", Гос. Изд. 1922.

***) „Красная Нива" М. 1924 № 13.

Рисунок худ. Дени. В. И. Ленин.

Резкие контрасты черного и белого в самой технике выражают богатую противоположностями „революционную технику"; лист Н. Н. Купреянова, доселе неопубликованный, представляется заслуживающим всяческого внимания. Это конечно „героический лубок". Конечно не тонкостей психологических характеристик должно искать в нем. Но Ленин похож; и есть в контрастной игре черных пятен на белой бумаге, складывающихся в облик вождя, та мастерская уверенность, которая должна заставить принять портрет, как он есть.—Графический портрет Ленина работы Гроссера показывает, как самостоятелен рядом со всеми был все же Куприянов. Выполненный рядом с Марксом самоучкой-крестьянином гравированный на линолеуме портрет работы Каменова заслуживает во всяком случае упоминания.

Интересно, что по фотографиям, в частности по той, первой, во весь рост, о которой велась речь в самом начале, выполнялись и большие живописные вещи: портреты Ленина К. Ф. Саксене, Н. Бродского, Пчельниковой. В Ленинградском музее революции имеется портрет Ленина, говорящего речь с балкона, работы Ковальского. Единственным живописным большим портретом Ильича остается работа уже упоминавшегося Н. И. Бродского. Ленин изображен на фоне занавеса с правой вытянутой рукой, положенной на балюстраду, внимательно чуть искоса, смотрят глаза. На губах легкая усмешка. Во всем облике большая уверенность и сила. Портрет вполне удавшийся как по своей живописности и картинности (выделение лица темным фоном), так и по тому чувству значительности, которое неизбежно переживается при его восприятии. Несколько искусственное положение руки является дефектом во всяком случае достойного своего мастера произведения. То, что портрет сделан на основании личных впечетлений художника вне сомнения повышает его важность. К сожалению именно этого этого нельзя сказать про исполненный по заказу ГУВУЗ'а в 1920 году портрет Ленина, выполненный по фотографии (в кабинете за письменным столом), одним из лучших современных наших художников, И. И. Машковым. При всей прекрасной красочности полотна ощущение отсутствия личного опыта художника в портрете этом налицо.

Прежде чем перейти к новой главе наших изобразительных анализов, скажем здесь хотя бы несколько слов об облике Ленина в том виде агитационной живописи, который именуется „плакатом", и с которым правильно связать анологическую область агитационного рисунка-карикатуру. Плакаты с портретом Ленина появились уже после смерти. Использующие его фигуру до того времени—рисующие его жест как иллюстрацию к приводимому тут же изречению его, плакаты, которых можно насчитать до десяти—все были удачны мало. Мы не будем входить в размышления, почему. Лучший из советских карикатуристов Дени признавался, что облик Ленина в его глазах двоится. Ленин кажется ему „то ученейшим професором, то распорядительным мужичком.—От этого и рисовать его не могу". В известном альбоме „Политических рисунков" Дени помещена в качестве фронтисписа впрочем, превосходная вариация „Ильича" понятого как раз во втором смысле. Эта улыбающееся не без хитрецы, чисто национальной, голова, высунатая в разорванный лист „Правды" принадлежит к числу наиболее удачных портретов Ленина, не смотря на явное отсутствие стремления к документальной точности сходства. Ибо если можно сделать вывод из нашего подробного экскурса в область теории и практики современного портретного исскуства, то им будет признание, что основною целью художественного портрета будет очевидно не точность сходства, а убедительность характеристики.

3.

Особняком в нашей теме стоят попытки живописного запечатления известных моментов из жизни Ленина. Задача эта обоюдоостра. Поскольку здесь идет речь о сохранении для потомства известных событий, нельзя не забывать, что художник только в редких случаях может быть свидетелем происшествия, которое он хочет запечатлеть. Предоставленный неизбежно своему воображению и рассказам очевидцев, художник творит документ из вторых рук, и его творческая работа оправдывается только, тогда когда он, как Суриков, пытается создать некий общий вывод из исторической сцены, трактует ее как символ мировой человеческой трагедии. Жизнь Ленина еще ждет своего Сурикова. Если

она и не богата драматическими моментами, как биография Л. Д. Троцкого, художник широкого исторического захвата, конечно, в будущем сумеет в ней увидеть фокус классовой борьбы, точку пересечения исторических судеб новой Европы.

Из событий революционной практики Ленина его приезд в Петербург в 1917 году является темою двух картин, конечно портретного характера. Художник Пчелин придает фигуре стоящего у двери вагона Ленина большую и сдержанную значительность*). Картина Кузнецова, бывшая на „Уголке В. И. Ульянова-Ленина" сельскохозяйственной выставки 1923 года позволит нам перейти к обзору коллекции последней**), весьма богатой как раз портретно-биографическими чертами. Что художники не могли ограничиться только одними портретами, представляется вполне понятным. Даже при сохранении основной задачи портрета—художественной характеристики индивидуальности — вполне ясно, что зачастую последняя может быть достигнута только путем сопоставления ее с другими, только изображением общественной роли, взаимоотношений человека с рядом других. Биографические картины „Уголка Ленина" и играют прежде всего эту роль. Мы встречаем среди них „Появляние Ильича и Троцкого в Смольном" М. И. Авилова — в решающий день 25 октября 1917 года. Ленин — с повязанной щекой, в больших очках и в картузе... На картине М. М. Берингова, автора выше рассмотренного портретного наброска, Ленин изображен в Михайловском манеже на митинге среди броневиков в ночь на 25 октября. — Единственной попыткой дать живописное изображение эпизоду более ранней биографии Ленина на выставке являлась картина К. И. Максимова „Ленин скрывается от шпионов в 1906 году". — В минусинскую ссылку переносит зрителя картина А. В. Исупова, изображающая Ленина за шахматами. — За исключением последней, может быть, все данные картины не могут быть сочтены очень удачными. Художники, члены Ассоциации Художников Революционной России, ставящей себе целью „художественную документацию нового быта", бесспорно слишком принципиально связаны с реализмом чисто наблюдательного порядка, чтобы смочь вполне отдаться творческой силе воображения, неизбежной для того результата—переживания большой значительности изображаемого, что бесспорно только и сможет сделать понятным зрителю картину. Так, без подписи вполне непонятна и самая честолюбивая из биографических картин этих „Покушение на заводе Михельсона" Д. А. Топоркова. Здесь на первом плане — убийца, и террористический акт мог бы с очень малыми изменениями быть применен и к другому случаю. Фигура Ленина представляется мало похожей... Гораздо удачнее „Ильич на субботнике" Соловьева, картина не претенциозная, но именно, потому и производящая впечатление своею бодрящей силой—гимна труду. Ближе к чисто портретной живописи три картины, изображающие Ленина на ораторской трибуне говорящим речь: „Ленин на трибуне Коминтерна" И. Ф. Дегтерева, „Напутствие красноармейцам" В. В. Мешкова и бесспорно самая удачная по выразительной силе „Их карта будет бита" Е. А. Кацмана. В первых двух картинах этих, особо во второй, выполненной по фотографии, затерявшей фигуру оратора на трибуне в толпе, нет того напряженного волевого импульса, той железности, которая очень настойчиво выражена в картине Кацмана, являющейся в наших глазах одним из удачнейших портретных образов Ленина. И наконец картина П. М. Шухмина „Ленин принимает крестьянских ходоков", представляется очень достойным откликом на лучшие рисунки Альтмана—не столь по формальным достоинствам, как по удачному выявлению исторической роли Ильича, изображенного, как свой среди своих, между характерными кряжистыми фигурами крестьян.

Анализ картин из „Уголка" мог бы быть конечно и продолжен, и углублен. Нам представляется краткое упоминание недостаточным поскольку принципиальная постановка проблемы мнится все-таки важнее, чем рассмотрение, как вышло качественно, то-есть непосредственная критика, которая в иных случаях могла бы быть жестокой. Художники АХРР бесспорно вполне правильно учли и „социальный заказ" и не „историко-биографический" портрет Ленина, чем в сущности являются картины „Уголка". А что за

*) См. „Красная Нива", 1924 г., № 7.
**) См. „Уголок имени В. И. Ульянова-Ленина", М. 1923 г., изд. Главвысткома.

Барельеф скульптора П. И. Таежного.

В. И. Ленин
на смертном одре.

несколькими исключениями событие оказалось трактованным слишком внешне, это не такая беда, и в последнем счете оказывается все-таки приемлемее, чем чистый аллегоризм иных созданных уж после смерти Ленина, под непосредственным ее впечатлением долженствовавших быть грандиозными, а на деле не оказавшихся такими, картин той же группы. В плоскости этой эмблематики здесь уже лучше упомянуть бесспорно интересную картину нашего немецкого гостя Генриха Фогелера „Смычка студентов с деревней" *). Здесь в плане символического изъяснения и намека лицо Ильича в центре композиции как бы распространяет свою мысль и волю острыми гранями пятиконечной звезды по всей картине, описание которой невозможно в силу принятой художником, футуристической, на первый взгляд системы сдвигов.

Группы как живописных, так и рисуночных произведений, связанных с кончиной и погребением Ленина естественно выделить в конец рассмотрения. Укажем, что в области и чисто портретной смерти предсовнаркома послужила толчком к целому ряду попыток „воображаемых портретов", исканий образов синтетического порядка, как для построения его чисто человечески-индивидуального облика, так и для выявления в образе его исторической роли. В качестве попытки первого рода упомянем здесь портретные рисунки Н. Н. Вышеславцева, в качестве второй — живописный портрет работы М. А. Вербова, бесспорно интересный, выполненный без определенной зависимости от какой-либо фотографии. Весьма интересна тоже картина „Ленин и дети" С. М. Прохорова, изображающая Ленина в Горках в эпоху последней болезни **). Но все картины и рисунки мы перечислять отнюдь не хотим и не можем.

Нам осталось быть может самая интересная и ответственная группа художественного преломления облика вождя С. С. С. Р.: скульптура. Поскольку последняя творит реально-предметные тела, ее пригодность именно для портрета всегда была вне сомнений. Скульптура изолирует человека от окружающей его среды, делает его независимым от неизбежных для живописи и рисунка условий освещения и обстановки. Огромное преимущество скульптуры в том, что он может действовать на зрителя как чисто объемной своей формой, так и силуэтом, очертанием и линией. Скульптура, в несравненно, правда, ограничивающей свои возможности мере, может подобно живописи передавать движение и жест. Естественно устремленная к монументальности, скульптура, мыслимая всего лучше на открытом пространстве всегда была излюбленным способом увековечения памяти общественных деятелей. Задачи монументальности в искусстве здесь, конечно, могут быть затронуты только отчасти. Мы под монументальностью должны условиться понимать то совсем особое действие на нас художественного произведения, когда его форма воспринимается не в порядке любования чисто эстетического, то-есть представляется „красивой", и не тогда, когда мы говорим „как правдиво", „как похоже", судя о произведении только с точки зрения его изобразительной точности. Монументальность заключает в себе прежде всего действие силы мощи и „повышенности", если этим словом передается мысль о впечатлении усиленного многократно впечатления хотя бы жизненной реальности. В силу этих черт именно монументальность, как принцип, необходима для общественных памятников. В последнее время много спорили вообще о том, пригодна ли уже скульптура для этой последней роли. Представляется, что определенная неудовлетворительность большинства новых скульптурных памятников проистекает от того, что именно принцип монументальности и был ими вполне забыт. На площади поставленное „эститически-красивое" произведение забывает, что человеку, спешащему по делам мимо него, некогда любоваться. Реалистически самое точное—но и только—произведение иного раздела скульптуры требует со своей стороны тоже недостающего у современного горожанина времени на разглядывание и узнавание. Но самый принцип монументальности требует концентрации воздействия. Как плакат и реклама—монументальные часто сгустки живописных приемов—монументальная скульптура должна быть немногосложной, краткой и выразительной, должна уметь отбросить все несущественные мелочи и подчеркнуть все характерное. Все это делает именно монументальное искусство истинным носителем образного начала,

*) См. нашу статью в „Прожекторе", 1924 г., № 7.
**) См. „Пламя", Харьков, 1924 г. № 3. стр. 11.

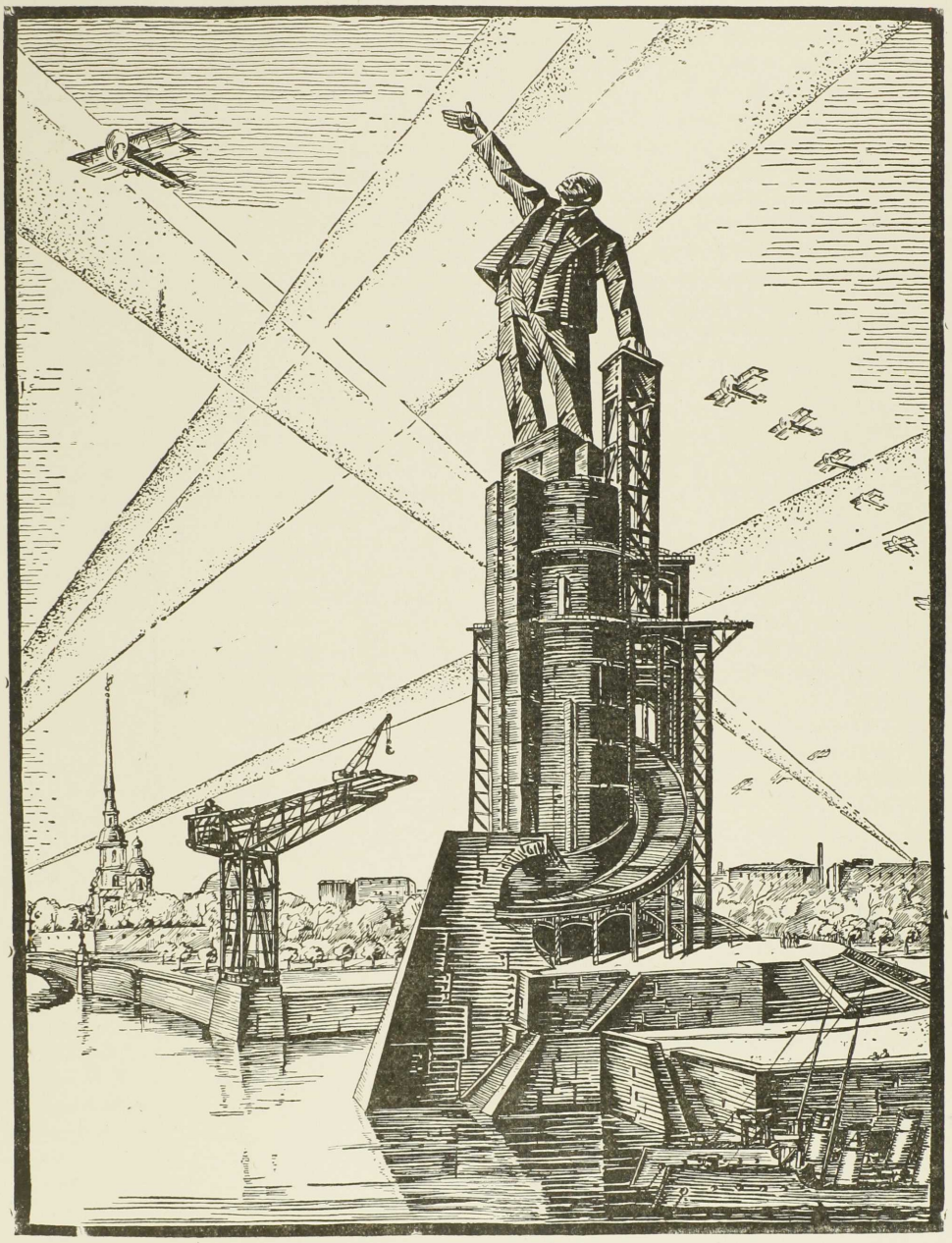
и роль его познавательная и агитирующая, ни в коей мере не кончена и не должна быть приуменьшаема до тех пор, пока человечество живет, и действует языком представлений, а не только отвлеченных понятий.

Искание монументального образа величайшего из вождей человечества в его борьбе за освобождение—есть истинная задача всех будущих попыток изображений Ленина. Мы подчеркиваем именно эту, монументально-образную сторону будущего фигурного памятника Ленину, ибо требование „декоративности", часто применяемое к памятнику, пуедставляется нам мало существенным рядом с этой грандиозной задачей. Памятник может быть декоративен, но часто это слово, примененное к монументальному произведению скульптуры, означает перенесение вопроса в иную чисто формально-эстетическую область суждения об искусстве, от чего нам всячески хотелось бы предостеречь, поскольку области искуствознания и эстетики вне сомнения всячески различны.

Скульптура, однако, может быть не только монументальной. В б ю с т е мы имеем часто примеры чисто „камерной" скульптуры, предназначенной для интимного созерцания, для помещения в углу комнаты. Само собою разумеется, что статуэтка, ставимая на письменный стол, также относится к области ни в коей мере не монументального искусства.—Возвращаясь к нашей теме, мы отметим всего прежде, что Ленин был в скульптуре изображаем очень часто, и именно в этой мелкой и по существу никчемной форме. За первые годы революции бюсты Ленина исполнялись рядом выдающихся даже скульпторов. Их неудача должна быть констатирована со всею решительностью. Исполненные обычно на заказ и без встречи с натурой, по фотографиям, бюсты, переполнившие наши советские учреждения, не говоря о бесчисленных статуэтках, являлись почти без исключения примерами того „официального искусства", которое оставляет совсем без всякого воздействия зрителя, являясь чисто внешней и пустой изнутри оболочкой образа. Думается, именно об этих бюстах обычно говорят друзья Ленина, упрекая их всячески справедливо в несходстве. Мы считаем всячески нужным пересмотр и самые решительные мероприятия по изъятию безусловно негодных художественно и по сходству этих ленинских гипсов, которые ни в коей мере не заменят ни одной приемлемой фотографии, не говоря уже о том, что, являясь карикатурой на подлинное художественное произведение, они отбивают охоту к встрече этим последним, могущим дать то удовлетворение нашему сознанию, которое достижимо именно только в искусстве.

Из всего этого однако не следует, что Ленина в скульптуре не было. Разграничивая принципиально скульптуру посмертную, предназначенную для памятника, и оставляя снова в стороне скульптурные изображения Ленина в гробу и его маски, мы должны напомнить, что бюст Ленина лепил среди других и такой мастер, как Альтман. Выделим среди других еще один бюст, любопытный по тому, что это, кажется, единственный пример художественного изображения Ленина—с натуры—представителем западного искусства. Мы имеем в виду бюст, исполненный с Ленина в октябре 1920 года специально для этой цели приехавшей в Россию английской скульптуршей К л е р Ш е р и д а н, оставившей в интереснейшей книге*) отчет о том, как она работала в кабинете Ленина. Мы выделим из ее рассказа только несколько моментов. Когда Ленин говорил по телефону, его лицо становилось особо оживленным и интересным. „Он жестикулировал телефону, как будто он понимал". Англичанка отметила в нем „любопытное славянское лицо". Во время беседы с посетителем она отмечает, что никогда не видела столько перемен выражения на одном лице. „Лени смеялся и хмурился, и казался задумчивым, грустным и насмешливым, все подряд. Его брови двигались, временами сдвигались"... Она выбрала его „внимательно-приглядывающийся", „подвинченный" (screwed up) взгляд. „Ни у кого нет такого взгляда, он его собственный". Бюст Ленина работы Клер Шеридан представляется удачнее в профиль, чем спереди, поскольку в последнем виде мнится преувеличенно подчеркнутой нижняя губа. Шеридан, конечно, не принадлежит к числу первоклассных скульпторов современности. Ее искусство — хороший, сдержанный реализм, для подлинно монументального впечатления лишенный все же последнего упрощения и усиления формы. Глаза Ленина, на-

*)„ Russian Portraits" by Clare Sheridan, London, 1921.



Проф. Щуко. Проект памятника в Ленинграде.

пример, в ее бюсте совсем исчезли в мелких складках век. Как бы то ни было, чувство подлинной симпатии к теме и значительности изображенного человека в ее произведении несомненны.

Статуи Ленина при жизни его не столь часты. Очень характерна по жесту Ленина-оратора, схваченная бесспорно в жизни и для жизни, фигура, изваянная Ф. К. Лехтом, стоявшая в том же „Уголке Ленина". Ее сознательный и последовательный, несколько мелочный реализм — конечно только предверие к ждущему монументальному пересозданию. Очень не плохой памятник—первый вообще — поставлен Ленину в Богородске рабочими Глуховской мануфактуры — конечно вполне обыкновенный. Из скульптурных портретов известны рельеф Симонова, работы Эллонена и Гинзбурга в Ленинграде, Журиковского в Москве... Все это—увы!—второй сорт, и нам приходится говорить об облике Ленина в скульптуре уже после его смерти, тогда, когда речь уже пойдет об увековечении его памяти в монументальном порядке.

Траурные—красно-черные дни... В Доме Союзов как Ленина в гробу, так и общую картину зала рисовали лучшие художники Москвы и Ленинграда. Маска с Ленина снята известным скульптором С. Д. Меркуровым. Художники АХРР — П. Радимов, П. Киселис, М. Сухотин, В. Мешков, Б. Яковлев, В. Пшеничников оставили в живописи достаточно полную картину дней этих от прибытия тела Ленина из „Горок" до похорон... Выполненные, конечно, спешно, картины все-таки во всей своей серии производят неоспоримое впечатление — густых, неспокойных, бесконечных масс, влекомых траурными знаменами—грандиозной и жуткой импозантностью колонного зала... Определенно надо выделить из других работы П. Киселиса. Его „Ленин в гробу", написанный взволнованно и сильно, является бесспорно очень удачным—конечно только этюдом. Нам представляется, что наиболее достойно изобразить мертвого Ленина удалось только К. С. Петрову-Водкину. Его рисунок безупречно передает последний покой усталого вождя; вполне свидетельствуя о неповторяемом мастерстве художника, как рисовальщика, рисунок интересен и как первый шаг к более ответственной живописной композиции, показанной Петровым-Водкиным на выставке „Жар-Цвет", и производившей потрясающее впечатление жуткой телесностью смерти. И какой смерти! Широкий и большой лоб Ленина представляется мыслящим и после того, как перестало биться его сердце. Концы властного рта опущены. Голова представлена по условиям композиции большой, производящей тем самым неожиданно усиленное впечатление. По чисто художественной выразительности рисунки таких прекрасных рисовальщиков, как Ульянов, Юон, Кацман (мы называем не всех), изображавшие Ленина в гробу, не могут быть поставлены рядом с Петровым-Водкиным. Упомянем гравюры на дереве А. И. Кравченки, изображающие общий вид траурного зала. Укажем, что у гроба были, кроме перечисленных, такие живописцы, как Малютин, Яковлев, Моор... Ленина в гробу лепили Гинзбург и Шадр, которому удалось бесспорно создать убедительный и похожий портрет мертвого вождя...

Ленин умер. Ленин будет жив. Ставший на очереди вопрос о памятнике Ленину нас теперь интересует с точки зрения участия в нем искусств изобразительных. Мы говорили о неизбежных требованиях монументальности. В статье, посвященной „Памятникам Владимиру Ильичу"*) нарком Л. Б. Красин требует столь же неизбежных объективных признаков сходства с натурой. Удач пока немного. Мы упомянем, как последний пока, до начала мая, конечно, не окончательный вполне материал как раз скульптурный. Бюсты Ленина изваяны скульпторами: Алексеевым, Меркуровым, Мухиной, Лебедевой. Очень интересен и похож бюст работы знаменитого мастера многих московских памятников, Н. А. Андреева. Из перечисленных выше более других удачен бюст Ленина, выполненный Алексеевым (Художественная выставка во дворце труда). Он представляется вполне похожим, определенным и простым по своим формам. Интересно, что Меркуров, всегда стремившийся к упрощению и известной стилизованной монументальности, в своем варианте бюста Ленина дает напротив почти импрессионистическую лепку лица и лба с его глубокими морщинами усталости. Неоспо-

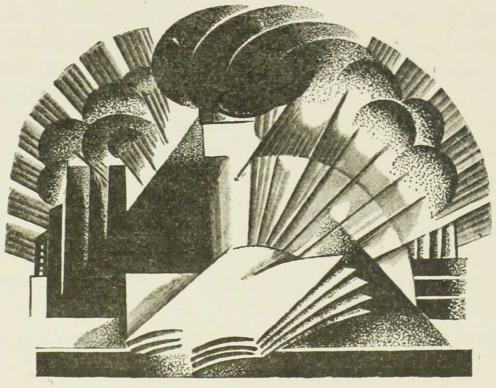
*) „Красная Нива", М. 1924 г., № 18. стр. 437.

римо сильное, но неприятное впечатление оставляет мастерски вылепленный бюст В. Мухиной, тогда как вариант С. Лебедевой нам мнится определенно неудавшимся. Из рельефов с портретом Ленина, выполненных за это время более реалистичен исполненный И. Д. Шадром. Барельеф Кепина напротив резкий и стилизованный по чуть кубистическим формам, очень удачен по движению, редко удающемся в медальонной композиции рельефной доски. Наиболее же прост, и, может быть, в силу того наиболее убедителен круглый медальон работы Вячеслава Андреева, исполненный еще в 1923 году. И снова—это еще не весь материал. Наиболее ответственны, конечно, статуи. Фигура Шадра, очень подвижная, представляется, однако, несколько случайной, жест, приданный руке Ленина, указывающей пальцем вниз, как будто повелевая кому-то стать на колени у ног Ленина, имеет в себе нечто нарочитое. Поскольку можно судить в то время, как дописывается эта статья, наиболее обещает из статуарных изображений Ленина, статуя И. А. Менделевича. Но она к тому же не чисто, вернее не только портретна. Она не даром честолюбиво именует себя „Творец грядущего". Прекрасно себя зарекомендовавший уже предыдущими выставками мастер возможно сумеет найти линию сочетания портретной правды с требованиями художественно-выразительной монументальности.

Ибо облик Ленина, его имя, его роль в истории, его несравнимо крупный масштаб, как личности и как деятеля, масштаб, не отрицаемый и врагами, требует к себе прежде всего того последнего уважения, которое, конечно, лучше всего выявляется выражением в образе одного человека тех огромных классовых коллективных энергий, носителем и руководителем которых прежде всего и был Ленин. Если изобразительное искусство до сих пор еще этого не выразило, будем верит, что когда достодолжным трудным мастерством обладает художник, действительно вышедший из того рабочего класса, с делом которого себя связал и Ленин,—образ его будет найден в том достойном масштабе, которого без сомнения ждет не только С. С. С. Р., но и весь мир.

Пока же облик Ленина становится легендой. „Ильич" становится достоянием народных масс, сквозь фотографии хотя бы видящие в нем желательные, и каждый раз разные черты. На кустарных коробках есть пример изображения Ленина бывшим иконописцем в стиле религиозной живописи древней Руси. В провинциальной прессе можно отметить, как кавказцы невольно придают Ленину свои национальные черты, украинцы — свои, восточные народности — еще свои. „Социальный заказ" на выявление облика и образа Ленина в искусстве поставлен со всей остротою. Для изображения человека, сыгравшего самую изумительную историческую роль нового времени, нельзя жалеть никаких усилий. „Ленин в искусстве" есть испытание и наша общая задача.

Проф. А. А. Сидоров.



ПАМЯТИ
ЛЕНИНА

В институте Владимира Ильича

(Краткая информация).

После тяжелого для нас события—кончины Владимира Ильича—деятельность Института ЛЕНИНА приобретает огромное значение. И не только партийное, но и советское, общесоюзное. Поэтому—декретом Совнаркома установлено, что существующий ныне Институт является единственным хранилищем всех рукописных материалов и прочих документов Владимира Ильича. Как государственное хранилище документов Владимира Ильича, Институт ЛЕНИНА приступил к собиранию обширного материала. Институт собирает: рукописи (письма, заметки, целые работы) и неизданные стенограммы речей Владимира Ильича, рукописные материалы, адресованные Владимиру Ильичу, рукописи о Владимире Ильиче; неизданные стенограммы речей о нем; всю библиотеку Владимира Ильича, а также все те книги или периодические издания, которые он читал; все печатные материалы или изображение с пометками Владимира Ильича; все полицейские и судебных учреждений бумаги о Владимире Ильиче или упоминающие о нем или трактующие о событиях или лицах, связанных с именем Владимира Ильича; все заметки, статьи, художественные произведения, связанные с кончиной Владимира Ильича; все телгеррамы, обращения, протоколы, заявления по поводу смерти Владимира Ильича; все оригиналы масок Владимира Ильича; все официальные документы Владимира Ильича (мандаты паспорта, пропуска и т. д.).

Все издания работ Владимира Ильича; все, периодические издания, в которых печатался т. ЛЕНИН; все книги и периодические издания, в которых упоминается о Владимире Ильиче или в которых он изображается на снимках или рисунках; все те печатные вещи (книги или периодические издания), по поводу которых высказывался Владимир Ильич; все печатные материалы, посвященые ему; всю литературу по истории РКП, по истории революционного движения в России, начиная со времени декабристов; по истории социализма и социалистического двнжения в западних странах; по социологии, по экономическим и аграрному вопросам; по философии марксизма; по всем вопросам теории и практики строительства Советского государства.

Вещи, принадлежавшие Владимиру Ильичу; подарки, сделанные Владимиру Ильичу различными организациями; все фотографии Владимира Ильича; все кино-съемки его; различные художественные портреты, бюсты и т. п. изображения Владимира Ильича; различные изделия, посвященные ему; различные изделия предприятий имени Владимира Ильича; принадлежности гроба, могущие быть переданными в Институт; книга почетного караула у гроба Владимира Ильича; некоторые венки, возложенные на гроб.

Весь поступающий материал, как видно из перечисленного выше, распадается на три категории: материал архивный (оригиналы и чрезвычайно редкие печатные вещи), музейный—как например, поручни, на которых несли гроб, траурные ленты и пр., библиотечный—печатные произведения. Материал музейный, по своему, так сказать, физическому объему наиболее велик, и потому перед Институтом встает вопрос о расширении музея до таких пределов, где можно было бы не только вместить весь

материал, но и предоставить его для обзора широких масс рабочих и крестьян.

Архив Института сделался также очень богат. Независимо от тех материалов, которые поступали после похорон, в Институт были представлены рукописи Ильича различными товарищами, как, например, т. т. Шляпниковым, Коллонтай, Орженикидзе, М. Горьким и др. Большая часть хранящихся в архиве документов не имеет на себе дат, поэтому научные сотрудники архива заняты в настоящее время главным образом определением дат рукописей Владимира Ильича. Это особенно необходимо для составления томов академического издания сочинений ЛЕНИНА, где предположено дать материал в хронологическом порядке. Первый том первого издания, на основании архивного материала, уже составлен. Содержание его следующее:

Предисловие Л. Б. Каменева..... 3
Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (По поводу книги В. Е. Постникова—„Южно-русские крестьянские хозяйства“)..... 7-60
Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов. (Ответ на статьи „Русского Богатства“ против марксистов)..... 61-237

Выпуск первый.

Выпуск третий.

Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах..... 239-274
О чем думают наши министры?..... 275
Проект программы социал-демократической партии (1896 г.)..... 281
Прокламации петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ (1895-1896 г.г.)..... 287-300
К рабочим и работницам фабрики Торнтона..... 289
Рабочий праздник 1-е мая (19-го апреля по нашему)..... 293
Царскому правительству..... 296
Задачи русских социал-демократов..... 341-362
К петербургским рабочим и социалистам от „Союза Борьбы“..... 360
Протест российских социал-демократов..... 363
Проект программы нашей партии..... 375

Дополнения.

Письма за границу. 1895 г.
Письмо первое..... 401
Письмо второе..... 403
Проект программы (1900 г.). 405
Текст, отбитый на машинке.....
Текст гектографированной тетради.
Синтетический текст.....
Рецензия на книгу: Agrarfrage. Каутский.....
Предисловие ко 2 изданию брошюры: „Задачи русских социал-демократов“..

Приложения.

1. Список произведений В. И. ЛЕНИНА, относящихся к периоду 90-х годов, до сего времени не разысканных.
2. Статьи исправленные и посланные т. ЛЕНИНЫМ в „Работник“ .....
1. Вести из России.....
2. Стачка ткачей на фабрике Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры.....
3. Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европейской России

Документы.

1. Письмо К. Маркса в редакцию „Отечественных Записок“—1877 г.
2. „Судебный салют рабочему вопросу“ (Статья М. Каткова в № 146 „Московских Ведомостей“ от 28 мая 1886 г.).....
3. Письмо Дурново к Победоносцеву—18 марта 1895 г.....
4. Циркуляр Витте к стачечникам—15 июня 1896 г.....

5. „К петербургским рабочим". (Прокламация петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса"—27 июня 1896 г.). . . . .
6. Циркуляр Витте фабричным инспекторам . . . . . .
7. Предисловие П. Б. Аксельрода к 1-му изданию „Задач русских социал-демократов". . . . . .
8. „О программных вопросах". (Статья Л. П. Лаврова из № 4 „Летучего листка группы народовольцев").
9. „К русским рабочим" (программа „Северного союза русских рабочих") . . . . . .
10. Программная статья из № 1 „Рабочей Мысли"—октябрь 1897 г. .
11. „Ближайшие задачи русского рабочего движения". (Передовая статья из № 2 „Рабочей Газеты"—ноябрь 1897 г.). . . . . .
12. „Проект программы русских социал-демократов", составленный группой „Освобождение Труда". .
13. Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 г. г. преступных кружках лиц, именующих себя „социал-демократами". .

В ближайшее время Институт выпускает целый ряд и других отдельных изданий:

Письма ЛЕНИНА к Горькому.

Основные вехи.

Алексеев и Швер—„Семья УЛЬЯНОВЫХ в Симбирске."

Подготовляются каталоги:

Архивные (3—хронологический, по алфавиту авторов, по вопросам.)

Библиотечный.

Музейный.

По составлении таких каталогов товарищи, работающее над ЛЕНИНЫМ, смогут пользоваться материалами архива, библиотеки и музея. *)

Поэтому приступлено к оборудованию научных кабинетов и читального зала при библиотеке.

Вместе с тем, издаваемый прежде Институтом „Бюллетень" теперь включен в ленинские сборники, которые предположено выпускать ежемесячно. Первый сборник выходит 18 апреля т.г. Содержание его следующее:

т. КАМЕНЕВ. „Литературное наследство ЛЕНИНА".

Обширное письмо Владимира Ильича из-за границы в Россию, где Владимир Ильич говорит о своей первой размолвке с Г. В. Плехановым. Письмо названо самим ЛЕНИНЫМ „Как чуть не потухла „Искра". Комментарии к нему составлены т. Каменевым. Затем в том же сборнике идут письма ЛЕНИНА Горькому периода 1908-1915 г. г., также с комментариями т. Каменева; наконец, письмо ЛЕНИНА Аксельроду из ссылки, 1897 (комментарии А. Аросева). Кроме того в сборнике будут помещены основные даты жизни Владимира Ильича и материалы к научной биографии В. И. ЛЕНИНА.

Основные даты Владимира Ильича, помещенные в сборнике, представляют собою как бы выборки из того, что может быть названо „Календарем жизни Владимира Ильича", подготовкой к которому сейчас заняты работники Института. Такой „Календарь" будет издан Институтом отдельной книжкой.

Ко второму ленинскому сборнику, который должен выйти 15/V т. г., подготовляются материалы по истории выработки программы нашей партии, куда предполагается поместить: проект программы Плеханова, комиссионный проект (Мартов, Плеханов, Ленин), контр-проект ЛЕНИНА с замечаниями В. Засулич и другие материалы, а также письма ЛЕНИНА т. т. Коллонтай, Шляпникову, относящиеся к 1914—1917 годам.

Вся эта работа Института должна быть рассматриваема, как подготовительная, ибо официально Институт еще не открыт. Открытие его предполагается в конце мая т. г. Только тогда, когда подготовительная работа Института будет закончена—она подходит к концу—(собирание материала, организация научной библиотеки и развертывание музея), Институт сможет открыть широко двери, с одной стороны, тем товарищам, которые будут изучать ЛЕНИНА в научных кабинетах, а с другой стороны—тем партийным и широким рабочим и крестьянским массам, которым будет интересно просмотреть все музейные богатства Института.

А. А.

*) В порядке исключения некоторые товарищи и теперь уже пользуются хранилищем Института.

Содержание.

	Стр.
Фронтиспис худ. А. А. Рыбникова.	2
Титул худ. А. Ф. Шпира.	3
Предисловие Н. А. Семашко.	5
Ленин, как человек, шмутц-титул худ. И. А. Соколова.	7
Дивильковский, А.—Ленин, его жизнь и деятельность	9
Заставка и концовка худ. Г. П. Пашкова.	
Н. А. Семашко.—Великий вождь и великий человек	37
Заставка худ. А. Ф. Шпира.	
Концовка худ. Л. А. Бруни.	
А. Аросев.—Из памятной книжки о Ленине . .	39
Заставка и концовка худ. А. Ф. Шпира.	
Автограф В. И. Ленина	44
С. Канатчиков.—Мои воспоминания о Владимире Ильиче	45
Заставка худ. А. Ф. Шпира.	
Концовка худ. Г. Иванова.	
„Вся власть советам“ ориг. рис. худ. А. Ф. Шпира .	50
Н. А. Семашко.—Ленин—друг детей	51
Портрет В. И. Ленина раб. худ. Н. Н. Вышеславцева	53
„Ленин, как революционер и вождь РКП“ шмутц-титул худ. Г. Васильева	55
М. Лядов.—Ленин, как основатель РКП и ее вождь.	57
Заставка и концовка худ. А. А. Рыбникова.	
В. И. Ленин—портрет худ. Г. Верейского. . . .	61
О. Варенцова.—Ленин и мировая война . . .	63
Заставка и концовка худ. А. Ф. Шпира.	
„Ленин, как руководитель государства“ шмутц-титул А. Ф. Шпира	73
М. Рейснер, проф.—Что сделал Ленин в области государства	75
Заставка худ. А. Ф. Шпира.	
Концовка худ. Иванова.	
В. И. Ленин—портрет	85
Г. В. Чичерин.—Ленин и внешняя политика *) .	87

*) Перепечатана с разрешения автора.

	Стр.
В. И. Ленин—портрет худ. Н. Н. Вышеславцева . .	93
Л. Б. Красин.—Владимир Ильич и внешняя торговля *)	95
Заставка раб. худ. Иванова.	
Концовка худ. А. Ф. Шпира.	
В. И. Ленин—портрет раб. худ. П. Д. Митурича. .	101
М. Савельев.—Ленин и промышленность . . .	103
Заставка худ. А. Ф. Шпира.	
Концовка худ. Г. П. Пашкова.	
В. И. Ленин—портрет раб. худ. Н. Н. Вышеславцева	115
Л. Хинчук.—Взгляды Ленина на кооперацию .	117
Заставка худ. В. Д. Фалилеева.	
М. Альский.—Ленин и государственные финансы	123
Заставка худ. Г. П. Пашкова.	
Н. Муралов.—Краткие страницы об Ильиче на работе в Народном Комиссариате Земледелия .	125
Заставка и концовка худ. А. Ф. Шпира.	
М. Лапиров-Скобло.—Ленин и наука . . .	131
Заставка худ. А. Ф. Шпира.	
Концовка худ. В. Д. Фалилеева.	
В. И. Ленин—портрет работы худ. Н. Н. Вышеславцева	135
И. Трайнин.—Ленин и национальный вопрос .	137
Заставка худ. Г. П. Пашкова.	
А. Чекин.—В. И. Ленин и профессиональные союзы	147
Заставка худ. Бехтеева.	
Концовка худ. А. Ф. Шпира.	
В. И. Ленин—портрет работы худ. А. Могилевского	155
И. Попов.—Ленин и РКИ	157
Заставка худ. А. Ф. Шпира.	
Концовка худ. Г. П. Пашкова.	
„Ленин—Вождь мировой революции“ шмутц-титул худ. Н. Н. Вышеславцева	165

*) Перепечатана с разрешения автора.

Стр.

А. Луначарский.—Ленин и Запад 167

Заставка и концовка худ. Н. Н. Вышеславцева.

Автограф статьи Джан-Тан-Лай 171

„Ленин и китайская молодежь“ статья Джан-Тан-Лай 172

Вл. Виленский (Сибиряков). — Ленин и Восток 173

Заставка худ. Г. П. Пашкова.

Концовка худ. А. Ф. Шпира.

„Смерть Ленина“ шмутц-титул худ. А. А. Рыбникова.

Г. Смолянский—Международное рабочее движение на смерть Ленина 175

Заставка художн. Н. Н. Вышеславцева.

Отклики на смерть В. И. Ленина за границей, статьи газет:

„Theorkers Weekly“ 182

„Die Rote Fahne“ 183

„Накануне“ 184

„L'Humanité“ 185

Стр.

Концовка худ. Н. Вышеславцева 186

„Ленин в искусстве“ шмутц-титул худ. Бохтеева . 187

А Лежнев—Ленин в художественной литературе 189

Заставка худ. Г. П. Пашкова.

А. Козлов.—Ленин, скульптура для памятника, между стр. 200 и 201

А. Сидоров проф. Ленин в изобразительном искусстве.

Ю. Арцыбушев—В. И. Ленин, набросок с натуры

Н. Альтман.—В. И. Ленин, набросок с натуры.

П. Таежный—Ленин на смертном одре (барельеф).

Проф. Щуко—проект памятника В. И. Ленину . 217

Маска В. И. Ленина, по рис. Н. Вышеславцева. Гравюра И. Н. Павлова.

Заставка худ. А. Ф. Шпира.

Концовка худ. Бохтеева.

„Памяти Ленина“ шмутц-титул худ. В. Д. Фалилеева 221

А А.—В институте Владимира Ильича 223

Заставка худ. А. Ф. Шпира.

Концовка худ. Г. П. Пашкова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОМИССИИ ПОМОЩИ
ДЕТЯМ
ПРИ
ПРЕЗИДИУМЕ
МОССОВЕТА

books2ebooks.eu

www.books2ebooks.eu

books2ebooks.eu

UNIVERSITY OF TARTU
LIBRARY